

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

7 • 2008

Ψλ

УЧРЕДИТЕЛЬ – Институт языкознания Российской академии наук, Москва

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Тарасов Е.Ф. – главный редактор
Балясникова О.В. – отв. секретарь
Ахутина Т.В.
Виноградов В.А.
Гольдин В.Е.
Залевская А.А.
Карасик В.И.
Леонтьев Д.А.
Марковина И.Ю.
Мягкова Е.Ю.
Овчинникова И.Г.
Сорокин Ю.А.
Стернин И.А.
Уфимцева Н.В.
Шаховский В.И.
Шкатова Л.А.

Научный журнал теоретических и прикладных исследований

Выходит 1 раз в полугодие

Редакторы-составители выпуска – В.И. Шаховский, В.И. Карасик

Перепечатка материалов из журнала допускается только по согласованию с редакцией.

ISBN 978-5-903601-08-0

© Институт языкознания РАН, 2008

© Издательство «Парадигма», 2008

*Издание данного номера
финансировано Центром интенсивного изучения иностранных языков
Волгоградского государственного педагогического университета.*

СОДЕРЖАНИЕ

Теоретические проблемы психолингвистики

<i>Горошко Е.И. (Харьков)</i> Психолингвистика Интернет-коммуникаций	5
<i>Седов К.Ф. (Саратов)</i> Теоретическая модель психолингвоперсонологии	12
<i>Стернин И.А. (Воронеж)</i> О понятиях метод, методика, прием	24
<i>Соснова М.Л. (Москва)</i> Креативные приемы конструирования сознания	26
<i>Павлюк Л.В. (Москва)</i> Лингвистическое знание в обыденном сознании	36
<i>Шаховский В.И. (Волгоград)</i> Энергетическая мощь эмоций и дискурсивные нормы	39
<i>Пузырёв А.В. (Ульяновск)</i> Элементы и единицы психолингвистического анализа в пяти ступенях сущности	43
<i>Ионова С.В. (Волгоград)</i> Проекция текста в аспекте вторичной текстовой деятельности	47
<i>Красных В.В. (Москва)</i> Единицы языка vs. единицы дискурса и лингвокультуры (к вопросу о статусе прецедентных феноменов и стереотипов).....	53
<i>Ильинова Е.Ю. (Волгоград)</i> О когнитивности и эвристичности вымысла	59
<i>Сорокин Ю.А. (Москва)</i> Две микростатьи, на первый взгляд, разные, но схожие, по своей сути	64

Экспериментальные исследования

<i>Прокофьева Л.П. (Саратов)</i> Эстетические значимые звуко-цветовые ассоциации в контексте исследования языкового сознания (на материале идиостиля В. Хлебникова).....	69
<i>Елина Е.А. (Саратов)</i> Семиотические проблемы абстрактного изображения и попытка их решения в условиях эксперимента	73
<i>Розенфельд М.Я. (Воронеж)</i> Методы выявления перцептивного образа в структуре лексического значения (на материале существительного <i>глаз</i>).....	77
<i>Цзинь Тао (Москва)</i> Антропоцентризм и принцип целостного восприятия мира в концептуализации пространства китайским языковым сознанием.....	81

Психолингвистика и концептология

<i>Калужная И.А. (Волгоград)</i> Этносоциolingвистические характеристики концепта «детство» в русском и немецком языках (на материале анкетных данных)	87
<i>Зубкова Я.В. (Волгоград)</i> Скрипты пунктуального поведения в немецкой и русской лингвокультурах (на материале психолингвистического эксперимента).....	90
<i>Дженкова Е.А. (Волгоград)</i> Ассоциативная характеристика концептов вины и стыда в немецком и русском социумах (на материале экспериментальных данных).....	93
<i>Иванова М.М. (Воронеж)</i> Экспериментальное исследование концепта «Предприниматель»	97
<i>Карасик В.И. (Волгоград)</i> Социокультурный типаж «шпана» в русском языковом сознании	101
<i>Жельвис В.И. (Ярославль)</i> «Грубость»: проблемы классификации лексики	109

Обзоры

<i>Залевская А.А. (Тверь)</i> Проблематика двуязычия в зарубежных публикациях последних лет: обзор.....	114
<i>Гольдин В.Е., Сдобнова А.П. (Саратов)</i> К типологии ассоциативных словарей русского языка.....	118
<i>Чугунова С.А. (Тверь)</i> Образ времени в различных культурах: обзор	122
<i>Петрова А.А. (Волгоград)</i> Исследования по детской коммуникации в Германии	130

Abstracts of main articles	136
---	-----

Сведения об авторах	139
----------------------------------	-----

Предисловие

Очередной выпуск журнала «Вопросы психолингвистики» посвящен актуальным проблемам этой области языкознания.

Журнал состоит из четырех разделов.

В первом разделе «Теоретические проблемы психолингвистики» обсуждаются вопросы коммуникативного поведения в компьютерно опосредованном общении, обосновывается статус новой области знания – психолингвоперсонологии, анализируются методы психолингвистического исследования, рассматриваются креативные приемы конструирования сознания, выявляется место лингвистического знания в обыденном сознании. В числе обсуждаемых проблем – различные характеристики дискурса, рассматриваемого с позиций психолингвистики: его эмоциональность, способы его анализа, специфика вторичного текстообразования, соотношение единиц дискурса с единицами языка, дискурсивная фиксация вымысла. Завершают этот раздел две статьи, посвященные картированию человеческого тела представителями разных лингвокультур и соотношению человеческого языка и языка птиц.

Второй раздел «Экспериментальные исследования» включает работы, в которых излагаются результаты изучения звукоцветовых ассоциаций, анализируется семиотика абстрактного изображения, раскрываются методы исследования перцептивного образа в структуре лексического значения, показана специфика концептуализации пространства китайским языковым сознанием.

В третьем разделе «Психолингвистика и концептология» сгруппированы статьи, созданные в рамках концептуального подхода и, строго говоря, не являющиеся психолингвистическими. В них идет речь о характеристиках различных концептов («детство», «пунктуальность», «вина», «стыд», «предприниматель», «шпана»), полученных как в результате опроса информантов, так и путем интерпретативного анализа текстов. Эти работы отражают научные интересы представителей волгоградской и воронежской лингвистических школ и печатаются в психолингвистическом журнале с надеждой создать определенные предпосылки для сотрудничества между психолингвистикой и концептологией. Замыкает этот раздел статья, посвященная классификации грубой лексики.

В заключительном разделе журнала приводятся обзоры, посвященные проблематике двуязычия в зарубежных публикациях, типам ассоциативных словарей русского языка, образу времени в различных культурах, исследованиям по детской коммуникации в Германии.

В.И. Шаховский, В.И. Карасик

Теоретические проблемы психолингвистики

Е.И. Горошко (Харьков)

Психолингвистика Интернет-коммуникаций

“To be conscious that you are ignorant is a great step to knowledge”.

B. Disraeli

Развитие лингвистики последней половины прошлого века и начала этого показало, что происходит ряд интересных процессов развития её парадигмы, позволяющих отчасти говорить о кардинальном изменении парадигмального оператора. Как считает В.М. Алпатов, «необходимый этап изучения языка "в себе и для себя" уже пройден» [Алпатов 1995: 85]. На настоящий момент основной интерес лингвистов с проблемы «Как устроен язык?» переключается на изучение проблемы, как он функционирует. Язык является важнейшей функционально-отличительной особенностью человека и неотъемлемой частью среды, в которой он существует. Следовательно, при изучении вопросов, связанных с функционированием языка, на первое место выступает антропоцентрический подход к его изучению и растёт понимание того, что «... в обход человека язык изучать нельзя. Все исследовательские координаты должны перекрещиваться на человеке» [Звегинцев 1996: 29]¹.

При такой переформулировке основных исследовательских вопросов постепенно возникает ситуация, что ответить на них, используя чисто лингвистические исследовательские методы, уже практически стало невозможным. Здесь требуется кардинальное расширение парадигмального оператора лингвистического знания, которое нужно как для изучения соприкосновения языка со средой, так и с «носителем» этого языка. И лингвистика XXI века становится всё больше и больше междисциплинарной областью научного знания.

Возникновение новых информационных и медийных технологий только усиливает этот процесс. Более того, функционирование языка в особых коммуникативных средах (например, в Интернете или мобильной телефонии) при опосредовании передачи информации электронным каналом, привело к проблеме кардинального пересмотра всей методологии лингвистических исследований [Herring 2004; 2008]. Переход от анализа однослойной (хоть и сверхсложной) семиотической системы, которой является язык, к изучению многослойной (*текстово-аудио-визуальной* информации представления текста в Интернете) не мог не потребовать пересмотра методологии анализа, что неизбежно привело к расширению парадигмального оператора и возможному его изменению.

Лингвистические исследования в этой предметной области с методологической точки зрения четко показывают, что кардинально меняется именно методология изучения функционирования языка в сети Интернет. Так, С. Херринг, изучая использование методов дискурсивного анализа и контент-анализа к компьютерно-опосредованной коммуникации (КОК), указывает, что и тот, и другой методы в условиях КОК имеют явные ограничения [Herring 2001; 2004a; 2004c]. Такие черты КОК, как: наличие гиперссылочного аппарата, особенности собственно компьютерного письма (которое, по сути, является ещё одной формой речи наряду с устной и письменной [Nowson 2006]), а также протекание КОК в условиях постоянно меняющейся среды с колеблющимся объемом информации в текстовом, визуальном и в звуковом форматах, плюс высокая степень анонимности самой среды, привели к необходимости пересмотреть подходы к проведению лингвистического эксперимента. Этот пересмотр затрагивает выбор классификационных критериев в определении единиц анализа, принципы организации экспериментальной выборки, этические вопросы при проведении экспериментов в Интернете [Herring 2004 a]. Более того, при анализе электронного контента всё чаще говорят о появлении или необходимости разработки *гибридных* или *мультимодальных* методов его изучения, которые сочетали бы несколько уровней анализа данных [Bergman 2007; Bryson 2007; Herring 2004a; Herring 2004b; Morgan

¹ Более того, господствовавший долгое время в лингвистике *системоцентризм* носил скорее описательный характер, при этом стремление четко разграничить «лингвистическое» и «нелингвистическое» и заниматься только первым привело к своеобразному тупику: накоплено огромное количество описаний фактов языка, но сами рамки подобных теорий не позволяют строить лингвистические модели, адекватно отражающие и объясняющие действие языковых механизмов. Эта ситуация вывала бурное развитие когнитивных подходов в лингвистике. Именно выход за пределы языковой системы и осознание значимости обеих составляющих в цепочке «человек – язык» определил в последнее время столь интенсивный интерес лингвистов, например, к изучению наивной картины мира и проблемам языкового сознания, что дало возможность увидеть соотношение языка и сознания в абсолютно новом ракурсе [Кубрякова 1995; Уфимцева 2006].

2007; Pauwels 2005]. Возникают методы компьютерного дискурсивного анализа *Computer-Mediated Discourse Analysis* (CMDA) [Herring 2004b], удовлетворяющие требованиям новых технологических сред и сочетающие одновременно уровень качественного и количественного анализа данных [Morgan 2007].

Однако анализ работ в области психолингвистике показал, что это направление оказалось практически не готово к изучению функционирования языка в новых технологических средах, и работ именно со стороны психолингвистики по изучению Интернет-коммуникаций крайне мало [Горошко 2007].

Я полагаю, что в плане психолингвистических особенностей изучения КОК заслуживает внимания ряд следующих вопросов:

- проблемы восприятия компьютерного текста при отсутствии целостности его графического представления;
- влияние цветового (или звукового) оформления КОК и его связь с различными коммуникативными платформами (чатом, блогом, форумом, веб-страницей);
- неизученным с психолингвистических позиций и по сей день остается влияние временного и технологического факторов на порождение и восприятие текстов в электронной среде;
- влияние психофизиологических особенностей личности на протекание коммуникации в сети;
- проблемы презентационных и самопрезентационных практик в этой среде;
- взаимосвязь КОК с явлениями билингвизма и многоязычия в целом, а также интерференция английского языка и латинского алфавита на другие языки с другими алфавитами (например, использующие кириллицу), функционирующими в национальных сегментах сети Интернет;
- воздействие электронных текстов и всей компьютерной коммуникации на отдельную личность и общество в целом;
- взаимосвязь языкового сознания и *образа электронного мира* личности и наоборот;
- проблемы нейропсихолингвистики сети (связь между функциональной асимметрией мозга и организацией электронного пространства текста или лингвистическим дизайном веб-страницы);
- национально-культурная специфика КОК;
- проблема авторства электронных текстов;
- проблема электронного стиля и жанра;
- эмоциональный уровень компьютерного общения, выражение эмоций в электронной среде и методы изучения эмоционального компонента КОК;
- влияние КОК на детскую речь (например, ребенок начинает общаться с помощью компьютера, а не карандаша и бумаги);
- влияние КОК на патологию речи и взаимосвязь КОК и речи людей с ограниченными физическими возможностями;
- реализация психолингвистических экспериментов через КОК или использование Интернета в качестве психолингвистического инструментария.

Данный список проблемных вопросов является открытым и, безусловно, будет пополнен. Однако одно остается несомненным, технологии XXI века и формирующееся информационное общество кидает современной лингвистической науке ряд вызовов и достаточно сложных... А какой же будет её ответ, в т.ч. с позиций психолингвистики?

Своё собственное изучение КОК как психолингвист я начинаю с эксперимента, т.к. он лежит в её основе, и вплоть до настоящего времени психолингвистика всегда была больше экспериментальной, нежели теоретической дисциплиной [Ягунова 2005].

Говоря о психолингвистическом эксперименте в КОК как о проблемном поле анализа, я сразу же развожу его на два уровня: первый уровень касается изучения собственно самой КОК с позиций психолингвистики, а другой связан с проведением чисто психолингвистических экспериментов через Интернет, когда сеть используется как один из инструментов в его организации. В этой статье меня интересует второй подход – проведение психолингвистических экспериментов через сеть Интернет, т.к. именно эта проблема в психолингвистике СНГ, на мой взгляд, является менее изученной.

Анализ литературных данных в области использования Интернета как инструмента социальных исследований показал, во-первых, достаточно высокую популярность сбора данных через сеть [Филиппова 2000; 2001], во-вторых, высокую достоверность получаемых через сеть результатов [Биккулов 2003; Докторов 2000].

Однако анализ психолингвистических источников выявил, что Интернет как инструмент получения психолингвистической информации, к сожалению, не используется. Поэтому *целью данной работы* стало изучение возможности проведения психолингвистических экспериментов через Интернет и проверка достоверности получаемых таким образом результатов. В качестве объекта исследования была выбрана ассоциативная методика¹, а предметом изучения стали особенности проведения этой методики через сеть Интернет или форма её проведения. Методика ассоциирования была мной выбрана в силу её популярности и высокой эффективности при изучении образов языкового сознания,

¹ В лингвистической литературе гораздо чаще вместо словосочетания «ассоциативная методика» используется более устоявшийся термин «ассоциативный метод». Однако я вслед за Б.Н. Головиным считаю, что корректнее употреблять слово «методика», т. к. исследовательский метод определяет «...путь познания и истолкования фактов, а методика дает в руки сами факты, группирует их, классифицирует, приводит их в нужный ученому порядок» [Головин 1977: 261].

овнешняемого с помощью получаемых ассоциаций [Караулов 1994; Горошко 2001; Тарасов 2006: 72]. Контрольными переменными в данном случае стали форма проведения ассоциативного эксперимента (очная или дистанционная через сеть Интернет) и его способ (или разновидность) (свободный (СА), направленный (НА) и цепной (ЦА)) [Леонтьев 1999; Попова 2006].

В научной парадигме знания ассоциативный эксперимент определяется как прием, направленный на выявление ассоциаций, сложившихся у индивида в его предшествующем опыте. В XX веке он получает наиболее широкое применение в качестве метода исследования индивидуального и группового сознания [Попова 2006: 4].

Обычно различают три вида ассоциативных экспериментов:

- *свободный*, в котором испытуемому предлагают ответить словом – R, первым пришедшим в голову при предъявлении слова – S, ничем не ограничивая ни формальные, ни семантические особенности слова – R (при этом для анализа отбирается только первое слово);
- *направленный*, когда экспериментатор некоторым образом ограничивает выбор предполагаемой R, накладывая определенные ограничения (например, отвечать только существительными и т.д.);
- *цепной*, в котором испытуемому предлагают ответить любым количеством слов – R_i, первым пришедшим в голову при предъявлении слова – S, ничем не ограничивая ни формальные, ни семантические особенности слов и для анализа берется вся ассоциативная цепочка или часть её звеньев [Горошко 2001: 16; Леонтьев 1999: 73-83; Миронова 2006].

Некоторые авторы, например А.А. Леонтьев, считают цепной ассоциативный эксперимент разновидностью свободного, а направленный ассоциативный эксперимент в терминологии А.А. Леонтьева называется *контролируемым* [Словарь ассоциаций современного русского языка 1977: 5-6]. Иногда ассоциативные цепные эксперименты называются *экспериментами с продолжающейся реакцией* [Там же: 18; Миронова 2006].

Каждый из ассоциативных экспериментов имеет свои достоинства и недостатки и призван решать определенный круг задач. Так, направленный ассоциативный эксперимент значительно ограничивает свободу процесса ассоциирования и как бы “направляет” ассоциации в нужное русло исследовательской задачи, например, требуя от испытуемого дать слово, противоположное по значению, синонимы, или же те или иные синтагматические реакции: определения, определяемые, глаголы, прилагательные и прочее. Одной из разновидностей направленного ассоциативного эксперимента в психодиагностике является, например, *методика неоконченных предложений*. Однако сама “направленность” эксперимента и наложение некоторых рамок на процесс ассоциирования может серьезно влиять на досто-

верность и объективность результатов, получаемых с его помощью, и определенным образом искажать реальную картину протекания ассоциативного процесса.

В цепном ассоциативном эксперименте испытуемому предлагается ответить за ограниченный временной промежуток любым возможным количеством слов. Под цепной ассоциативной реакцией понимают неуправляемое, спонтанное, протекание процесса воспроизведения содержания сознания и подсознания субъекта. В цепном ассоциативном эксперименте измеряется общий объем продуцируемых ассоциаций за единицу времени (чаще всего за 1 мин), опуская при этом длительность латентного (скрытого) периода их формирования. Главным индикатором качества цепных ассоциаций является структура ассоциативного ряда [Практикум по общей и экспериментальной психологии 1987: 149-151]. Однако этот тип ассоциативного эксперимента страдает одним существенным недостатком – в нем наблюдается значительная связь между последовательно наступающими реакциями. Нередко оказывается, что *i* – реакция является фактически не реакцией на первоначальный стимул, а реакцией на предшествующую реакцию, оказавшуюся новым стимулом. При этом четко разграничить подлинные стимулы, породившие ту или иную реакцию, оказывается крайне сложно, т.к. стимул и все вызванные им реакции находятся в определенных, чаще всего смысловых связях.

Опыт структурного анализа цепных рядов был детально описан А.Н. Леонтьевым в работе, посвященной описанию “сущности тех процессов, которые управляют течением цепных реакций” [Леонтьев 1983]. Результаты проведенных А.Н. Леонтьевым экспериментов привели его к мысли, что “...данные экспериментов не позволяют рассматривать ассоциативный ряд как простую сумму отдельных ассоциаций (раздражитель-реакция). Наоборот, в результате исследования автор вынужден признать наличие сложного взаимодействия отдельных моментов ассоциативного процесса, которые превращает ассоциативные ряды в некие *единства, понимание которых возможно лишь на основе специального анализа их общих структур*” [Там же: 53]. Эксперименты Леонтьева показали также, что при определенных экспериментальных условиях, а также в зависимости от типа условного раздражителя, повторения эксперимента, темпа ассоциирования и прочее реакции цепного ряда могут приобретать ряд свойств. С формальной стороны могут изменяться интервалы ряда (возрастает и колеблется время между реакциями, нарушается форма двигательных реакций, появляются некоторые симптомы аффекта (нарушение дыхания, вазомоторных реакций и прочее)). С содержательной стороны ассоциации становятся глубже, интимнее, наблюдается также их некоторая скачкообразность [Там же: 573]. Анализ динамики структуры ассоциативного ряда, по мнению А.Н. Леонтьева, помогает понять, что лежит в основе интеллектуальных процессов мышления. Н.И. Миронова сравнивает полу-

чаемую в процессе цепного эксперимента совокупность реакций с определенной *фреймовой ситуацией* или *прецедентным текстом*, уподобляя процессы ассоциирования с пересказом содержания текста или фильма [Миронова 2006].

Замечу также, что анализ литературы по применению ассоциативного эксперимента в психолингвистике показал, что методика цепных ассоциаций используется намного реже, чем две другие (направленных и свободных) в силу сложности и неразработанной процедуры интерпретации данных, получаемых в процессе цепного ассоциирования.

Описываемое исследование было организовано следующим образом. Двум группам студентов экономических специальностей университета было предложено пройти психолингвистическое тестирование (участие в ассоциативном эксперименте). Одна группа студентов участвовала очно, а другая – дистанционно через сеть Интернет. С помощью методики (свободного, направленного и цепного ассоциирования) изучались представления обыденного языкового сознания об информационных технологиях. Полученные ассоциативные поля сравнивались между собой по способу проведения эксперимента.

Что касается формы проведения эксперимента, то для первой группы студентов была выбрана очная письменно-письменная форма, когда экспериментатор приходил в аудиторию и раздавал бланки¹, которые требовалось письменно заполнить. Для второй группы студентов бланки были размещены на дистанционном сервере университета на стартовой странице изучаемого ими в данный момент курса. Заполнить анкеты они должны были самостоятельно в режиме *онлайн* в любое удобное для них внеаудиторное время. Численность студентов, принявших участие в эксперименте, в первой группе составила 150 человек (65 мужчин и 85 женщин), во второй – 102 человека (50 мужчин и 52 женщины). Родным языком для информантов в основном был русский, однако было зарегистрировано 17 случаев украинско-русского билингвизма. Для последующего анализа было отобрано по 50

¹ Бланк содержал три инструкции (каждая из инструкций соответствовала одной из форм проведения ассоциативного эксперимента) следующего содержания: «Сейчас Вы получите список слов. Прочитав каждое очередное слово, Вы должны ответить на него, не раздумывая, тем словом, которое первым придет Вам в голову. Только сделайте Вы это не устно (вслух), а письменно, написав слово – ответ в выделенной графе анкеты. Записывайте только одно слово, самое первое, если вам сразу не приходит в голову никакое слово, сделайте лучше прочерк» (СА); «напишите синонимы (слова близкие для Вас по смыслу) к данному слову» (НА) и «Если бы Вас попросили написать пять любых слов, наиболее четко характеризующих слово *Интернет*, какие бы слова Вы выбрали? Запишите их, пожалуйста. Не перечисляйте предметы, находящиеся в поле Вашего зрения, и не вспоминайте ранее заученные слова» (разновидность ЦА). В зависимости от формы проведения дистанционной или заочной анкеты были помечены словосочетанием букв ДФ или ОФ.

мужских и 50 женских анкет по каждой группе. Всего было проанализировано 200 анкет. Список стимульных слов включал десять стимулов (*Интернет, компьютер, я в сети, блог, чат, форум, электронная почта, веб-страница, информация, коммуникация*). Всего было собрано 60 ассоциативных полей² (по 30 полей от каждой группы). Для наглядности экспериментального описания результаты по каждому стимулу сводились в матрицы (таблицы) размером 3 x 2.

На первом этапе проводился качественный анализ полученных полей. Для иллюстрации эксперимента я бы хотела привести собранные реакции по базовому концепту в информационных технологиях – слову «Интернет». Всего на данный стимул было собрано шесть ассоциативных полей.

Если мы будем сравнивать по форме проведения, то свободный эксперимент «помог» сформировать очно (ОФ) и дистанционно (ДФА) такие ассоциативные поля:

«Интернет»	Очная форма проведения (ОФ)	Дистанционная форма проведения (ДФ)
Свободное ассоциирование	Мир – 21, общение – 13, компьютер – 12, нереальный – 11, игра – 10; информация – 9, Интернет – 6, сеть – 5, недостижимый – 4, неживой, ненастоящий, реальность, связь (95 реакций + 5 отказов от реагирования).	Сеть – 23, информация – 22, удобно – 10, мировая сеть, глобальный, быстро – 9, реальность – 4; безграничный, быстрый, всеобщность, информация, коммуникация, клуб, мир, нереальный, полезно, паутина, сайт, необъятные возможности в общении (90 реакций + 10 отказов от реагирования).

По полученным данным видно, что ядра³ ассоциативных полей, полученных разными способами, отличаются как качественно, так и количественно. Для информантов, участвующих очно, Интернет воспринимается как *мир*, связанный с *общением* и *компьютером*. Он нужен для *игры* или получения *информации*. Интернет – это *сеть*. Для одних он *недостижим* и *нереален*, для других – наоборот. Для информантов, реагирующих через Интернет, Интернет воспринимается, на мой взгляд, более функционально. Это, прежде всего, – *сеть*, *информация*. Он *глобален*, *быстр* и *удобен*. Дистанционная форма дает больше разнообразия в реакциях и большее количество отказов от реагирования.

² В этой работе под *ассоциативным полем* я понимаю любую совокупность ассоциаций, полученную на каждый стимул, вне зависимости от разновидности проведения эксперимента (СА, НА, ЦА) или его формы (ОФ или ДФ).

³ В методологии проведения и анализа данных ассоциативного эксперимента считается, что самые частотные реакции (реакции с частотой свыше двух) образуют ядро ассоциативного поля [Горошко 2001: 162].

Направленный ассоциативный эксперимент «помог» собрать такой синонимический ряд на слово «Интернет»:

«Интернет»	Очная форма проведения (ОФ)	Дистанционная форма проведения (ДФ)
Направленное ассоциирование	Сеть – 24; паутина 15; реальность, связь – 14; жизнь – 12; мир, смех, – 2 (83 реакции + 17 отказов от реагирования)	Паутина – 23; связь, реальность, ирреальность – 11; веб, сеть, глобализация – 3; общение, культура, цивилизация – 2 (71 реакция + 29 отказов от реагирования).

Если сравнить полученные поля между собой, то и в этом типе эксперимента при направлении реакций дистанционная форма дает более разнообразные реакции и порождает большее количество отказов от реагирования. Различается и семантика полученных реакций - синонимов.

Проведя сравнительный анализ данных, полученных в результате свободного и направленного экспериментов, становится ясным, что направленный эксперимент дает более однообразные реакции как семантически, так и морфологически (все информанты реагировали исключительно существительными). Количество отказов также существенно увеличивается, однако особенности различий между формами проведения совпадают как при направленном, так и свободном экспериментах.

Ассоциации, полученные с помощью цепного эксперимента как дистанционно, так и очно на стимул «Интернет», были собраны в ассоциативные ряды в зависимости от места (позиции) слова в цепочке ассоциаций, а затем упорядочены по частоте и алфавиту. Таким образом, на стимул «Интернет» было получено 10 ассоциативных рядов.

Анализ очной формы проведения ассоциативного эксперимента показал, что по первой позиции был получен следующий ассоциативный ряд: «Информация – 22; удобно – 12; быстро – 10; сеть – 9; общение – 6; быстрота – 4; доступно, быстрый, виртуальная, компьютер, медленный, много, скорость – 2, быстрый поиск, быстрота общения, всемирная паутина, вирусы, вседоступность, всемирная сетка, глобальная сеть, доступная информация, друг, игра, информативность, информационный бум, источник большой и различной информации, информативность, легкодоступная информация, международность, надежность, неограниченность, новости паутины» (97 реакций и 3 отказа от реагирования).

По второй позиции был сформирован такой ассоциативный ряд: «Общение – 14; доступность – 8; информация – 7; быстро – 5; доступно, доступный, новинки – 3; доступ к информации, о связи, много, помощь, развитие – 2; анонимность, быст-

рота, быстрый поиск, вирусы, всеобщность, глобальный, знакомства, знания, интерес, интересно, информированность, коммуникативность, массовость, мгновенный доступ, медленно, много лишнего, мобильность, мобильный, обширность, общается по Интернету, объемность, огромный поток информации, очки, паутина, помощник, просто, разнообразие данных, реальность, свалка, свежесть, современный способ коммуникаций, спрос, трудно искать, удобство, учеба, четкость, электронная почта» (96 реакций и 4 отказа от реагирования).

По третьей позиции вышла такая цепочка реакций: «Информация – 14; общение – 8; новости – 5; интересно, удобно – 4; доступность, развлечение – 3; быстро, быстрота, знакомства, полезный, эффективность – 2; архив, ассортимент, бакалаврат, большое количество информации, вирус знания, интересный, исследование, коммуникативный, конкретно, коротатель времени, креативность, лабиринт, легко, легкость, международный, мир, многозадачность, мобильность, недорого, неограниченно, неограниченные возможности, новые знакомства, общение с людьми, объемность, открытки, паутина, познавательное, поиск, поисковая система, полезно, понятно, почта, работа, свобода, свободный доступ, сеть, скорость, увлекательный, усталость, экономия времени» (93 реакции и 7 отказов от реагирования).

Ассоциативный ряд по четвертой позиции выглядел таким образом: «Информация – 5; быстрота – 4; знания, интересно, новости – 3; знакомства, игры, общение, развлечения, связь – 2, большой объем информации, важность, веб-страница, витая пара, время проведения, всемирность, всемирный, всеобщий обхват, выбор, достаточно дешево, доступно, доступность, досуг, друзья, занимательно, интерес, интересный, информативный, компьютер, курсовые, легко, мир, мир моды, модно, обширность, обширный, общество, поиск, полезно, помощь, предельно конфиденциально, приятно, работа, рефераты, сайт, соединение, справочники, средство развлечения, трудно, удобно, удобство, фильмы, фото, чат» (72 реакции плюс 28 отказов от реагирования).

По пятой позиции ассоциативный ряд собрался так: «Общение – 7; развлечение – 5; информация, интерес, полезно, почта, связь – 2; айсикью, бесконечность, вирус, возможности, всё доступно, знакомства, иногда, "ручник", качественно, классная штука, курсовые, мир, много, мусор, новое, новости, перспективность, познавательный, поиск, просто интересно, работа, рефераты, свобода, скорость, сложный, стремительность, удобство, эффективность» (49 реакций и 51 отказ от реагирования).

С шестой позиции ассоциативный ряд практически затухал. Если посмотреть на ассоциативные ряды и сравнить их между собой и с результатами свободного и направленного экспериментов, то можно сделать вывод, что семантика самых частотных реакций совпадает. Интернет также в сознании информантов, прежде

всего, связывается с *информацией* и *общением*, он должен быть *доступным* и *интересным*. Если посмотреть структуру ассоциативных цепных рядов, то можно заметить, что количество отказов и стереотипность реакций прямо связана с позицией в ассоциативной цепочке (с увеличением позиции растет количество отказов и повышается стереотипность).

Дистанционная форма эксперимента позволила составить следующую картину. По первой позиции был получен следующий ассоциативный ряд: «Информация – 19; быстро – 6; сеть – 5; развлечение, удобно – 3; быстрота, быстрый, доступность, интересно, куча полезной информации, общение, паутина, связь – 2; безграничный, бесплатно, виртуальный, вседозволенность, всеобъемлющий, глобальность, динамичность, дорого, игры интеллектуальные, телекоммуникативные общения, Интернет, информативно, информационная свалка, круто, массовый, медленный, международный, много, мусорка, неупорядоченность, новости, общий доступ, объемность, огромный, опасный, отстойник информации, простота, реклама, сайт, свалка, свекла, свобода, связь со всем миром, сервер, сеть свободы, скорость, слухи, удобство, удовольствие, *google*» (92 реакции и 8 отказов от реагирования).

По второй позиции был сформирован такой ассоциативный ряд: «Информация – 9; общение, развлечение – 5; доступность – 4; быстро – 3; интересно, медленный, мир, связь, удобно, удобный, удобство – 2; большой объем информации, быстрота, весело, вирусы, возможность, все, всегда, всемирный, глобальная сеть, глобальность, доступно, жестокий, изменчиво, интерактивный, информативность, информативный, качественно, качество, классно, куча хлама, массовость, медленно, мнение идиотов, много, нереальный, новости, обмен, объем, опасность, оперативность, перспектива, помощник, поучительно, провайдер, пространство без границ, ресурсы, сайт, свалка, секс с животными, скорость, удовольствие, файлообмен, форумы, энциклопедия» (84 реакции и 16 отказов от реагирования).

По третьей позиции вышла такая цепочка: «Общение – 7; информация – 6; скорость – 4; дорого – 3; весело, вирусы, дешево, доступно, доступность, знакомства, коммуникации, мир, познавательно, сеть, удобный – 2; коммуникабельно, красиво, много интересного, много мусора, многовекторность, море информации, надежный, неделимо, необъятность, обновления, обучение, полезное, польза, понятно, почта, практичность, разврат, свалка, своевременность, советчик, супер, угроза, удобно, учеба, хаос» (67 реакций и 23 отказа от реагирования).

Ассоциативный ряд по четвертой позиции получился таким: «Общение – 6; интересно – 5; информация – 3; бизнес, вирусы, доступно, новости, простота, работа, разнообразие – 2; ася, база данных, бесконечность, возможность, грязно, дешево, дороговизна, доступность, знакомства,

знание, интерес, криминал, лохотрон, много лишнего, надежный, необходимый, нужный, одиночество, оплата, полезный, помощь, порнография, почта, развитие, развлечения, рассадник вирусов, свалка, связь, сложно, спам, способность, удобность, универсальный, учитель, черепаха» (63 реакции плюс 27 отказов от реагирования).

Пятая позиция выстроила реакции таким образом: «Общение – 5; деньги, развлечение, скорость – 2; бизнес, возможности, все, всеохватывающий, друг, инкогнито, интересно, интересы, модно, мыло, ночь, обучающий, обучение, переписка, познавательный, поисковик, полезность, польза, пользователь, помощь, простой, работа, развитие, развлекательный, секс, удобность, удобство, флуд, халява, хобби, чудо» (42 реакции и 58 отказов от реагирования). С шестой позиции ассоциативный ряд, как и при проведении очного эксперимента, практически затухает. Проведенный анализ дистанционных «цепных» рядов показывает, что более всего Интернет связывается с *общением* и *информацией*. При этом в восприятии Интернета преобладают более позитивные утилитарные оценки: он *интересен*, *удобен*, *доступен*, *дорог* и *быстро* работает.

Если сравнить ассоциативные ряды в зависимости от формы проведения эксперимента (очная и дистанционная), то можно заметить, что дистанционная форма стимулирует больше отказов, при этом порождая более разнообразные реакции. Видно также, что форма проведения не влияет на качественный состав рядов.

Аналогично ассоциациям, собранным на стимул «Интернет», были обработаны данные по оставшимся девяти стимулам.

Анализ всего обработанного ассоциативного материала показал, что способ проведения эксперимента – направленный, цепной или свободный – влияет гораздо больше, чем форма проведения (через Интернет или очно (лицом к лицу)). Самые интересные и разнообразные реакции дает цепной эксперимент. Более того, он предоставляет возможность «взглянуть» на те «нюансы» в ассоциативном значении слова, которые в свободном или направленном ассоциативном эксперименте не проявляются. Он также дает достаточно четкую информацию об иерархической структуре ассоциативного значения слова. Однако цепной эксперимент является самым сложным и трудоемким как в плане интерпретации материала, так и в отношении его первоначальной обработки. И в этом случае форма проведения – через Интернет – значительно упрощает работу и сокращает время, затрачиваемое на изучение его результатов. При этом если нужно исследовать антонимические и синонимические связи в структуре значения слова, или провести его концептуальный анализ, то, на мой взгляд, тут эффективнее всего будет «работать» направленным или цепной эксперимент. Для всестороннего изучения образов языкового сознания (и не только в сфере информационных технологий)

все три методики (СА, НА и ЦА) должны работать в связке, чтоб дать более полную информацию об изучаемых объектах.

Одним из самых важных и неожиданных результатов описываемого исследования явилось крайне небольшое влияние формы проведения эксперимента на получаемые результаты. Изначально я предполагала, что такая тонкая и сложная методика как ассоциативный эксперимент

(с которой я работаю уже свыше десяти лет и всегда только сама), не может вообще проводиться опосредованно (тем более через электронный канал). Действительность оказалась совсем другой. Я думаю, что тут есть большие перспективы дальнейшей работы, т.к. по ресурсным затратам дистанционная форма несопоставима с очной формой проведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов В.М. Предварительные итоги лингвистики XX века // Вестник МГУ, серия Филология, 1995, №5.
2. Биккулов А.С. Интернет как средство массовой коммуникации. – Дисс. канд. социол. наук. – СПб, 2003.
3. Головин Б.Н. Введение в языкознание. – М.: Высшая школа, 1977.
4. Горошко Е.И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. – М.: Институт языкознания РАН - Харьков: РА – Каравела, 2001.
5. Горошко Е.И. Психолингвистика вчера, сегодня, завтра // Вопросы психолингвистики, 2007, Вып. 5.
6. Докторов Б.З. Онлайн-опросы: обыденность наступившего столетия // Телескоп, 2000, №4.
7. Звегинцев В.А. Мысли о лингвистике. – М.: Изд-во МГУ, 1996.
8. Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Русский ассоциативный словарь. Книга 1, (Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. М.: Помовский и партнеры, 1994.
9. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца 20 века. – М.: Институт языкознания РАН, 1995.
10. Леонтьев А.А. Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах // Словарь ассоциативных норм русского языка. – М.: МГУ, 1977.
11. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – М.: Смысл, 1999.
12. Леонтьев А.Н. Образ мира // Избранные психологические произведения: В 2-х т. Т II. – М.: Педагогика, 1983.
13. Миронова Н.И. Вербализация знаний в ассоциативном эксперименте // Вестник МГЛУ. Вып. 525. Языковое сознание как образ мира. Серия Лингвистика. – М., 2006.
14. Попова Т.В. Ассоциативный эксперимент в психологии: учебное пособие. – М.: Флинта, 2006.
15. Практикум по общей и экспериментальной психологии. - Л.: ЛГУ, 1987.
16. Словарь ассоциаций современного русского языка / Под ред. А.А. Леонтьева. - М.: МГУ, 1977.
17. Тарасов Е.Ф. Образ России: методология исследования // Вопросы психолингвистики, 2006, №4.
18. Уфимцева Н.В. Этнопсихолингвистика вчера и сегодня // Вопросы психолингвистики, 2006, №4.
19. Филиппова Т.В. Интерактивная коммуникация в эмпирической социологии (Опыт социологического анализа Интернет-опросов). – Автореф. канд. социол. наук. – М.: 2000.
20. Филиппова Т.В. Интернет как инструмент социологического исследования. 2001. Электронный ресурс. Доступно на <http://www.unn.ru/rus/f14/k2/courses/borisova/sources.html>.
21. Ягунова Е.В. Эксперимент в психолингвистике: Конспекты лекций и методические рекомендации. – СПб.: Остров, 2005.
22. Bergman M.M. Multimethod Research and Mixed Methods Research: Old Wine in New Bottles? // Journal of Mixed Methods Research, 2007, Vol.1, N1.
23. Bryman A. Barriers to Integrating Quantitative and Qualitative Research // Journal of Mixed Methods Research, 2007, Vol.1, N1.
24. Herring S. Slouching toward the ordinary: Current trends in Computer-mediated communication // New Media and Society. – London: Sage Publications, 2004a.
25. Herring S. Content analysis for new media: Rethinking the paradigm // New Research for New Media: Innovative Research Methodologies Symposium Working Papers and Readings, 2004b.
26. Herring S. Computer-mediated discourse analysis: An approach to researching online behavior // S.A. Barab, R. Kling, and J.H. Gray (Eds.), Designing for Virtual Communities in the Service of Learning. – New York: Cambridge University Press, 2004p.
27. Herring S. C. (In press, 2008). Foreword // S. Kelsey and K. St. Amant (Eds.), Handbook of Research on Computer-Mediated Communication. Idea Group, Inc.
28. Morgan, M. M. Paradigms Lost and Pragmatism Regained. Methodological Implications of Combining Qualitative and Quantitative Methods // Journal of Mixed Methods Research, 2007, Vol.1, N1.
29. Nowson S. The Language of Weblogs: A study of genre and individual differences. PhD Thesis (Unpublished manuscript), University of Edinburgh, 2006.
30. Pauwels L. Websites as visual and multimodal expressions: Opportunities and issues of online hybrid media research // Media, Culture & Society, 2005, Vol.27, N4.

К.Ф. Седов (Саратов)

Теоретическая модель психолингвоперсонологии

Современный этап развития отечественной психолингвистики знаменует переход от изучения общих свойств коммуникации, сознания, речевого поведения к попыткам определения своеобразия коммуникативных проявлений, которые присущи либо социальной группе, либо являются характеристиками отдельно взятого индивида. Иными словами, ученых все больше занимает, чем люди в общении и речевом мышлении отличаются друг от друга.

В разных городах нашей страны учеными различных направлений и научных школ накоплен значительный багаж подходов и методов моделирования индивидуально-личностных особенностей коммуникативной компетенции (идиостиля, речевого портрета, коммуникативной личности) человека [см., например: Аксиологическая лингвистика... 2006; Ерофеева 1991, 1996; Карасик 2007; Лингвоперсонология... 2006; Наумов 2006 и др.]. И сейчас наступает, наконец, момент, когда критическая масса превысила тот рубеж, когда количество должно перейти в качество: разрозненные исследования интегрируются в самостоятельное направление ФЛ-науки. Для обозначения этого направления используются два конкурирующих термина – **психолингвистика индивидуальных различий** и **психолингвоперсонология**.

Прежде чем предлагать принципы возможного моделирования идиостиля, нужно определить основные категории намеченной научной области. Что, собственно, выступает в качестве предмета исследования?

На правах частичных синонимов учеными используются обозначения: языковая (речевая, коммуникативная) личность; языковое (речевое, коммуникативное) сознание; языковое (речевое, коммуникативное) поведение; языковая (речевая) деятельность; а также коммуникативная компетенция (индивида, личности, человека); идиостиль; речевой (языковой, коммуникативный) портрет и мн. др.

Для начала разберемся с личностью.

Очень большое распространение в отечественной лингвистике 90-х годов получил термин языковая личность. В кругозор науки его ввел Г.И. Богин [1984, 1986], после чего подхватил и канонизировал в своей книге Ю.Н. Караулов [1987]. Авторитет (научный и административный) ученого привел к тому, что языковой личностью стали называть любую коммуникативную характеристику, выступающую отличительной способностью текста, профессии, возраста, литературного произведения, стиля и т.д. и т.п. Автор настоящей статьи не избежал воздействия подобной тенденции и в течение двадцати лет активно использовал термин в своих работах. Однако со временем значение терминологического словосо-

четания «языковая личность» потеряло четкость, становилось все более расплывчатым. В результате – термин перестал «работать». Чтобы поправить дело, лингвисты, имеющие склонность в терминоведению, на правах синонимов ввели сходные обозначения речевая личность, коммуникативная личность [см., например: Красных 2003; Стернин 2001]. Однако увеличение числа синонимичных терминообозначений не проясняет, а еще больше запутывает суть проблемы.

В психологии, откуда, собственно, и пришел этот термин, существует значительное число концепций, представляющих обособление этого понятия. Подавляющее большинство психологов считают, что личность – результат социализации индивида, в ходе которой происходит его приобщение к культурным ценностям, выработанным человечеством за тысячелетия его становления. Термин личность обычно трактуется в связи с близкими понятиями индивид и индивидуальность: индивидом человек рождается на свет, личностью становится, а индивидуальность свою отстаивает. Итак, личность – это относительно устойчивая совокупность психологических свойств, которая формируется в результате включения индивида в пространство межличностных связей. Это целостное многоуровневое и многогранное семиотическое образование, которое представляет собой модель, отражающую и выражающую систему культурно-психологических характеристик человека. Способность к коммуникации – одна из важнейших граней личности; она может быть измерена, иметь индивидуально выраженный характер. Так же как и личность в целом, это свойство может становиться объектом моделирования.

Традиция использования терминологических сочетаний, где слово личность стоит после прилагательного-определения, обычно заставляет включать обозначаемое понятие в систему бинарных оппозиций: волевая, эмоциональная, агрессивная, кооперативная, элитарная личность / безволевая, неэмоциональная, неагрессивная, некооперативная, неэлитарная личность. Закон структурно-семантической аналогии заставляет искать элемент бинарной оппозиции и в терминах языковая, речевая, коммуникативная личность. Поэтому при обилии синонимических обозначения, на мой взгляд, лучше будет жертвовать указанными терминами и отказаться от их использования. Гораздо больше соответствуют русскому языку номинации «речевой портрет личности»; коммуникативная (жанровая, текстовая, статусно-ролевая, ортологическая и т.д.) компетенция личности; коммуникативное поведение личности и т.п. Возможно, я не прав.

Для того, чтобы психолингвистику индивидуальных различий вписать в общее пространство ФЛ-

науки, необходимо предмет данной научной отрасли соотнести с общим предметом психолингвистики. Таким предметом следует, по нашему мнению, считать коммуникативную компетенцию, которая рассматривается в индивидуально-психологическом аспекте [см.: Горелов, Седов 2005: 5-10]. Предметом психолингвоперсонологии, в русле заявленного подхода будет модель коммуникативной компетенции личности. Она включает в себя аспекты (границы), которые показывают коммуникативную составляющую разных уровней личности. Коммуникативная индивидуальность человека складывается из комбинации типологических черт коммуникативной компетенции, которые относятся к разным типологиям, дифференцирующим личностей на основе различных оснований (о чем – чуть ниже).

Что же считать объектом и (что ничуть не менее значимо) – материалом исследования? Основной объект психолингвистики индивидуальных различий – коммуникативное (речевое) поведение, дискурс, явленный ученому в виде процесса и продукта – конкретных речевых произведениях, будь то связные и цельные тексты или результаты ассоциативных или любых иных экспериментов. В современной науке нет единства в толковании значения термина «дискурс». Однако ныне в большинстве работ отечественных и зарубежных ученых [см., например: Арутюнова 1999; Карасик 2002; Красных 2003; Макаров 2003 и мн. др.] сложилась традиция, в рамках которой под словом **дискурс** понимается целостное речевое произведение в многообразии его когнитивно-коммуникативных функций. Мы не ставим своей задачей подробное реферирование и критический анализ всех накопившихся к настоящему времени в науке точек зрения на рассматриваемый феномен. Расставим лишь некоторые акценты, необходимые для уточнения методологического фундамента предлагаемой модели. С нашей точки зрения, наиболее удобной рабочей дефиницией дискурса может быть определение с позиций феноменологического подхода. Дискурс – объективно существующее вербально-знаковое построение, которое сопровождает процесс социального взаимодействия людей. Подчеркнем интерактивную природу дискурса: он запечатлевает в себе взаимодействие, диалог. В своей объективности он напоминает многогранный кристалл, стороны которого способны отражать различные особенности этого взаимодействия: национально-этническую, социально-типическую (жанровую), конкретно-ситуативную, речемыслительную, формально-структурную и мн. др. Каждая из граней рассматриваемого феномена может стать основанием для выделения особого аспекта рассмотрения дискурса, который, в свою очередь, способен сформировать самостоятельный раздел в общей теории дискурса.

Конкретные дискурсы представляют собой материал анализа, который должен быть препарирован при помощи исследовательского инструментария.

Коммуникативное поведение – это лишь видимая часть айсберга, под которой скрываются латентные механизмы, обуславливающие реализацию коммуникативной компетенции в социально значимом взаимодействии людей. Это явления сознания (языкового, коммуникативного, когнитивного), которое создает предпосылки для протекания речевого мышления.

Таким образом, система категорий психолингвоперсонологии приобретает следующий вид:

- коммуникативная компетенция личности, конкретизируемая в различных ее аспектах и уровнях – предмет исследований;
- коммуникативное поведение в многообразии форм его дискурсивного существования (от тестов, речевых фрагментов, до однословных реакций ассоциативных экспериментов) – объект исследования;
- сами речевые произведения – материал исследования;
- латентные механизмы сознания и осуществляемые на их основе процессы речевого мышления – скрытый для внешнего наблюдения мотор, в котором работают приводные ремни от коммуникативной компетенции к реальным дискурсам, – предмет самостоятельных исследований.

Опираясь на систему выделенных категорий, можно создать речевой (коммуникативный) портрет личности, который отражает уникальность ее способности к общению. Такой портрет должен иметь голографический характер, который по мере его написания предстает в виде объемной модели коммуникативной компетенции индивида. Такая модель, на наш взгляд, должна включать в себя пять уровней (аспектов) выражения коммуникативного поведения и речевого мышления:

1. Уровень врожденных предпосылок формирования коммуникативной компетенции.
2. Уровень формирования коммуникативных черт характера.
3. Уровень сформированности речевого мышления.
4. Уровень жанрово-ролевой компетенции.
5. Уровень культурно-речевой компетенции.

1. Уровень врожденных предпосылок формирования коммуникативной компетенции.

Этот аспект анализа коммуникативного поведения должен учитывать психофизиологические свойства, которые передаются человеку генетически. Они составляют врожденный набор задатков, которые создают предпосылки к успешности в тех или иных видах коммуникации, и составляют базовый слой становления коммуникативной компетенции. К числу таких задатков следует отнести темперамент, профиль функциональной асимметрии мозга и особенности конституции (телосложения).

Как известно, **темперамент** – это устойчивая система психофизиологических черт личности человека, которая предопределена особенностями протекания его высшей нервной деятельности. Со времен Гиппократов с острова Кос, который в 5 веке до нашей эры одним из первых описал типы темпе-

рамент и их основные поведенческие проявления, и грека Галена, который в начале века предложил термины для их обозначения, мы продолжаем делить людей на эти четыре типа: сангвиник, холерик, флегматик, меланхолик. Позже наш соотечественник И.П. Павлов дал их обоснование с психофизиологических позиций.

Ни у кого нет сомнений в том, что темперамент влияет на характер протекания речевого поведения, на то, как ведет себя человек в коммуникативном конфликте и т.п. И при составлении речевого портрета исследователь должен учитывать эту личностную особенность человека. Однако прямой связи между особенностями коммуникативного поведения и темпераментом установить можно далеко не всегда [см., например: Ерофеева 1991; Алексеев 1996]. Чаще всего, темперамент в речи проявляется опосредованно и более всего влияет на формирование коммуникативных черт характера.

Другая психофизиологическая черта личности, которая влияет на речевое поведение и выступает в качестве составляющей в модели коммуникативной компетенции, – профиль функциональной асимметрии мозга.

В нейропсихологии профиль асимметрии выражается соотношением доминирования одной из рук, ног, зрения или слуха [подробнее см.: Брагина, Доброхотова 1981; Седов 2007 б]. Наиболее важную роль играет выделение моторных (здесь рука играет главную роль) факторов. Определение таких профилей дает основание для диагностики и самодиагностики с целью выявления врожденных задатков, которые создают предпосылки для успеха или неуспеха человека в разных видах деятельности и, прежде всего, в деятельности речевой. При этом сразу нужно сказать, что проблема эта в силу ее необычайной сложности очень далека от окончательного разрешения. Очень часто констатация моторных и сенсорных доминирований не имеет соответствия с типами лево- или правополушарного мышления.

Одно можно сказать определенно: по типу своего мышления люди подразделяются на левополушарников и правополушарников. И, как это обычно бывает при составлении типологий, имеется смешанный, переходный тип – амбиполушарники, у которых два типа мышления сосуществуют. Очень грубо разграничивая два представленные выше типа мышления, можно сказать, что левополушарники тяготеют к вербально-логическим операциям. Их голова «набита словами», которые образуют прочные вербальные сети синтагматических ассоциаций. Именно эти сети облегчают продуцирование речи. Мышление правополушарников сильнее затрагивает эмоционально-образную сторону личности. Разделение на лево- и правополушарников часто называют делением на «мыслителей» и «художников». Левополушарники для обработки информации прибегают главным образом к левополушарным стратегиям, правополушарники отдают предпочтение правополушарным стратегиям [см., подробнее: Седов 2007 б].

Особенность профиля функциональной асим-

метрии, а точнее – доминирования у личности лево- или правополушарного мышления – составляет важную черту речевого портрета. Как и темперамент, эта характеристика не проявляется в речи напрямую; более всего она влияет на формирование иных уровней коммуникативной компетенции: жанрово-ролевого и, особенно – уровня сформированности речевого мышления.

Наконец, третьей врожденной предпосылкой формирования коммуникативной неповторимости личности является, как это может быть ни покажется странным, своеобразие его телосложения, конституции. Наиболее последовательно соотношение конституции и психологических свойств личности демонстрирует концепция немецкого психиатра Эрнста Кречмера. Проводя клинические наблюдения за больными, страдающими разными формами психических расстройств, ученый обратил внимание на то, что между типом сложения человека и тяготением его к тому или иному виду болезни существует взаимосвязь. Это позволило ему утверждать, что тип телосложения определенным образом коррелирует с психическими особенностями обычных здоровых людей. На основе многолетних исследований Кречмер выделил четыре конституционных типа.

Лептосоматик (от греч. leptos – хрупкий, soma – тело) – (тип Дон Кихота) высокий рост, хрупкое телосложение, цилиндрическая форма туловища, вытянутое лицо, плоская грудная клетка, узкие плечи, нижние конечности длинные, тонкие кости. Лицо: удлинённый тонкий нос, неразвита нижняя челюсть. Крайняя форма подобного типа характеризуется астеничностью – от греч. asntenos – слабый.

Пикник (от греч. puknos – плотный) – (тип Санчо Панса) – малый или средний рост, округлость туловища (узковатые плечи при полном теле – бочкообразная форма), тучность, выступающий живот, грубая голова на короткой шее.

Атлетик (от греч. athlon – борьба) – крепкое телосложение, высокий или средний рост, хорошо развитая мускулатура, широкие плечи при узких бедрах. Лицо: овальное, нижняя челюсть хорошо развита.

Диспластик (от греч. dys – плохо, plastos – сформированный) – своего рода «несортовой товар», тип, характеризующийся разного рода деформациями телосложения.

По наблюдениям Кречмера здоровые люди, имеющие определенный тип сложения, в своей психике имеют в зародыше свойства, характерные для разных заболеваний: лептосоматик тяготеет к шизофрении, пикник – к маниакально-депрессивному психозу, атлетик – к эпилепсии. Наиболее очевидным здесь предстает противопоставленность между лептосоматического и пикнического типа.

Конституциональному типу лептосоматика соответствует психологический тип – шизотимик. Его особенности: замкнутость, отстраненность от реальности, упорство, склонность к мечтательности,

абстрактному мышлению. В общении эти люди демонстрируют склонность к логическим рассуждениям, целеустремленность в постижении новых знаний, склонность к наукам, напрямую не связанным с реальностью (математике, философии). Однако у них плохо развита интуиция, они демонстрируют эгоцентричность, не способность на эмоциональном уровне переключиться на точку зрения собеседника.

Конституционному типу пикника соответствует психологический тип – *циклотимик*. Его характеристики в чем-то диаметрально противоположные: это коммуникабельные реалисты, тяготеющие к бытовому комфорту. Циклотимики легко строят межличностное общение, подстраиваясь к собеседнику на эмоциональном уровне, демонстрируя высокий уровень сопереживания (эмпатии). При том что они хорошо разбираются в мотивах поведения людей, они затрудняются в построении обобщений, логических умозаключений, не связанных с конкретной реальностью.

В качестве промежуточного Кречмер выделит так называемый *вискозный* тип, который соответствует алитическому типу телосложения. Основными психологическими особенностями этого типа является восприятие окружающего мира в качестве арены борьбы. Атлетики – люди, идущие по жизни подобно бегуну с препятствиями. В построении отношений с другими людьми они склонны к коммуникативным конфликтам, речевой агрессии. Обладая очень большой энергией, люди этого типа часто не умеют использовать ее разумно, демонстрируя отсутствие гибкости и толерантности в отношении с партнерами по социальному взаимодействию.

У диспластиков отчетливо выявляемых психологических характеристик выделить очень трудно.

Как темперамент и особенности профилей строения мозга тип телосложения косвенно влияет на процесс образования коммуникативной индивидуальности человека, создавая определенный набор задатков для успешности/неуспешности в той или иной сфере речевой деятельности.

В современной психологии индивидуальных различий выделяются и другие врожденные черты личности. Для более детального знакомства с иными точками зрения мы отсылаем читателя к специальной литературе [см., например: Ильин 2004].

2. Уровень формирования коммуникативных черт характера.

В психологии характер обычно определяется как совокупность относительно устойчивых социально-психологических черт личности, которые проявляются в ее взаимодействии с другими людьми. Считается, что характер формируется к семилетнему возрасту и очень мало меняется на протяжении всей жизни человека. При том что взаимосвязь характера человека и его дискурсивного поведения очевидна с позиции здравого смысла, последовательного и системного исследования такой взаимосвязи в лингвистике еще не проводилось. Связано это с тем, что характер и языковая способность напрямую друг с

другом не связаны. А потому поиски проявления характера (как равно и темперамента) на уровне языка смысла не имеют. В общении характер находит выражение в стратегических и тактических предпочтениях говорящего, в том, какой путь он избирает для достижения той или иной коммуникативной цели.

В качестве параметров, служащих критериями для выделения коммуникативных черт характера можно выделить следующие оппозиции:

1. Доминантность/недоминантность;
2. Мобильность/ригидность;
3. Экстраверсия/интроверсия;
4. Конфликтность/неконфликтность;
5. Центрация/кооперативность.

Доминантность, как равно и недоминантность обычно выступают показателями «психологической конституции человека, закрепившимися за счет соответствующего воспитания» [Добрович 1987: 50]. Доминантная языковая личность в общении демонстрирует инициативу и напористость. Основой ее иллокутивных намерений становится желание влиять на собеседника, убедить его в своей правоте. Доминантность внешне проявляется в том, что человек больше говорит сам и гораздо меньше слушает собеседника. Недоминантная личность – полная противоположность описанному выше: он уступчив и неинициативен, он готов слушать коммуникативного партнера, но не навязывает ему тем для разговора и не настаивает на своей точке зрения.

Мобильность/ригидность – коммуникативные качества характера, связанные с пластичностью, способностью перестраиваться по ходу разворачивания интеракции. Мобильная языковая личность легко и быстро меняет речевые средства в зависимости от ситуации, характера собеседника, темы общения. Ригидный коммуникант демонстрирует неспособность моментально переключаться с одних речевых тактик на другие; он долго и основательно входит в тему разговора и не может быстро изменить его течение.

Выделение экстраверсии/интроверсии как черт речевого портрета личности восходит к концепции классика психоанализа К.-Г. Юнга. Экстраверт – человек, который тяготеет к одиночеству; как правило, у него очень много приятелей, отношения с которым имеют довольно поверхностный характер. В своем речевом поведении экстраверт демонстрирует устремленность вовне: он стремится к коммуникации с любым собеседником и предпочитает факт общения факту отсутствия оно. Интроверт, наоборот, тяготеет к большим компаниям; у него мало друзей, но отношения с ними имеют характер прочной и глубокой привязанности. В общении интроверт внешнему диалогу в жанре бытовой болтовни предпочитает разговор по душам; ему необходимо не просто общение, а общение, предполагающее понимание.

Характер человека ярче всего проявляется в интеракции по тому, как человек строит отношения с партнером по коммуникации. Поэтому можно уме-

стно подразделять коммуникативные черты характера по способности к кооперации в повседневном речевом поведении. В основу классификации положен единый критерий: доминирующая установка по отношению к участникам общения. Здесь можно выделить три типа языковых личностей: конфликтный; центрированный; кооперативный. Каждый из обозначенных типов представлен двумя подтипами.

Конфликтный тип демонстрирует установку **против** партнера по коммуникации. В основе этого типа характера лежит агрессивность, которая в коммуникативном поведении проявляется в разных речевых формах [подробнее см.: Седов 2007]. Он представлен двумя разновидностями: конфликтно-агрессивный и конфликтно-манипуляторский.

Конфликтно-агрессивный подтип характеризуется тем, что один из участников демонстрирует коммуникативному партнеру отрицательно заряженное эмоциональное отношение (прямая агрессия), которая выражается в явной враждебности. Агрессор – ущербная в социально-психологическом отношении личность.

Конфликтно-манипуляторская разновидность характера проявляется в виде косвенной (скрытой) агрессии. Здесь мы также сталкиваемся с психологической ущербностью, которая преодолевается за счет коммуникативного партнера. Манипулятор самоутверждается, ставя собеседника в конкретной ситуации общения на нижнюю по сравнению с собой статусную позицию. Для того, чтобы добиться ощущения социальной полноценности, коммуникант такого рода должен доставить собеседнику моральный дискомфорт («сказать гадость»). Крайней формой вербальной агрессии становится коммуникативный садизм, когда партнер по общению становится объектом словесного издевательства.

Центрированный тип характера находит выражение в установке **на игнорирование** партнера коммуникации. Здесь также можно две разновидности: активно-центрированный и пассивно-центрированный.

Активно-центрированный подтип (активный эгоцентрик) иногда по своим речевым проявлениям напоминает конфликтно-манипуляторский дискурс: в нем тоже присутствуют перебивы собеседника, произвольные изменения темы разговора и т.д. Однако здесь необходимо констатировать разницу: если конфликтный манипулятор не уважает коммуникативного партнера, желая навязать ему свою точку зрения, то активный эгоцентрик просто не способен встать на точку зрения другого участника общения.

Пассивно-центрированная разновидность общения характеризуется уходом одного из коммуникативных партнеров в себя. Такой пассивный эгоцентрик обычно выглядит безобидным рассеянным (иногда – забитым) «ежиком в тумане». Он с трудом способен выйти за пределы собственного внутреннего мира. Такая особенность речевого поведения, как правило, становится результатом работы психо-

логических защитных механизмов, которые обычно отражают какие-то особенности воспитания индивида. Обычно речевое поведение такой языковой личности содержит несоответствие выбранных говорящим тактик ситуации общения и намерению собеседника, что свидетельствует о неумении переключиться на точку зрения слушателя. Это же выражается в упоминании имен, неизвестных собеседнику, как известных; в принципиально банальных реакциях на информацию, касающуюся коммуникативного партнера; в неадекватных реакциях (репликах невпопад); в переведении разговора на темы, которые касаются только говорящего, и полном отсутствии интереса к темам, интересующим слушателя и т.п.

Кооперативный тип речевого поведения отличается доминирующей установкой в общении **на партнера** коммуникации. На уровне коммуникативного поведения они проявляются в двух подтипах: кооперативно-конформном и кооперативно-актуализаторском.

Кооперативно-конформная разновидность дискурса характеризуется тем, что один из участников общения демонстрирует согласие с точкой зрения собеседника, даже если он не вполне разделяет эту точку зрения, что, как правило, выступает следствием боязни конфликта, конфронтации. Такая настроенность проявляется в демонстрации интереса к другому участнику коммуникации в виде уточняющих вопросов, поддакивания, проявлении сочувствия, утешения, комплимента и т.д. В реальном общении обычно это выглядит как имитация (в той или иной степени убедительности) настроенности на коммуникативного партнера.

Кооперативно-актуализаторский подтип речевого поведения отражает высший уровень коммуникативной компетенции человека по способности к речевой кооперации. В этом случае говорящий руководствуется основным принципом, который можно определить, как *стремление поставить себя на точку зрения собеседника*, взглянуть на изображаемую в речи ситуацию его глазами. Принципиальным отличием поведения актуализатора от конформиста выступает двойная перспектива в общении: ориентация не только на коммуникативного партнера но и на себя. Точнее – стремление *возбудить в себе неформальный интерес к собеседнику*, умение настроиться на его «волну» [подробнее см.: Седов 2004, 2007].

На формирование характера влияют и особенности эмоционально-волевой сферы личности. Так например, по преобладанию положительных или отрицательных эмоций люди подразделяются на оптимистов и пессимистов. Влияние эмоциональной сферы на формирование коммуникативной компетенции – предмет особого рассмотрения [см., например: Шаховский 1987; 1996].

По наличию/отсутствию волевых свойств людей можно грубо поделить на целеустремленных и нецелеустремленных и т.п.

Еще раз напомним, что характер проявляется в коммуникативном поведении на уровне прагматиче-

ских стратегий и тактик, определяющих структуру интерактивного взаимодействия коммуникантов.

Особенности коммуникативного поведения личности на уровне характера хорошо определяются по акцентуации, т.е. легкому отклонению от усредненной нормы (в пределах нормы психологического здоровья). В психологии индивидуальных отличий существуют разные типологии акцентуации характера. Они принадлежат психиатрам-практикам и являются результатом эмпирических наблюдений. Не имея возможности детального описания типов акцентуаций характера, отсылаем читателя к книге А.Е. Личко [1999].

3. Уровень сформированности речевого мышления.

Скрытым, латентным механизмом реализации коммуникативного поведения и его разновидности – речевой деятельности выступает речевое мышление, которое включает в себя операции порождения дискурса и операции декодирования речевого сообщения. В современной психолингвистике существуют богатые традиции исследования формирования и понимания высказывания [см., например: Горелов, Седов 2005; Зимняя 1985; Человеческий фактор в языке... 1991 и др.]. При несущественных различиях большинство моделей порождения речи представляют собой систему этапов, стадий, прохождения которых приводит к разворачиванию мысли в дискурс. Обобщая существующие в современной науке взгляды на проблему соотношения речи и мышления, И.А. Зимняя выделяет три основных стадии процесса перехода мысли в высказывание: мотивационно-побуждающий, формирующий и реализующий.

Первый уровень процесса формирования высказывания – мотивационно-побуждающий, по мнению ученого, «представляет собой «сплав» мотива и коммуникативного намерения. При этом мотив – это побуждающее начало данного речевого действия, тогда как коммуникативное намерение выражает то, какую коммуникативную цель преследует говорящий, планируя ту или иную форму воздействия на слушающего» [Зимняя 1985: 90-91]. Второй уровень речепорождения – формирующий – «это уровень собственно формирования мысли посредством языка. <...> Этот уровень ответственен за логическую последовательность и синтаксическую правильность речевого высказывания» [Там же: 93]. Он представлен двумя подуровнями – смыслообразующим и формулирующим. В полной подели порождения высказывания можно выделить следующие стадии превращения мысли в дискурс:

1. Мотив данного акта речевой деятельности (Для чего, с какой целью я говорю?), а предварительно у говорящего должна быть сформирована установка на общение в целом (ее нет, например, во сне).

2. Коммуникативное намерение, которое реализуется в виде настроя на определенную типичную ситуацию социального взаимодействия

людей – на конкретный речевой жанр, будь то жанр приветствия, комплимента, ссоры, доклада, болтовни и т.п.

3. Смысловое содержание (замысел) будущего высказывания (Не только «для чего», но и «что именно буду говорить», начну с вопроса или с констатации?). Здесь формируется целостная (может быть, пока еще неотчетливая, диффузная) семантическая «картина» будущего высказывания: смысл, семантика уже есть, а конкретных слов и синтаксических структур еще нет.

4. Сформировавшаяся внутренняя программа (замысел) начинает трансформироваться: начинает работать механизм перекодировки, переводя смысл с языка образов и схем на конкретный национальный язык – слов с их значениями.

5. Разворачивание ядерного смысла (темы) в построенное в соответствии с психолингвистической нормой текстовости речевое целое.

6. При этом сначала образуется синтаксическая схема будущего высказывания. «Внутренние слова», т.е. значения слов уже становятся «прообразами» слов внешних и занимают постепенно «свои» синтаксические позиции.

7. Следующая стадия речепорождения – грамматическое структурирование и морфемный отбор конкретной лексики, после чего:

8. Реализуется послоговая моторная программа внешней речи, артикуляция.

Коммуникативная компетенция разных людей отличается по степени совершенства у них механизма порождения и декодирования дискурса. На этом уровне моделирования речевого портрета критерием для создания типологии будет уровень сформированности механизмов внутренней речи, способность человека в рамках деятельности сознания совершать латентные операции по сворачиванию и разворачиванию замысла, перекодированию информации с языка образов в текст на конкретном национальном языке и т.д.

Выделением уровней сформированности речевого мышления более всего занимает возрастная психолингвистика, изучающая процесс становления коммуникативной компетенции личности в онтогенезе. Исследованию этой проблемы посвящена серия работ автора настоящей статьи [см., например: Седов 2004]. Их результаты наглядно показывают, что в норме речевого развития каждому возрастному этапу эволюции личности соответствует определенный уровень способности человека к осуществлению латентных механизмов речевого мышления. Активизация процесса формирования речевого мышления намечается после завершения у личности стадии самонаучения языку, который обычно совпадает у нее с началом школьного детства. Именно в этот период речевой биографии человека доминантой его развития становится текст (дискурс), а речевое мышление приобретает характер дискурсивного мышления. После завершения стадии самонаучения языку как системе языковая личность в рамках дискурсивного поведения способна на речевые действия, опирающиеся на

деятельность в рамках конкретной ситуации. К завершению младшего школьного возраста ребенок обретает способность к важнейшим латентным операциям по сворачиванию и разворачиванию информации, которые составят основу его внутренней речи. Способность к внутреннему планированию речевой деятельности позволяет подростку в построении дискурса оторваться от конкретной ситуации и строить целостные связные речевые произведения, несущие в себе сложные, иерархически организованные текстовые смыслы. Однако интериоризация внешней речевой деятельности во внутриречевую у младших подростков еще не очень глубока: им еще не доступны сложные семантические построения на глубинном смыслообразующем уровне порождения и понимания высказывания. Дискурсивное поведение школьников среднего звена, несмотря на автоматизированность процессов создания текстов, еще не всегда осмысленно; речь и мышление в процессе построения текстов еще не сливаются полностью. Такое соединение при нормальном развитии коммуникативной компетенции наблюдается лишь к окончанию школьного детства. Именно в этом возрасте школьник обретает способность к построению сложных вербально-логических операций во внутренней речи. Это связано с еще большей интериоризацией внешнеречевых процессов, которая затрагивает наиболее глубинные смыслообразующие стадии речевой деятельности – стадии формирования замысла, опирающиеся на тонкие операции антиципации, компрессии и перекодирования информации с кода вербального на код индивидуально-личностных смыслов и мн. др.

Путь развития дискурсивного мышления человека можно представить как процесс, сопровождающий социально-интеллектуальное становление личности, в котором в ходе интериоризации внешнеречевых форм во внутриречевые наблюдается все большее сближение текстовых способов моделирования действительности и глубинных когнитивно-мыслительных процессов.

Методы определения уровней сформированности речевого мышления и критерии такого выделения, применяемые к исследованию коммуникативной компетенции детей, с успехом могут быть применены к созданию речевых портретов, моделей коммуникативной компетенции взрослых носителей языка.

4. Уровень *жанрово-ролевой компетенции*.

Существенным показателем идиостиля человека становится статусно-ролевая составляющая его коммуникативной компетенции. Социальная роль – это одобряемый обществом образец поведения, который соответствует конкретной ситуации общения и социальной позиции (статусу) личности. Социальная позиция, или статус, – формально установленное или молчаливо признаваемое место индивида в иерархии социальной группы. Понятия роль и статус взаимосвязаны. Статус характеризует место человека на вертикальной оси: высокое или низкое положение занимает лич-

ность в обществе. Статус как бы отвечает на вопрос «кто есть личность?», а роль – «что она делает?» Как и любое другое поведение, речевое поведение в рамках межличностного общения подчиняется законам статусно-ролевого взаимодействия [подробнее см.: Карасик 1992; Крысин 2007].

Социальная роль может быть обусловлена постоянными или долговременными характеристиками человека: полом, возрастом, положением в семье, профессией (таковы роли мужа, отца, сына, слесаря, студента, врача, военного и т.п.). Кроме этого, роль может быть навязана ситуацией, в которой оказывается личность (роли пассажира, покупателя, пациента и т.п.).

Ролевое поведение подчиняется определенным социальным нормам, в большинстве случаев неписанным, но достаточно строгим и общеобязательным. Существование этих норм наиболее ярко проявляется в том случае, когда они нарушаются. Мы интуитивно чувствуем эти нарушения и иногда бурно на них реагируем. Нас коробит, когда, например, молоденькая лаборантка строго заявляет убежденному сединой профессору, не сдавшему по рассеянности вовремя ведомость: «Я должна сделать вам выговор!» А реплика сына-подростка «Отстань, козел!» в ответ на замечание отца может стать причиной суровых репрессий. Статусно-ролевое общение основано на *ожиданиях* того, что языковая личность будет соблюдать речевые нормы, свойственные ее положению в обществе и определяемые характером взаимоотношений с собеседником. От ребенка ждут послушания, от старца – мудрых суждений, от преподавателя – знаний в области преподавания, от студента – желания эти знания получить. Каждая роль состоит из специфического набора прав и обязанностей. Представления о типичном исполнении той или иной роли складываются в *стереотипы* ролевого поведения. Они формируются на основе опыта, частой повторяемостью ролевых признаков, характеризующих поведение, манеру говорить, двигаться и т.п. Так в сознании членов общества кристаллизуется представление о том, каким должно быть исполнение той или иной роли.

На формирование коммуникативного сознания в большей мере оказывают долговременные роли, среди которых наибольшее значение имеют гендерные и профессиональные.

Самой долгой по времени исполнения выступает гендерная роль, которая обусловлена осознанием принадлежности человека к мужскому или женскому полу. Гендерный аспект коммуникативного поведения в современной лингвистике пока еще изучен недостаточно. Это актуальное и перспективное направление антропоцентрического языковедения пока еще остается белым пятком [см., например: Кирилина 1999; Горошко 2003].

Важнейшей ролевой составляющей коммуникативной компетенции выступает профессиональная роль. Исследование профессионального коммуникативного сознания – одна из насущнейших задач современной неориторки. Выявление

стратегий, тактик построения профессионального дискурса позволит разработать систему рекомендаций по улучшению эффективности взаимодействия людей в рамках институциональной интеракции. Другой аспект проблемы – исследование закономерностей воздействия профессии на формирование коммуникативного сознания и, шире, коммуникативной компетенции человека.

Сейчас проблема профессиональной составляющей речевого поведения и коммуникативной компетенции в науке о языке относится к числу наиболее актуальных [см., например: Багдасарян 2005; Бейлинсон 2001; Варнавских 2004; Девятайкин 1992; Загоруйко 1999; Куликова 1998; Лазуренко 2006; Милехина 2006; Одинокова 2004; Саломатина 2002; Харченко 2003; Шейгал 2000 и мн. др.].

Кроме гендерной и профессиональной ролей, поведение личности (и ее языковое сознание) может отражать и иные социальные позиции, ею занятые. Так остроумным примером такого типа социально-коммуникативных ролевых проявлений можно считать «лингвокультурные типажи» – обобщенные образы личностей, чье поведение (и в том числе – речевое) представляет собой некую значимую для конкретной культуры константу. В сборнике статей, вышедшем в Волгограде под редакцией В.И. Карасика, даются портреты каких типажей, как «русский интеллигент», «английский аристократ», «американский супермен» и т.п. [см.: Аксиологическая лингвистика... 2005].

Создание галереи речевых портретов такого типа имеет глубокий культурологический смысл. Выделение подобных констант социально-коммуникативного поведения, на мой взгляд, позволяет, во-первых, на уровне саморефлексии лучше понять особенности культурной среды обитания личности, а во-вторых, дать ключ к постижению своеобразия чужого этноса. Весьма перспективными в этом смысле будут попытки выделения лингвокультурных типов современного социума. На вскидку здесь можно выделить: «дачник», «автомобилист», «неформал», «рыболов-любитель», «девушка с дискотеки», «фанат», «культурист из фитнес-клуба», «сторонник здорового питания», «любитель пива», «любитель бани» и т.д.

Стереотипы кратковременного ролевого поведения связывают эту составляющую коммуникативной компетенции с понятием речевого жанра и жанровым мышлением личности. Интерес к этой категории неолингвистики породил учение о жанрах речи, которое к настоящему времени оформилось в особое перспективное направления неолингвистики – жанроведение (генристику) [см.: Антология речевых жанров... 2007; Арутюнова; 1999; Барнет 1985; Бахтин 1996; Вежбицка 1997; Дементьев 2006; Дементьев, Седов 1999; Жанры речи 1997, 1999, 2001, 2005, 2007; Салимовский 2002; Седов 2007; Шмелева 1997; и др.]. Однако, несмотря на обилие работ, посвященных этой проблеме, в современной науке еще нет единства в осмыслении языковой природы жанров общения. Мы определяем речевые жанры как вербально-знаковое оформ-

ление типических ситуаций социального взаимодействия людей.

Речевой жанр необходимо рассматривать как составляющую дискурса. Такое понимание, хорошо вписывается в социо-прагматическую концепцию дискурса, которая в течение многих лет разрабатывается в волгоградской школе неолингвистики, во главе которой стоит В.И. Карасик [2002]. Универсальность категории речевого жанра выдвигает задачу разграничения речевых интеракций, разных по объему. Речевой жанр в узком значении термина – центральная единица предлагаемой нами типологии. Это микрообраз, который представляет собой вербальное оформление взаимодействия партнеров коммуникации, т.е. обычно это достаточно длительная интеракция, порождающая диалогическое единство или монологическое высказывание, которое содержит несколько сверхфразовых единств. К числу речевых жанров можно отнести разговор по душам, болтовню, ссору, светскую беседу, застольную беседу, анекдот, флирт и т.п. Для обозначения жанровых форм, представляющих собой одноактные высказывания мы предлагаем термин *субжанр*. Субжанры – минимальные единицы типологии речевых жанров и равны одному речевому акту. В конкретном внутриянровом взаимодействии они чаще всего выступают в виде тактик, основное предназначение которых – менять сюжетные повороты в развитии интеракции. Нужно особо отметить способность субжанров к мимикрии в зависимости от того, в состав какого жанра они входят. Так, колкость в светской беседе отлична от колкости в семейной ссоре и т.п.

Логика подобной терминологической дифференциации жанровых форм подталкивает к выделению в общем пространстве бытового общения макрообразований, т.е. речевых форм, которые сопровождают социально-коммуникативные ситуации, объединяющие в своем составе несколько жанров. Такие образования мы предлагаем называть *гипержанрами*, или *гипержанровыми формами*. Так, например, можно выделить гипержанр «застолья», в состав которого войдут такие жанры, как тост, застольная беседа и т.п. Другая гипержанровая форма – «семейный гипержанр»; он включает в себя такие жанры, как семейная беседа, ссора и т.п. В рамках гипержанра «дружеское общение» можно выделить такие жанры, как болтовня и разговор по душам и т.д.

В рамках повседневного общения вторичные и первичные жанры можно обозначить как *риторические* и *нериторические жанры*. Риторическая разновидность жанровых форм предполагает наличие у языковой личности осознанных умений и навыков в области языкового оформления высказывания в соответствии с ситуацией общения, сходных с принципами построения художественных текстов (эстетики словесного творчества), деловых и научных. Жанр предписывает языковым личностям определенные нормы коммуникативного взаимодействия, каждое такое

жанровое действие уникально по своим свойствам. Разные жанры дают участникам общения неодинаковый набор возможностей: так, одна степень языковой свободы – в разговоре по душам и совершенно другая – в семейной ссоре.

Вариативность в выборе речевых средств выражения внутри жанра предопределяется стратегиями и тактиками речевого поведения. Выше мы уже давали определение понятию внутрижанровой тактики. Под ней мы понимаем речевой акт, обслуживающий транзакцию (в монологическом жанре это сверхфразовое единство, выступающее в роли минимальной текстовой единицы – микротекста), который обозначает сюжетный поворот в рамках внутрижанровой интеракции. В том случае, когда тактика существует в общении вне жанровой формы, она становится самостоятельным жанровым образованием – субжанром. Стратегии внутрижанрового поведения определяют общую тональность внутрижанрового общения. Они зависят от индивидуальных особенностей языковых личностей, вступающих в общение и влияют на тактические предпочтения говорящего.

Особенности характера говорящего отчетливее всего проявляются в жанрах нериторических, где речевое поведение участников общения не предполагает заданности, осознанности, контроля за использованием языковых средств общения. «Низкая» жанровая стихия, куда можно отнести гипержанры дружеского и семейного бытового общения, обслуживает наименее жесткие с точки зрения следования нормам ситуации социального взаимодействия. В нериторических жанрах допустимы вариации, обусловленные стратегическими предпочтениями говорящего, в которые отражаются особенности его идиостиля.

Важнейшим показателем уровня развития коммуникативной компетенции выступает мера владения языковой личностью риторическими жанрами. Именно риторические жанры составляют основу цивилизованного публичного общения, поэтому они должны стать одним из центральных предметов школьной и вузовской риторики. Строя риторические жанры, говорящий обязан осознанно контролировать языковые способы оформления социального взаимодействия людей по их соответствию коммуникативной ситуации. Риторические жанры повседневного общения главным образом обслуживают неофициальные, но публичные коммуникативные ситуации. Поэтому они в меньшей степени зависят от индивидуальных особенностей языковой личности говорящего. Степень владения риторическими жанрами определяется степенью умения языковой личности, сдерживая проявления своего характера, подлаживаться, приспосабливаться к другим участникам коммуникации.

Таким образом, если нериторические жанры связывают жанрово-ролевой уровень портретирования с уровнем коммуникативного характера, то жанры риторические тяготеют к высшему (в нашей типологии) уровню культурно-речевой компетенции личности.

Соображения, приведенные выше, касаются «тела жанров повседневного общения» в рамках макроструктуры, отражающей структуру социально-коммуникативных отношений в рамках целого этноса. Однако возможен и иной ракурс рассмотрения проблемы – микроуровневый: он сосредотачивает внимание на функциональных особенностях жанрового мышления индивидуальной языковой личности. Здесь жанры бытового общения также предстают в виде континуума, имеющего пространственные и временные координаты. Причем проблема жанрового сознания носителя языка может быть также рассмотрена в статике и динамике.

Изучение жанрового наполнения сознания человека дает надежные критерии для создания типологии коммуникативной компетенции личностей. Главным основанием такой типологии может стать степень владения / невладения языковой личностью нормами жанрового поведения. Здесь нужно отчетливо сознавать то, что абсолютно всеми языковыми жанрами ни один человек в полной мере владеть не может. Есть люди, прекрасно чувствующие себя в рамках разговора по душам, но не умеющие поддерживать разговор на уровне сплетен; можно найти человека, который умеет великолепно рассказывать анекдоты, но не может произнести элементарный тост и т.п. Более того, по моему мнению, есть бытовые жанры, существование которых в рамках одного языкового сознания взаимоисключает друг друга. Если представить себе все жанровое пространство бытового общения на временном срезе в виде панно, состоящего из загорающихся лампочек, то проекция индивидуальных сознаний языковых личностей на это панно каждый раз будет давать разный световой набор. Причем каждая языковая личность будет высвечиваться уникальным сочетанием огней, ибо жанровое сознание каждого человека неповторимо. Такая неповторимость объясняется неповторимостью социального опыта каждого человека, уникальностью его, так сказать, речевой биографии.

5. Уровень культурно-речевой компетенции.

Этот слой модели коммуникативной компетенции отражает общий уровень культуры человека. Он связан с умением коммуниканта строить социально значимые и, в том числе – коммуникативные, отношения в соответствии с представлением о цивилизованном, эффективном общении. Лучше всего эту сторону коммуникативного поведения выражает концепция типов речевых культур [см.: Гольдин, Сиротинина 1997; Сиротинина 1995, 2003, 2005; Толстой 1991, 1995]. Существовая в конкретном этносе, языковая личность неизбежно является носителем того или иного типа национальной речевой культуры. Применительно к русской культуре в науке выделяются разновидности речевого поведе-

ния, ориентированные на использование литературного языка (*элитарный [полнофункциональный и неполнофункциональный], среднелитературный, обиходный*), и типы, находящиеся за его пределами (*народно-речевой, просторечный и арготический*). Соответственно, языковые личности классифицируются по наличию у них того или иного типа речевой культуры [подробнее см.: Кочеткова 1999; Осина 2002; Хорошая речь 2001].

Важнейшим показателем этого уровня коммуникативной компетенции выступает отношение говорящего к престижным в данной культуре формам коммуникации, и прежде всего – к литературному языку. Обычно под литературным языком понимается «форма исторического существования национального языка, принимаемая его носителями за образцовую; исторически сложившаяся система общеупотребительных языковых элементов, речевых средств, прошедших длительную культурную обработку в текстах (письменных и устных) авторитетных мастеров слова, в устном общении образованных носителей национального языка» [Бельчиков 1997: 221]. Эта подсистема национального языка характеризуется рядом лингвистических свойств:

«1) последовательная функциональная дифференцированность средств и связанная с этим постоянно действующая тенденция к функциональному разграничению вариантов <...>; 2) коммуникативная целесообразность нормы <...>; 3) литературная норма является результатом не только традиции, но и целенаправленной кодификации; в связи с этим: 4) стабильность и известный консерватизм нормы, ее медленная изменяемость: норма *должна* отставать от развития живой речи <...>» [Крысин 1989: 46]. Для кодифицированного литературного языка релевантна дифференциация на функциональные стили, которые представляют собой «варианты литературного языка, обусловленные различными сферами общения» [Крысин 1989: 43]. Границы функциональных стилей размыты, однако «в каждом из них выявляется ядро с наиболее ярко выраженной спецификой и периферия, в которой специфика стиля ослаблена и наблюдается пересечение с характеристиками иного функционального стиля» [Функциональные стили... 1993: 3-4].

Существенной характеристикой речевого портрета личности выступает и использование/неиспользование ею в своем коммуникативном поведении языковых элементов, которые относятся к нелитературной функционально-стилевой стихии. Это, прежде всего, диалект, просторечие, жаргон. Сюда же нужно отнести и такие противоположные проявления коммуникативной маргинальности, как новояз и сквернословие [подробнее см.: Жельвис 1997; Земская 1996; Седов 2004].

Особенности культурно-речевой компетенции хорошо выражает слой языкового сознания, который получил название *п р е ц е д е н т н о г о*.

По справедливому мнению Б.М. Гаспарова, «основу нашей языковой деятельности составляет гигантский «цитатный фонд, восходящий ко всему нашему языковому опыту» [Гаспаров 1996: 105-

106]. Этот огромный резервуар готовых формул и вырванных из контекста фраз, который образует обширную область устной словесности, в целом выступающей отражением «речевого коллективного бессознательного». Сфера формирования и функционирования прецедентного слоя – нижние пласты «жизненной идеологии» (М.М. Бахтин), в которых происходит накопление и трансформация неясных речевых впечатлений носителей языка. Прецедентность существует в виде образных выражений, метких приговорок и т.п., чаще всего употребляемых в рамках языковой игры, о которой у нас еще пойдет разговор. Продукты речевой субкультуры отличаются от таких лингвистических образований, как пословицы, поговорки и фразеологизмы, имеющих характер номинативных единиц языка. Эти фразы и отрывки текстов обычно воспринимаются людьми как чужая речь, как осколки каких-либо распространенных текстов, общеизвестных речевых ситуаций и т.п. [см.: Горелов, Седов 2005; Караулов 1987; Красных 2003; Норман 1991, 1998; Слышкин 2000]. Возникновение прецедентного слоя коммуникативной компетенции нельзя представлять в виде механического накопления обрывков речевых произведений. Контекстная семантика предложений, выхваченных из прецедентных текстов, преломляется в многочисленных индивидуальных языковых сознаниях. Сами эти высказывания попадают в тигель народного словотворчества, становясь материалом для формирования национальной языковой картины мира.

К характеристикам «человека говорящего», которые можно считать критерием для разграничения дискурсивного мышления, следует отнести лингвокреативность, т.е. способность языковой личности к речетворчеству. Подобное явление находит выражение в так называемой языковой игре [см.: Борботько 1996; Горелов, Седов 2005; Гридина 1996; Норман 1994, 2006; Русская разговорная речь ... 1983; Санников 1999]. Философы и психологи считают игру одним из фундаментальных свойств человеческой культуры. Это вид деятельности, который не преследует каких-то конкретных практических целей. Цель игры – доставить удовольствие людям, которые принимают в ней участие. По мнению современных лингвистов, языковая игра – феномен речевого общения, содержанием которого выступает установка на форму речи, стремление добиться в высказывании эффектов, сходных с эффектами художественной словесности. Подобное «украшательство» обычно носит характер остроты, балагурства, каламбура, шуток и т.д. Языковая игра отличается от детского словотворчества. Она строится на отклонении от стереотипов при осознании неизбежности этих стереотипов. Играть с языковыми формами человек начинает, как правило, только после овладения нормативными способами речевой коммуникации. Когда образованный человек говорит «ну побегли» или «а куды мне вещи девать?», он знает, что «побегли» и «куды» – это отступление от нормы. Но именно осознание такого

отступления, нарочитое смешивание литературной нормы и просторечных элементов делает игру игрой.

Соображения, предлагаемые на суд читателя имеют умозрительный характер и имеют дискуссионный характер. Модель коммуникативной компетенции, бегло представленная в настоящей статье, разумеется, не является жестко организованной структурой. Как таблица Менделеева, она

оставляет «пустые», еще не заполненные позиции, не описанные характеристики коммуникативного поведения. Более того, к ней могут быть добавлены и иные уровни и аспекты моделирования. Однако, по нашему убеждению, даже в таком, несовершенном, виде она может «работать» для создания объемных голографических речевых портретов, отражающих коммуникативную уникальность человека и служащих для решения задач коммуникативной диагностики и самодиагностики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксиологическая лингвистика: Лингвокультурные типажи. – Волгоград, 2006.
2. Алексеева Н.Г. Психологический тип личности и многоуровневое тема-рематическое структурирование текста // Проблемы современного теоретического и синхронно-описательного языкознания. Семантика и коммуникация. – СПб., 1996. – Вып.4.
3. Антология речевых жанров: Повседневная коммуникация. М., 2007.
4. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М., 1999.
5. Багдасарян Т.М. Речевое поведение врачей-психотерапевтов (на материале английского и русского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2005.
6. Барнет В. Проблемы изучения жанров устной научной речи // Современная русская устная научная речь. Общие свойства и фонетические особенности. – Красноярск, 1985. – Т.1.
7. Бахтин М.М. (Волошинов В.Н.) Марксизм и философия языка // Бахтин М.М. Тетралогия. – М., 1998.
8. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Собрание сочинений в семи томах. – М., 1996. – Т.5.
9. Бейлинсон Л.С. Характеристики медико-педагогического дискурса (на материале логопедических рекомендаций): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2001.
10. Бельчиков Ю.А. Литературный язык // Русский язык. Энциклопедия. – М., 1997.
11. Бирюков С.Д. Структура личности // Современная психология: справочное руководство. – М., 1999.
12. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Л., 1984.
13. Богин Г.И. Типология понимания текста. – Калинин, 1986.
14. Борботько В.Г. Игровое начало в деятельности языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 1996.
15. Борботько В.Г. Общая теория дискурса (принципы формирования и смыслопорождения): Дис. ... докт. филол. наук. – Краснодар, 1998.
16. Брагина Н.Н., Доброхотова Т.А. Функциональные асимметрии человека. – М., 1981.
17. Варнавских Н.В. Типологические черты речевого поведения русско- и англоговорящих адвокатов (прагмалингвистический подход): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2004
18. Вежбицка А. Речевые жанры // Жанры речи. – Саратов, 1997.
19. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. – М., 1993.
20. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – М., 1996.
21. Гольдин В.Е., Сирогина О.Б. Речевая культура // Русский язык. Энциклопедия. – М., 1997.
22. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики [5-е перераб. и доп. изд.]. М., 2005.
23. Горошко Е.И. Языковое сознание: гендерная парадигма. – М.; Харьков, 2003.
24. Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. – Екатеринбург, 1996.
25. Девятайкин А.И. Устная речь писателей и ученых. Соотношение общеустного и функционально-стилевого. – Саратов, 1992.
26. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация. – М., 2006.
27. Дементьев В.В., Седов К.Ф. Теория речевых жанров: социопрагматический аспект // Stylistyka VIII. – Opole, 1999.
28. Добрович А.Б. Воспитателю о психологии и психогигиене общения. – М., 1987.
29. Ерофеева Т.И. Опыт исследования речи горожан (территориальный, социальный и психологический аспекты). – Свердловск, 1991.
30. Ерофеева Т.И. Стратификационное описание речи горожанина в параметрах социо-биологических характеристик // Проблемы современного теоретического и синхронно-описательного языкознания. Семантика и коммуникация. – СПб., 1996. – Вып.4.
31. Жанры речи. – Саратов, 1997-2007. – Вып. 1-5.
32. Жельвис В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема. – М., 1997.
33. Загоруйко Ж.С. Профессиональный «портрет» малой социальной группы: структурно-семантическое и стратификационное описание: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Пермь, 1999.
34. Земская Е.А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // Вопросы языкознания. – 1996. – №3.
35. Зимняя И.А. Вербальное мышление (психологический аспект) // Исследование речевого мышления в психолингвистике. – М., 1985.
36. Ильин Е.П. Психология индивидуальных различий. СПб., 2004.
37. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград, 2002.
38. Карасик В.И. Языковые ключи. – Волгоград, 2007.

39. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987.
40. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. – М., 1999.
41. Кочеткова Т.В. Языковая личность носителя элитарной речевой культуры. Дис. ... д-ра филол. наук. – Саратов, 1999.
42. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М., 2003.
43. Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. – М., 1989.
44. Крысин Л.П. Социальный аспект владения языком // Социальная психолингвистика: Хрестоматия. – М., 2007.
45. Куликова Г.С. О влиянии профессии на речь актера // Вопросы стилистики: Человек и текст. – Саратов, 1998. – Вып.27.
46. Лазуренко Е.Ю. Профессиональное коммуникативное поведение: Экспериментальное исследование: Автореферат ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2006.
47. Лингвоперсонология: Типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение. – Барнаул; Кемерово, 2006.
48. Личко А.Е. Типы акцентуаций характера и психопатий у подростков. – М., 1999.
49. Макаров М.Р. Основы теории дискурса. – М., 2003.
50. Милехина Т.А. Российские предприниматели и их речь (образы, концепты, типы речевых культур). – Саратов, 2006.
51. Наумов В.В. Лингвистическая идентификация личности. – М., 2006.
52. Норман Б.Ю. Лингвистика каждого дня. – Минск, 1991.
53. Норман Б.Ю. Грамматика говорящего. – СПб., 1994.
54. Норман Б.Ю. Игра на гранях языка. – М., 2006.
55. Одиноква Н.Ю. Специфика профессионально детерминированных ассоциативных реакций. Дис... канд. филол. наук. – Саратов, 2004.
56. Салимовский В.А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (научный академический текст). – Пермь, 2002.
57. Саломатина М.С. Коммуникативная личность филолога (психолингвистическое исследование) Дис... канд. филол. наук. – Воронеж, 2005.
58. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. – М., 1999.
59. Седов К.Ф. О жанровой природе дискурсивного мышления языковой личности // Жанры речи. – Саратов, 1999. – Вып.2.
60. Седов К.Ф. Дискурс и личность: Эволюция коммуникативной компетенции. – М., 2004.
61. Седов К.Ф. Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации // Антология речевых жанров: Повседневная коммуникация. М., 2007.
62. Седов К.Ф. Речевая агрессия и агрессивность как черта речевого портрета // Социальная психолингвистика: Хрестоматия. – М., 2007а.
63. Седов К.Ф. Нейропсихолингвистика. – М., 2007б.
64. Сиротинина О.Б. Устная речь и типы речевых культур // Русистика сегодня. – 1995. – №4.
65. Сиротинина О.Б. Характеристика типов речевой культуры в свете действия литературного языка // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов, 2003. – Вып.2.
66. Сиротинина О.Б. Реальное функционирование русского языка в его соотношении с типами речевой культуры // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов, 2005. – Вып.5.
67. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М., 2000.
68. Стернин И.А. Модели описания коммуникативного поведения. – Воронеж, 2000.
69. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. – Воронеж, 2001.
70. Толстой Н.И. Язык и культура // Русский язык и современность: Проблемы и перспективы развития русистики. – М., 1991.
71. Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М., 1995.
72. Функциональные стили и формы речи. – Саратов, 1993.
73. Харченко Е.В. Модели речевого поведения в профессиональном общении. – Челябинск, 2003.
74. Хорошая речь. Саратов, 2001.
75. Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. – М., 1991.
76. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж, 1987.
77. Шаховский В.И. О лингвистике эмоций // Язык и эмоции. Волгоград, 1995.
78. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М.; Волгоград, 2000.
79. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. – Саратов, 1997.
80. Юнг К.-Г. Психологические типы. – М.-СПб., 1995.

И.А. Стернин (Воронеж)

О понятиях метод, методика, прием

Иногда на защитах диссертаций возникают дискуссии по поводу того, можно ли охарактеризовать использованный диссертантом метод как *метод*, или это *прием*, *методика*. Представляется, что применительно к лингвистическим исследованиям термины *метод*, *методика*, *прием* используются в настоящее время сколь широко, столь и в значительной степени взаимозаменяемо.

Очевидно, необходимо определить их содержание и различия – если они есть. При этом, на наш взгляд, целесообразно рассмотреть содержание этих понятий с учетом сложившейся практики лингвистических исследований.

Обратимся сначала к данным толковых словарей.

В словаре С.И. Ожегова *метод*, *методика*, *прием* определяются следующим образом:

Метод

1. Способ теоретического исследования или практического осуществления чего-либо. Новые м. в медицине. Поточный м. производства.

2. Способ действовать, поступать каким-н. образом, прием (в 3-тнем значении). М. воздействия, внушения.

Прием

1. см. принять

2. Отдельное действие, движение. Выпить стакан в два приема.

3. Способ осуществления чего-н. Художественный прием. Прием борьбы. Запрещенный прием (в спорте: также в перен. значен.)

4. Собрание приглашенных (обычно у официальных лиц).

Методика

1. Наука о методах преподавания

2. Совокупность методов обучения чему-н., практического исполнения чего-н., М. опытов.

Таким образом, слово *метод* используется одновременно в двух значениях: общенаучном – *способ теоретического исследования* и конкретном – *способ осуществления чего-л.*, то есть как синоним термина *прием*.

При этом принято различивать:

общенаучные методы – используемые всеми науками: методы наблюдения, обобщения, моделирования, количественные методы, экспериментальные методы;

методы частных наук – используемые только одной наукой или группой родственных наук. Например, лингвистическое интервьюирование, полевая стратификация, лингвокогнитивный метод, ассоциативный эксперимент;

методы исследования отдельных явлений частной науки, например, в лингвистике – фонологический анализ, компонентный анализ, когнитивная интерпретация.

Один и тот же метод может выступать в нескольких разновидностях (вариантах), которые в практике лингвистических исследований тоже принято называть методами. Например, метод эксперимента может выступать в виде метода ассоциативного эксперимента, который, в свою очередь, может выступать в виде свободного ассоциативного эксперимента и направленного ассоциативного эксперимента. Все это будут методы исследования. Метод компонентного анализа выступает в виде метода классического оппозитивного компонентного анализа и метода Бендикса и т.д.

В научной практике используется и термин *методика*, который также оказывается многозначным.

С одной стороны, *методика* – это *совокупность методов и приемов для эффективного исследования какого-либо явления*.

С другой стороны методикой очень часто называют отдельные *частные методы* или *приемы* исследования – например, часто говорят – методика Бендикса, методика компонентного анализа и т.д. *Методика* в последнем случае – синоним частного метода и приема.

Таким образом, с одной стороны, в лингвистической практике *метод* – это более широкое понятие, чем прием, с другой стороны, термины *метод* и *прием* могут выступать как синонимы. *Методика* – более широкое понятие, чем *метод* и *прием*, но оно на практике тоже может выступать как синоним терминов *метод* и *прием*.

Мы полагаем, что исключительно термин *методы* целесообразно использовать применительно к общенаучным методам, все остальные могут в равной степени называться *методами*, *методиками* и *приемами*. Например: «в исследовании использовались общенаучные методы наблюдения, обобщения, моделирования, эксперимента, количественные методы, а также методы (приемы, методики) свободного и направленного ассоциативного эксперимента, лингвистического интервьюирования, когнитивной интерпретации, компонентного анализа, полевой стратификации».

При описании использованных в лингвистическом исследовании частных методов важно, чтобы эти методы назывались максимально конкретно, в форме конкретных используемых вариантов того или иного метода – например, не *метод ассоциативного эксперимента*, а *методы направленного и свободного ассоциативного эксперимента* и т.д., чтобы можно было максимально полно представить используемый метод.

Методы различаются по цели их использования и выступают при этом в различных видах (формах, разновидностях, вариантах).

По цели различают:

- методы исследования,
- методы верификации результатов исследования,
- методы интерпретации результатов исследования.

Основные методы *интерпретации результатов*:

- метод семантической интерпретации,
- метод когнитивной интерпретации.

Основными методами *верификации результатов* исследования являются:

- подтверждающий опрос по полученным результатам,
- повтор исследования на другом материале,
- повтор исследования с использованием других методов.

Основными методами *лингвистического* исследования являются:

- лингвистическое наблюдение,
- лингвистический эксперимент,
- лингвистическое интервьюирование (опрос).

Лингвистическое наблюдение – это анализ и фиксация языкового материала в его функционировании – в устной или письменной речи. Наблюдение всегда сопровождается фиксацией наблюдаемых явлений – на бумаге, на специальных карточках, в магнитофонной форме, в компьютерной форме или в форме видеозаписи. В дальнейшем лингвист обобщает зафиксированные в результате наблюдения данные и делает выводы о значениях и функциях зафиксированных в ходе наблюдения языковых единиц.

Важно разграничить термины *лингвистический эксперимент* и *опрос*, которые часто не разграничиваются.

Ср. в словаре С.И.Ожегова:

Эксперимент – то же, что опыт 3.

Опыт 3. воспроизведение чего-либо экспериментальным путем, создание чего-либо нового с определенной целью, с целью исследования, испытания

Таким образом, эксперимент – это *создание* некоторого явления с целью его исследования. В лингвистике эксперимент предполагает создание участниками эксперимента некоторого речевого произведения.

Например, словесная ассоциативная реакция, минисочинение (создание текста), завершение некоторой фразы и под. – это эксперимент. Участники эксперимента – испытуемые.

Ответы на вопросы исследователя (письменные, устные; открытые, закрытые) – это опрос. Участники опроса – информанты или респонденты.

Метод *лингвистического интервьюирования* заключается в том, что информантам – носителям языка задаются прямые вопросы лингвистического характера об интересующих исследователя языковых единицах или явлениях языка. Лингвистическое интервьюирование есть непосредственное обращение к языковому сознанию носителей языка с прямыми вопросами типа: *Что значит эта единица? Можно ли так сказать? Как бы вы сказали, если...? Различаются ли эти единицы по значению? Совпадают ли эти единицы по значению? Какие функции выполняют эти единицы?* и т.д. Затем исследователь обобщает и статистически обрабатывает результаты.

Лингвистическое интервьюирование осуществляется в форме опроса – устного или письменного, ответы респондентов (информантов) фиксируются исследователем либо самими респондентами в письменной форме.

Таким образом, лингвистическое интервьюирование – это метод, а опрос – это форма, в которой метод реализуется.

Примеры экспериментальных методов:

- Свободный ассоциативный эксперимент
- Направленный ассоциативный эксперимент
- Метод субъективной дефиниции
- Методика Бендикса
- Экспликативный эксперимент
- Методика описания чувственного образа, вызываемого словом
- Метод письменной рефлексии (минисочинений) по концепту
- Завершение экспериментальной фразы

Примеры методов лингвистического интервьюирования:

- Прямое лингвистическое интервьюирование
- Метод семантической дифференциации (метод выявления дифференциальных признаков языковой единицы)
- Метод оценочной дифференциации

Таким образом, лингвистика и психолингвистика обладают комплексом методов (методик, приемов) исследования материала, а также используют общенаучные методы.

В связи с вышеизложенным нам представляется непринципиальным вести дискуссии о том, относится ли конкретный использованный исследователем метод к *методам*, *методикам* или *приемам* исследования. В конкретном исследовании то, как будет классифицирован использованный метод, не имеет значения – это ничего не меняет в результатах конкретного научного исследования, важно лишь, чтобы использованные методы (методики, приемы) были в исследовании конкретно описаны.

М.Л. Соснова (Москва)

Креативные приемы конструирования сознания

Парадигма языкового сознания как подход к анализу содержательной стороны вербальной памяти, речевых произведений задает методологическую платформу, в рамках которой следует формировать методики анализа, валидные для конкретных задач и для конкретного материала.

Данная статья носит характер частной методики по решению задач формирования сознания субъекта.

Актуальность вопросов о методах и приемах конструирования сознания. Проблема развития сознания человека и способов такого развития, особенно проблема понимания, использования и создания креативных методов и приемов, конституирующих творческий процесс, недостаточно разработана.

В научной сфере, в образовании и публицистике заметно вырос интерес к проблеме развития креативности, развития творческого потенциала личности. Этот интерес не случаен, поскольку его появление обусловлено многими факторами. Среди них и глобализация, в то же время все большая атомизация человека, да и сами условия новой России требуют новых кадров и новых способов адаптации разных поколений специалистов к все более быстро меняющимся условиям. Эти условия плюс огромный вал информации из-за развития новых технологий и средств связи, необходимость в по-новому обученных топ-менеджерах, работниках науки, культуры, образования, здравоохранения, СМИ и др., предъявляют особые требования к научному сообществу в отношении новых инструментов, средств, орудий, совершенствующих восприятие, понимание, запоминание, усвоение и переработку информации. Необходимы и новые способы актуализации и развития человеческих способностей. В обществе наличен социальный заказ на разнообразные орудия-результаты, с помощью которых человек быстрее и эффективнее осваивает профессию или отдельный ее модуль, превращается в гражданина, в самостоятельную личность, ставящую перед собой адекватные цели, в которых в целостности и единстве воплощаются ее собственные мечты, чаяния – в гармонии с интересами развития социума.

Собственно, вся история человеческого рода строилась на поиске таких средств, благодаря этому процессу человечество выжило и развивалось. Если взглянуть на продукты человеческого гения, на предметы и процессы, изобретенные неизвестными талантами, бросается в глаза сочетание универсальности с узкой специализацией в подходах к решению задач. В современном же образовании второе явно побеждает, почти полностью утеряны «гены» универсальной парадигмы, что ставит выпускников

школ и вузов перед сложнейшей задачей объединения, синтеза умений и знаний ради достижения целей врача, политика, преподавателя, инженера, управленца и т.п. Даже национальный язык, который изначально призван объединять сообщество людей, говорящих на нем, представляет собой такие разные дискурсы, которыми владеют лишь небольшие группы специалистов.

Идея обращения к креативным приемам как к конструкту, на основе которого можно строить сознание в его открытости, гармоничности, в парадигме «специализация + универсализация», является системообразующей идеей данной статьи. Под универсальностью приемов, действий понимается повторяемость, неизменность природы действий, возможность использования приемов в самых разных ситуациях.

В сфере формирования сознания, во взаимосвязях сознания и деятельности велика роль *средств и способов внутренних действий субъекта, накопление им информационных, мотивационных, творческих, эмоциональных и волевых ресурсов*, без которых ни одна сложная деятельность не может состояться. Отечественными и зарубежными исследователями (А.Н. Леонтьев, Н.И. Жинкин, М. Вартофский и др.) установлено, что понимание сложных явлений облегчается, если знания о них приобретают дополнительную (образную) опору (презентацию). Не отвергая необходимости абстрактного, теоретического мышления у школьников и студентов, нужно признать, что наиболее важные для их развития и профессии знания должны получить образное представление, своего рода «упаковку». О роли чувственного и умственного компонентов в процессе формирования знаний писал еще И. Кант, называя это эстетическим и логическим совершенством знаний.

О сущности креативных методов и приемов. Креативность есть способность видения и созидания нового знания, нового предмета, нового подхода, новой интерпретации известного факта и т.д.

К продуктам креативной деятельности человека можно отнести весь диапазон материальной и духовной культуры. Чтобы вычленил отдельный прием, нужно распределить объект анализа, но вот как раз с творческой деятельностью, оказывается, это сделать непросто. А потому так важно использовать хотя бы небольшие внедрения в творческий процесс в том виде, в каком он представляется создателю, автору приема.

Кратко изложим «историю» конкретного креативного приема. Вначале это одно из средств, которые творец-деятель использует для достижения конкретной творческой задачи вместе или вместо известных средств, способов действий, знакомых

алгоритмов. Но в качестве отдельного креативного приема он появляется лишь в результате специальных процедур по вычленению его из массы рутинных, репродуктивных и творческих действий, после его глубокого осознания, формирования, оформления, обозначения, проверки и использования в процессе достижения результата, часть которого предвидится, а другую часть, новую, творческую предвидеть невозможно.

К креативным приемам в том смысле, который им придает и их понимает автор данной статьи, можно отнести конкретные креолизованные тексты, артефакты, точнее, технологическую систему, представленную вербально и визуально, имеющую определенную целевую направленность и играющую роль инструмента, орудия, средства. Как любое орудие оно должно быть включено в определенную деятельность. Но сама деятельность под влиянием этого включения, использования нового средства, изменяется, обогащается новыми смыслами, а значит, развивается и сам субъект этой деятельности. Как писал С.Л. Рубинштейн, объединяя природу человека с миром природы вообще, *«отличительная особенность всего органического: функционируя, организм сам формируется... В творчестве создается и сам творец... Лишь в организации мира мыслей формируется мыслитель; в духовном творчестве вырастает духовная личность»* [Рубинштейн 1989: 94-95].

Приведем пример построения ситуации, стимулирующей творческие возможности субъектов. В данном случае креативным приемом служило выполнение задания литературного характера. Автором статьи было предложено студентам нескольких гуманитарных факультетов написать «продолжение» рассказа М. Зощенко «Обезьяний язык». В результате анализа полученных нескольких десятков работ, были сделаны выводы о высокой степени увлеченности заданием многими студентами (задание было необязательным), об активном внимании и восприятии окружающей языковой среды, о главных болезнях современного русского языка: обилии англоязычной и компьютерной лексики и криминального жаргона и т.д. Важно то, что некоторые студенты могли осознать задание в качестве креативного приема, способствующего формированию навыков литературной деятельности.

Каждый креативный прием, как и любая другая информация, представляет собой текст. *«Текст есть отдельный знак или, как правило, упорядоченное множество знаков, объединенных единством замысла коммуниканта и в силу этого обладающих глубинным смыслом («личностным смыслом»)»* [Никитина 2006: 54]. И далее автор работы по семиотике выделяет наиболее интересное с точки зрения данной статьи – «тип функционирования» текста, семиотической системы. Текст, представляющий креативный прием, предназначен активизировать сознание реципиента, программировать и перепрограммировать его, подсказывать возможные разнообразные, в том числе новые выходы из проблемной ситуации.

Как «чужой», так и свой креативный прием служат основой для содержательной и знаковой фиксации, служат заданной формой или новой матрицей, средством материализации объекта внимания субъекта, увеличивают его способности анализа, обобщения, синтеза, абстрагирования, моделирования, сопоставления и противопоставления и т.д.

Креативный прием может служить стимулом, способом напомнить себе (или создать) внутренние и внешние связи объекта, помещая его на разные уровни системной организации. С его помощью объект, осмысляемый паттерн, может разделяться, отдельная его часть может быть интегрирована в новую систему, объекту могут придаваться новые – системные – свойства и т.п.

В своем поиске орудий-результатов автор отталкивается от многовековых традиций западной цивилизации, традиции добывания истины в Диалоге «старого» и «нового», берущей начало от Сократа с его формой беседы, когда с помощью вопросов и ответов, раздумий сам субъект встречается со своей истиной, познает мир и себя в нем.

Гениальные прозрения Леонардо да Винчи, продемонстрировавшего миру способность учиться у самой Природы, его умение вглядываться в явления природы, в мир людей, их поведения, всматриваться в полет птицы, фиксировать его так, как это могут делать только специальные современные приборы, – напоминают нам о необходимости быть открытыми миру в добывании нового знания и в дарении людям всего лучшего из этого поиска.

Для автора значительную роль образца в исследовательской деятельности играет и реформаторский подвиг К.С. Станиславского, во многом определившего не только облик театра на века, но и давшего миру представление о становлении подлинного художника, профессионала и гуманиста.

В отечественной психологической и психолингвистической науке автор опирается на идеи Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева, В.П. Зинченко, А.А. Леонтьева, Е.Ф. Тарасова, В.В. Давыдова, И.А. Зимней, Д.Б. Богоявленской и др.

Цель образования и гуманитарных наук – помочь личности сформироваться и достичь зрелости. Если общество заинтересовано в появлении зрелой, развитой во многих отношениях личности, в том, чтобы ее жизнедеятельность была действительно значимой для субъекта и для социума, уже в детстве и в юности необходимо оказать максимум помощи для будущего развития и саморазвития. Только в таком случае возможно подлинное акме человека. Под акме психологи, занимающиеся акмеологией, понимают *«высший для каждого человека уровень развития его физического здоровья, ума, чувства, воли, взаимодействующих таким образом, что он добивается наибольшего результата, проявляя себя как индивид, как личность и как субъект деятельности»* [Бодалев, Рудкевич 2003: 90].

В зарубежной науке накоплен большой арсенал различных подходов, технологий и техник развития

творческих способностей субъекта, многие из этих техник получили широкое распространение в образовательной практике всего мира. Среди них можно назвать прием создания интеллект-карт Т. Бьюзена, предназначенный для развития ментальной грамотности, памяти, воображения, всех видов мышления, творчества, самостоятельности; прием «думательных шляп» Э. де Боно и его же «шесть пар обуви образа действия»; метафоринг Т. Сайлера, в котором в широком диапазоне развиваются творческие способности субъекта; методику личностного развития «по Сократу» Р. Гросса; технологии Р. Штернберга и мн.др.

Помимо использования этих приемов нами разрабатываются и собственные авторские приемы с опорой на многообразный культурный опыт предшественников. Это «Позиционно-ролевой метод подготовки оратора», «Обобщенный способ работы исполнителя над текстом», прием ЗсВЧ («Знакомство с великим человеком») [Соснова 2005], приемы «Багаж», «Активный хронотоп», «Транспортный парк», «Справедливый банкомат», «Бесконечный дворец», «Алые паруса» (или «Креативный процесс»), метод «Искусство саморежиссуры», «Мое древо ПраНаИс» (мои, субъекта, практика, наука и искусство) и др. Все названные приемы нацелены на создание у обучаемого установки на творчество, на самосовершенствование, на развитие «интеллектуальной активности и инициативы», а именно это понятие считается единицей анализа творческих способностей (Д.Б. Богоявленская).

Человек, познающий и создающий подобные приемы и методы, один работает и мыслит как целая группа единомышленников, эффективно и оптимально решающая определенную профессиональную, личностную или социально значимую проблему.

Рассмотрим некоторые из названных приемов более внимательно. Начнем с приема создания интеллект-карт Т. Бьюзена, что не случайно, поскольку эта техника уже получила широкое распространение.

Интеллект-карты представляют собой креолизованные тексты, состоящие из изобразительных и вербальных компонентов. Т. Бьюзен параллельно изучал записи, фиксацию своих идей выдающимися деятелями искусства, науки, техники и – исследования в области функций мозга, которые качественно и количественно нарастали в последние десятилетия лавинообразно. Затем автор открытия, получившего патент на изобретение, еще продолжал его дорабатывать, популяризировать по всему миру.

В основе идеи интеллект-карт лежит представление о радиантном (многомерном) мышлении. *«Интеллект-карта – это графическое выражение процесса радиантного мышления, и поэтому она является естественным продуктом деятельности человеческого мозга... Метод интеллект-карт может найти применение в любой сфере жизни, где бы ни требовалось совершенствовать интеллектуальный потенциал личности»* [Бьюзен 2003: 58]. К основным чертам интеллект-карт отно-

сятся следующие черты: 1) Объект внимания или изучения кристаллизован в центральном образе, на центральном месте страницы; 2) Основные темы, связанные с объектом внимания или изучения, фиксируются ключевыми словами и (или) образами, они обозначаются в виде широких цветных линий, и расходятся от центрального образа в виде главных ветвей; 3) Вторые идеи также обозначаются в виде более тонких ветвей, отходящих от предыдущих, идей, более высокого порядка, то же справедливо для идей третьего порядка и т.д., если это нужно; 4) Все ветви образуют связанную узловую систему.

В интеллект-картах используются различные цвета, аббревиатуры, разной формы стрелки, значки, объемное изображение, шрифты и т.п. Таким образом, при их создании субъект актуализирует и развивает различные способности своего мышления и сознания в целом: происходит оперирование образами, словами, цифрами, логикой, цветом, ритмом, пространственной ориентацией и т.п. Можно увидеть, что это процесс визуализации содержания сознания, позволяющий субъекту *превратить собственное сознание в объект собственной рефлексии*. Со времен Декарта известно, что объективация сознания является необходимым условием его анализа.

Все это свидетельствует о том, что в ситуации создания интеллект-карт субъект осуществляет на практике использование универсального, очень эффективного метода восприятия, понимания, запоминания, преобразования и использования информации в ее превращенной форме. Как показывает многолетняя практика применения этого приема, познавательный, аналитический и творческий потенциал субъекта его использования в своей деятельности увеличивается многократно. Составляются не только индивидуальные, но и групповые интеллект-карты, что повышает коллективные способности достижения целей, решения разного рода задач.

Обратимся к другому креативному приему. Если в интеллект-картах вначале упор делается на способ визуализации материала (объекта внимания или изучения), а параллельно запускается механизм ассоциирования, понимания, творческого его преобразования, то «думательные шляпы» Э. де Боно акцентируют внимание не столько на визуализации («шляпы» и их цвета), сколько на тактиках мышления, что чрезвычайно важно для воспитания рефлексии у самосовершенствующегося субъекта. Ведь далеко не все люди часто задумываются над способами и самим ходом своего мышления.

Метод «думательных шляп» состоит из шести различных мыслительных тактик, в которых имеют место и поисковое, и организующее, структурирующее, и аналитическое мышление и различные эмоциональные настроения на решение задач.

Белая шляпа: это работа с информацией, по возможности, наиболее объективно воспринимаемая, ее сбор, ее актуализация. Сюда относятся вопросы: «Какой информацией я уже располагаю? Какая информация мне нужна? Как ее добыть?»

Красная шляпа предполагает активное использо-

вание ощущений, эмоций, интуиции, предчувствий и т.п. «Что я действительно ощущаю по отношению к объекту моего внимания, моего интереса, изучения? Искренен ли я в своих ощущениях, не лгу ли самому себе?»

Желтая шляпа дает возможность оптимистично и одновременно разумно взглянуть на объект. «В чем преимущества данного взгляда (способа, приема и пр.)? Какие и в чем скрываются позитивные моменты?»

Черная шляпа – это всем нам знакомое критическое мышление. Здесь уместны и жесткая логика, и осторожность, и опасения относительно негативных сторон, последствий и т.д. «Чего можно опасаться? Какой возможен вред и кому? А соответствует ли мой выбор моим ценностям? Что из этого я должен предпочесть?»

Зеленая шляпа – это креативные действия, подходы, поиск, исследования. Вырабатываются варианты и ищутся новые возможности, предложения, идеи. «Что можно еще придумать, изобрести? Какие ранее не использованные варианты могут быть задействованы?»

Синяя шляпа помогает организовать сам мыслительный процесс, когда составляется программа, анализируются предстоящие действия, их ход и последовательность, их приоритетные и второстепенные шаги. «Где мы находимся в решении задачи? Какую роль мы себе отводим? С чего начать? Что сделать в завершении?»

Э. де Боно предлагает целый набор работы со шляпами: надеть конкретную шляпу, снять ее, сменить одну другой, установить последовательность их применения и т.п. Практика показывает, что учащиеся живо откликаются на этот прием, а значит, есть вероятность, что он поможет им использовать свои мыслительные способности более эффективно и творчески.

Восприятие «чужих» и порождение «своих» методов и приемов. К сожалению, здесь мы вынуждены ограничиться в описании «чужих» приемов, чтобы подойти к анализу различий в подходе к «чужому» приему и к процессу создания «своего» приема, опирающегося на идеи предшественников.

Сам креативный прием представляет собой знание об определенном способе действий. А поэтому, как и любое знание, он должен быть опознан в главном своем качестве, существенном признаке, должен быть понят, включен в систему собственных представлений о знакомых способах действий, а затем применен, испробован в собственной практике. У креативных приемов часто есть своя «упаковка», свой способ знаковой презентации в виде образа, имени, названия, формулировки и т.д.

Как известно, игра и творчество крайне заразительны. Трудно любить «чужие» стихи и никогда не написать свое стихотворение. А поэтому и опыт использования креативных приемов увеличивает в субъекте стремление к изобретению, сочинению своих собственных приемов, способов действий с объектами различной природы. Поначалу, когда у субъекта еще мало теоретических знаний в интере-

сующей его области, ему удастся лишь поверхностно усвоить умение создавать прием – по аналогии с уже знакомыми приемами. Но впоследствии, получив помощь от преподавателя или самостоятельно усвоив материал, он может уже сам синтезировать теорию, идейную основу приема и его необычное, интересное, образное (знаковое) оформление. Если объединение прошло удачно и воспринимается как им самим, так и теми людьми, которые с ним знакомятся, можно сказать, что рождение приема состоялось.

Готовность, открытость к постижению нового и с точки зрения теории, словесно-логического компонента мышления, сознания, и с точки зрения формы, гештальта, – абсолютно необходимы в описываемом процессе. Важно лишь отметить, что включенность в этот процесс развивает субъекта тотально, поскольку у него становятся попеременно задействованы левое и правое полушария мозга. Благодаря явлению реципрокности, они оба работают слаженно и гармонично. Разумеется, желательно новый креативный прием еще проверить на истинность, валидность и пр., но все определяет цель: если субъект создает прием для личного пользования (например, чтобы усвоить определенный учебный предмет или решить проблему, периодически встающую перед ним), то ему не обязательно проводить сложное научное исследование.

Креативные приемы открывают сознание для творчества жизни в разных его проявлениях. Как писал Л.С. Выготский, «*в слове мысль не только выражается, но совершается*», а в образах она предчувствуется, предощущается, а потому так важно зафиксировать идею в любой форме, важно помочь идее сформироваться. А потому любой креативный прием означает *открытость сознания для всего нового*, главное для нового знания, добытого самим субъектом. Такое творящее сознание отличается от «закрытого», которое полагается лишь на память о «чужих», авторитетных мнениях. Именно такие «знатоки» возмущали Леонардо да Винчи, считавшего несправедливыми их претензии к нему за то, что он строит свое новое знание, не основываясь исключительно на книгах, на изысканиях предшествующих поколений исследователей, но через наблюдение, поиск, изучение самой природы явлений.

Отношения «содержания» и «формы» объекта не просты и не линейны, часто мало предсказуемы. Обычно считают, что первое важнее второго, но известно, что отношения их – это отношения взаимодополнительности: как содержание нуждается в форме, так и форма, освоенная субъектом, нуждается в новом содержании.

Мотивы «технологического подхода» к жизнедеятельности субъекта. Нельзя обойти вопрос о *мотивации* процесса освоения креативных приемов, а особенно об их создании, изобретении. Овладевая новым знанием, к чему обращается человек в первую очередь? Разумеется, к собственной проблемной зоне, к тому, что его волнует, тревожит, беспокоит, интересует. Почти

все креативные приемы требуют определенного уровня подготовки, требуют внимания, а значит, их нельзя освоить без усилий интеллекта, воображения, памяти, творчества. Обычно ведущий мотив состоит в желании справиться с проблемой, мотив самопомощи в трудной ситуации. Но и мотивы-стимулы налицо: вооружиться интересным и полезным инструментом организации знания, умения; освоить необычную, привлекательную во многих отношениях информацию; подключиться к кругу умных, творческих людей; «креатив – это престижно и современно» и т.д.

Значение *психотерапевтического эффекта* от использования и порождения креативных приемов трудно переоценить. Ведь далеко не секрет, что школьники и студенты обладают небольшим жизненным опытом, что препятствует эффективности в их борьбе с наступающими их депрессиями, эмоциональными срывами, коммуникативными проблемами. Многие из них испытывают длительный стресс из-за трудностей освоения теоретического материала по многим предметам, из-за обилия информации. Именно поэтому не только лень – главная причина следования учащегося формуле: «послушал – выучил (или списал) – сдал – получил оценку! – забыл». И только то, на что «душа отвечает», например, из ощущения, что нечто (прием) поможет структурировать, организовывать обширный материал, подскажет основные его смыслы для познающего субъекта, разворачивает его в направлении желаний познавать, запоминается, используется. Большинство креативных приемов универсально: они созданы и работают как для «жизни», так и для учебы. Отзывы студентов об этом многочисленны, например, «я рассказала маме об этом приеме, и мы с ней решили трудный для нас вопрос», «несколько раз пытался сдать экзамен по..., а с помощью приема мне это удалось – на пять» и т.п.

Развивая мысль о значении адекватного мотивирования познающего субъекта, рассмотрим феномен отчуждения учащегося от процесса учения. Ведь этот процесс часто лишь имитируется, а не является подлинным, осуществляемым для себя, для своих нужд и потребностей. *«Отчуждение – это процесс превращения результатов и продуктов деятельности человека в нечто, не зависящее от него и господствующее над ним. Вследствие этого деятельность лишается творческого содержания»* [Ильин, Машенцев 2007: 109]. Слишком часто ученик в школе лишь зарабатывает оценку, а студент – академическую успеваемость. И тогда главный мотив – страх, а отнюдь не интерес, не потребность в познании для решения будущих жизненных и профессиональных задач. Креативные приемы сами по себе способны вернуть этот интерес субъекту, они способствуют превращению учения в понятный, релевантный процесс. Ведь отчуждение в качестве психологического явления, как форма *внутреннего конфликта*, препятствует свободному и радостному процессу освоения знаний, а потому важно все делать для минимизации психологических барьеров.

Креативные приемы поворачивают, подобно

рычагу, весь педагогический процесс в сторону ученика, в сторону его интересов и возможностей. Меняется и весь смысл системы учебного процесса «учебный предмет – учебные цели и средства – учитель – ученик». Предмет становится понятнее и ближе ученику, учитель превращается в человека открывающего некоторые «тайны творчества», их отношения с учеником обогащаются, гуманизируются, растет взаимная заинтересованность в новых достижениях, растет и мотивация ученика относительно освоения профессии и т.п. Креативный прием – лишь часть системы, творческой по самой своей сути. Установка на креативность, на новое, активное поведение есть следствие зараженности ученика «креативным преподавателем», а другим он и не должен быть. Личную заинтересованность, творческий огонь в глазах – по отношению к ученику и в связи с учебным предметом – ведь не сыграешь и не сымитируешь, это или есть или нет. Но это можно в себе развить, воспитать, погружаясь в мир творчества, Ученика, науки, искусства и т.п. Креативный прием тогда становится частью сюжета, возникающего в отношениях между мыслью и образом, знанием и эмоцией, воображением и мышлением, эти отношения становятся захватывающе интересными и могут спровоцировать в аудитории тот «культурный взрыв», о котором писал Ю.М. Лотман.

Особенно интересные результаты бывают в ситуации обновленного под насущные общественные потребности педагогического процесса при умном и компетентном его руководстве. Двое учащихся, студентов училища по-разному увидели и по-разному участвовали в реформированном умным и влиятельным князем Тенишевым учебном процессе, но оба (как и многие другие) стали впоследствии выдающимися деятелями русской культуры. Речь идет о В. Набокове и О. Мандельштаме. Акцент в преподавании там делался на практике, на свободе творчества ученика, на доверии к нему.

Итак, чем «привычка к креативности», владение полезными приемами, которыми может быть «оборудован» внутренний мир человека, может помочь при встрече с жизненными трудностями? Исследователи «жизни как творчества» пишут: *«Поскольку суть всякой жизненной драмы – в остром несовпадении желаемого и действительного, трудно предугадать и проанализировать все возможные переплетения и пересечения мыслей и чувств, сопровождающих и провоцирующих драматическое состояние души человека»* [Донченко 1985: 243]. Если человек знаком с некоторыми креативными приемами, он может волевым усилием начать прорабатывать свою проблемную зону, выявляя в ней наиболее уязвимое место, вербализуя или изображая суть главных противоречий. Главное здесь, что он занимает позицию и внутри (поскольку переживание еще может быть очень острым), и «над схваткой», т.е. начался процесс перевода болезненного состояния в более нормальное: *«Осознание человеком самого значимого противоречия, приведшего к*

состоянию драматического мировосприятия, представляет собой первый и главный шаг к разрешению драматической коллизии» (там же). Нарбатываются своеобразные «мышцы» активности субъекта по отношению к своим переживаниям, укрепляется креативная позиция, привычка не оставлять течение своей жизни «на волю волн», - все это помогает человеку не теряться и не ждать, пока негативные обстоятельства накроют его с головой, когда ему уже будет трудно выбираться «из-под глыб». Б. Спиноза, исследуя разрушительное влияние неудержимых страстей и находясь в поиске способов смягчения этого процесса, писал о своеобразной связке «правила» и образа новой, ранящей ситуации, называя эту связку «правильным образом жизни» или «твердыми началами для нее». Он считал, что *«надо всегда помнить о них и применять их в единичных случаях... дабы таким образом они широко действовали на наше воображение и всегда были у нас наготове. Так, например, среди правил жизни мы поставили... побеждать ненависть любовью и великодушием, а не оплачивать за нее взаимной ненавистью... Образ обиды мы соединим с воображением такого правила, и... оно будет вставать перед нами всегда, как только нам будет нанесена обида»* [Спиноза 1984: 45]. Мы видим, что философ предлагает создать настоящий креативный прием, обеспечивающий субъекту более или менее нормальную, не разрушительную реакцию на неадекватное поведение собеседника.

Даже простое включенное чтение может выступить таким приемом, принести облегчение, ведь помогает не только прямой жизненный опыт, но и косвенный, полученный из произведений искусства, литературы, публицистики и т.д. Вот, например, как о возможности взаимопонимания людей писал Ф.М. Достоевский: *«Природа человека едина... В одном человеке заложено все, что есть во всех людях... По природе своей каждый человек способен понять другого человека, как и быть доступным пониманию»* [цитир. по Донченко 1985: 247]. Есть высокая надежда и оптимизм в том, что *каждый человек* может воспользоваться плодами бесконечного мира культуры.

Внутренняя и внешняя взаимосвязь и полифункциональность креативных приемов. Креативные приемы синтезируют весь опыт человечества, заимствуя у игры и труда, у отдельных отраслей науки, искусства, различных практик свои составляющие и свои сущности. Креативность, как известно, это образ жизни. Ты уже не можешь не творить, если когда-то овладел этим навыком, умением, потребностью в творческом процессе. Ведь креативность бывает самой разной: индивидуальной и групповой, внутриличностной и межличностной, профессиональной и бытовой, коммуникативной и ситуативной, художественно-эстетической и научной, философской и политической, тактической и операциональной, креативностью житейской, здравого смысла и т.д. и т.п. Приемы так же многообразны и полифункциональны, как и сама творческая деятельность. Они могут быть универсальными и

специализированными, могут иметь направленность на строгое логическое мышление или на воображение, на чувственность определенной модальности. Они могут давать духовные опоры личности и способствуют развитию «мастерства жизни». Некоторые из них развивают пространственную ориентацию, другие – по преимуществу межличностные навыки и речь. Главное, что большинство из них действует в интересах субъекта и общества, действует полифункционально и более или менее универсально, для различных ситуаций.

Разумеется, и внутри каждого из видов креативности могут быть свои градации и детализации. Например, известно выражение К. Брюллова о значении в творчестве художника чувства формы и меры, того самого известного всем деятелям искусства «чуть-чуть», которое часто решает успех произведения. Да и в науке иногда все может решить небольшое изменение в гипотезе или в условиях проведения эксперимента.

В связи с идеями и целями данной статьи хочется подчеркнуть важность самого, может быть, главного для каждого человека и для социума вида креативности. Речь идет о *творчестве самого себя*, о конструировании (созидании) своего сознания, мышления, нравственности, своих черт характера и воли, в целом более совершенного себя, т.е. о креативности в сфере самоусовершенствования, о способности изменения себя в направлении идеала. И, хотя он недостижим, но сам путь этот созидателен, он превращает индивида в Человека, об этом же говорили многие философы и мудрецы, в частности, М.К. Мамардашвили, когда он применял термин «зановорождение» личности.

В связи с вышесказанным дополним уже упомянутое понятие акме понятием «личностной зрелости». Это *«включенность в постоянный процесс саморазвития, направленный на достижение адекватного социального функционирования и самоактуализацию, который особенно сложен в настоящее время, требующее от личности соответствия стремительно меняющимся условиям существования»* [Карпова 2004: 75]. Важным для наших целей уточняющим знанием является представление об **«интеллектуальном ресурсе»**, который понимается как *«личностная зрелость человека, которая в условиях современности означает способность к переосмыслению мира, себя и своего способа жизни с учетом социально-значимых ценностей, способность к изменению мира, к созданию новой социальной реальности»* [там же: 79].

Как мы уже отмечали выше, буквально все **может** послужить для субъекта креативным приемом, но может и не послужить, в зависимости от готовности субъекта, в зависимости от его «нагруженности» культурой, моралью и пр. Например, в рассказе В.Шаламова «Сентенция» описывается процесс медленного расставания с жизнью героя рассказа, узника ГУЛАГа. И окончательно умереть ему не дало лишь *одно слово*, возникшее у него в почти застывшем мозге: «сентенция», оно разбудило вначале, потом процессу возвращения созна-

ния помогла музыка из привезенного в лагерь патефона. Человек ожил. В этом рассказе можно увидеть обобщенную модель использования «любого объекта», даже простого воспоминания, образа, слова, фразы – как креативного приема. Ими буквально засыпано пространство вокруг любого человека, надо только *захотеть – поднять, понять, применить*. Креативный прием чаще всего несет гармонию, правду, доброту и красоту, они атрибуты благого, созидательного процесса. О красоте, о самой человеческой способности, хорошо сказал Дж. Голсуорси: *«Красота – это улыбка на лице Земли, нужно иметь глаза, чтобы видеть ее и настроение, чтобы чувствовать»*.

К сожалению, не всегда для индивида в его личностном росте все складывается благополучно. Исследователи отмечают значительные трудности процесса превращения индивида в личность, гражданина, в профессионала, обладающего высоким мастерством, владеющего навыками прогрессивного, поступательного развития. В этом процессе нет мелочей, все имеет свое место и значение. А потому трудно переоценить значение средств, позволяющих субъекту осуществлять достаточно грамотно процессы самопознания, самоуправления, самоконтроля, самооценки, самомотивации, адекватного позиционирования себя в социуме, творческой самореализации, самовыражения (желательно, не за счет других) и пр. По нашему мнению, в каждом учебном процессе, предмете должно найтись место креативному способу получения конкретных знаний и отдельным универсальным приемам. Было бы замечательно, если бы постепенно в нашу жизнь более широко вошли «игры для взрослых», шарады, конкурсы и тому подобная досуговая деятельность с креативной, развивающей направленностью.

Ведь по существу каждый креативный прием, как в клеточке, содержит и традицию (идушую, подчас, от античности, из эпохи титанов Ренессанса, из нашего Золотого и Серебряного веков, из лучших аспектов советской жизни), и новаторство – в применении к новой ситуации, к новой сфере, к другим людям. Очень высок потенциал интеллектуальности каждого креативного приема. В почти каждом из них можно обнаружить фрагменты целого ряда из видов мышления. Напомним, какие виды мышления упоминает О.К.Тихомиров в своей специально написанной об этом работе, и одновременно какие виды исследовались учеными разных стран:

- мышление как ассоциация представлений;
- мышление как действие;
- мышление как функционирование интеллектуальных операций (например, сравнение, анализ, синтез, обобщение, конкретизация, абстрагирование, моделирование и др.);
- мышление как акт переструктурирования ситуации;
- мышление как поведение;
- мышление как мотивированный процесс (включающий и самомотивацию);
- мышление как био-логический процесс;
- мышление как система обработки информа-

ции [Тихомиров 1984: 270].

(Мы позволили себе такую большую цитату, так как номенклатура видов мышления, созданная О.К.Тихомировым, наглядно демонстрирует сферу использования креативных приемов.)

Так вот при использовании, а тем более при изобретении, создании креативных приемов почти все виды мышления оказываются задействованными, одни из них актуализируются, другие осваиваются, тренируются и развиваются.

Роль креативного поведения в социализации личности. Можно всех людей разделить на две группы: одни реагируют на обстоятельства жизни реактивно, почти на уровне инстинктов, зачастую считая свои проблемы и неуспехи, да и самого себя жертвой обстоятельств, другие во всем стараются увидеть собственные промахи и ошибки, а затем их исправить. Они всегда находятся в поиске средств, материала, нового способа для самообновления, всегда изменение жизни «начинают с себя». Разумеется, это деление условно, за ним скрывается *доминирующая модель поведения*.

Креативные приемы, которые накапливают для себя люди из второй группы, предназначены для решения проблем, а значит и саму процедуру такого «технологического» вмешательства в обстоятельства жизни делают более привычной, не столь пугающей, вполне естественной. В философии и психологии известно, что *«сама постановка проблемы, т.е. ее обнаружение, формулировка, определение, является самой сложной интеллектуальной деятельностью»* [Абульханова-Славская 1991: 205], что означает, любые моральные средства самопомощи здесь уместны и продуктивны. По мере роста опыта использования креативных приемов нарастает и умение справляться с проблемной ситуацией, которая, как писал С.Л.Рубинштейн, *«является таковой прежде всего, поскольку в ней имеются неизвестные, как бы незаполненные места... выступающие внутри ее, которые подлежат заполнению... на место которых должны быть подставлены их значения»* [Рубинштейн 1958: 14]. Сам подбор креативного приема субъектом, составление им интеллект-карты или иной вербально-образной матрицы, отражающей главные стороны проблемной ситуации, время, потраченное на рационализацию, знаковую презентацию, на новую «превращенную форму» проблемы, – все это позволяет субъекту увидеть новое содержание в ситуации, промыслить выходы из нее и планы ее решения. Параллельно он осваивает опыт нового подхода, учится осуществлять «сдвиг парадигмы», растет его интеллектуальная и эмоциональная сила и выносливость.

Для многих людей, а особенно для молодых одной из трудностей является проблема выбора, выбора пути, выбора поступка. В этом смысле креативные приемы могут играть роль программной «скорой помощи», помогут увидеть контуры возможного социального (либо асоциального) действия. Какое действие может быть названо социальным? М. Вебер считает, что *«социально только то*

действие, которое по своему смыслу ориентировано на поведение других» [Вебер 2006: 469]. Но предвидеть все последствия такого действия довольно трудно, ведь «предполагаемый смысл реального поведения в подавляющем большинстве случаев сознается смутно или вообще не сознается. Действующий индивид лишь неопределенно «ощущает» этот смысл, а отнюдь не знает его, «ясно его себе не представляет», в своем поведении он в большинстве случаев руководствуется инстинктом или привычкой» [там же: 468]. Последнее в современной литературе называют сложившимся **паттерном** поведения, именно «работу» с ними и помогают осуществлять креативные приемы, нарушая, прерывая автоматизм использования имеющихся у субъекта паттернов.

Среди основных типов социального действия М. Вебер называет аффективное, традиционное, целерациональное и ценностно-рациональное действия. В целях нашего исследования обратимся к двум последним типам социального действия. «Целерационально действует тот индивид, чье поведение ориентировано на цель, средства и побочные результаты его действий, кто рационально рассматривает отношение средств к цели и побочным результатам и, наконец, отношение различных возможных целей друг к другу, то есть действует, во всяком случае, не аффективно (прежде всего, не эмоционально) и не традиционно... Ценностно-рационально действует тот, кто невзирая на возможные последствия, следует своим убеждениям о долге, достоинстве, красоте, религиозных предпочтениях, благочестии или важности «предмета» любого рода. Ценностно-рациональное действие... всегда подчинено «заповедям» или «требованиям», в повиновении которым видит свой долг данный индивид» [там же: 472]. Оба вида социального действия, в отличие от традиционного, основанного на привычке, и аффективного, при котором у субъекта «зашкаливают» эмоции, нуждаются в различных способах демонстрации и освоения. Наиболее оптимально деятельностное, творческое освоение и потому креативные приемы представляют собой своеобразную, всегда готовую обновляться сферу, пространство, в которое вовлекается познающий субъект, и на себе опробует модели целерационального и ценностно-рационального действия (в разных приемах – различны их пропорции). Но, безусловно, только на практике субъект становится «мастером-креативщиком», только он сам создает новое для себя творческое пространство деятельности и общения.

Любое познание ориентируется на образцы, а потому для творческого процесса естественно обращение к жизни и творчеству гениев, выдающихся личностей. Исследователи отмечают универсализм в их способностях и действиях: «Гений – это умение проявлять универсализм в каждом ответственном творческом моменте, выразить «бесконечное в конечном», направить в нужный момент весь творческий потенциал в едином направлении» [Гончаренко 1991: 31]. Воспитание чувства нового, нестандарт-

ное видение ситуации, многоаспектный взгляд на объект внимания, установка на поиск оригинального решения – это и многое другое в учебном процессе не менее важно, чем владение педагогом методикой «передачи информации для запоминания учебного материала». Хочется надеяться, что наступают времена, когда быть не креативным становится так же невозможно, как быть неграмотным.

Креативный прием как сложная семиотическая система и как стимул для саморазвития личности. Все креативные приемы представляют собой особую семиотическую систему, в которой задействованы и означены главный и неглавные объекты восприятия, внимания, интереса. В них широко используются ассоциации по сходству и по смежности (метафора и метонимия), определения понятий, логика предмета изучения, юмор, разнообразие позиций «исследователя» и т.п. О непосредственном взаимовлиянии искусства и науки известно давно. В частности об этом же пишет А. Гулыга, о том, что «в результате возникают некоторые промежуточные формы, претендующие в равной мере на принадлежность и к художественному творчеству, и к гуманитарному научному знанию. Здесь эмоциональное, эстетическое воздействие опирается на научное знание, а последнее приобретает и закрепляется средствами искусства. Тем самым образ сливается с понятием» [1987: 222]. Для большинства креативных приемов, в частности, наших, характерна эта взаимосвязь, о которой писал философ.

Кроме того, они очень психологичны, воздейственны, активны, как будто в них есть вызов, требование к субъекту познания, сам прием как бы говорит: «Вот, теперь у тебя есть я, новое орудие, средство. Работай, применяй меня! У тебя ведь так много жизненных целей и планов, теперь тебе будет легче их реализовывать. Со мной ты добьешься успеха». Если для всех выдающихся людей характерна способность к предвидению будущего, то для субъекта, использующего креативные приемы, это становится потребностью, ведь хотя бы на часть, на фрагмент этого будущего можно повлиять самому, построить его своей головой и своими руками, в том числе и с помощью нового, специально изобретенного креативного приема.

Так и поступила студентка Л. Пересецкая, когда после нескольких занятий с «чужими» креативными приемами сочинила свой прием «Поведенческие очки», предназначенный для регулирования одной из проблемных зон молодых людей – общения. Педагог предложила доработать прием, переведя его из сферы только практики в систему научного знания, уточнив, соединив разные типы «очков» с определенными отрезками шкалы межличностных отношений, принятой в социальной психологии: от позиции «доминирования, когда другой – раб или средство достижения целей» до позиции «сотрудничество или близость, когда другой – цель и ценность».

Все креативные приемы превращают своих субъектов применения в открытую, восприимчивую

и творческую систему, приучают чувствовать и понимать свое Время, большое – время культуры и малое – время сегодняшнего дня, приучают строить их взаимосвязи. Повышается уровень субъектности личности, уровень его влиятельности, пристрастности, развивается его *творческая активность и инициатива*, которые исследователь творческих способностей Д.Б. Богоявленская считает главной единицей анализа уровня креативности.

Очень значителен вклад креативных приемов в воспитание эмпатии субъекта его использования, в развитие *эмоционального аспекта личности*. В последнее время, наконец-то и в научном сообществе начинают адекватно оценивать эту сторону развития человека, а EQ (эмоциональный интеллект) стала измеряться тестированием и его значение считается не менее важным, чем коэффициент других видов интеллекта.

В связи с этим нами разработан прием «Искусство саморежиссуры», в котором талантливо сформированные театральные технологии и техники обращаются на службу «человеку самосовершенствующемуся», предназначаются для выработки навыков приобретать желаемое состояние, настроение, для умения регулировать свои эмоции, управлять через себя и поведением собеседника.

Кратко опишем следующий наш метод, теоретическую базу которого составляет представление А. Маслоу о потребностях человека. В методе используется принцип образного представления информации, группировка некоторых технологических приемов, осознание и освоение которых помогает организовать активность по построению навыков, умений, знаний, которые предназначены в настоящем и будущем обеспечить реализацию основных потребностей личности, профессионала, субъекта общения и деятельности. Назван данный метод «Багаж» так не случайно, а по аналогии с распространёнными выражениями типа «багаж опыта», «багаж знаний». Итак, главный образ метода «Багаж» – «тележка с чемоданами и сумками», в метод входят:

«*Потребительская корзина*» (связана с осознанием физиологических потребностей и соответствующих ценностей). Приемы, ее «наполняющие», это умение вырастить овощи на огороде или навыки заработать на жизнь деньги. Способы и условия овладения: наличие образцов трудовой деятельности, собственные пробы, практический опыт.

«*Сумка спортсмена*» (связана с осознанием потребности в безопасности, надежности). Приемы, ее наполняющие, – это умение прогнозировать опасности, установка на укрепление здоровья, на выносливость, силу (физическую, психическую), на эмоциональную устойчивость, на противодействие стрессу. Способы овладения: тренинги, упражнения, опыт анализа сложных ситуаций, опыт реального их преодоления.

«*Мешок опыта*» (в первую очередь – это осознание опыта переживаний, отношений, общения, автокоммуникации). Связь с осознанием потребности принадлежности, любви. Приемы: анализ и выводы

из опыта отношений в прошлом и настоящем; для некоторых – религиозный опыт. Способы овладения: реальное строительство отношений, косвенный опыт (через произведения искусства, СМИ); выводы о том «как быть любимым(-ой)».

«*Косметичка*» (для женщин) и «*барсетка*» (для мужчин). Связь с осознанием потребностей в уважении, в признании. Приемы: а) средства внешней презентации (от выражения лица, интонации – до костюма и т.п.); б) реальный социальный статус (депутат, профессор, студент-отличник и т.д.). Способы овладения: а) построение имиджа, работа над манерами и речью; б) получение статуса с помощью реальных трудовых и познавательных усилий.

«*Портфель ученика и (или) исследователя*». Связь с осознанием когнитивных потребностей и ценностей. Приемы: владение знаниями, умениями, понимание мира (всегда – частичное) и себя в нем. Способы овладения: учение, самообразование, выработка учебных и профессиональных навыков, установка на познание, стремление и любовь к истине; путь исследователя.

«*Волшебный сундук путешественника*» – в мир образов, эмоций и чувств – во времени и в пространстве. Связь с осознанием эстетических потребностей и ценностей. Приемы: выработка образного видения мира; деятельность реципиента и (или) создателя художественных произведений. Способы овладения: от первых ощущений радости и красоты мира природы и культуры – до продуктивной деятельности в сфере художественного творчества.

«*Рюкзак альтруиста*» («альтруист» + «альпинист»). Связь с осознанием потребностей самореализации, самоактуализации, соответствующее ценностное ориентирование. Приемы профессионального и духовного самостроительства; размышление о своем предназначении; поступки, реализующие самое талантливое и значительное в себе, то, в чем «деятельность нашла своего субъекта» (А.Н. Леонтьев).

Основная направленность всего наличного и потенциального содержимого «Багажа» - настрой и сознательная конкретизация, нацеливание субъектом себя на совершенствование своей жизни и соответствующее влияние на общество.

Креативные приемы вносят свой вклад в решение «проблемы познания для самого познающего субъекта» с ее главными критериями – *внутреннего совершенства*, обязывающими субъекта учитывать новое знание с более общими принципами, теорией, методологией. Должно быть найдено системное единство и с *внешним оправданием* нового знания – через эксперимент, проверку идей. В результате образуется необходимый в науке синтез личного наблюдения и надличной логической дедукции, как считает исследователь творческого пути А. Эйнштейна Б.Г. Кузнецов. Если невозможно выработать у всех людей научный тип мышления, по крайней мере, можно многих заразить интересом к рациональности, к мысли, опирающейся на добытые предшественниками знания, выработать установку на творческий поиск.

От социального действия, от осознания своих ресурсов – к творческому действию. Одним из важных понятий в работе с креативными приемами является уже упоминавшееся нами понятие *паттерна*, оно более предпочтительно по сравнению с понятиями «стереотипа» или «шаблона, штампа». Паттерн это определенная структура, сложившаяся в мозге, которая зависит от предшествующего опыта человека. Часть паттернов нам служит вполне уместно и эффективно, но бывает, что обстоятельства изменились, и прежний паттерн нашего знания, отношения или поведения устарел, теперь является преградой в достижении наших целей. Здесь-то и пригодятся креативные приемы, фиксирующие строение определенных фрагментов деятельности, явления и т.п. Креативные приемы помогают освежать, обновлять видение субъектом меняющейся реальности, они приучают действовать приоритетно, разумно, при необходимости, глубоко осмыслять поступки, свое личное «социальное действие», помогают превращать их в «творческие, созидательные действия».

Каждый из креативных приемов является в разное время открытой и закрытой системой. На этапе освоения, познания, тренировки наше сознание и новый прием, новое знание о нем на время должны стать закрытой системой. Мы должны как бы «раствориться» в нем, забыть о прежних установках и предпочтениях, суметь отделиться новому знанию, пониманию. Иногда на этом этапе сам прием тестирует нас. Например, при знакомстве с «думательными шляпами» Э.де Боно мое внимание привлекла «желтая шляпа», показавшая мне самый главный недостаток – недостаток оптимизма и решительности – в моем познавательном, исследовательском процессе.

Впоследствии, когда новый прием становится нашим новым навыком, новым *полезным паттерном*, мы можем свободно выбирать, нужно ли его использовать или не нужно. Но, знакомый нам сам по себе, он нас «лечит от лени», напоминая важность поиска более углубленного и внимательного, помогает находить неожиданные, «креативные» варианты положений, предложений, структур и т.д.

Люди догматического типа, чуждые «креативности» по своей природе или благодаря выработанным мыслительным и поведенческим привычкам, могут возразить, например, против необходимости в принципе установки на «креативный поиск». «Все уже давно открыто», – считают они. Действительно, для такого типа сознания креативные приемы и люди, как кость в горле, мешают жить. Все логические, теоретические и эмпирические доводы здесь бессильны.

Для «стихийных интуитивистов» может показаться применение креативных приемов слишком

полным «технологий», разумности в подходах. Но, как показывает практика и наблюдения за сотнями учеников, «технологии» лишь способствуют развитию интуиции, но не препятствуют им, хотя, конечно, нельзя становиться рабом, заложником даже самых замечательных идей.

Каковы главные выводы о **целях** креативных приемов?

- Креативные приемы могут служить *объяснительным принципом, моделью* для овладения знанием о предмете, явлении, процессе;

- Из-за высокой степени запоминаемости креативных приемов они служат в качестве *«ментальных компасов»*, подсказок, приходя на помощь в наиболее трудные моменты жизнедеятельности субъекта;

- Креативные приемы объединяют, *синтезируют сферы* научного знания, здравого смысла и эстетическую сферу, а при необходимости они могут показать дифференцированно образ, место и функции каждой из названных сфер, что служит развитию субъекта;

- Они способствуют тому, что на место разобщенного, разорванного представления может прийти хорошо *структурированное, творчески оснащенное видение ситуации*, что служит основанием для овладения субъектом системным, научным знанием и способностями принимать продуманные решения;

- Креативные приемы способны воспитывать сознание самого субъекта как *открытую, самовоспроизводящуюся, творческую систему*, вырабатывают навыки приобретения и обновления новых полезных паттернов (ментальных схем);

- У креативных приемов высок *потенциал воспитания субъекта*, формирования его как личности, профессионала, потенциал его социализации, выработки жизненной стойкости и мужества субъекта;

- Креативные приемы при их умелом использовании, а тем более при их созидании, изобретении *украшают, разнообразят жизнь субъекта*, помогают сделать ее более осмысленной, полной, интересной, помогают более достойному проживанию своей жизни и судьбы.

У В.Кандинского есть хорошее высказывание, которое здесь к месту: *«Внутреннее требует частой смены инструмента»*. Автор статьи присоединяется к этой мысли, но хочется добавить, что «внутреннее» поистине расцветает от сознания своей причастности к миру культуры, если оно может эти инструменты сочинять, изобретать для других и для себя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. – М., 1991.
2. Бодалев А.А., Рудкевич Л.А. Как становятся великими или выдающимися? – М., 2003.
3. Боно Э. Серьезное творческое мышление. – Пер. с англ. Д.Я.Онацкая. – Мн., 2005.

4. Бьюзен Т., Б. Супермышление. - Пер. с англ. Е.А.Самсонов. – Мн., 2007.
5. Вебер М. Избранное: Протестанская этика и дух капитализма. – М., 2006.
6. Гончаренко Н.В. Гений в искусстве и науке. – М., 1991.
7. Гулыга А.В. Принципы эстетики. – М., 1987.
8. Донченко В.А. Жизненная драма как социально-психологическое явление // Шинкарук В.И., Сохань Л.В., Шульга Н.А. и др. Жизнь как творчество (Социально-психологический анализ) – Киев, 1985.
9. Ильин В., Машенцев А. Философия в схемах и комментариях. – СПб, 2007.
10. Карпова Ю.А. Введение в социологию инноватики: Учебное пособие. – СПб, 2004.
11. Никитина Е.С. Семиотика. – М., 2006.
12. Рубинштейн С.Л. О мышлении и путях его исследования. – М., 1958.
13. Рубинштейн С.Л. Принцип творческой самодеятельности // Вопросы философии, 1989, № 4.
14. Спиноза Б. О происхождении и природе аффектов. // Психология эмоций. Тексты. – Под ред. В.К.Вилюнаса, Ю.Б.Гиппенрейтер. – М., 1984.
15. Соснова М.Л. Искусство актера: Учебное пособие для вузов. – М., 2005.
16. Тихомиров О.К. Психология мышления. – М., 1984.

Л.В. Павлюк (Москва)

Лингвистическое знание в обыденном сознании

Представления о многих языковых понятиях существенно различаются у филологов и студентов, приступающих к изучению языковых дисциплин – русский язык и культура речи, стилистика, риторика и под.

Данную проблему мы рассматриваем на материале лингвистических терминов. Нами ставится задача выяснить представления обыденного языкового сознания о культуре речи и культуре общения, определяющие и речевую культуру личности индивида и составляющие основу его лингвистических знаний в начале обучения. Представляется очевидным, что лингвистические представления обыденного сознания существенно отличаются от филологического знания, каковы различия необходимо знать, чтобы адекватно обучать речевой культуре и языку в целом.

Предметом исследования, таким образом, выступает содержание основных языковых и коммуникативных концептов, релевантных для формирования культуры речи и культуры общения специалиста-нефилолога с высшим образованием. Данные концепты в языке представлены соответствующими лингвистическими терминами, через изучение содержания которых в сознании носителей языка и осуществляется описание представляемых ими концептов.

Материалом исследования являются следующие лингвистические термины: русский язык, иностранный язык, английский язык, немецкий язык, французский язык, испанский язык, грамотность, грамотный, жаргон, сленг, мат, норма языка, портить язык, изменения в языке, родной язык, иностранное слово, модное слово, язык, речь, орфография, пунктуация, лингвистика, хорошая речь, культура речи, правильная речь, литературный язык, разговорная речь, богатство речи, стиль языка, речевая ошибка, идеальный собеседник, хороший оратор, эффективное общение, вежливость, светское общение, рече-

вой этикет, толерантность.

Языковые и коммуникативные концепты, исследуемые в работе, являются по своему конкретному содержанию компонентами обыденного языкового (коммуникативного) сознания человека (т.е. совокупности его знаний о языке).

Исследуя различными методами значения называющих эти концепты лингвистических терминов – *язык, речь, русский язык, иностранный язык, стиль, жаргон* и т.д. – мы описываем соответствующие фрагменты обыденного языкового сознания народа.

Исследование языковой единицы (в нашем случае – лингвистических терминов) на уровне языкового сознания предполагает, что в процессе исследования выявляется их *психологически реальное значение* – в каком реальном, «психологически достоверном» наборе семантических компонентов то или иное значение существует в сознании народа, хранится в его языковой памяти, в каких отношениях по яркости и актуальности находятся между собой отдельные смысловые компоненты, образующие семантику слова [З.Д. Попова, И.А. Стернин 2003: 43].

В процессе исследования языкового сознания значения исследуемых единиц изучаются с использованием комплекса лингвистических и психолингвистических методов, которые позволяют детально и психологически достоверно описать содержание и структуру значений исследуемых слов.

Исследование языковых и коммуникативных концептов в обыденном языковом сознании предполагает обращение к экспериментальным методам исследования.

Для достижения поставленных целей предлагается экспериментальная методика, включающая взаимодополняющие процедуры:

направленный ассоциативный эксперимент (русский язык – какой? грамотность – для чего нужна? к чему ведет? что дает?); метод

субъективных дефиниций (русский язык – это...); метод анкетирования с ответом в свободной форме (Хотели бы вы повысить свой уровень владения русским языком? Для чего сегодня надо хорошо владеть русским языком? и т.д.).

Выдвигается гипотеза, что данная совокупность методик позволит описать содержание и структуру исследуемых концептов в обыденном сознании носителя языка.

При этом мы предполагаем, что:

направленный ассоциативный эксперимент с ответом в атрибутивной форме (КАКОЙ?) позволит выявить оценочные характеристики и наиболее яркие когнитивные признаки соответствующего концепта;

направленный ассоциативный эксперимент с ответами на конкретные функциональные вопросы (ДЛЯ ЧЕГО НУЖЕН? К ЧЕМУ ВЕДЕТ? ЧТО ДАЕТ?) позволит установить утилитарные признаки концепта;

метод субъективных дефиниций позволит выявить субъективные представления о сущностных признаках концепта;

метод анкетирования с ответом в свободной форме позволит информантам ответить на интересные исследователя вопросы в субъективно выбранной ими форме, что облегчит информантам вы-

ражение мысли и дополнит результаты более «строгих» экспериментов.

Таковы основные принципы исследования обыденного языкового и коммуникативного сознания.

В данной статье мы остановимся на результатах свободного опроса, раскрывающего оценочно-прагматическое отношение к языку. Испытуемым были предложены вопросы:

1. нравится ли вам русский язык и чем;
2. что не нравится вам в русском языке;
3. есть ли у вас желание и потребность в совершенствовании уровня владения русским языком;
4. для чего необходимо хорошо владеть русским языком;
5. какие слова и выражения вам нравятся в русском языке;
6. какие слова и выражения вам не нравятся в русском языке;
7. надо ли совершенствовать свое владение иностранным языком, каким;
8. для чего необходимо сегодня хорошо владеть иностранным языком, каким;
9. каких навыков в русском языке вам не хватает?
10. что вы считаете ненужным или лишним при обучении русскому языку?

Таблица 1

Когнитивный признак	Всего	Мужчины	Женщины
Для получения хорошей высокооплачиваемой работы	54	22	32
Для общения с иностранцами в стране и за рубежом	53	26	27
Для общего умственного развития, расширения кругозора	29	8	21
Для общения	26	9	17
Требуется при устройстве на хорошую работу	20	10	10
Для карьерного роста, успеха в жизни	19	9	10
Для возможности работы и жизни за рубежом	15	10	5
Для туризма, общения в путешествии, на отдыхе за границей	15	6	9
Очень востребован в наше время, везде нужен	14	7	7
Для ведения деловых отношений с другими странами, чтобы заниматься бизнесом	11	6	5
Познакомиться с другой культурой, традициями, обычаями, менталитетом	10	3	7
Чтобы получать высокую зарплату	9	8	1
Для работы на компьютере	7	3	4
Для обращения с импортной техникой, компьютерными программами, Интернетом, бытовой техникой;	7	4	3
Чтобы быть общительным, коммуникабельным человеком	6	3	3
В наше время модно, престижно знать иностранный язык	4	1	3
Чтобы работать с людьми, не владеющими русским языком	3	2	1
Для получения большего объема информации	3	1	2
Для разнообразия своей речи, расширения словарного запаса, повышения грамотности	3	1	2
Любимое занятие, интересно	2		2
Дает уверенность в завтрашнем дне	1	1	
Для достижения собственных целей	1		1
Для самоутверждения	1		1
Навыки в других языках облегчают жизнь	1		1
Чтобы знать его	1		1
Чтобы занять достойное место в жизни	1		1
Чтобы тебя ценили и уважали	1		1
Чтобы узнать больше людей	1	1	
Чтобы учиться	1		1

Результаты опроса конкретизируют оценочную зону концепта (*нравится ли вам русский язык и чем; что не нравится вам в русском языке; какие слова и выражения вам нравятся и не нравятся в русском языке*) и утилитарную зону концепта (*есть ли у вас желание и потребность в совершенствовании уровня владения русским языком; для чего необходимо хорошо владеть русским языком; надо ли совершенствовать свое владение иностранным языком, каким; для чего необходимо сегодня хорошо владеть иностранным языком, каким; каких навыков в русском языке вам не хватает?*). Приведем результаты опроса по одному из вопросов (концепт *иностраный язык*). Цель опроса – описание утилитарной зоны концепта. Время для ответа не ограничивалось.

При обработке результатов опроса составлялся список отдельных утверждений информантов, которые далее обрабатывались методом когнитивной интерпретации с ранжированием по частотности.

Предполагается, что наиболее частотные ответы будут входить в ядро языкового сознания, менее частотные – в его периферию.

В эксперименте приняли участие студенты Московского государственного университета сервиса, обучающиеся по следующим специальностям: домоведение 9, государственное и муниципальное управление 18, экономика труда 37, юриспруденция, музейно – выставочный сервис 15, социально – культурный сервис и туризм 6, сервис на предприятиях питания 5, менеджмент организаций 31, сервис на предприятиях по изготовлению и ремонту художественных изделий 24, технология деревообработки 10, конструирование швейных изделий 6, автосервис 29.

Всего опрошено 217 человек, 97 мужчин и 120 женщин. Каждый ИИ мог дать от одного до нескольких ответов, обрабатывались все отдельные ответы.

Отвечая на вопрос *для чего сегодня надо хорошо владеть иностранным языком?* испытуемые в сумме назвали 299 утилитарных (прагматических) признаков концепта *иностраный язык*, которые методом когнитивной интерпретации были обобщены в 29 когнитивных признаков.

Результаты когнитивной интерпретации ответов респондентов (см. Табл. 1)

Таким образом, в обыденном языковом сознании испытуемых ядерными когнитивными признаками, характеризующими прагматическое назначение иностранного языка, являются:

Для получения хорошей высокооплачиваемой работы	54
Для общения с иностранцами в стране и за рубежом	53

Ближнюю периферию образуют признаки:

Для общего умственного развития, расширения кругозора	29
Для общения	26
Требуется при устройстве на хорошую работу	20
Для карьерного роста, успеха в жизни	19
Для возможности работы и жизни за рубежом	15
Для туризма, общения в путешествии, на отдыхе за границей	15
Очень востребован в наше время, везде нужен	14

Дальняя периферия:

Для ведения деловых отношений с другими странами, чтобы заниматься бизнесом	11
Познакомиться с другой культурой, традициями, обычаями, менталитетом	10
Чтобы получать высокую зарплату	9
Для работы на компьютере	7
Для обращения с импортной техникой, компьютерными программами, Интернетом, бытовой техникой;	7
Чтобы быть общительным, коммуникабельным человеком	6
В наше время модно, престижно знать иностранный язык	4
Чтобы работать с людьми, не владеющими русским языком	3
Для получения большего объема информации	3
Для разнообразия своей речи, расширения словарного запаса, повышения грамотности	3
Любимое занятие, интересно	2

Крайнюю периферию составляют признаки:

Дает уверенность в завтрашнем дне	1
Для достижения собственных целей	1
Для самоутверждения	1
Навыки в других языках облегчают жизнь	1
Чтобы знать его	1
Чтобы занять достойное место в жизни	1
Чтобы тебя ценили и уважали	1
Чтобы узнать больше людей	1
Чтобы учиться	1

Из наиболее ярких когнитивных признаков преимущественно мужскими являются (сравнение осуществляется по индексу яркости когнитивного признака, вычисляемого как отношение количества испытуемых, выделивших данный признак, к общему числу испытуемых):

	М	Ж
Для общения с иностранцами в стране и за рубежом	0,26	0,23
Требуется при устройстве на хорошую работу	0,10	0,08
Для карьерного роста, успеха в жизни	0,09	0,08
Для возможности работы и жизни за рубежом	0,10	0,04
Очень востребован в наше время, везде нужен	0,07	0,06

Преимущественно женскими являются:

	М	Ж
Для получения хорошей высокооплачиваемой работы	0,22	0,26
Для общего умственного развития, расширения кругозора	0,08	0,18
Для общения	0,09	0,14
Для туризма, общения в путешествии, на отдыхе за границей	0,06	0,07

Разница в гендерном языковом сознании не является очень яркой, но, тем не менее, заметна и влияет на концептуализацию иностранного языка русским обыденным сознанием.

В целом, обращает на себя внимание достаточно обширная и разнообразная концептуализация прагматики иностранного языка в обыденном сознании – 29 разных признаков. Доминируют материальные и карьерные признаки – *высокооплачиваемая работа, требуется при устройстве на хорошую работу, для карьерного роста, для жизни и работы за рубежом, для бизнеса с иностранцами, чтобы получать высокую зарплату* и коммуникативные *для общения с иностранцами, для общения, чтобы быть общительным, чтоб узнать больше людей*.

Достаточно ярким оказался также признак *для общего умственного развития, расширения кругозора* – таким образом, в прагматике иностранного языка обнаруживается и интеллектуальная составляющая, к которой также принадлежат признаки *познакомиться с другой культурой, традициями, обычаями; для разнообразия речи, для получения информации*.

Выделяются также сугубо практические аргументы – *для обращения с импортной техникой, Интернетом, работы на компьютере, для туризма и путешествий*, а также фактор престижа – *модно, престижно; уверенность в завтрашнем дне; для самоутверждения; чтобы занять достойное место в жизни; чтобы тебя ценили и уважали*.

Для обыденного сознания молодежи яркость материально-карьерного фактора (0,42) заметно превышает яркость коммуникативного (0,27), интеллектуального (0,15), практического (0,09) факторов и фактора престижа (0,03).

Таким образом, *иностраннный язык* достаточно ярко и разнообразно концептуализируется обыденным сознанием, причем в первую очередь – в материально-карьерном аспекте. Данное обстоятельство, очевидно, свидетельствует о том, что именно материальные и карьерные факторы являются основным мотивом современного молодого человека к изучению иностранного языка, остальные мотивы отступают на второй план.

Полученные данные показывают основные направления формирования у студентов-нефилологов мотивации к изучению русского языка и культуры речи.

Таким образом, экспериментальное исследование обыденного лингвистического знания позволяет не только представить психологически реальное значение терминов в сознании исследуемой группы носителей языка, но и дает сведения о путях совершенствования этого знания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2003.
2. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Истоки, 2006.

В.И. Шаховский (Волгоград)

Энергетическая мощь эмоций и дискурсивные нормы

Как говорил известный поэт, нам не дано предугадать, как наше слово отзовется. Еще менее предсказуемым считается эмоциональное слово, энергетическая мощь которого оказывается сопоставимой с самыми сильными физическими действиями. Всем людям известны случаи, когда в процессе общения их задевают неосмотрительно оброненные слова или неподходящие для данной ситуации слова, интонации и даже жесты. Из-за отсутствия должной эмоциональной и эмотивной компетенции у коммуникантов их высказывания чисто информационного характера могут получиться эмоциогенными и поражающими не только рациональную, но и чувственную сферу адресата.

Неосторожное обращение с языком наносит

огромный психоэнергетический вред всем коммуникантам [Шаховский: 2007 а]. Именно поэтому всё острее в науке обсуждается проблема лингвоэкологии (экологии пользования языком).

Примером вреда от неумелого использования эмоциональной энергетики слова, приведшего даже к летальному исходу, является общеизвестный факт, когда артисту Е. Евстигнееву накануне его операции на сердце в лондонской клинике британский хирург-кардиолог с бумагой и карандашом в руке детально обрисовал всю предстоящую процедуру операции. Он рассказывал логично, долго и красочно, как профессионал. А у артиста в это время происходило эмоциональное перенасыщение этой информацией, приведшей к его смерти накануне операции. Смерть

наступила от эмоционального восприятия Евстигнеевым рациональной информации, исходящей от врача, который не учел, что в русской культуре такое содержание предоперационной беседы отсутствует. У британского хирурга была высокая профессиональная компетенция, но ущербная коммуникативная, в частности, такой ее компонент, как эмоционально-культурные особенности пациента, который не был учтен врачом-профессионалом. Следовательно, эмотивная компетенция, знание о психоэмоциональном заряде слова (высказывания) должна входить в профессиональную компетенцию.

Эмоциональным благом в таком случае можно считать соответствие информации эмоциональному ожиданию превосходящего события, эмоциональную согласованность информации и ситуации. По мнению Р. Лакофф, «получение эмоционального блага оказывается большим благом, чем получение информации» [Lakoff 1983: 309]. Такие четкие высказывания как «what is a cat, cannot be a dog» явно рациональны, однозначны и правильны. Но в случае эмоции такие правила составления высказываний не работают, поскольку эмоции кластерны, они по принципу матрешки могут вкладываться одна в другую, неощутимо переходить друг в друга или комбинироваться со своим антиподом, формируя оксюморонные эмоциональные образования типа *Naßliebe*.

По мнению П. Фресса, эмоциональность – это «чувствительность человека к определенным жизненным ситуациям» [Фресс: 1975]. Такие ситуации можно назвать категориальными эмоциональными ситуациями, которыми изобилует жизнь человека говорящего. Вся коммуникация и дискурсивная практика пронизана эмоциями. В социальном общении постоянно происходит внутреннее «расслоение» коммуникантов от их эмоциональных столкновений с действительностью, с дискурсивными событиями. Эмоциональная гармония, кооперация в социальной и межличностной коммуникации постоянно сопровождается эмоциональной дисгармонией, агрессией, обидами и т.п.

Полное устранение эмоций из человеческой коммуникации невозможно. Так, в кинофильме «Эквилиум» приведено такое дискурсивное событие, когда в целях эмоциональной нейтрализации общества, были изобретены таблетки, прием которых стерилизовал эмоциональную чувствительность человека. Люди должны были перестать радоваться, любить, ненавидеть, грустить, то есть испытывать все человеческие эмоции. Но многие люди воспротивились такой стерилизации, отказались от приема таблеток и создали тайные общества с эмоциональным мироощущением, в котором утоляли свой эмоциональный голод вопреки социальным и властным преследованиям, вплоть до применения смертной казни. Номо loquens этого государства не захотели превратиться в бесчувственных и вербально немых существ. По сути, в фильме провозглашается, что любая государственная цензура и преследования за убеждения являются эмоциональным давлением, давлением на эмоции коммуникантов-нонконфор-

мистов. Этот фильм утверждает приоритет сферы чувств, эмоциональности над всеми другими проявлениями человеческой сущности, доказывает её жизненную необходимость: жизнь даже без стрессов не вполне жизнь. Г. Селье давно уже доказал полезность стрессов, не говоря уже о других эмоциональных состояниях – остальных пяти тысячах эмоций, которые испытывает человек на протяжении своей жизни.

Тот факт, что словарь любого языка в большом количестве содержит аксиологическую и эмоциональную лексику и фразеологию позволяет предположить, что они коммуникативно необходимы и потому законны: если они есть в языке, то они должны быть использованы и изучены. Закон языковой экономии подтверждает справедливость этого тезиса: в языке нет ничего, что могло бы быть ему коммуникативно не нужно, то есть то, что нефункционально (принцип чеховского ружья, которое висит на стене и обязательно должно выстрелить).

Лингвистами и психолингвистами установлено и экспериментально доказано, что любое слово любого языка может быть использовано как аффектив. Наибольшим энергетическим потенциалом в этом смысле обладают междометные разновидности. Роль междометий в эмоциональной коммуникации детально изучена и многократно описана. Их коммуникативно-эмоциональный потенциал чрезвычайно высок: так, междометие «О!», произнесенное с разной интонацией, может выражать кластер более чем из 100 эмоций. Как известно, Эллочка Людо-едка из «Двенадцати стульев» И. Ильфа и Е. Петрова обходилась всего 30 междометными словами и предложениями. Другими словами, она любую рациональную ситуацию эмоционализировала и комментировала аффективами. Английский поэт XVIII в. Дж. Байрон говорил, что всю человеческую судьбу можно выразить пятью междометиями: ба, ой, ого, ох, тьфу.

Междометия полисемантичны, амбивалентны, экспрессивны, аксиологичны. Они маркируют эмотивный тип текста, под которым понимается такой текст, который изменяет чувства / эмоции слушателя / читателя, его отношение к говорящему / пишущему, к содержанию информации, к миру и к себе в этом мире. Обе разновидности текстов – текст-сообщение и текст-отношение – могут быть эмоциональными и влиять на эмоциональную самооценку адресата. Эмоциогенными являются и тексты, оперирующие нечеткими множествами, непонятными фактами, которые вызывают у адресата эмоциональное напряжение. По информационной теории П.М. Симонова, недостаток информации (ее неточность или полное отсутствие) вызывает у человека негативное эмоциональное переживание ожидаемого события, сопоставимое со стрессом, и может быть отнесен к причинам эмоционального, терапевтического вреда.

Эмоциональное общение человека зависит от того, какие знаки внимания («строуксы» или «страйксы») он получает в процессе общения, исходят ли они от чистого сердца или являются неис-

кренными. Это внимание может быть как положительным, так и отрицательным, как глорификационным, так и диффамационным. Это особенно заметно в политических предвыборных баталиях, которые фиксируются в газетных текстах и в телевизионных выступлениях, и которые, несомненно, являются искренними для отправителя и не всегда таковыми для получателя. Отсюда и расхождение в прагматических эффектах. Обе ситуации (глорификация и диффамация) влияют на получателя и на отправителя. В случае продуманного эмоционального поведения отправителя наблюдается единство мысли, чувства и средств их выражения (см., например, интенциональные слоганы «Знаю, умею, делаю» (В. Галушкин), подготовленные заранее ответы в интервью с Р. Гребенниковым) [Солодовникова 2008]. Выступление президента В. Путина в Лужниках в ноябре 2007 года представляло собой единство мысли, чувства и средств: лексических, синтаксических, интонационных вплоть до сниженного сленга (*шакалят, коврижки и т.п.*). Аналогичное единство характерно для выступления Б. Немцова, в котором окружение президента он назвал «холодьюми» и речь которого тоже изобиловала вербальными и невербальными аффективами. Его эмоции негодования и презрения служили средством выражения его мысли – критики существующей власти. Оба эти выступления были, несомненно, искренними, но разнонаправленными по эмоциональному наполнению, хотя и однополярными (принижение оппонента, диффамация). Телезрители, слушатели этих двух текстов-отношений, были разные, и их физические и психические знаки внимания к В. Путину и Б. Немцову тоже были разными (противоположными): «запутинцы» поддерживали мысли, чувства и средства выражения В. Путина и осуждали позицию Б. Немцова; «занемцовцы» поддерживали мысли, чувства и средства выражения Немцова и осуждали позицию В. Путина. Вербальные модели и схемы эмоционального поведения В. Путина и Б. Немцова были одинаковыми, диффамационными: и тот, и другой использовал сниженную лексику и фразеологию инвективной семантики; каждый защищал свою правду и каждый был по-своему прав, так как знаки их эмоций должны были выглядеть искренними и идти от якобы «чистого сердца», они как бы призывали: «Выбирай сердцем, а не разумом», поскольку сердце скорее поддается эмоциональным манипуляциям, а разум более консервативен и критико-аналитичен. Использование энергетического потенциала эмоций – наиболее сильное средство влияния во всех политических битвах.

Сторонники «сердечного» подхода к выбору могли бы сослаться на мнение С. Моэма, который устами одного из своих персонажей так охарактеризовал функции головы и сердца: «Своё мнение о роде человеческом я изложу тебе в двух словах... – сердце у людей правильное, а голова никуда не годится» [Моэм: 1985]. С этим мнением, выдвинутым писателем, можно было бы согласиться, поскольку любой хаос в жизни и в стране начинается с хаоса в голове человека.

Известно, что сферу разума человека нельзя отделить от его эмоций, это касается и интеллекта. Д. Голлманн открыл и описал эмоциональный интеллект [Goleman: 1997], соединив разум с эмоциями. Но в человеке постоянно борются *homo sapiens* и *homo senties*. Противоборство и взаимодействие этих сил делает проблему эмоциональной коммуникации людей (особенно речевой, устной) чрезвычайно сложной и индивидуальной для каждого отдельного случая, так как у каждого человека имеется свой эмоциональный дейксис [Жура, Шаховский: 2002], который бесконечно варьирует эффекты общения людей друг с другом, чаще всего никогда полностью не понимающих друг друга.

Известно, что в отличие от сферы разума, логики, которую можно нормировать и социально контролировать, рациональное управление эмоциональными коммуникативными процессами в полной мере невозможно. В определенной степени коммуникация эмоций в социальном пространстве регулируется обществом, его стереотипами и нормативами, в том числе и законодательными. Но человек, попадая в эмоциональные ситуации, всякий раз вербально и невербально нарушает эти нормативы, часто находя решение проблемы довольно неожиданно, на инстинктивном и рефлексивном уровне.

Во многих эмоциональных категориальных ситуациях говорящие не обмениваются эмоциями с согласия друг друга (см., например, обмен эмоциональными мнениями по поводу какого-либо события в жизни одного из речевых партнеров), а сбрасывают их друг на друга, то есть канализируют их (см., например, конфликтные ситуации и ситуации агрессии) [Чесноков: 2005]. Когда говорят о языковой экологии, то, прежде всего, имеют в виду эмоциональная коммуникация, энергия которой часто бывает сильнее социальных норм общения. Именно поэтому дискурсивные ситуации, сопровождаемые яркими отрицательными эмоциями, характеризуются использованием нецензурной лексики с её явно негативной психоэнергетикой. Бравирование нецензурщиной в современной молодёжной среде дискурсивно не оправдано и не мотивировано («мы матерным языком не ругаемся, мы на нем разговариваем»). Универсальное распространение нецензурщины в коммуникативной среде молодёжи в 21 веке стирает её яркость, образность и прагматический эффект за счёт снятия её табуированности (даже словари уже фиксируют всю нецензурную лексику в полном объёме и делают её доступной для изучения). Однако «незапретный» теперь плод всё ещё продолжает оставаться сладким, хотя и становится постепенно обычной формой коммуникации. За счёт расширившегося ассоциативного ряда сама сниженная лексика (в том числе и вульгарная), всегда оценочная и эмотивно-экспрессивная, теряет свою коммуникативную точность и яркость, затемняет восприятие транслируемых смыслов и делает коммуникацию размытой, невнятной. Такая ситуация увеличивает множественность интерпретаций прочитанного или услышанного, что затрудняет ориентацию языковой личности в коммуникативном

пространстве: мы все больше и больше не понимаем друг друга и потому не можем достроить «вавилонскую башню» коммуникативного благополучия.

Л. Ельмслев называл язык свидетельством человеческого благородства. Наличие в лексике любого языка нецензурных слов и выражений – грубых, вульгарных, похабных – увы, не свидетельствует о благородстве человека, использующего их в своём общении с другими людьми, особенно если это употребление внеситуативно. Это утверждение распространяется и на сферу публичной речи. Так, экс-премьер-министр Правительства РФ М. Фрадков на одном из своих последних заседаний публично (это транслировалось по центральному телевидению) отчитывал своего министра транспорта, используя сниженную лексику, пообещав этому министру «дать пенделя». Сниженная, вульгарная и просторечная лексика не редкость в речи участников разнообразных политических телешоу (см., например, передачу «К барьеру!» В. Соловьева). При этом не учитывается психоэнергетическое влияние знаков таких эмоций на сознание миллионов телезрителей.

Из лингвистических работ уже известно, что люди общаются друг с другом не словами, не предложениями и даже не текстами. Они общаются представлениями, образами, картинками, фреймами и концептами через их имена. Успешная передача картинок от одного коммуниканта к другому свидетельствует об их одинаковой коммуникативной компетенции, а динамическое эмотивная эквивалентность этих картинок – об одинаковой эмотивной компетенции партнеров. От выбора лексики зависит возможность введения реципиента в определенное эмоциональное состояние или выведения из него. Публичное эмоциональное общение, в котором сознательно формируются и закрепляются отрицательные эмоциональные образы, порождает и концентрирует отрицательную психоэнергетику в обществе, размывает представление о дискурсивных нормах выражения эмоций.

Существуют такие категориальные эмоциональные ситуации, в которых оправдано использование вульгаризмов, и каждая языковая личность знает такую лексику, в совершенстве владеет ею в соответствующих ситуациях. Но в разных дискурсивных ситуациях допустимыми являются разные способы прямого / косвенного выражения психоэмоциональных состояний и правила использования знаков эмоций. Приведенные выше примеры демонстрируют случаи проявлением прямого эмоционального выражения.

В дискурсивной эмоциональной ситуации существует и её не прямое выражение. Способом непрямого выражения эмоций является, например, ритуализация эмоционального общения в разных дискурсивных рамках (форматах): в религиозном дискурсе (исповедь), в педагогическом дискурсе (вручение дипломов и его вербальное сопровождение), в научном дискурсе (процедура защиты диссертации), в брачном дискурсе (регистрация брака, ребенка), в судебном дискурсе (заслушивание сторон: истец – ответчик, защита – обвинение) и др. Ритуализация здесь позволяет снизить мощный энергетический

потенциал естественных эмоций и направить его энергию на восприятие ситуации в ее целостности.

На уровне завуалированных импликаций проблема взаимодействия между *ratio* и *emotio* еще более усложняется. Каждый человек знает, что во время общения мы физически ощущаем смыслы, особенно эмоциональные, не имеющие вербальной упаковки в тексте высказывания. Вероятно, слова, как языковые знаки, имеют не только рациональную и эмотивную семантику, но и незримую чувственную оболочку. Примером, доказывающим существование скрытой эмоциональной коммуникации, особенно между близкими людьми, является малоизвестный факт о том, что, когда во время Великой Отечественной войны все письма с фронта перлюстрировались и все солдаты были предупреждены о запрете сообщать своим родным о предстоящих боях, о потерях, о состоянии духа бойцов и о фронтовых трудностях, письма с фронта каким-то мистическим образом транслировали эмоциональные переживания их авторов. Родные (адресаты) между скупыми строками нейтральной лексики и примитивного синтаксиса считывали эмоции пишущего (особенно эмоцию страха перед грядущим боем). Следовательно, можно предположить, что эмоциональная коммуникация в этих письмах происходила не только посредством слов, а через какие-то биологические эффекты-фантомы, обволакивавшие эти слова, предложеческие структуры и саму композицию письма и транслировавшие эмоциональные состояния пишущего на большие расстояния. Подобный пример позволяет предположить, что формы общения людей друг с другом не ограничиваются вербальными, авербальными и паралингвистическими средствами и формами. Жизнь показывает, что люди могут общаться мыслями и какими-то биологически невидимыми фантомами этих мыслей: нередко мы просто чувствуем, что человек хочет сказать, хотя он ещё ничего не сказал; нередко мы понимаем друг друга, не слыша и не видя собеседника. Это и есть эмоциональная энергетика, которой заряжено наше общение.

Обогащение опыта эмоционального общения происходит в том числе через рефлексию чувств, именно поэтому необходимо тщательное изучение эмоционально-рефлективного типа коммуникации. Известно, что опыты телепатической коммуникации включают в себя передачу на расстояние не только мыслей, но и чувств, или мысле-чувств. Всё коммуникативное поведение человека заполнено аксиологическими смыслами (человек всё и вся оценивает и переживает происходящее). Лингвистами установлено, что мир смыслов составляют нозмы, а мир содержания – семы. Семы передаются через языковые формы – морфемы, слова, словосочетания, предложения, тексты. А нозмы – через сопутствующие языковые формы смысла. Не зря же мы иногда говорим, что мысли, идеи, чувствования витают в воздухе, и они не имеют привычной нам материальной оболочки. Таким образом, смыслы, особенно эмоциональные, есть сверхсегментные, чувственные, полифонические, рефлексивные сущности.

Этот феномен описан писателем В. Мегре в его повести «Анастасия». На возможную справедливость такого предположения указывает и тот факт, что каждый из нас говорит на своём собственном языке, в основном мало соотносясь с общественным (национальным) языком, хотя и подчиняясь его нормам и правилам. Индивидуальное варьирование этих норм и правил общенационального языкового кода эмоциональной коммуникации людей плохо подчиняется общим моделям: это объясняется наличием у каждого человека своего собственного чувственного кода, незнание которого другими коммуникантами и объясняет недопонимание, а иногда и полное непонимание людей друг другом (коммуникативный провал).

Проблема эмоционального понимания и проблема понимания эмоционального – это две разные проблемы, и трудность их осмысления состоит

именно в том, что эмоциональные смыслы (ноэмы) в процессе коммуникации не имеют формальной упаковки: они не билатеральные знаки, а значит, и не знаки в привычном понимании слова, а нечто другое, биологическое, социально немаркируемое.

Возможно, проблема эмоциональной коммуникации и ее психоэнергетической мощности откроет путь к изучению нового вида языка, который предстоит открыть футурологической лингвистике. Это психоэнергетический, фантомный язык, иманаречение которого – за будущей лингвистикой.

Действительно, у большинства людей беспорядок находится в голове, и голова часто не слушает сердце. Однако витальный выбор должен осуществляться все-таки холодной головой, то есть рационально. Именно ratio играет решающую роль в случае принятия ответственных решений, имеющих далёкие последствия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вежбицкая А. Англоязычные сценарии против «давления» на других людей и их лингвистические манифестации / Пер. Дементьева В.В. и Ковелевой Е.Б. // Жанры речи: сборник научных статей. Саратов: Издательский центр «Наука». Вып. 3. Жанры и культура, 2007.
2. Горелов, И.Н., Седов, К.Ф. Основы психолингвистики: учебное пособие. – М.: Лабиринт, 2005.
3. Жура, В.В., Шаховский, В.И. Дейксис в сфере эмоциональной речевой деятельности // Вопросы языкознания, 2002, №5.
4. Мозм, С. Подводя итоги. - М., Радуга, 1985.
5. Симонов, П.М. Теория отражения и психофизиология эмоций. – М., 1970.
6. Солодовникова, Н. Г. Семантика фотографии в креолизованном тексте предвыборной кампании: Маг. дис. – Волгоград, 2008.
7. Фресс П. Эмоции // Экспериментальная психология. Вып.5. – М., 1975.
8. Чесноков И.И. Концепты основных инстинктов в русской лингвокультуре. – Волгоград, 2005.
9. Шаховский В.И. Какими словами «оплодотворяют» людей российские СМИ? // Русистика. – Киев. Вып. №7, 2007а.
10. Шаховский В.И. Что такое эмотивное значение? // Проблемы изучения слова: семантика, структура, форма. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1990.
11. Шаховский В.И. Эмоциональные валентности журналиста Минкина. Коммуникативный стиль и тональность писем к президенту // Политический дискурс в России - 10: Материалы X Юбилейного всероссийского семинара / Под ред. В.Н. Базылева.- М., 2007б.
12. Goleman, D. The emotional Intelligence. N.-Y., 1997.
13. Lakoff, R. Psychoanalytic Discourse and ordinary Conversation in .... and use of language / Edition by Fasold R. Washington, 1983.

А.В. Пузырёв (Ульяновск)

Элементы и единицы психолингвистического анализа в пяти ступенях сущности

Мнение о том, что в ходе психолингвистических исследований следует различать уровни (аспекты) мышления, языка в собственном смысле этого слова, речи и коммуникации, вероятно, не вызовет особых протестов у психолингвистов, поскольку все эти уровни так или иначе входят в предмет психолингвистики [см., например: А.В. Пузырёв 2002]. Мы полагаем, что имеются все основания выделять ещё один, пятый (по общему счёту – третий) уровень анализа – уровень психофизиологических

процессов, причём чрезвычайно важным при этом является момент разграничения элементов и единиц психолингвистического анализа. Попытаемся обосновать свою точку зрения.

Мы уже неоднократно писали о том, что в собственной научной работе пользуемся методологией, согласно которой в ходе анализа лингвистического (и, в частности, психолингвистического) материала следует выделять в собственном предмете четыре одновременно сосуществующих: 1) исходный

предмет; 2) развитой предмет в собственном смысле слова; 3) то, во что он превращается; 4) будущий предмет. В логическом аспекте этим четырём предметам соответствуют категории *всеобщего, общего, особенного и единичного*; в онтологическом плане – четыре ступени сущности: *бытие, сущность, явление и действительность*. В соответствии с этими же четырьмя планами в лингвистике нами было предложено различать уровни *мышления, языка, речи и коммуникации*. Соответственно, во всех лингвистических объектах предлагалось различать, например:

— в тексте единицу мыслительного, собственно языкового, речевого и коммуникативного плана;

— в предложении единицу мышления (суждение), языка (предложение в собственном смысле этого слова), речи (высказывание как материально выраженное предложение) и коммуникации (коммуникативный акт как уникально неповторимое воплощение данного предложения в конкретной точке времени и пространства);

— в личности личность мыслительную (мыслящую, в том числе, на определённом языковом коде), собственно языковую (владеющую тем или иным национальным языком), речевую (материализующую свою языковую способность и компетенцию в определённых материально выраженных речевых фактах) и коммуникативную (коммуницирующую, т.е. вступающую с помощью владения тем или иным языковым кодом в коммуникацию с другим субъектом [см., например: А.В. Пузырёв 1995: 32-40 и др.].

Логика рассуждений позволяет выделить и пятую (третью по общему счёту) ипостась языка – психофизиологические процессы, сопровождающие речевые, *психофизиологию* (в логическом аспекте ей соответствует категория *конкретно-абстрактного*, в онтологическом – *необходимости*).

На каждой из четырёх ступеней сущности выделяется пять целевых подсистем – пять обязательных аспектов исследования. В логическом плане этим аспектам соответствуют категории *всеобщего, общего, конкретно-абстрактного, особенного и единичного*; в онтологическом – *бытия, сущности, необходимости, явления и действительности*. Выделение пяти целевых подсистем анализа для лингвистов вообще и психолингвистов в частности обозначает разграничение (и достаточно жёсткую последовательность на каждой ступени сущности) – внутри системного исследования – следующих пяти аспектов:

1) *онто- и филогенетический* (связанный с проблемами становления мышления, языка, речи и коммуникации у детей, с формированием мышления, языка, речи и коммуникации в данном этносе; с этим аспектом, вероятней всего, соотносятся такие лингвистические дисциплины, как онтолингвистика, диалектология, история языка и т.д.);

2) *логический* (связанный с проблемами создания логически непротиворечивой сетки терминов, которые затем могли бы «выдерживать» использова-

ние в других целевых подсистемах исследования. Здесь возникает вопрос о денотативной состоятельности терминологии, поскольку очевидно, что проверке «единичным» или действительностью выдержит далеко не каждая терминосистема – именно с логическим аспектом прежде всего соотносятся, вероятно, контрастная лингвистика, структурная лингвистика и, к сожалению, только им чаще всего и ограничивается базовый курс русистов «Современный русский язык»);

3) *динамический* (закон развития данного языкового явления или языка в точке синхронии; именно с этим аспектом связываются основные устремления психологии творчества, психолингвистики, лингвостатистики, текстологии и т.п.; психолингвистика и лингвостатистика, почти неизвестные дисциплины на филологических факультетах);

4) *функциональный* (соотносительный с изучением функциональных форм и функциональных связей языка и языковых явлений, вероятней всего – именно с этим аспектом прежде всего связаны стилистика, прагматика, риторика, социолингвистика);

5) *идиостилевой* (связанный с проблемами языковой личности – именно личности, т.е. человека думающего, обладающего языком, говорящего или пишущего, общающегося с другим человеком. Здесь важно уметь видеть уникально-неповторимые качества *данного* человека на уровнях мышления, языка, речи и коммуникации – без такого умения видеть отличие этого человека *от других* идиостилевой аспект может быть только продекларирован).

Закономерен вопрос: как выглядит разграничение элементов и единиц лингвистического (и психолингвистического) анализа в свете разграничения пяти ступеней их сущности?

Впервые, напомним, о разграничении анализа по элементам и анализу по единицам в связи с изучением проблем мышления и речи заговорил один из основоположников советской психологии Л.С. Выготский – в своей известной работе «Мышление и речь»: «Нам думается, что следует различать двоякого рода анализ, применяемый в психологии... Первый способ психологического анализа можно назвать разложением сложных психических целых на элементы... Существенным признаком такого анализа является то, что в результате его получают продукты, чужеродные по отношению к анализируемому целому, – элементы, которые не содержат в себе свойств, присущих целому как таковому, и обладают рядом новых свойств, которых это целое никогда не могло обнаружить... Само слово, представляющее собой живое единство звука и значения и содержащее в себе, как живая клеточка, в самом простом виде основные свойства, присущие речевому мышлению в целом, оказалось в результате такого анализа раздробленным на две части, между которыми затем исследователи пытались установить внешнюю механическую ассоциативную связь... Нам думается, что решительным и поворотным моментом во всём учении о мышлении и речи, далее, является переход от этого анализа к анализу

другого рода. Этот последний мы могли бы обозначить как анализ, расчленяющий сложное единое целое на единицы. Под единицей мы подразумеваем такой продукт анализа, который в отличие от элементов обладает *всеми основными свойствами, присущими целому*, и который является далее неразложимыми живыми частями этого единства. Что же является такой единицей, которая далее неразложима и в которой содержатся свойства, присущие речевому мышлению как целому? Нам думается, что такая единица может быть найдена во внутренней стороне слова – в его значении” [Л.С. Выготский 1982 т. 2: 13-16].

Для иллюстрации мысли Л.С. Выготского обратимся к примеру из школьного курса химии. Как известно, формула воды – H_2O . Изучать свойства воды путём анализа её по элементам – это изучать её свойства путём исследования свойств водорода отдельно от свойств кислорода и на базе поиска общих свойств водорода и кислорода делать выводы о свойствах воды. Но даже школьнику понятно, что водород и кислород по отношению к воде – элементы, которые не содержат в себе свойств, присущих целому как таковому, и обладают рядом новых свойств, которых это целое никогда не могло обнаружить, и свойств воды таким образом постичь невозможно. Постичь свойства воды можно только тогда, когда мы изучаем свойства молекул воды, т.е. пользуемся анализом по единицам, а не по элементам.

Если принять точку зрения Л.С. Выготского – а она у нас вызывает симпатию, в частности, потому, что в наибольшей степени отвечает общезыковому использованию слов *элемент* и *единица*, – то мы должны будем прийти к выводу, что явления фонетики и морфематики чаще всего – это явления **элементов** языка. Явления **единиц** языка, вероятно, по принятой нами логике, характеризуют более высокие языковые ярусы – прежде всего уровень синтаксиса. Относительно лексического уровня у нас нет полной уверенности. С одной стороны, имеется высказывание основоположника советской психологии Л.С. Выготского о том, что значение слова – это не элемент, а единица психологического анализа. С другой стороны, человек думает все-таки не словами: единицей мышления, на наш взгляд, является не слово, а мысль. Мысль же – это суждение, развёрнутое или сокращённое, в данном случае это неважно [Ю.А. Самарин 1962: 404]. На уровне языка суждению соответствует предложение, но не отдельно взятое слово. Поэтому мы склоняемся к мысли, что слова демонстрируют все-таки явление **элементов** языка, *но не его единиц*. Разумеется, что разграничение элементов и единиц в таком случае должно распространяться и на явления, соответствующие языковым на уровнях мышления, психофизиологии, речи и коммуникации.

В связи с указанным различием элементов и единиц психолингвистического (и вообще лингвистического) анализа может показаться интересным заявление А.А. Леонтьева, доктора психологических и филологических наук: “Вся без исключения со-

временная лингвистика имеет дело с анализом по элементам” [А.А. Леонтьев 1997: 48]. Мнение А.А. Леонтьева может показаться справедливым: если какая-то единица обладает признаками самостоятельности, то она должна характеризоваться и какими-то динамическими характеристиками, она должна обладать какой-то процессуальностью (ср.: *Боевые единицы флота показали высокую воинскую выучку*). Как часто разбираемые языковые единицы (предложения, тексты) рассматриваются как динамически протекающий процесс? Думается, что это делается очень и очень нечасто.

Лингвисты обычно не разграничивают элементов и единиц языка и речи.

Попытаемся дать элементам и единицам языка рабочие определения.

Фонема – это элемент языка, представляющий собой совокупность звуков, выполняющих одну и ту же различительную и объединительную функцию. Это целостная совокупность звуков, находящихся в отношениях позиционной мены. Так, фонема <о> может быть выражена в речевом потоке одним из следующих звуков («фононов»): [ó] вёл, ввод, [и³] вела, [ь] вывел, [А] выволивший, [ъ] вывод (автор следует основным положениям Московской фонологической школы).

Морфема – это элемент языка, представляющий собой значимую, далее неделимую часть слова. Этот элемент выступает как совокупность морфов, обладающих одним и тем же вещественным и/или грамматическим значением, и мыслится как некая единая целостность. Так, в словоформах *река, реки, речка* три морфа (*рек-, рек’-, реч-*) составляют одну морфему, а морфема *мороз-* реализуется в виде одного из следующих морфов: *мороз-* (*морозы*), *мороз’-* (*морозить*), *морож-* (*морозеное*), *мораж-* (*замораживать*).

Лексема – это слово как структурный элемент языка, рассматриваемый во всей совокупности своих соотносительных и взаимосвязанных друг с другом форм и значений, это слово как целостная совокупность его лексико-семантических вариантов (так, лексема «единица» включает шесть ЛСВ, объединённых общим семантическим стержнем). В предложении *Рыбак рыбака видит издалека* 4 слова, но 3 лексемы (лексема *рыбак* представлена двумя словоупотреблениями). На уровне речи лексема выступает в виде лексов, или словоупотреблений.

Предложение – это кратчайшая и основная синтаксическая единица языка, служащая средством формирования и формулирования мысли, средством волеизъявления и выражения эмоций. В качестве единицы языка предложение выступает как отвлечённый структурный образец (или материально выраженное предложение с точки зрения проявления в нём такого отвлечённого структурного образца). Примером такого отвлечённого структурного образца может выступить известное предложение акад. Л.В. Щербы: «Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокрёнка». На уровне речи предложение реализуется как высказывание с конкретным лексическим наполнением (так, конкретная

интерпретация указанного предложения Л.В. Щербы будет определяться конкретным носителем языка).

Сложное синтаксическое целое – это синтаксическая единица языка, служащая компонентом текста и представляющая собой ряд высказываний, которые объединены общей темой и имеют структурные показатели связи.

Текст – это синтаксическая единица языка, представляющая собой объединённую смысловую связью последовательность языковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность [см.: ЛЭС 1990: 507]. В предельных случаях текст может быть выражен сложным синтаксическим целым и даже одним предложением [текст Т. Белозерова цит. по: Л.И. Величко 1983:12]:

БЕРЕЗА

На высокой гриве стоит береза. Её корявый ствол оброс лишайником и тугим, как резина, тростом. С пожелтевших сучьев до самой земли свешиваются длинные молодые ветви. Эти ветви делают берёзу очень чуткой: кругом ни ветерка, а берёза покачивается, сверкает листьями и шумит, шумит. И тонут в этом родном сердцу шуме все обиды, горести и боязни. Войди в этот шум, и ты станешь самым счастливым.

(Т. Белозеров)

На уровне коммуникации основной единицей является коммуникативный акт. Такая единица – по нашему мнению – предполагает наличие определённых интра- и экстралингвистических факторов, важнейшим из которых является наличие минимум двух субъектов (в качестве второго субъекта может выступить и «второе Я» одного субъекта). В качестве коммуницирующих субъектов могут выступить и разные субличности одного и того же субъекта.

Нам важно подчеркнуть, что в психолингвистическом обиходе принципиально существенным является учёт психофизиологической составляющей

тех или иных психолингвистических реалий.

«Аналитической единицей в физиологии высшей нервной деятельности, – пишет в своей книге Ю.А. Самарин, – является рефлекторный акт, хотя, как показано новейшими исследованиями, сам он включает в себя ряд постоянных и временных связей, а рефлекторная дуга, обеспечивающая данный рефлекс, представляет собой весьма сложную систему взаимодействий внешней и внутренней среды организма» [Ю.А. Самарин 1962: 216]. На наш взгляд, именно рефлекторный акт является физиологическим субстратом единиц мышления, языка, речи и коммуникации [более подробное рассмотрение рефлекторного акта как единицы психофизиологии содержится в: Ю.А. Самарин 1962].

В предложении, минимальной единице языка, мы должны различать единицы мышления, языка в собственном смысле слова, психофизиологии, речи и коммуникации: **мысль** (психологический аспект, уровень мышления) – **предложение** (уровень языка) – **рефлекторный акт** (уровень психофизиологии) – **высказывание** (уровень речи) – **коммуникативный акт** (уровень коммуникации).

Как часто психолингвисты обращают внимание на различные аспекты именно единиц, а не элементов языка? Полагаем, что это наблюдается пока не часто.

Усложнение тетрахомии «мышление – язык – речь – коммуникация» пятым, или третьим по общему счёту, элементом «психофизиология» и превращение её в пентахомию «мышление – язык – психофизиология – речь – коммуникация» имеет, полагаем, практическое значение.

Представляется интересным с научной точки зрения привлечь внимание современной психолингвистике к этому компоненту и после соответствующей разработки и апробации можно будет ввести его в понятийно-терминологический аппарат этой науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Величко Л.И. Работа над текстом на уроках русского языка: Пособие для учителя. – М.: Просвещение, 1983.
2. Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6-ти т. – М.: Педагогика, 1982-1984.
3. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики: Учебник. – М.: Смысл, 1997.
4. Пузырёв А.В. Анаграммы как явление языка: Опыт системного осмысления. – М.; Пенза: Ин-т языкознания РАН, ПГПУ им. В.Г.Белинского, 1995.
5. Пузырёв А.В. Опыты целостно-системных подходов к языковой и неязыковой реальности: Сборник статей. – Пенза: ПГПУ имени В.Г. Белинского, 2002.
6. Самарин Ю.А. Очерки психологии ума. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1962.

С.В. Ионова (Волгоград)

Проекция текста в аспекте вторичной текстовой деятельности

Проблема проективности в лингвистике рассматривается в связи изучением асимметрии языковых картин мира, преломления содержания в средствах языка и в речевых высказываниях, в связи с изучением репрезентативной функции языка. Под проекцией текста в лингвистике понимают «ментальное образование (концепт текста, смысл текста, его целостность / цельность), продукт процесса осмысления смыслового восприятия текста реципиентом, в той или иной мере приближающийся к авторскому варианту текста» [Залевская 2001: 62]. Делая обзор работ, в которых используется данный термин (Ю.А. Сорокин, А.А. Залевская, А.А. Леонтьев, Рафикова, Каминская и др.), А.А. Залевская обращает внимание на то, что это понятие является в большей степени актуальным для исследования процессов понимания текста, однако, высказывая собственную позицию, исследовательница выделяет разные виды проекций: авторскую проекцию текста и проекцию текста реципиента [Залевская 2001]. Для целей нашего исследования значимым является учет расширенной трактовки понятия «проекция», которую предлагает А.А. Залевская и которая согласуется с позицией А.А. Леонтьева в его понимании текста как процесса перевода смысла речевого произведения в любую другую форму его закрепления [Леонтьев 1976: 141]. В этом случае, по нашему мнению, процесс такого «перевода» знаменует собой построение вторичной проекции, которая переводит реципиента в статус автора новой текстовой реализации.

Понятие проекции текста. Сам термин «проекция», заимствованный из точных наук, пришел в лингвистику из психологии. Считается, что впервые в психологии термин «проекция» был использован З. Фрейдом для объяснения патологических состояний личности и лишь позже стал применяться им в отношении нормальных психологических процессов, участвующих в формировании нашего восприятия внешнего мира. Под проекцией З. Фрейд понимал первичный процесс уподобления окружающей реальности собственному внутреннему миру. В работах психологов понятие проекции получает разнообразные интерпретации: трактуется в качестве искажающего влияния аффективных состояний прошлого на настоящую апперцепцию и отождествления художника со своим произведением. Сегодня ученые говорят о существовании разных видов проекций, каждый из которых акцентирует внимание на определенных аспектах отражения личности в видах его деятельности и психического поведения. Выделяют два измерения проекции: первое из них соотносится с тем, что проецируется (субъект воспринимает в другом свои собственные черты), второе – с тем, насколько осознается воспринимаемое. Понятие проекции в психологии, таким образом, выдвигает

в центр рассмотрения личность человека, сферу его субъективного мира, в которой преломляются все явления и события внешнего мира (см. обзор работ [Ross 1977]).

Данная проблема в контексте личностных смыслов поднималась С.Л. Рубинштейном. В основу проективной методики исследования личности он кладет психологический факт, хорошо изученный учеными – факт пристрастности психического отражения и, в частности, человеческого сознания [Рубинштейн 1984: 158]. Психический образ действительности рассматривается как принципиально нетождественный воспринимаемым объектам, но подобный ему в определенном отношении. Главная особенность психического образа – его субъективность, которая включает в себя пристрастность. Главной составляющей человеческого сознания признается личностный смысл [Леонтьев 1975: 133, 149], однако это понятие не является ограниченным рамками одной человеческой личности. Смысл в классической отечественной психологии рассматривается не как готовое, сформированное заранее образование, а как продукт внутренней активности субъекта, с помощью которой он определяет мотивы и цели деятельности [Арестова, Пахомов 2005].

Данное понятие восходит также к трудам А.А. Потебни и В. фон Гумбольдта о проективных возможностях языка, сквозь который пропускается сообщение и под влиянием которого изменяется в своей внешней репрезентации. В последние десятилетия свойства ментальных и языковых проекций исследуются в текстолингвистике и психолингвистике при изучении семантического аспекта текста и проблем восприятия речевых произведений. В данной области языкознания закрепляется и сам термин «проекция» (Рубакин Н.А.; Сорокин Ю.А.; Тарасов Е.Ф.; Романов А.А.; Гвоздева; Залевская А.А.; Воскресенский И.В.; Борисова С.А.; Сребрянская Н.А.; Ионова С.В. и др.). Проективность рассматривается в качестве фундаментального свойства текстообразования, которое отражает особенности процесса преобразования ментальных представлений о многомерном пространстве жизни в линейную плоскость текстового пространства.

Проекция содержания текста как аппроксиматор. Относительная достоверность текстовых проекций заложена в самой природе текстообразования как построения одной из моделей воспроизводимой реальности. Понятие текстовой проекции трактуется как относительность содержания порождаемого текста по отношению к пропотиписической ситуации, которая определяется позицией субъекта, в психологии и когнитивной лингвистике характеризуется при помощи понятия текстовой проекции. Актуальным для практики коммуникации является воспроизведение предметной ситуации

максимально достоверно. Однако в силу антропоцентричности языка, человеческого сознания и самого процесса коммуникации, а также под влиянием многих экстралингвистических факторов отражение ситуации никогда не бывает полным и точным, оно всегда отражает один из многих аспектов ситуации, включая позицию наблюдателя и его субъективное видение мира.

Свойство проективности как характеристики психологической сферы личности и текстового выражения в нашем исследовании рассматривается с позиций тех основных закономерностей «перевода» события в текст, которые были выявлены в работах ученых разных лингвистических направлений. К ним относятся следующие.

1. Содержание текста опосредуется явлениями личностной сферы человека – личностных смыслов, мотивов, эмоциональных переживаний, которые обуславливают пристрастный взгляд на мир и выбор способов его представления в тексте. Действительность не отражается, а преломляется в нас, т.е. подвергается искажениям, причина которых кроется в самой природе нашего "я" [Балли 1961; Шаховский, Сорокин, Томашева 1998].

2. Понятие текстовой проекции основывается на представлении о тексте как пространстве его смысловых (концептуальных) точек: текстовые проекции «отображают содержание индивидуальной концептосферы человека», в текстовых проекциях «вербализуются лишь те знания субъекта, которые он «понял», «присвоил», а поскольку и количество, и качество знаний у индивида различается, то и текстовые проекции варьируются по своему содержанию» [Леонтьев 1975; Новиков 2002; Борисова 2003 и др.].

3. Проекция текст формируется как смысловое образование. Под смыслом понимается межиндивидуальное психическое образование, которое определяется а) через более широкий контекст и через интенцию [Леонтьев 2003: 26], б) в ситуации «контакта и взаимодействия с другим сознанием» или в критических ситуациях жизни субъекта (стресс, аффекта) [Леонтьев 2003: 26, 264].

Помимо причин психологического и семантического характера, о которых говорилось выше, проективные особенности обусловлены также недостатком полной рефлексированностью коммуникативных намерений автора.

Параметры текстовой проекции. В качестве составляющих текстовой проекции нами рассматриваются познавательные процессы *категоризации* и *концептуализации* информации.

Изучение форм и способов репрезентации содержания в текстах показывает, что один и тот же полученный материал люди организуют по-разному, различными являются также проекции текста, полученные при репрезентации материала одним и тем же автором в разных коммуникативных условиях. Такие явления неизбежно приводят к выводу о существовании разных способов категоризации отражаемых объектов и о разных категориальных систе-

мах, используемых человеком в процессе вторичной текстовой деятельности.

Под *категоризацией* в общем смысле слова понимаются способы упорядочения имеющейся у субъекта и поступающей к нему информации, процедура «сжатия многообразия» [Фрумкина 2001: 87]. В когнитивной науке категоризация исследуется в том числе как лингвистическое явление: «о нем следует говорить как о лингвистической категоризации» [Кубрякова 1996: 42]. Процессы категоризации исследуются в связи с изучением номинативной функцией языка, они находят яркое выражение в выделении семиотических разрядов (Ч. Пирс), в выявлении «фамильных сходств» (общих признаков попарно сравниваемых значений) (Л. фон Витгенштейн), прототипических элементах семантики (Дж. Лакофф).

Традиционно в философии принято выделять всеобщие (универсальные), общие (категориальные), общенаучные и специальные (частные) и единичные (конкретные) знания. В теоретической психологии человек рассматривается в качестве единственного живого существа, которому мир дан как единое связанное целое, простирающееся в пространстве и времени за пределы наличной ситуации и при этом предлежащее и предстоящее субъекту, а не просто его окружение [Леонтьев 2003: 116], поэтому для него характерны не только личностные смыслы конкретных действий и операция, но и такие высшие смыслы, как личностные ценности, потребности, мировоззрение, смысл жизни [там же: 131]. В применении к превращенным формам – запечатленному в тексте содержанию – Р. Барт выделяет пять герменевтических кодов, на основе которых строится содержание текста: от эмпирических знаний, действий и операций – к общесемантическому, а от него к культурным кодам, а также Голосу Истины и Голосу Символа как всеобщему, обобщенному знанию [Барт 2001: 44-46]. А.В. Пузырев, опираясь на системную методологию, предложенную философом А.А. Гагаевым, применил данную методологическую схему в отношении анализа лингвистических объектов в направлении от абстрактного к конкретному [Пузырев 2002]. Таким образом, движение по шкале «конкретное – абстрактное», «частное – общее» характеризуется как универсальный процесс кодирования знания на разных уровнях его категоризации: *единичное > особенное > общее > всеобщее*.

На уровне «укрупненных» текстовых единиц подобные явления связаны с изображением ситуаций разного уровня абстракции (конкретная, единичная – обобщенная, абстрактная ситуации). Подобное соотношение единичного и обобщенного характерно для такого жанра юридического дискурса, как «юридическое консультирование». В качестве объекта разбирательства здесь всегда находится единичный случай, конкретная ситуация, но ее правовая интерпретация предполагает переход к рассмотрению типичной, а затем обобщенной ситуации. В целях адаптации и популяризации знания, напротив, обобщенная ситуация может быть пред-

ставлена его прототипическим случаем или единичным фактом:

Представьте ситуацию: стихийное бедствие, наводнение, пожар, землетрясение. В беду попали сотни людей. Вот старый человек, с трудом плывущий к берегу; вот домашние животные, которым грозит огонь, вот дети и их родители, которые не могут выйти из полуразрушенного здания. Кому в первую очередь будет предоставлена помощь служб спасения? Согласно «Декларации прав ребенка» (принцип 8), ребенок при всех обстоятельствах должен быть среди тех, кто первым получит защиту и помощь (Шабельник Е. «Права ребенка. Учебное пособие по курсу граждановедения для начальных классов». – М., 2001).

Важной особенностью *концептуализации* является форма обозначения непересекающихся классов, которая обеспечивает их разграничение. Поэтому концептуальные системы рассматриваются в терминах ментальных репрезентаций (представлений). Способы представления содержания основываются на разных видах психических процессов, связанных с освоением мира и обработки информации: вербальной и невербальной, понятийной, образной, рационально-логической и эмоциональной [Кубрякова 1996: 95]. Вербальная форма репрезентации концептуального содержания накладывает дополнительные ограничения на восприятие категоризируемой информации.

В когнитивной лингвистике под *концептуализацией* понимается важнейший процесс познавательной деятельности человека, состоящий в осмыслении поступающей к нему информации и приводящий к образованию концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы в мозгу (психике) человека [Кубрякова 1996: 93]. Концепты возникают в процессе построения информации об объектах и их свойствах и рассматриваются как интерпретаторы смыслов, которые все время поддаются дальнейшему уточнению и модификациям [Кубрякова 1996: 90-91]. Выделяют по меньшей мере три составляющих концепта: понятие, ценность (оценку), образ [Карасик 2002: 140], представляющие собой своего рода валентности, которые могут предопределять «предсказуемые» блоки свободных ассоциаций [Красных 2003: 269].

Асимметрия текстовых проекций, возникающая в процессе построения развернутого текста, часто связана именно с существованием различных способов концептуализации свернутого концептуального содержания. Выбор способов представления текстообразующих концептов обусловлен интенцией автора и особенностями его языковой компетенции. Актуализация понятийного, образно-эмоционального или культурного компонентов концептуального содержания и их сочетаний связана также с коммуникативным характером создаваемого текста, его жанром. Так, в тексте одного из докладов, опубликованных в сборнике материалов научной конференции, основной тезис (смысловое содержание) сообщения представлен разными способами: а) в свернутой форме понятийно (в виде заголовка), б) в развернутом тексте понятийно, в) посредством образа в эпиграфе:

О функциональной интерпретации метакоммуникаций

*Но я, любя, был глуп и нем
А.С. Пушкин «Евгений Онегин»*

Как отмечают исследователи, одной из проблем коммуникации в современных западных обществах является алекситимия – неспособность выразить чувства словами... (Буторина Е.П. О функциональной интерпретации метакоммуникаций // Понимание в коммуникации. – М., 2005, С. 9).

Названные условия формирования текстовой проекции (уровни категоризации информации и способы ее концептуализации) обуславливают многообразие ее вариантов. Данные условия, безусловно, не исчерпывают всего многообразия причин, формирующих проекции: при их построении необходимо учитывать эмоциональные факторы, а также средства языковой и речевой репрезентации содержания. Выделенные здесь шкалы, отражающие параметры текстовой проекции, рассмотренной с разных исследовательских позиций, являются отражением отдельных аспектов этого явления и не могут быть применимы к анализу целостного текста. Причина этого состоит в комбинаторном характере изучаемого нами текстового явления. Под комбинаторностью понимается такое свойство систем, которое связано с рассмотрением особенностей выбора и расположения некоторого множества объектов в соответствии с задаваемыми правилами.

Особенности вторичного текстообразования.

Процесс восприятия содержания текста и его представления во вторичном речевом образовании имеет много общего с закономерностями первичного текстообразования как механизма «превращение события в текст». По словам Ю.М. Лотмана, образование текста означает «пересказ» события в системе того или иного языка, то есть подчинение его определенной заранее данной структурной организации [Лотман 1999: 226]. Целью вторичной текстовой деятельности также является построение проекции отражаемого содержания. Вторичный текст выступает как новое речевое произведение, соответствующее всем признакам текстуальности. Однако в данном случае в качестве референта выступает не модель реальной ситуации, а иное ментальное образование – отраженная предметная ситуация как ментальная проекция содержания первичного текста.

Одним из важнейших качеств вторичного текста (ВТ) является обязательное наличие определенного прототипа – текста-основы, с которым ВТ находится в тесной связи и на основе которого строится. Соотнесение проекций этих текстов делает возможным наблюдение над процессом формирования содержательных структур в процессе текстообразования, позволяет раскрыть механизмы деятельности активного языкового сознания личности.

В качестве рабочей гипотезы нами принимается следующее утверждение. Как речевое произведение ВТ должен отвечать всем свойствам текстуальности и воспроизводить основные этапы процесса текстообразования, свойственные укрупненным лингвистическим единицам. В то же время, как особый вид текста, ВТ может иметь специфические черты, свя-

занные с его главным качеством – направленностью «и на предмет речи», и «на другое слово, чужую речь» [Вербицкая 2000:2]. Вторичный текст не предполагает совпадения смысловых фокусов авторов в полном объеме, он аппроксиматичен в плане содержания, и степень аппроксимации может варьироваться в достаточно широком диапазоне. Приблизительность содержания вторичного текста обуславливает специфику вторичной проекции, которая имеет те же составляющие, что и проекция текста-основы: уровни категоризации информации и способы ее концептуализации при мотивирующей и опосредующей роли эмоций.

Проанализированный нами материал, который включает вторичные образования разных видов, функционирующие в разных типах дискурсов, позволил нам выявить модель образования ВТ, в которой, по нашему мнению, отражаются общие и особенные черты рассматриваемого текстового явления.

Модель вторичного текстообразования касается закономерностей процессов порождения и понимания текста, которые во вторичной текстовой деятельности представляют единство и выступают в качестве двух ее этапов.

В процессе «перевода» объекта коммуникации – события (предметной ситуации) – в форму сообщения мы оперируем текстовыми единицами, которые, с одной стороны, представляют структуру ситуации (ее сценарий), а с другой стороны, воспроизводят коммуникативную установку автора. Обе задачи являются важными для превращения континуума события в структурно организованное единство и обуславливают асимметрию свойств предметной ситуации, ее ментального образа и вербальной проекции.

Несмотря на сходство моделей образования первичного и вторичного текстов, эти лингвистические объекты имеют принципиально различную природу. Первичный текст рассматривается как «первая попытка упорядочивания нового» [Касавин 2006: 7], имеет бытийную природу и является результатом не познания, а деятельности (связанной с передачей информации). ВТ имеет семиотическую природу, на первый план здесь выступает познавательная деятельность, работа с текстом, а основной функцией становится закрепление социальной структуры. Если создание первичного текста побуждается внутренним личным интересом, то построение вторичного произведения связано с внешними обстоятельствами, поэтому возможности творческого самовыражения автора здесь ограничены.

Как показали многочисленные исследования ученых, процесс осознания (понимания) текста и построения его ментальной проекции сопровождается компрессией содержания. Способность к свертыванию и развертыванию содержания является фундаментальным свойством текста, рассматриваемого в динамическом аспекте – в аспекте его порождения и понимания. В результате действия компрессии текста рождаются особые образования – неразвернутые формы первичного речевого произ-

ведения. По словам Л.В. Сахарного, эти новые формы являются своеобразными перифразами исходного текста, результатом его перекодирования, независимо от того, был ли вторичный текст создан самим автором или другой языковой личностью [Сахарный 1991: 224]. Компрессия текста на данном этапе когнитивной обработки текста соответствует идее «внутреннего» предиката, «внутреннего слова», где выделяемые единицы являются квази-знаками, обозначением условной ситуации, своеобразным кодом, который должен быть дешифрован читателем при помощи автора текста.

Подобные действия характерны для составления некоторых видов аннотаций к статьям и развернутых подзаголовков, представляющих собой набор ключевых слов, которые в обычных условиях «растворены» в тексте, а в новом коммуникативном статусе вынесены в предтекст, представляя его смысловые узлы, или своеобразный план:

С чего начинается Родина?

Размышления о патриотизме. Картинки в твоём букваре. Война. Поколение победителей. Долги наши. «Правды» о войне: генеральская, окопная, журналистская, писательская, экранная. Немецкое кладбище в Россошиках. Парадоксы «исторической» памяти (Максютта Н. Вопросы задают жизнь // Отчий край, 2005, № 3)

Некоторые из свернутых форм первичного текста отражают этапы работы внутренней речи и должны расцениваться как запись «для себя», другие могут рассматриваться в качестве самостоятельных текстовых образцов (понимание которых, однако, неотделимо от восприятия содержания развернутого текста). Несмотря на видимую ущербность (они когерентны, однако практически лишены свойства когезии), такие тексты-примитивы часто выступают как оптимальные формы представления информации, которые не только достаточны, но и необходимы для решения ряда коммуникативных задач.

Этап компрессии информации является необходимой стадией его когнитивной обработки, в результате которой образуется ментальное, или концептуальное, представление отражаемой предметной ситуации. По данным экспериментальных исследований, предельным случаем компрессии текста является выявление его концепта – смыслового сгустка текстового содержания. Вычленение концептуального содержания текста и представление его в сжатой форме, по мнению А.И. Новикова, сопровождается переходом реципиентов текста на особый метаязык, или «смысловой код» [Новиков 2002:55], при помощи которого устанавливается значимость содержания текста как социально-речевого явления и заново определяются их категориальная и концептуальная специфика.

Экспликация свернутого содержания во ВТ – это всегда творческий процесс, результатом которого является порождение разных, чаще всего уникальных речевых произведений, соответствующих коммуникативным установкам автора и его языковой компетенции.

Вторичная проекция текста. Как показывает анализ материала, построение вторичной проекции текста осуществляется в соответствии с теми же условиями, которые учитывались нами при рассмотрении проекции первичных текстов. В соответствии с выделенными выше составляющими текстовой проекции (уровней категориальной абстракции и способов концептуализации информации) можно говорить о степени соответствия / несоответствия категориальных и концептуальных характеристик содержания ВТ соответствующим параметрам первичной текстовой проекции.

Несмотря на обязательную соотнесенность ментальных и вербальных образов двух сравниваемых текстов, вторичная проекция всегда имеет свою специфику: она строится из «рассыпанного» первичного текста - освоенной и присвоенной информации, представленной в свернутом виде и предназначенной для вторичной репрезентации. В результате вторичной репрезентации формируется новая содержательная структура, поэтому вторичный текст воспринимается в качестве самостоятельного речевого произведения. Но смысл вторичного текста проявляется только в соотнесении его содержательной структуры с содержанием текста-основы.

Как идеальное образование, смысл, получая вербальную определенность, переходя в область семантики, «приобретает стабильность, утрачивает смутные, зыбкие очертания субъективного переживания, становится надындивидуальным социальным фактором, орудием общения, «именем» объекта и потому феноменом осознаваемым» [Леонтьев 2003: 259-260].

Таким образом, не являясь исчерпывающей в своих параметрах, модель построения вторичной проекции, делает сопоставимыми и наблюдаемыми процессы преобразования смысловой структуры текстов, позволяет рассматривать вторичные тексты разных типов на основе единых содержательных принципов.

Жанровая специфика построения вторичной проекции текста. Проанализировав функциональные разновидности вторичных текстов (*тексты репродуктивного типа (подробное изложение, краткое изложение)*, тексты-адаптации, тексты-интерпретации, тексты-имитации), мы установили их проективные особенности, связанные со следующими характеристиками: а) категориальная динамика по отношению к тексту-основе (движение по оси категоризации в направлении от единичного к общему (всеобщему) или от общего (всеобщего) к конкретному); б) структура концептуального содержания вторичного текста (уменьшение или увеличение числа текстообразующих концептов); в) динамика способов концептуализации информации по отношению к тексту-основе (соотношение понятийного, образного, оценочного компонентов сопоставляемых текстов).

В текстах *репродуктивного типа* категориальная динамика связана с изменением абстракции изложения как в направлении ее конкретизации, так и в направлении большей обобщенности. Тексты под-

робного изложения характеризуются преимущественно снижением уровня абстракции (73% проанализированных текстов), в то время как тексты краткого изложения характеризуются обязательным переходом на «смысловой код» и использованием лексики, более абстрактной по сравнению с лексикой текста-источника (89% проанализированных текстов). В то же время структура концептуального содержания таких текстов чаще всего остается неизменной (в текстах подробного изложения – 69% случаев) или изменяется за счет соединения более частных концептов в более общие (в текстах краткого изложения 77% случаев).

Способы концептуализации информации в текстах подробного изложения чаще всего мало отличаются от тех, которые были использованы в тексте-основе (71% случаев), отмеченные расхождения здесь связаны преимущественно с использованием оценочной / нейтральной лексики и редуцированием образных компонентов концептуального содержания. В текстах краткого изложения преобладает понятийный способ репрезентации содержания (81% случаев).

Тексты адаптации наиболее ярко представляют динамику категоризации содержания. В 84% примеров зафиксировано снижение уровня абстракции адаптированных текстов по отношению к содержанию текста-основы, 9% характеризовались сохранением уровня категоризации содержания и 7% случаев – повышением уровня абстракции.

Повышение уровня абстракции в текстах данного типа связана чаще всего с адаптацией текстов в интердискурсивных условиях: например, юридический текст Конституции → научный текст ее толкования.

Структура концептуального содержания во вторичных текстах этого типа также часто претерпевает изменения, которые связаны преимущественно с исключением не-доминантных текстообразующих концептов из содержательной структуры адаптированного текста: это может быть связано с жанровой особенностью вторичного текста (сокращением объема речевого произведения в целях его усвоения неподготовленной аудиторией читателей) или с действием этических норм (невозможность воспроизведения каких-либо фрагментов содержания в данной аудитории). В то же время 28% примеров фиксирует сохранение структуры концептуального содержания даже при адаптации текста к новым условиям его воспроизведения. Для данного типа текстов характерно использование разнообразных способов концептуализации содержания: понятийная информация сопровождается образной (28% текстов), понятийная информация заменяется образной (19% текстов), вводится оценочный компонент (28% текстов), сохраняется набор способов концептуализации при снижении уровня категоризации информации (32% текстов).

Тексты интерпретации, по нашим данным, характеризуются сохранением уровня абстракции изложения по отношению к первичному тексту (75% примеров) или, реже (25% примеров), конкре-

тизацией содержания. Структура концептуального содержания при этом преобразуется за счет выборочного воспроизведения фрагментов, интерпретируемых во вторичном тексте или за счет гипертекстового расширения концептуальной структуры текста (вводятся дополнительные, частные концепты). Несоответствие тексту-основе в данном случае проявляется преимущественно в выборе способов концептуализации информации. Интерпретация часто сопровождается введением оценочной составляющей или изменением оценочного знака (положительного/отрицательного) лексем, участвующих в вербализации основного концептуального содержания (54% примеров), при этом эмоциональная (субъективная) и рациональная (объективная) виды оценки представлены относительно равномерно (соответственно 47% и 53% от числа всех типов преобразований оценочной составляющей концептов).

Тексты имитационного типа отличаются большим разнообразием, но общим свойством таких речевых произведений является их направленность на сохранение черт текста-основы во вторичном его варианте. Уровень категоризации информации в текстах переложений, подражаний и стилизации подчеркнута идентичен тому уровню, который характерен для первичного текста (81% примеров). Данная особенность отчетливо проявляется в выборе языковых средств, используемых для этого:

Изменение уровня категоризации содержания свойственно текстам-пародиям, в которых одна черта первичного текста (содержательная или формальная) является основанием для создания вторичного произведения. При этом избранный в качестве объекта пародийного представления признак утрируется, гиперболизируется, «низкое» содержание пародируемого требует контрастных, «высоких» форм выражения, в качестве которых используется абстрактная лексика, обозначающая обобщенные понятия. Характерной для пародии является также гиперболизированная конкретизация изложения, если объектом пародирования становится неуместная абстрактность изложения в первичном речевом произведении:

Структура концептуального содержания в имитационных текстах сохраняется в относительно полном объеме переложения, в имитационных текстах других типов она воспроизводится

нерегулярно: по нашим данным, только в 22% примеров она воссоздается полностью.

Более типичным для имитационных текстов является не только преобразование, но и искажение структуры концептуального содержания текста-основы (например, в пародиях). Способ концептуализации информации для вторичных текстов имитационного типа является тем признаком, который, напротив, должен подчеркнуть родство первичного текста и его имитации, поэтому в данном случае проявляется тенденция к сохранению способов выражения содержания (79% примеров). Расхождения с первичным текстом здесь чаще всего связаны с большим весом оценочной составляющей и изменением знака (положительного/отрицательного) и вида (эмоциональная/рациональная) оценки.

Общей характеристикой вторичной проекции содержания текста-основы в текстах имитационного типа является своеобразный параллелизм ментальных образов двух речевых произведений:

Заключение. Предложенные нами параметры рассмотрения вторичной проекции текстов позволяют рассматривать вторичные тексты с позиций коммуникативной ситуации «смысловых ножниц» (Т.М. Дридзе), в которой раскрывается весь диапазон возможностей реализации замысла автора. Выявление измерений вторичной проекции текстов разных функциональных типов и их соотношение с первичной проекцией дает возможность представить ее как явление гораздо более сложное, чем простая градация признаков, расположенных на одной шкале.

Изучение проективных особенностей текстов разных типов и возможность установления определенных закономерностей «искажения» в них первичного содержания показывает, что, несмотря на оригинальность, творческое воплощение нового замысла, вторичные тексты подчиняются общим законам текстообразования и порождения смысла, поэтому они не должны рассматриваться как разрозненное множество речевых фактов, каждый из которых несет «свою истину». Данное обстоятельство также обуславливает рассмотрение процесса текстообразования (в том числе вторичного текстообразования) как сознательного действия автора по «конструированию смыслов» [Дридзе 1984; Леонтьев 2003].

ЛИТЕРАТУРА

1. Арестова О.Н., Пахомов И.А. О соотношении физических и смысловых параметров коммуникативного пространства // Вопросы психологии, 2002. - № 2.
2. Балли Ш. Французская стилистика. - М., 1961.
3. Барт Р. S / Z - М., 2001.
4. Борисова С.А. Пространство – человек – текст. - Ульяновск, 2003.
5. Вербицкая, М.В. Теория вторичных текстов. - Автореф. ... дис. д-ра филол. наук. - М., 2000.
6. Дейк Т.А. ван., Кинч В. Стратегии понимания связного текста // НЗЛ. - Вып. XXIII: Когнитивные аспекты. - М., 1988.
7. Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: Проблема семисоциологии. - М., 1985.
8. Залевская А.А. Текст и его понимание / А.А. Залевская. - Тверь, 2001.
9. Карасик В.И. Проблемы лингвистики текста и дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. - Волгоград, 1998.
10. Касавин И.Т. Текст, контекст, индивид // www. Auditorium.ru./ index.php.

11. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? - М., 2003.
12. Кубрякова Е.С. Концептуализация // Кубрякова, Е.С., Демьянков, В.З., Панкрац, Ю.Г., Лузина, Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов.- М., 1996.
13. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М., 1975.
14. Леонтьев А.А. Признаки связности и цельности текста // Лингвистика текста: сб. науч. трудов. Вып 103. М.: Изд-во МГПИИЯ им М. Тореца, 1976.
15. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности.- М.: Смысл, 2003.
16. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст - семиосфера – история. - М., 1999.
17. Новиков А.И. Доминантность и транспозиция в процессе осмысления текста / А.И. Новиков // Прикладное языкознание. – М., 2002.
18. Петров И.Г. Знаки, значения и смыслы как образования сознания, единицы анализа его строения, состояния и как устроен «человеческий дух» / И.Г. Петров // Мир психологии, 1999. - №. 1.
19. Пузырев А.В. Опыты целостно-системных подходов к языковой и неязыковой реальности / А.В. Пузырев. - Пенза: ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2002.
20. Рубинштейн 1984 Рубинштейн, С.Л. Эмоции / С.Л. Рубинштейн // Психология эмоций. - М.: Изд-во МГУ, 1984.
21. Сребрянская, Н.А. Дейксис и его проекции в художественном тексте. – Воронеж: ВГПУ, 2005.
22. Фумкина, Р.М. Психолингвистика / Р.М. Фрумкина. – М.: Academia, 2000.
23. Шаховский В.И., Сорокин Ю.А., Томашева И.В. Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы. – Волгоград, 1998.
24. Ross, L. The intuitive psychologist and his shortcomings: Distortions in the attribution process // Advances in Experimental Social Psychology / Ed. L. Berkowitz. N.Y.: Academic Press, 1977. V. 10.

В.В. Красных (Москва)

Единицы языка vs. единицы дискурса и лингвокультуры (к вопросу о статусе прецедентных феноменов и стереотипов)

Сегодня уже становится трюизмом говорить о формировании и кристаллизации новой научной парадигмы, сложившейся к началу XXI века. Отличительным признаком данной парадигмы является ее очевидный антропоцентризм, который проявляется в том, что ученые, работающие в рамках новой парадигмы, все больше сосредоточиваются на феномене самого человека, при этом рассматривают его не только как носителя некоего сознания, осуществляющего некую деятельность, но как носителя – в том числе – сознания языкового, осуществляющего – в ряду других видов деятельности – деятельность речевую (в самом широком смысле данного термина). В силу этого представители разных научных дисциплин в своих изысканиях проявляют все больший интерес к тому, что стоит за языком, за речью, за речевой деятельностью, за коммуникативным поведением. Неслучайно поэтому одним из популярных терминов последнего времени стал термин «дискурс». (Замечу в скобках, однако, что, несмотря на то, что он перешел уже из разряда «остромодных» в разряд повседневных и широкоупотребительных, мы до сих пор не можем сказать, что он точно и однозначно определен.)

Поскольку дискурс непосредственно связан с коммуникацией (он в ней рождается и ее формирует), он может и должен рассматриваться с учетом коммуникативного поведения человека и его речевой деятельности. Соответственно, становится понятным, почему изучением дискурса в нашей стране относительно давно и вполне успешно занимаются исследователи, работающие в сфере психолингвистики, а в последнее время и этнопсихолингвистики.

Дискурс с позиций психолингвистического / лингво-когнитивного подхода может быть определен как вербализуемая речемыслительная деятельность, представляющая как совокупность процесса и результата и обладающая как собственно лингвистическим, так и экстралингвистическим планами. Почему в данном определении для нас важно слово «вербализуемая»? Во-первых, потому что мы не можем не учитывать невербальные компоненты коммуникации, которые, наряду с собственно вербальными, также «участвуют» в дискурсе и которые при необходимости могут быть вербализованы. Во-вторых, в данном случае дискурс оказывается противопоставлен внутренней речи, которая, по моему убеждению, собственно дискурсом не является, она, если угодно, пред-дискурс, до-дискурс. Дискурс как процесс есть сама деятельность, дискурс как результат – совокупность произведений (текстов), созданных в процессе данной деятельности. Собственно лингвистический план дискурса объединяет как вербальные, так и невербальные компоненты коммуникации (напр., паралингвистику: мимику, жесты, просодию и под.). Экстралингвистический план дискурса формируют конситуация, контекст в самом широком смысле, различные когнитивные аспекты, сознания коммуникантов и под.

По сути своей дискурс – это не язык, не речь, не языковая способность, это не только деятельность и не только текст. Это отдельная семиотическая система. И раз так, то у него должны быть свои единицы.

Почему определенные единицы следует относить к числу дискурсных? В чем принципиальная

разница между языковыми и дискурсными единицами? И что значит: феномен является единицей дискурса, а не языка? Это значит, что данный феномен имеет лингво-когнитивную, а не собственно языковую природу, т.е. принадлежит сфере «языковленного ментального», а не системе языка, и его «костяк», основу составляет образ (эмоционально-смысловая свертка – результат максимального сгущения первоначального представления), но не языковое (лексическое, грамматическое) значение и не языковая форма.

Что это за единицы? Например, с моей точки зрения, единицей дискурса является текст (вспомним: дискурс как результат есть совокупность созданных в процессе речемыслительной деятельности текстов). Это, возможно, основная дискурсная единица. Но не единственная. К числу единиц дискурса следует, по моему мнению, отнести и ментефакты, понимаемые как единицы содержания сознания. Они могут рассматриваться (как любые феномены) в статике и в динамике, с точки зрения системы или ее функционирования, как системные образования и как функциональные единицы. Если для нас на первый план выходят функциональные аспекты, то в центре нашего внимания оказывается в первую очередь дискурс. Если же в фокусе нашего внимания находятся в первую очередь системные отношения единиц, конфигурация системы, которую они формируют, их онтология и аксиология, их место в культуре, то мы выходим в сферу лингвокультуры и культурного пространства.

Прежде чем дать дефиниции последним двум терминам, определим что есть родовое для них понятие, а именно: культура. Культуру, вслед за В.Н. Телия, мы понимаем в первую очередь как мировоззрение, мироощущение, мироосознание и миропонимание народа. Это никоим образом не исключает материальной составляющей культуры, напротив, «мир материального» и «мир ментального» рассматриваются с точки зрения их взаимовлияния, взаимодействия и взаимозависимости. Так, нас интересует не то, как изготовлялись в прежние времена горшки, а то, что *не боги горшки обжигают*; не то, как именно и из чего именно плели ранее веревки, а то, что мы до сих пор может *вить из кого-либо веревки*. Иначе говоря, для нас оказывается более важным не сам культурный предмет (в терминах психолингвистов), не артефакт как таковой, а то, как он осмысляется, метафорически переосмыляется представителями данной культуры и какое место в самой культуре он занимает (или – в рамках психолингвистики – культурный квазипредмет) [Тарасов 1993].

Исходя из такого понимания культуры в целом, определим лингвокультуру как культуру языковленную, овнешненную в знаках языка. Из этого следует, что, говоря о лингвокультуре, мы рассматриваем, вслед за В.Н. Телия, знаки языка (в лингвистическом понимании этого термина) как тела знаков языка культуры. Иначе говоря, изначально имея две самостоятельные семиотические системы, каждая из которых обладает своим собственным «языком»

(культура vs. естественный язык человека), мы, вероятно, выходим в пространство третьей семиотической системы, т.е. лингвокультуры.

Что касается культурного пространства, то этот термин охватывает в первую очередь собственно «ментальную» сферу культуры, ибо по сути своей культурное пространство есть «форма бытования культуры в сознании ее представителей» [Гудков, Красных 1998]. Таким образом, культура, лингвокультура и культурное пространство оказываются онтологически связанными; они неслиянны (как неслиянны образы сознания и тела знаков, в которых они овнешняются) и неразрывны (как неразрывны составляющие ментально-лингвального комплекса).

Следует отметить, что при изучении и лингвокультуры, и дискурса одинаково хорошо «работают» как лингво-когнитивный / психолингвистический, так и лингвокультурологический подходы, которые могут прекрасно дополнять друг друга. И в этом, кстати, мы находим еще одно свидетельство интеграционного характера современной науки.

При лингво-когнитивном подходе к анализу дискурса и лингвокультуры языковые и дискурсные единицы рассматриваются как *тела знаков языка культуры*. В.Н. Телия считает, что при этом указанные единицы, будучи рассмотрены в сфере культуры, культурного пространства, сами становятся *знаками языка культуры*. Однако представляется возможным говорить о ментефактах как единицах отдельных семиосистем: собственно дискурса и собственно лингвокультуры.

Именно на ментефактах, вернее – некоторых из них, я остановлюсь в данной статье и постараюсь привести аргументы в пользу их неязыкового статуса. Для этого необходимо рассмотреть некоторые свойства и признаки ментефактов, которые обуславливают их специфику и позволяют закрепить за ними статус единиц именно дискурса (впервые об этом написала в [Красных 2005 – Тарасов] и лингвокультуры, а не собственно языка. В силу ограничений, которые накладывает жанр статьи, сфокусируем внимание на ментефактах, которые входят, наряду с другими, в большой класс представлений, а именно: на прецедентных феноменах и стереотипах. Вначале я позволю себе кратко перечислить указанные свойства и признаки, а затем рассмотрю некоторые из них более подробно.

Прецедентные феномены (ПФ).

1) Среди ПФ есть феномены как вербальные, так и невербальные по своей природе (напр., *Штирлиц* как прецедентное имя vs. его облик или музыка из фильма «Семнадцать мгновений весны»).

2) ПФ по своей сути есть некий комплекс представлений, образов, спаянных воедино и предстающих как «молекулярная единица». Напр., *граф Монте Кристо* – ‘сбежавший узник тюрьмы, мститель, обладатель фантастического богатства’; *барон Мюнхгаузен* – ‘веселый фантазер / безобидный выдумщик, полет на ядре в стан врага, вытаскивание себя за волосы из болота’; и под.

<...> мечь такое чувство, которое не терпит отлагательств. Конечно, **Эдмон Дантес, граф Монте-**

Кристо, лелеял мысль об отмщении врагам в течение долгих лет. Но он, напомню вам, в это время **сидел в камере замка Иф**. А стоило ему оказаться на свободе, тут такое началось! *Д. Донцова, Хождение под мухой*. За ним, постукивая по полу тросточкой, неспешно вышагивал высокий, сухощавый господин в прекрасно сшитом сюртуке, белейшей сорочке с безупречными воротничками, да еще и в цилиндре – ни дать ни взять **граф Монте-Кристо**, вот и дворник его назвал «сиятельством». Сходство с **бывшим узником замка Иф** усугублялось благодаря холеной, бледной физиономией (надо сказать, весьма эффектной) и романтическими черными усами. Да и возраст у щеголя был примерно такой же, как у **парижского миллионщика** – из-под цилиндра виднелись седые виски. *Б. Акунин, Любовница Смерти*. Знакомься, Шарاپов. Это наш сотрудник. Гриша... Подпольная кличка – «6 на 8». Непревзойденный фотограф и внук **барона Мюнхгаузена**. *Т/ф «Место встречи изменить нельзя»*. – А вот Вы? Вы, как **барон Мюнхгаузен, себя за волосы** из одиночества **вытаскиваете?** *Т/п «Принцип „Домино“», 24.02.2003*.

3) Именно наличие инварианта восприятия делает феномен прецедентным; если изъять любой из «компонентов», составляющих «дифференциальные признаки» феномена (инвариант его восприятия), исчезнет сам феномен. Напр., *Баба Яга* – старая злая ведьма, отличающаяся уродливой внешностью. Молодую не слишком красивую и/или злую женщину, молодую «ведьму» или же добрую, но некрасивую старушку едва ли назовут *Бабой Ягой* (это возможно только при условии определенных оговорок).

4) Большинство ПФ имеют свое «имя», тело знака, и в этом смысле они сближаются с языковыми единицами, но среди ПФ есть целый ряд феноменов, которые своего «имени» не имеют. Например, прецедентная ситуация – даже хрестоматийный пример *«предательство Иудой Христа»* не имеет фактически фиксированного имени, ибо приведенное «сочетание» может быть признано таковым только для уровня мета-анализа данной единицы. Попробуйте найти пример естественного употребления этого выражения в речи, и Вы убедитесь, что мы никогда не скажем: *«Это было просто предательство Иудой Христа»*. Для апелляции к данной ситуации мы предпочтем использовать другие «входы» в нее: через имя *Иуда*, прецедентное высказывание *30 сребреников* и т.п. (примеры см. далее – п. 6)

5) Апелляция к ПФ может осуществляться через собственно «имя» ПФ, а также с помощью именованной атрибутов ПФ, в том числе – других ПФ (особенно актуально для ПФ, не имеющих своего «означающего»); напр., *суд Париса* и *три грации*, *суд*, *яблоко* и т.д. (более подробно об этом – чуть далее в настоящей статье).

6) Важнейшими культурными функциями ПФ являются их эталонность и символичность; см., напр., *Ассоль* и *алые паруса* как эталон и символ романтического отношения к жизни; *Иуда* как эталон и *30*

сребреников / иудины деньги как символ предательства; напр.:

Да, моя внешность и первые фильмы – «Алые паруса» и «Человек-амфибия» – определили мое амплуа. <...> Хотя я сама не **Ассоль**, это совершенно точно. Я никогда никаких **алых парусов не ждала**, и никаких **принцев с этими парусами** тоже. *АиФ, № 51, 2004*. Джипы приблизились и затормозили, из них высыпал «братки» в черных кожаных куртках и бросились к застрявшей машине, размахивая оружием. – **Иуда**, – прошипел Толя, с ненавистью глядя на Маркиза. – Я не виноват, – отозвался Ленья, бешено давя на газ <...>. Все равно они через час были бы в деревне! *Н. Александрова, Кот особого назначения*. У нее был выбор. В непроходимом Брянском лесу, подступавшем к деревушке, действовали партизаны. В Локте, совсем рядом, сыто жили русские фашисты. Ей было 19, и она знала, что будет жить. Что должна выжить. В форме советской военнослужащей, стройная и дерзкая, нервным заминающимся жестом поправляя рукой темные волосы, она пошла к заставе локотской тюрьмы... Ее взяли на работу. За тридцать немецких марок. За **тридцать немецких сребреников**. *АиФ, № 47, 2003*. Стражей закона интересовало: каким способом автор передает свои статьи на Запад (работы Прибыловского публиковались в газете «Русская мысль», выходящей в городе Париже), по чьей инициативе он их пишет и сколько **«иудинных денег»** таким способом зарабатывает? *МК, 31.03.2001*.

Стереотипы-представления (СП).

1) Изначально невербальный характер феномена. По своей сути СП – ментальная картинка, правда, более сложная, нежели собственно визуальный образ (идея В. Н. Телия, высказанная ею в процессе личного общения), хотя он первичен и, как правило, обязателен, но могут быть и другие не менее важные параметры, напр., запах или вкус: *лимон – кислый* (наиболее частотная и устойчивая ассоциативная связь, независимо от мены мест стимула и реакции).

2) СП предстает как некая «молекулярная единица» (статический или динамический «образ»); тот же *лимон*: кислый, желтый, продолговатый.

3) Стереотип-ситуация (и – реже – стереотипный образ) может включать в себя – в виде «атомов» – стереотипы поведения, в том числе – речевого; однако это не является необходимо обязательным.

4) СП может быть «поименован» (например, *очередь*, *медведь*, *новый русский*, *экзамен*), но это может быть не столько «имя собственное» стереотипа, сколько «квази-имя», «мета-имя», которое позволяет актуализировать СП, или же актуализация СП может идти описательно:

В кабинете, заваленном горами пыльных папок, **как маленький таежный полустанок бывает завален снегом**, стояло два письменных стола<...> *Н. Александрова, Динарий кесаря*. Заручившись обещанием Марии свести его с запропастившимся Платоном, Марк вообще перестал давать ей проходу. <...> Мария **держалась, как партизанка**. <...> Сказать Марку было решительно нечего. Не может же Мария, в самом деле, сообщить ему засек-

реченный адрес. Ю. Дубов, *Большая пайка*.

5) Апелляция к СП может осуществляться либо с помощью данного «квази-имени», либо с помощью атрибута (в первую очередь – в случае стереотипа-образа), либо с помощью стереотипа поведения (в случае стереотипа-ситуации), либо описательно (примеры см. выше; кроме того, мы остановимся на этом вопросе подробнее далее в данной статье).

6) Культурными функциями СП также являются эталонность и символичность.

<...> в ее лице произошла поразившая меня перемена. Беззащитная, слабая, раздавленная ударом судьбы **овечка** словно по мановенью волшебной палочки превратилась в **волчицу**. Плечи расправились, подбородок приподнялся, глаза зажглись опасным огнем, а ноздри затрепетали, будто перед нами была хищница – нет, не **волчица**, а кошачьей породы, **пантера** или **львица**, учуявшая запах свежей крови. Я поневоле отшатнулся. Б. Акунин, *Левиафан*.

Как мы только что видели, ПФ и СП обладают целым рядом признаков, их объединяющих. Однако данные феномены принципиально различны по следующим параметрам: 1) форма хранения (различные когнитивные структуры); 2) «первооснова», т.е. к чему «восходят»; 3) в какие когнитивные совокупности (когнитивная база, когнитивные пространства, культурное пространство) входят и как именно; 4) каков их характер (по «масштабу охвата»: универсальный, национальный, социумный) [см., например: Красных 2003].

А теперь остановимся на некоторых из перечисленных признаков чуть подробнее, поскольку они требуют, на мой взгляд, более развернутой аргументации. Итак, как мы уже говорили, целый ряд прецедентных феноменов и стереотипов не имеет своего фиксированного «имени».

Напомню уже приводившиеся в других моих работах весьма показательные, как мне кажется, примеры прецедентных ситуаций (ПС), не имеющих «имени собственного». Итак, в РАС [РАС 2002, т. I] зафиксирована ассоциация «гнев → яблоко», за которой, как показывают постоянно проводящиеся опросы ии., стоит несколько ситуаций: 1) *суд Париса*; 2) *вкусение от древа познания и изгнание из рая*. В этих случаях гнев либо следует, либо предшествует именуемой ситуации, и ни одно из этих имен не является именем самой ситуации гнева, спровоцированного яблоком. Такого же типа ПС: уже упоминавшееся нами *предательство Иудой Христа* – «мета-имя» ситуации, удобное для анализа, но не возможное для использования в естественном общении; *подвиг Сусанина* – это скорее именование некой исторической ситуации, а не собственно «имя» ПС.

Или прецедентный текст (ПТ), который является прецедентным в силу того, что имеет инвариант собственного восприятия и именно в таком виде хранится в когнитивной базе. Иначе говоря, в данном случае речь идет не о самом тексте как таковом, не о, так сказать, тексте-«первоисточнике», который, как правило, фиксирован и в таком виде пере-

дается от поколения к поколению (как, например, сказки Пушкина, басни Крылова, романы Льва Толстого). Хотя и здесь приходится говорить «как правило», поскольку тексты народных сказок, например, или же другие фольклорные тексты могут и не иметь единого «текстового инварианта». Кроме того, сказки, известные нам в авторском изложении, и даже авторские произведения далеко не всегда имеют один-единственный текст-оригинал (напр., сказка «Золушка» имеет как минимум три «источника» – наиболее известный в России вариант Шарля Перро, менее известный у нас вариант братьев Grimm, а также знаменитый фильм 1947 года Н.Н. Кошеровой и М.Г. Шапиро; или сказка о приключениях Винни-Пуха – весьма популярный у нас отечественный мультфильм и менее известный авторский текст Милна; приключения Карлсона известны нам в большей степени по отечественному мультфильму, хотя не менее популярен и оригинальный текст Астрид Линдгрен; этот ряд примеров может быть продолжен, но ограничусь сказанным).

Но дело даже не в этом, а в том, что ПТ предстает в культурном пространстве в том виде, как он хранится в когнитивной базе и, соответственно, в сознании ее носителей. Тем более что, как показывают исследования, текст как вербальный, знаково зафиксированный продукт речемыслительной деятельности может и не быть «знакомым» и «знаемым» для представителей данной культуры, но инвариант его восприятия существует, и, следовательно, текст является прецедентным. В качестве примера можно привести роман Мигеля Сервантеса Сааведры о рыцаре печального образа, трагедии Вильяма Шекспира о двух влюбленных или же о страстном ревнивце, а также произведения русской литературы (к сожалению, найдется немало русских, которые плохо знают или вообще не знают тексты романов «Война и мир» или «Евгений Онегин»). Однако даже те, кто не читал эти произведения, несмотря на требования школьной программы и/или их известность, смогут рассказать, «о чем» они, т.е. владеют инвариантом их восприятия. Что касается лингвокультуры, то здесь мы, вероятно, имеем дело с двойственным – как минимум – бытием прецедентного текста: 1) самого текста – так, как он зафиксирован на каком-либо носителе: бумаге, киноплёнке (поскольку фильм – это тоже текст, хотя и сложной природы: поликодовый и полимодальный, в терминах когнитивной науки) и т.д.; и 2) инварианта восприятия прецедентного текста.

Сегодня с большей или меньшей степенью уверенности можно утверждать, что инвариант восприятия любого прецедентного феномена (наличие которого, повторю, является необходимым для обретения феноменом статуса прецедентного) по сути своей не имеет и, вероятно, не может иметь строго фиксированного языкового выражения.

Далее, прецедентные высказывания (ПВ). Они, как известно, имеют свою фиксированную форму, которая (наряду с системой значений-смыслов) входит в когнитивную базу. В силу этого данные феномены, казалось бы, должны были бы быть признаны

единицами языка. Однако прецедентные высказывания все же являются единица дискурса, поскольку могут употребляться и зачастую употребляются в трансформированном виде: не столько собственно «*быть или не быть*», сколько «*пить или не пить*», «*жить или не жить*», «*бить или не бить*»; **Спасать или не спасать [недоношенных детей]? Вот в чем вопрос.** Об этом со времен Спарты спорят не только врачи и родители, но и философы с юристами (МК, 22.02.2002); *Я стояла перед пачкой [чужих] писем из сейфа. Читать или не читать? Почти гамлетовские сомнения. Но все же любопытство взяло верх* (Д. Донцова, Крутые наследнички) и под. При этом носитель языка, представитель культуры легко восстанавливает исходную форму таких «измененных» единиц.

Что касается прецедентных имен (ПИ), то они в гораздо большей степени близки собственно языковым единицам. Но и здесь все не так просто. Во-первых, для прецедентного имени (как для любого прецедентного феномена) крайне важным оказывается инвариант его восприятия, который может включать в себя не только совокупность признаков (которые могут относиться к внешности, характеру, поведению), но и отдельные ситуации (см., например, *Колумб – открытие Америки*). По сути своей это сложный комплексный образ, который не может быть сведен ни к простому лексическому значению, ни к «энциклопедической» информации. При этом следует отметить, и это во-вторых, что многие имена так или иначе связаны с текстами, зачастую имеющими статус прецедентных, которые их породили, и в силу этого они (имена) могут служить отправной точкой для широкого спектра предсказуемых ассоциативных связей. В-третьих, позволю себе высказать осторожную гипотезу, что для прецедентных имен оказываются нерелевантными грамматическая категория рода и семантическая/референтная привязка к полу определяемого объекта. Но при этом они не становятся все-таки именами общего рода, поскольку этому изначально препятствует инвариант восприятия самого прецедентного имени. Объяснить такую особенность данных единиц представляется несколько затруднительным с собственно грамматических, лексических, семантических и проч. позиций, т.е. если мы остаемся на поле собственно языка. Но все это оказывается вполне понятным и объяснимым, если мы «переведем» прецедентные имена из сферы языка в сферу дискурса, где грамматические, лексические и прочие собственно лингвистические категории оказываются частично нерелевантными или – как минимум – отходят на второй план.

Как показывают исследования, прецедентные имена могут употребляться по отношению к представителю противоположного пола и даже (хотя и редко) менять свою грамматическую категорию рода: *Буратина* (при описании девушки с длинным носом), *Золушка* (по отношению к молодому человеку, удачно женившемуся на богатой невесте) и под. Думается, что для собственно языковых единиц такие случаи едва ли представляются возможными.

Даже если вслед за детьми считать, что *мух и *синиц – это «дяденьки» в отличие от «тетенок» *мухи* и *синицы*, все равно весьма затруднительно утверждать, что *женщин и *тёнемок (им.п., ед.ч.) – мужчина (ср. *Золушка*). Хотя, справедливости ради, не могу не сказать, что были отмечены случаи такого «нетрадиционного» словоупотребления, напр.: фотография годовалого мальчика Миши в газете была снабжена надписью «*Бабочка!*» (МК, 20.03.2007), хотя в данном случае, вероятно, имело место подражание «детскому» языку, о котором я только что говорила; или реплика зрителя передачи «*Дом-2*», отправленная в виде SMS «*Рустам шлюх!*» (ТНТ, 20.03.2007), однако этот случай также не может быть признан абсолютно показательным и доказательным, поскольку, во-первых, возможна элементарная ошибка (см. написание фразы в целом), во-вторых, такие употребления, если они встречаются, обязательно оказываются стилистически маркированы в силу особой эмотивности (ср. название фильма «*Усатый нянь*»).

Приведу еще несколько примеров, демонстрирующих «индифферентность» прецедентного имени (обладающего, с точки зрения языка, категорией рода) к полу описываемого объекта. Понятно, что *Иван Сусанин* – имя сугубо мужское, обладающее всеми грамматическими признаками мужского рода и служащее для называния лиц мужского пола. Но ведь это абсолютно не мешает употреблять это имя по отношению к представительнице женского пола (*Ну, что, Сусанин? Куда ты нас завела? Выводи теперь.*), если она оказалась виновницей ситуации, сопоставимой с прецедентной (инвариант ПИ *Иван Сусанин*, полученный в результате серии экспериментов – «человек, заведший в место, откуда выхода нет или выход затруднен»). Итак:

– Она, между прочим, тоже собралась на вечер. – Кто? Эта **Буратина**? К/ф «*Не хочу жениться*». Наверное, я последний московский романтик, мечтаю о большой и чистой любви. Я – **Ассоль** мужского пола, который **ждет алых парусов**. МК, 13.11.2004. Лола ощутила себя несчастной узницей, замурованной в подземелье на долгие годы – что-то вроде женского варианта **графа Монте-Кристо**. Н. Александрова, *Не все кошки серы*. Главный ужас машиниста – «**анны каренины**», бросающиеся под поезд, а их за год набегает немало: около 50 «сознательных» самоубийц и еще вдвое больше, человек 100, поскользнувшихся и вытолкнутых на рельсы толпой. *АиФ*, №47, 2004. Гроссмейстер Анатолий Вассерман стал одесской политической **Кассандрой** в 1985 году, когда к изумлению коллег из НИИ, вычислил, что на смену умершему Черненко к власти придет Михаил Горбачев. МК, 01.11.05. <...> никто из нас, включая дипломированного ветеринара Дениску и желающую стать **Айболитом** Маню, не способен определить, кем является Че [странное существо, случайно оказавшееся в доме]. Д. Донцова, *Лягушка Баскервилей*. Так много работы, что Вы чувствуете себя **Золушкой**? *Реклама чипсов «Чемпион», где «главным героем» является молодой человек.*

Стереотипы, как и прецедентные феномены, могут не иметь жестко фиксированного имени, однако апелляции к тому или иному стереотипу-представлению по определению прозрачны и понятны для представителей определенной культуры. И в этом стереотипы сближаются с ПФ.

Но есть и некоторые, на мой взгляд, принципиальные различия. Главное состоит, пожалуй, в следующем. Когда речь идет о прецедентных феноменах, мы имеем дело с языковыми единицами, которые именуют какой-либо значимый, необходимый и достаточный для прозрачности апелляции к самому феномену «сегмент» инварианта его восприятия. Список таких единиц, как правило, закрыт, поскольку число «значимых» сегментов не просто бесконечно, но и ограничено. «Свобода формы» в данном случае проявляется в том, что для обращения к такому образу говорящий может выбрать любую из единиц списка. Как представляется, в этом (в том числе) заключается специфика прецедентных феноменов как феноменов лингво-когнитивной природы.

Что касается стереотипов, то некоторые из них проявляют значительно большую степень свободы в выборе формы, которая (свобода) зачастую ограничивается самим образом и набором собственно языковых единиц, способных этот образ описать (например, *молчать, как партизан / как юный партизан / как (юный) партизан на допросе / как партизан в гестапо / как юный партизан на допросе в гестапо* и под.) Конечно, данные единицы именуют некоторые, необходимо обязательные для данного образа компоненты, но сам список единиц предопределяется и ограничивается не столько природой

именуемого компонента, сколько возможностями языка. Ср. вышеприведенный пример со следующими перечнями «имен» атрибутов прецедентных феноменов: ситуации – 1) *дерево, яблоко, змей / змий, Ева / женщина, соблазнение, гнев, наказание / изгнание*; 2) *яблоко, богини / три грации, суд / выбор, судья / Парис, гнев* (данные ситуации в целом, с учетом всех атрибутов не имеют «имен собственных»); имена – 1) *лень, тапочки, диван* (Обломов); 2) *высокий рост, милиционер* (дядя Степа); и под. Разница, на мой взгляд, очевидна: способы апелляции к стереотипному образу более разнообразны по форме, не столь жестко заданы и оставляют для говорящего определенную свободу выбора, причем выбора не именуемого компонента / сегмента, но самого «имени». В этом смысле стереотипы, оставаясь по сути лингво-когнитивными феноменами и единицами дискурса, сближаются с феноменами собственно когнитивной природы, таксонами культуры, ее значимыми единицами, такими, как, например, эталоны и символы.

Таким образом, можно сказать, что существует ряд феноменов (к примеру, ментефакты), которые следует относить к единицам отдельных семиотических систем, таких, как лингвокультура и дискурс. О таком понимании их изначально не языковой, но лингво-когнитивной природы свидетельствует целый ряд их свойств и признаков, которые мы пытались представить и рассмотреть на страницах настоящей статьи. Вместе с тем, в данной сфере гораздо больше вопросов, нежели ответов, в силу чего позволю себе выразить надежду, что данная статья послужит поводом для дальнейших обсуждений проблемы и рассуждений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев 1993 – *Бердяев Н.А.* О назначении человека. М., 1993.
2. БФС 2006 – Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. / Отв. ред. В.Н. Телия. М., 2006.
3. Гудков, Красных 1998 – *Гудков Д.Б., Красных В.В.* Русское культурное пространство и межкультурная коммуникация // Научные доклады филологического факультета МГУ. М., 1998. Вып. 2.
4. Красных 2002 – *Красных В.В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология как конститuentы новой научной парадигмы // Сфера языка и прагматика речевого общения. Международ. сб. науч. трудов. К 65-летию фак-та РГФ Кубанского гос. университета. Книга 1. Краснодар, 2002.
5. Красных 2005-а – *Красных В.В.* Возможные пути решения некоторых актуальных проблем современной науки Общение. Языковое сознание. Межкультурная коммуникация. Сб. науч. ст. к 70-летию Е.Ф. Тарасова. М., 2005.
6. Красных 2005-б – *Красных В.В.* Культурное пространство: система координат (к вопросу о когнитивной науке) // *Respectus philologicus*. 2005. № 7 (12).
7. Красных 2005-в – *Красных В.В.* Ното Loquens и система координат культуры // *Языковая личность: Текст. Словарь. Образ мира.* Сб. научных статей. М., 2005
8. Красных 2006 – *Красных В.В.* Система координат лингвокультуры сквозь призму Ното Loquens // *Язык. Сознание. Культура.* М., 2006.
9. РАС 2002 – *Караулов Ю.Н., Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф.* Русский ассоциативный словарь. М., 2002. Т. I, II.
10. РВП 2003 – Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь. Выпуск 1. / Под ред. И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудкова. М., 2003.
11. Тарасов Е. Ф. О формах существования сознания // *Язык и сознание: парадоксальная рациональность.* М., 1993.
12. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
13. Телия В.Н. Послесловие. Замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа // *Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий.* / Отв. ред. В.Н. Телия. М., 2006.

Е.Ю. Ильинова (Волгоград)

О когнитивности и эвристичности вымысла

С тех пор, как лингвистика провозгласила тезис о доступе к внутренним (интеллектуальным, духовным) мирам человека через язык, изучение психологии мыслительной деятельности прочно вошло в список актуальных задач лингвистики и получило специфическое преломление в разделе, изучающем лингвокреативные проявления ментальных процессов в языке и тексте. Материальные условия существования человека ограничиваются его биологическими и физиологическими возможностями, но его психические и лингвокогнитивные способности следует отнести к самым загадочным свойствам сознания, позволившим человеку достичь высот современной цивилизации. Желание человека познать и преобразовать окружающий мир безгранично. Не менее важной и малоизученной является способность творчески переосмыслить окружающий его материальный мир и создать на этой основе мир духовный, в котором особое место отводится самосовершенствованию и творческому развитию интеллекта человека.

Для представителей психолингвистических школ и направлений изучение творчества в языке неразрывно связано с раскрытием самой сути языковой способности, под которой традиционно понимают, в том числе, и умение производить и понимать языковые выражения, вновь создаваемые в непрестанно меняющихся условиях коммуникации. Многолетний интерес исследователей к данному аспекту выявил парадоксальное соотношение между творческими возможностями сознания человека и конвенциональными единицами и правилами речевой деятельности в целом [Ирисханова 2004]. Данное положение продолжает начатый еще в античные времена спор о “новизне”, или о том, насколько новым должно быть нечто, созданное человеком. В лингвистике выделяется два кардинально различных подхода к этой проблеме. С одной стороны, полагают, что подлинное языковое творчество предполагает отклонение от стереотипности, конвенциональности в речемыслительной деятельности, ведущее к появлению нового языкового продукта (напр., окказионализма, метафоры, афоризма, анекдота и т.п.). С другой стороны, творчество рассматривается как неперенное свойство каждодневной речи, с помощью которой человек не столько пытается ошеломить, поразить собеседника, сколько вербально представить результаты процессов индивидуального познания мира и самопознания [об этом см., например: Гридина 1996].

В статье будет рассмотрены лингвокреативные потенции одной из разновидностей речемыслительной деятельности – вымысла, с помощью которого реализуются эвристические потребности человека.

Вымысел традиционно относят к разновидности

речемыслительной деятельности, основанной на намеренном искажении истины (правды), в первую очередь, с целью ввести в заблуждение, дезинформировать общество. Однако, как показало изучение понятийного и ценностного содержания данного концепта и его коммуникативной значимости, в некоторых своих проявлениях он выходит за рамки оппозиции *правда :: неправда* и может исполнять иные функции в коммуникации. Так, например, проведенное исследование позволило выявить несколько интенций, приводящих к необходимости обращения к приему искажения информации, и в соответствии с этим выделить три разновидности вымысла – манипулятивный, эвристический, эстетический вымысел [Ильинова 2007].

Изучение типологических признаков вымысла как разновидности речевой деятельности требует обращения к ее психолингвистическим и лингвокогнитивным основаниям, поскольку каждая из выделенных нами разновидностей вымысла основана на общем когнитивном приеме мышления – смысловом отклонении от общепризнанных характеристик и представлений о реальном мире, которые определяются как мир, объективно существующий, фактический, обыкновенный, осуществимый и т.д., различаются они интенциями и характером социально-нравственной оценки, приписываемой как процессу, так и результату этой деятельности. Вымысел, когнитивным основанием для которого становится отклонение от истины (правды), основанное на искажении референциальных признаков субъекта мысли, выполняет особые функции в коммуникации. Они обслуживают разные потребности человека, в число которых входят не только манипулятивные, основанные на намеренном искажении и сокрытии фактов с помощью особых риторических приемов, а также эстетико-художественные, призванные способствовать реализации скрытых эстетических смыслов и выражать ценностные доминанты мыслящей личности и далее отдельного социума, но и интеллектуальные, связанные с потребностями в творчестве и эвристикой мышления человека.

Проявление эвристики вымысла связано со способностью человеческого сознания творчески воспринимать и переосмысливать представления о среде своего существования: опираясь на уже известное, человек пытается понять новое, неизвестное, при этом он может приходиться к не вполне правильным выводам, принимать на веру научно необоснованные данные и т.п. Такое отклонение от истины (правды) носит ненамеренный характер и основано на стремлении определить вербально свои первые ощущения от восприятия нового, выделить признаки нематериализовавшихся в действительности

сти вещей, ситуаций, образов. Эвристический вымысел активизирует сознание на поиски новых знаний, и эта разновидность интеллектуальной деятельности одинаково востребована как в сфере науки, так и в обыденной жизни.

Эвристичность как естественное свойство человеческого поведения изучается в психологии и когнитологии с середины прошлого века в связи с задачами категоризации знания для создания искусственного интеллекта и симулирования человеческой деятельности по решению проблем [см. работы: Moore, Anderson 1954 и др.]. В понятии *эвристика* заложена идея продуктивной деятельности человеческого сознания, направленной на нахождение нового, ранее неизвестного о среде своего существования, при этом человек пытается осмыслить новые явления, опираясь на ассоциации, неполные или неточные данные, которые он выбирает интуитивно. К эвристическому способу изучению нового мы обращаемся, когда не знаем достоверно, какова конечная цель и что приведет нас к ней. Человек использует ряд индуктивных приемов постижения нового, неизвестного с опорой на старое, известное – напр., угадывает следующий шаг; поэтапно движется к цели, когда есть возможность предвидеть только “на один шаг вперед”; метод “средство – цели” помогает преодолевать различия между реальным положением дел и конечной целью путем постановки и преодоления промежуточных целей; метод аналогии используется в случае, если подобная задача уже решалась в прошлом [Dunbar 1998: 292-293 – цит. по: Ирисханова 2004: 45]. Индуктивный тип мышления, в отличие от дедуктивного, основан на практическом опыте, на эмпирических гипотезах о мире, которые могут оказаться позже ошибочными, неверными, т.е. вымыслом. Неточность и искажение правды жизни в случае эвристического вымысла ненамеренные и связаны с тем, что индуктивное рассуждение представляет результат обобщения в ментальной модели вероятностных свойств некоторых объектов, которые в момент их осмысления могут не иметь отношения к какому-либо классу объектов.

Подобный подход отличается от общепринятого в науке положения о «математической точности» структур знания или о «компьютерной метафоре» знания, уподобляющей человеческий мозг вычислительной машине. Следует согласиться с отдельными авторами [например: Ирисханова 2004], в том, что человеческое сознание, а в особенности речевое поведение, которое опирается на схематические структуры знаний, следует, в основном, эвристическому принципу. Эвристические методы мышления позволяют упростить способы поиска нужных знаний и способы решения проблемы, что значительно сокращает время осмысления нового. Вследствие эвристической “экономии” человек получает возможность максимально быстро и с минимальными усилиями принимать, если не правильные или оптимальные, то в большинстве случаев удовлетворительные, реалистичные и надежные способы решения поставленных задач [Richardson 1998: 570].

Ярким примером эвристики вымысла могут служить мифологические представления человека о своем жизненном пространстве, которые опирались на космогонические мифы о сотворении мира, о выделении изначальных стихий – земли, огня и воды в бездне, а также космогонические мифы о структурировании пространства и времени и т.п. Античные мыслители предпринимали попытки определить внутреннюю организацию космоса как террацентрическую, приписывая при этом небу и земле активную творческую силу. Образы неба и земли, мифы об их сотворении и расположении связаны с попытками архаического человека описать мир с помощью тех понятий, которыми он уже овладел, и связь между небом и землей представлялась с помощью знаковых образов, это могла быть лестница, река, мировое древо (подробно см., напр., [МЭ]). Именования большинства видимых с Земли объектов в космическом пространстве имеют “земное” происхождение – они универсальны и основаны на мифологических образах и легендах, которые человек выдумал в древние времена, напр., это – звезды и созвездия, названия которых связаны: 1) с именами древнегреческих и римских богов (*Castor and Pollux, Pleiades, Mercury*); 2) с именами культурных героев (*Atlas, Perseus, Orion, Cassiopeia, Hercules*); 3) с волшебными зооморфными существами (*Sagittarius, Centaur*); 4) земными зоонимами (*Capella, Urse Major (Great Bear), Urse Minor (Little Bear), Taurus, Canis major, Canis minor, Scorpion, Canes Venatici (Hunting Dogs), Pegasus, Leo, Cygnus (Swan)*); а также ассоциируются с 5) с очертаниями земных объектов (*Auriga; Coma Berenices; Lyra*); б) звезды, названия которых основаны на наблюдаемых с Земли параметрах космоса (напр., положение в созвездии, положение на небосводе, яркость: *Betelgeuse (звезда-супергигант), Sirius (самая яркая звезда в созвездии Большого Пса), Vega (одна из самых ярких звезд Северного полушария неба, альфа созвездия Лиры), Spica (Колос), Arcturus (самая яркая звезда в Северном полушарии неба созвездии Волонаса), Aldebaran (альфа в созвездии Тельца)* и т.п.).

С точки зрения современного знания архаическое сознание было в значительной степени основано на вымышленных представлениях об устройстве мира, поскольку не опиралось на экспериментальные (научные) данные о геофизике и геохимии Земли и космоса. Оно объясняло основы мироздания и причины появления рода человеческого на земле, опираясь на фантазии, придуманные образы. Современные представления о космическом пространстве основаны на дискретно-мерной категоризации, но именования указанных выше и других космических объектов по-прежнему основано на эвристике вымысла первых людей – антропо-зооморфности и символизме мифа о космогоническом пространстве. Отсутствие знаний заменяется эвристической работой сознания, основанной на воображении.

Сходный прием использует человек при именовании цвета, когда заменяет абстрактные представ-

ления о цветовой гамме объектов ассоциациями с конкретными свойствами предметов из окружающего материального мира. Отражая богатую цветовую палитру “своего мира”, человек разработал креативную систему обозначения света в языке – кроме лексем, обозначающих базовые цвета и оттенки цвета (*colour – red, yellow, green, blue, brown, etc., hue, shade, tint, tinge, tone, cast*) и имеющих научное объяснение в колористике, человеческое воображение разработало “наивную картину мира цвета” [Фрумкина 1991: 32], которая фиксируется посредством языка с опорой на иные (профаные) категориальные признаки, ведь, как известно, в обычной жизни люди не имеют представления ни о длине световых волн, ни о возникающих при этом цветовых трансформациях. Количество оттенков цвета как поверхностных свойств предметов, которые человеческий глаз способен различать, насчитывается примерно от пятисот до двух с половиной тысяч [БСЭ], что намного превышает количество лексем, называющих цвета в любом языке: одной словоформе приписывается несколько сотен оттенков, которые она призвана обозначить. Это естественно, потому что никакой язык не может создать количество названий равное количеству выделяемых цветов, никакая человеческая память не может удержать их, а мышление оперировать ими.

Многовековой опыт человечества выработал особые способы цветообозначения, которые основаны на эвристических свойствах мышления и позволяют описать любые тона и оттенки цвета (от насыщенных до светлых). Как показал категориально-понятийный анализ средств представления цветности в английском языке (напр., по данным The American Heritage Dictionary of the English Language (AHD), Roget's II: The New Thesaurus (RTh-II), Merriam-Webster's Collegiate Dictionary of Modern English (MWD), Webster's New World Dictionary of English (NWD), Oxford Student's Dictionary of Current English (OSD), Collins' Dictionary (Clns)), концептуализация цвета основана на сложной системе ассоциаций. Понятийные основы концептосистемы *цвет* строятся на впечатлениях о цвете, свя-

занных с фактурой поверхности различных объектов. Так, в частности, базовые цвета и оттенки получают категориально-понятийную дифференциацию с помощью указания на известные всем понятия – *кровь, помидор, небо, растения, фрукты* и т.п. (ср.: **red** – *having a color resembling that of blood, a ripe tomato*; **blue** – *any of a group of colors that may vary in lightness and saturation, whose hue is that of a clear daytime sky*; **green** – *abounding in or covered with green growth or foliage: the green woods*; **yellow** – *any of a group of colors of a hue resembling that of ripe lemons and varying in lightness and saturation; the yolk of an egg*; **brown** – *any of various colours, such as those of wood or earth,; such as wheatmeal or wholemeal flour; colour of roasted bread; or coffee mixed with milk, etc.*).

Цветовые оттенки могут быть выражены с помощью когнитивной метонимии – номинированы по ассоциации с цветовыми свойствами поверхности объектов, относящихся к категориальным рядам флоры и фауны и т.п., которые и становятся знаком цвета в широком контексте, напр.: 1) **плоды, цветки, поверхность растений** (*banana, cinnamon, ebony, indigo, lilac, mahogany, olive, orange, pea-green, plum, rose, saffron, etc.*); 2) **цвет кожи животного, окрас, оперение птицы** (*ivory, oyster-white, red-sorrel, tan-yellow, bay, chestnut*); 3) **драгоценные камни, природные минералы, материалы, металлы** (*amber, amethyst, bronze, buff, coal(black), coppery, emerald, lapis lazuli, pearly, pitchy, ruby, sandy, sapphire, silvery, slaty, sooty, (yellow-)gold*); 4) **природные явления** (*azure, flame, rouge, sienna, sky-blue, snowy-white*).

Как следует из приводимой ниже данных, понятийная категоризация цветообозначения в английском языке не отличается однородностью – наряду с лексемами, которые напрямую номинируют базовые цвета и оттенки основных цветов спектра, в языке выделяется в два раза больше лексем (в долях – 0,302 и 0,698 соответственно), которые с помощью приема когнитивной метонимии номинируют оттенки цвета по ассоциации с другими понятийными областями:

Оттенки основных цветов спектра (23)		Дополнительные оттенки цветов спектра (54)	
существительные (12)	прилагательные (10)	существительные (33)	прилагательные (22)
<i>azure, bronze, coal-black, khaki, ochre, pitch, purple, rouge, ruby-red, sorrel, scarlet, vermilion,</i>	<i>ashen, blue, auburn, cream-coloured, crimson, drab, grey, green, red,</i>	<i>amber, amethyst, banana, blood, brown, buff, cinnamon, chestnut, cocoa, ebony, flame-coloured, gold, indigo, inky, lemon, lilac, mahogany, orange, oyster-white pearl, pink, plumb-coloured, rose, russet, saffron, sloe-black, steel-grey, tangerine, terracotta, turquoise, violet, walnut, yellow,</i>	<i>bay, battle-grey, beige, blood-red, chocolate, emerald-green, ivory, jet-black, milky, olive, pea-cook-blue, pea-green, red-ruby, sandy, sapphire, sienna, silvery, sky-blue, slaty, snowy, sooty, tan, white</i>
(0,171)	(0,131)	(0,421)	(0,277)
0,302		0,698	

Поскольку цвет может представляться не только базовыми цветами и оттенками, но и их смешением, то определенное количество лексем основано на категориальном смешении, напр., *ochre-pale*

(= *yellowish-brown*), где выявляется объединение категориальных признаков [интенсивность цвета (слабая) + оттенок цвета (близкий к желтому) + оттенок цвета (красно-желтый, приглушенный, нена-

сыщенный]. Интересным представляются дальнейшие наблюдения за эвристикой именованья цвета в языке.

Еще одним примером использования эвристики вымысла может быть метафора пространства, с помощью которой мы выражаем сложные категории духовного бытия человека. Различные аспекты материального и духовного бытия, любые абстрактные представления об этом основаны на законах геометрической гармонии – идеи мерного пространства-времени, в котором умещается человек, активно осваивающий просторы своего бытия. Так, в частности, представления о мерности пространства-времени используются для ценностной категоризации мира [см. об этом, напр., Лакофф, Джонсон 2004]. Размышляя о метафорическом использовании идеи мерности и векторности пространства-времени, Дж. Лакофф и М. Джонсон доказали предположение об эвристическом характере выражения человеком разных систем социальных, морально-нравственных понятий, рассмотрев универсальные доминанты культуры и стереотипные способы структуризации социального опыта человека в форме ценностной картины мира с опорой на представление о конвенциональности концептов ориентации в пространстве.

Проблемны, но интересны их наблюдения за пространственной ориентацией концептов-представлений *рациональное (rational)* (проектируется вверх) и *эмоциональное (emotional)*, ориентированное вниз, поскольку, по мнению авторов, благодаря своей уникальной способности мыслить, человек осуществляет контроль над животными, растениями и объектами материального мира, что позволяет ему стоять над животными и иметь над ними власть. Соответственно и концепт *власть* ориентирован вверх – *Man is up*.

Переносные значения во всех вышеприведенных парах уходят корнями в архаичную мифологию, в соответствии с которой человек определял свое место как пространство жизни между поверхностью земли и небом, или низший мир (земная жизнь) и верхний мир, вход в который человеку запрещен. Вероятно, эта направленность взгляда вверх оказала влияние на восприятие ценностных концептов *слава, успех, процветание, величие, благородство* и т.п. как ориентированных вверх, (ср. в англ. яз.: *a height of prosperity or achievement, in rank, dignity, or standing*), а отсутствие какого-либо социального успеха – как ориентация вниз (в англ. яз.: *disrepute as a state of being held in low esteem* – [MWD]). В соответствии с этим концепты *жизнь-life, сила-force, власть-control, высокий социальный статус-high social status, достоинство, добродетель-virtue* ассоциируются с ориентацией вверх, в то время как *усталость-weariness, подавленность-fatigue, низкий социальный статус-low social status, порочность-depravity* – как ориентированные вниз.

Пространство выступает как самая большая по своим масштабам и самая важная для эвристического восприятия мира и для всей жизнедеятельности человека категория. Мерные признаки матери-

ального пространства позволяют представить сущность любой материи – как физической, так и духовной, нематериальной, их различные нарушения приводят к появлению смысловых искажений, с помощью которых строятся “иные”, вымышленные миры.

Системы интеллектуальных, социальных и культурных представлений и сегодня строятся человеком на эвристической основе. Большинство новых понятий “конструируются” с помощью ограниченного числа известных концептов, что обеспечивает системность творческого мышления в рамках отдельной культуры и ее транслируемость в другие культуры (напр., ‘специальное техническое устройство для ввода информации и работы с ней на экране дисплея современного компьютера’ получило весьма остроумное именование – *a mouse*, поскольку ученые из Исследовательского института в Стэнфорде (США) отметили в нем ассоциативное сходство по форме с мышью). Все последующие модели, в том числе и беспроводные, по-прежнему называются так (ср.: *mechanical, optical, inertial, tactile and footmouse*).

Довольно часто новые обозначения создаются для восприятия только в одной лингвокультуре, так как их понятийное основание требует обращения к когнитивным структурам национального менталитета. Так, сравнительно новое понятие ‘крышка из плотного пластика, которая закрывает одноразовый стакан с горячим напитком’, – называется *hot lid – a paper cup, is a disposable cup made out of paper and often lined with plastic or wax to prevent liquid from leaking out or soaking through the paper. It may be made of recycled paper and is widely used around the world* (Данный пример анализируется в: [Coulson 2000: 134-138]). Важно подчеркнуть: несмотря на то, что подобные именованья не отвечают правилу истинности выражения дифференциальных признаков в значении слова, эвристика вымысла помогает нам расшифровать значимые признаки нового материала. Подобные именованья могут иметь множество физических и социальных оснований, но то, какие из этих оснований будут выбраны и какие станут базовыми, определяет отдельная личность в рамках своей культуры.

В работе Н. К. Рябцевой [Рябцева 1990: 170] подобное явление рассматривается как «“донаучный” научный образ», когнитивно-семантические основания которого составляет когнитивная метафора. Применение когнитивной метафоры при именовании продукта мыслительной деятельности позволяет выдать желаемое за действительное, «протащить» не вполне адекватное понимание чего-либо; так, ненаблюдаемое выдается на наглядное (*рассматривать функции/ мысли*), количество выдается за качество (*углубление познания, рост знания*), мнение выдается за знание (якобы наука “производит знания” – *представить точку зрения, мнение, гипотезу и т.д.*).

Язык “донаучной” когнитивной метафоры позволяет безгранично и разнообразно расширять возможности описания ментальных сущностей. Так,

если метафора ‘мозг – это машина (компьютер)’ уже исчерпала свои эвристические возможности, то на смену ей может прийти новая, например, “химическая или биологическая”, метафора (ср.: *ассимиляция знаний, кристаллизация идеи*), за которой скрываются новые, пока слабо идентифицированные свойства объекта. Этот эвристический механизм позволяет просто, наглядно, доступно, доходчиво описывать сложнейшие ментальные сущности, выделить неясные представления о них в художественной форме. В какой-то степени этот способ характеризует образное мышление, которое считается высшим “достижением” человеческого интеллекта и обязательным компонентом творчества, в том числе и научного. С помощью когнитивной метафоры у неискушенного читателя может создаться иллюзия, будто наука располагает знаниями, описывающими интеллектуальные процессы, однако современный социум понимает, что язык “физический” скрывает “незнание о познании”, ограниченные эвристические возможности сознания будут когда-то преодолены.

Такое часто наблюдается в словесном творчестве, которое помогает ученым говорить о направлениях развития науки будущего. Напр., весьма популярный сегодня термин “нанотехнология” обозначает веру ученых, основанную на уже имеющихся знаниях о системном устройстве всех основных материалов в природе и умения создавать неприродные материалы с заданными свойствами, в то, что в ближайшем будущем они постигнут скрытые пока от них законы природы; это позволит им расшифровать системные закономерности микронного (карликового) мира (*nano* – от греч. *nanos* = *карлик, приставка для образования наименования дольных единиц, равных одной миллиардной доле исходных единиц*) и использовать их во благо человечества, создавая родственные биологии и генетике человека продукты с заданными свойствами. Как написал один из тех, кто первым предложил термин *nanotechnology* – Эрик Дрекслер (который не знал о том, что профессор Токийского научного университета Norio Taniguchi еще в 1974 г. предложил данный термин), он обозначает будущие технологии производства, основанные на знаниях о молекулярных системах (ср.: “*It was referred to a future manufacturing technology based on molecular*

machine systems. The premise was that molecular-scale biological analogies of traditional machine components demonstrated molecular machines were possible: by the countless examples found in biology, it is known that sophisticated, stochastically optimised biological machines can be produced”; а также: “*Nanotechnology' mainly consists of the processing of, separation, consolidation, and deformation of materials by one atom or by one molecule*” – [www.wikipedia.com]). Завороженные красотой придуманных терминов и возможными перспективами, мы, принимая на веру слова западных и восточных ученых, повторяем такие новые заимствования как *нанотехнология, нанонаука, наносистема, нанороботы* (от англ. *nanotechnology, nanoscience, nanosystems, nano-scale phenomena and devices, nanorobots, nanobioelectronics etc.*), пока слабо представляя, о чем идет речь, но интуитивно предполагаем, что о чем-то очень малом и невидимом для глаза. Наша вера в авторитет и мощь науки подсказывает нам, что это действительно нужно.

Приведенные в этой статье данные о способности человека обозначать словом даже такие феномены, которые он не может познать до конца, подтверждают наше положение о том, что вымысел, используемый для индуктивного способа постижения мира, эвристичен, выполняет важную функцию в коммуникации – опираясь на уже имеющиеся представления (или начальные знания), человек пытается осмыслить те новые явления в мире материальном или духовном, которые привлекли его внимание. На пересечении ориентационных координат и других простых систем материального мира творческое сознание человека строит более абстрактные системы представлений, которые при тщательном рассмотрении могут оказаться красивым вымыслом, но остаться ценностно важными для социума. Соответственно, все *хорошее* ассоциируется с *высоким* (*happiness, health, life, control, and other things that principally characterize what is good for a person*), а *плохое* – с *низким* (*good is up, bad is down*), а перспективы и будущие горизонты науки видятся в радужном свете. Поскольку социально мотивированные понятия составляют часть культуры, то ценностно-ориентированное отношение общества к эвристическому вымыслу становится важным и требует дополнительного изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург, 1996.
2. Ильинова Е.Ю. Парадоксальность вымысла в коммуникации // Актуальные проблемы коммуникации и культуры. Вып. 6 (Часть 1). Москва – Пятигорск, 2007. С. 74-81.
3. Ирисханова О.К. О лингвокреативной деятельности человека. Отглагольные имена. М., 2004.
5. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. Москва, 2004.
6. Рябцева Н.К. «Донаучные» научные образы // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста. М., 1990. С. 162-174.
7. Фрумкина Р.М., Михеев А.В., Мостовая А.Ю., Рюмина Н.А. Семантика и категоризация. М.: Наука, 1991.
8. Энциклопедия. Мифология. М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2003 (МЭ).
9. Coulson, S. Semantic Leaps: Frame-Shifting and Conceptual Blending in Meaning Construction. Cambridge: CUP, 2000.
10. Moore O.K., Anderson S.B. Modern Logic and tasks for Experiments on Problem Solving Behavior // Journal of Psychology 38, 1954. P. 151-160.
11. Richardson R. Heuristics and Satisficing // A Companion to Cognitive Science/ Oxford, 1998.

Ю.А. Сорокин (Москва)

**Две микростатьи, на первый взгляд, разные,
но схожие, по своей сути**

1.

**Персонология Н.С. Трубецкого: частночеловеческие
и многочеловеческие личности**

1. Н.С. Трубецкой писал: «Мы стоим у дверей. Толците, и отверзется вам» [Трубецкой 1995: 326]. И его нельзя упрекнуть, что он не следовал этому совету. И «бытовое исповедничество», и идеократия, и национализм, и «азиофильская ориентация русской внешней политики» служили предметом его размышлений [Он же: 235, 412, 423, 344].

2. Вслед за другими [см., например: Вестник Евразии, 1996] постучим и мы, надеясь найти за дверьми хотя бы частичные ответы на интересующий нас вопросы о специфике е в р а з и й с к о й л и ч н о с т и .

По мнению Н.С. Трубецкого, она есть не что иное, как рядоположенность и соположенность частночеловеческих и многочеловеческих личностей в их индивидуациях: «... личность есть связь и совокупность всех их» [Он же, 107], а «... изучаться при этом при этом могут либо общие законы существования личности и отношения личности к миру и к другим личностям, либо формы эмпирического проявления как личности вообще, так и какой-нибудь конкретной личности. Изучением всего этого занимается целый ряд наук. Но координировать эти науки должна особая наука о личности – персонология» [Он же, 106-107].

3. Базовое понятие персонологии – личностный конструкт в тех его модификациях, которые предлагал Дж. Келли: упредительный, констелляторный, предполагающий, всесторонний, частный, основной, периферийный, жёсткий, свободный [см.: Хьелл, Зиглер 1997: 441-443]. Не менее эвристично и предположение о том, что этот личностный конструкт есть не что иное, как интерперсональный и интерперсональный гештальт, «составленный, по мнению К. Роджерса, из восприятий свойств «Я», или «меня» с другими людьми и с различными аспектами жизни, а также ценности, связанные с этими восприятиями» [Цти. по: Хьелл, Зиглер 1997: 540].

4. Частночеловеческая личность является и соматической личностью – одной из форм (видов) индивидуации, характерной для той или иной антропогеографической зоны [о соматологической индивидуации см.: Сорокин 1994, 1998]. Соматологическая личность – это говоря словами В. Подороги, «некая очевидная данность», ибо «иметь

тело – это значит его воспринимать, это значит в самом восприятии его владеть им и отличать от других тел, всё время повторять волшебное слово: «моё» ... Может чувствовать только «Я», и только сознание установит меру этой чувственности в зависимости от нашего отношения к собственному телу» (Подорога, 1995, 141).

5. Соматологический конструкт/гештальт следует, очевидно, рассматривать как совокупность перцепций (и образов этих перцепций), аранжированных согласно правилам – предпочтениям, существующим в некотором лингвокультуральном (видимом ландшафтном) поле. Есть основания полагать, что этот конструкт/гештальт может быть упредительным и констелляторным, всесторонним и частным и никаким другим. Иными словами, он имеет слоистое строение, причём границы между слоями в высшей степени расплывчаты. Он и реален, и ментален, он и «вещь» и представление о ней, репертуарная решётка, предопределяющая оценку других, исходя из автооценки как из эталона.

6. Рассмотрим в связи с этим характеристики русских (женщины и мужчины), данные женщинами (русские, 45 чел., г. Шымкент) в ходе направленного ассоциативного эксперимента: у женщин голова – большая, круглая, овальная, умная (релевантными считались оценки, встретившиеся не менее пяти раз), волосы – русые, светлые, лоб – высокий, широкий, брови – тонкие, чёрные, глаза – большие, голубые, скулы – невыпирающие, щёки – румяные, розовые, нос – прямой, курносый, губы – средние, рот – маленький, большой, подбородок – округлый, уши – (ответы нерелевантны). У мужчин голова – овальная, круглая, волосы – русые, светлые, тёмные, лоб – высокий, большой, брови – широкие, чёрные, густые, глаза – голубые, карие, светлые, скулы – широкие, щёки – румяные, нос – прямой, курносый, губы – тонкие, широкие, толстые, средние, рот – средний, большой, небольшой, подбородок – острый, волевой, уши – средние, небольшие, большие, нормальные, маленькие.

В свою очередь, испытуемые казашки (47 чел., г. Шымкент) дают следующие характеристики русским (женщинам и мужчинам): у женщин голова – круглая, овальная, большая, волосы – русые, светлые, лоб – широкий, высокий, открытый, брови

– дугообразные, тонкие, глаза – голубые, скулы – ответы ..... нерелевантны, щёки – румяные, нос – прямой, курносый, большой, губы – полные, рот – ответы ..... нерелевантны, подбородок – ответы ..... нерелевантны, уши – маленькие: у мужчин голова – круглая, овальная, большая, волосы – светлые, русые, лоб – широкий, большой, брови – густые, глаза – голубые, скулы – ответы испытуемых нерелевантны, щёки – ответы испытуемых нерелевантны, нос – прямой, большой, губы – тонкие, рот – большой, подбородок – ответы испытуемых нерелевантны, уши – большие, небольшие, маленькие.

7. Сходство вышеприведённых определений – характеристик – очень видно, хотя в ряде случаев фокусы внимания испытуемых оказываются равнонаправленными (ср. «брови тонкие, чёрные» (русские о русских) и брови «дугообразные, тонкие» (казашки о русских)), а зоны ответов и умалчиваний не совпадают: ср. «подбородок округлый», «подбородок острый», волевой (русские о русских) и лакуны в ответах казашек. Иными словами, обе группы испытуемых указывают на характеристики обобщённого частночеловеческого типа с чётко выраженной соматологической индивидуацией.

8. В свою очередь, сведя воедино характеристики-оценки русских и японских испытуемых [см.: Сорокин 1998; Митакура 1999], мы получили следующий обобщённый соматологический портрет 1) русского (русской) и 2) японца (японки): лицо 1) красивое, овальное, реже круглое, с большим широким и высоким лбом, чёрные и густые брови, голубые или карие глаза, широкие скулы, прямой нос, большой (маленький) рот, тонкие (негативная характеристика) или пухлые алые/красные губы, ровные (жемчужные – преимущественно характеристика женщины) зубы и острый подбородок (негативная характеристика). У него (или у неё) большая круглая голова (в отношении женщины эта характеристика отрицательна), длинные густые волосы, маленькие оттопыренные (негативная характеристика) уши, длинная (тонкая или лебединая – преимущественно характеристика женщины) или короткая шея (негативная характеристика, особенно если она относится к женщине), стройное гибкое тело, широкие покатые плечи (преимущественно характеристика мужчины; в отношении женщины эта характеристика – отрицательная), высокая (только характеристика женщин) грудь, большой (отрицательная характеристика) или впалый живот, прямая спина, длинные тонкие руки (преимущественно характеристика женщины) с длинными тонкими пальцами («тонкие» – преимущественно характеристика женщины), на которых – длинные ногти (преимущественно характеристика женщины). Ноги у русского (или у русской) – длинные, стройные, или кривые. Фигуру наши испытуемые оценивают как стройную или красивую; 2) лицо маленькое красивое и круглое с широким лбом, широкие и густые или редкие и тонкие брови, большие или маленькие

(узкие) красивые чёрные глаза, твёрдые (выпуклые) (выступающие) скулы (по-видимому, преимущественно характеристики мужчины), большой или маленький (круглый), «низкий» или «высокий» нос, большой или маленький рот, красные и толстые (тонкие) мягкие губы, белые и красивые зубы и острый подбородок (позитивная характеристика). У него (или у неё) большая (маленькая) круглая чёрная голова, причём хорошая, длинные (короткие) чёрные мягкие красивые волосы, большие (маленькие) уши, длинная (короткая), толстая (тонкая) шея, большое (маленькое) или тонкокостное (стройное) тело, мощные широкие плечи (по-видимому, преимущественно характеристика мужчины), большая (маленькая) или мягкая (по-видимому, преимущественно характеристика женщины) грудь, большой и мягкий живот, широкая и большая округлая спина, большие (маленькие) руки с тонкими (длинными) или толстыми (короткими) пальцами, на которых длинные и красивые ногти. Ноги у японца (японки) – длинные (короткие) или тонкие (толстые). Фигуру наши испытуемые оценивают, прежде всего, как красивую.

Сравним эти портреты: у тех и других лицо красивое, но русские предпочитают овальное, а японцы (японки) – круглое. Русский эталон лба – высокий и широкий, а в японском эталоне не признак высоты лба, видимо, не имеет значения. Для русских естественны голубые или карие глаза, для японцев (японок) – чёрные. Русские не фиксируют внимание на выступающих (выпуклых) скулах, японцы (японки) – фиксируют. Для них нос может быть круглым, «низким» или «высоким», для русских – прямым или кривым. Русские фиксируют внимание на пухлости губ, японцы (японки) – на их мягкости.

Не менее важны и субстратные образы (коннотативно-денотативные образы), которые сопутствуют тем или иным характеристикам. Например, у японцев (японок) толстые губы могут соотноситься с «тарако кучибиру» («тарако-губы», т.е. с губами, напоминающими спрессованную особым образом тресковую икру, нос – с «данго», со сладостями, похожими по форме на клецки, но срезанными наполовину и нанизанными на палочку (отсюда: «круглый» нос = курносый), лоб (точнее, края женского лба) сравниваются с горой Фудзи: считается, что её очертания похожи на форму женского лба. Считается также, что большие уши – уши с большими мочками – приносят счастье (их называют «счастливые уши»).

Таким образом, есть основания полагать, что карта человеческого тела прочитывается неодинаково представителями разных культур: выбираются и совмещаются в чтении как «южные и северные», так и «западные и восточные» её фрагменты, причём их комбинаторика отнюдь не оказывается универсальной. Иными словами, мы (в данном случае – русские и японцы) видим и оцениваем друг друга, руководствуясь хотя и общими (многочеловеческими), но всё-таки глубинно несходными ориентирами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вестник Евразии. Независимый научный журнал. М., 1996, № 1 (2).
2. Митакура Маки. Национально-культурные маркеры языкового сознания: японо-русские соматологические параллели (экспериментальное исследование). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1999.
3. Подорога В. Феноменология человеческого тела. Введение в философскую антропологию. Москва, 1995.
4. Сорокин Ю.А. Этническая конфликтология (теоретические и экспериментальные фрагменты). Самара, 1994.
5. Сорокин Ю.А. Антропоцентризм vs антропофилия: доводы в пользу второго понятия. // Язык, сознание, коммуникация. Москва, МГУ, 1998. Вып. 4.
6. Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М., 1995.
7. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. Спб., 1997.

* *Пользуюсь случаем поблагодарить Н.В. Дмитрюк, поспособствовавшей сбору экспериментального материала.*

2.

Человеческий язык и язык птиц: тождество или подобие?

Попытаемся обсудить те вопросы, которые, естественно, возникают у каждого, кто хочет разобраться в «языке птиц» и в том, язык ли это в нашем человеческом понимании. И если верить в тождество птичьего языка с человеческим – то даже старается побеседовать с птицей, как это делал, например, Герман Гессе: «Когда я бывал с ним (Якобом. Так звали небольшую галку, с которую Герман Гессе «познакомился» в Бадене – Ю.С.) наедине, что случалось крайне редко, мне удавалось немножко поговорить с ним на его птичьем языке; ещё будучи ребёнком, а потом подростком, я отчасти выучил его за время своего длительного и тесного общения с нашим попугаем, отчасти выдумал, он состоял из коротких мелодичных звуков гортанного тембра. Я наклонился как можно ближе к Якобу, обращаясь к нему на своём полуптичьем диалекте в дружеском тоне, а он откидывая красивую голову назад, с удовольствием внимал мне и, казалось, думал о чём-то своём...» [Гессе 1984: 534].

Итак, как мы видим, по мнению Германа Гессе (1877-1962; поэт и прозаик, один из самых выдающихся немецких писателей), «язык птиц» является чем-то вроде койне: на нём говорят и галки, и попугаи, с его помощью и человек может поговорить с птицами. Правда, в отличие от говорящих птиц беседа с Якобом была односторонней: он слушал и, видимо, понимал то, что ему говорили, но не отвечал «речь за речь». Тем не менее, описанная Г. Гессе попытка беседы с птицей, показательна в том отношении, что указывает на суть поставленной в заголовке проблемы, решение которой, в свою очередь, зависит от того: 1) допустим ли перенос свойств естественного (человеческого) языка на «язык птиц» и 2) если допустим, то насколько идентичны фундаментальные свойства этих двух языков.

Обсуждая эти же проблемы, но в отношении языка шимпанзе, Ю. Линден в своей книге «Обезьяны, человек и язык» [Линден 1981] полагает (вслед за Ч. Хоккетом), что человеческому языку

присущи следующие фундаментальные свойства: двойственность, продуктивность, произвольность, взаимозаменяемость, специализированность, перемещаемость, культурная преемственность [Линден 1981: 128-138].

Рассматривая эти и другие свойства человеческого языка и сопоставляя с «языком» пения соловья, Е.Н. Панов, считает, что в соловьином языке существует лишь «... внешняя аналогия с тем свойством нашего языка, которое называется открытостью, или продуктивностью. Благодаря этому качеству мы можем строить сколь угодно большое число разных высказываний из небольшого запаса элементарных звуковых единиц – фонем» [Панов 1983: 156]. По мнению Е.Н. Панова, соловьиному «языку» не присущи также и такие свойства естественного (человеческого) языка, как семантическая/двойственность, предполагающая сосуществование звука (кинемы) и смысла (плеремы), уклончивость (указывающая на возможность продуцирования ложных высказываний) и перемещаемость (создание «картин мира»). Эти два понятия – уклончивость и перемещаемость – зависимы, по мнению Е.Н. Панова, друг от друга, а также от рефлексивности (предполагающей возможность высказывать суждения о других суждениях и судить о них – об их истинности или ложности). Показательно, однако, что все же песня соловья – «это достаточно определённо организованная система, состоящая из единиц разных структурных уровней (нота, фраза, напев, повторяемая группа напевов), причём сами эти единицы связаны друг с другом на основе некоторых достаточно определённых правил. Такие правила и порождаемые ими запреты аналогичны синтаксису нашего языка» [Панов 1983: 162].

Это утверждение Е.Н. Панова об аналогичности я не могу не считать непоследовательным, ибо синтаксис есть, прежде всего, реализация – полная или неполная – тех свойств, наличие которых

Е.Н. Панов отрицает в пении соловья (пении как языке). И, в частности, того базового подствойства языка – плерематичности –, которое и обеспечивает, наряду, конечно, с другими подствойствами, возможность продуцирования высказываний).

Иными словами, Е.Н. Панов не может не признать, что соловьиное пение структурировано и парадигматически, и синтагматически, но не считает возможным рассматривать пение как языковой / речевой феномен. Причиной этого является, на мой взгляд, такой подход к семиолекту (языку) птиц, в рамках которого он рассматривается или как «побочный эффект» действия некоторого врождённого механизма [Панов 1983: 159], или как реализация врождённого качества, или как результат копирования акустической среды [Он же: 160]. В рамках этого подхода соловьиное пение, конечно же, не может «... расцениваться как источник достаточно сложных и содержательных сообщений» [Он же: 162]. И вряд ли может быть замечено, что описание, используемых соловьём инвариантов и вариантов пения, есть не что иное, как описание базовых и небазовых элементов семиотического лексикона [см. Он же: 154-155], а описание «моделей» пения чёрных каменок – это описание моделей семиотического идиолекта, совмещающего в себе самые «различные репертуары» [см. Он же: 160].

Видимо, нельзя согласиться и с тем утверждением Е.Н. Панова, согласно которому язык птиц, как и музыка, не являются системами, «передающими значение» [Он же: 162], и именно потому, что ещё нужно доказать правомерность ограничения (а на этом и настаивает Е.Н. Панов) языкового/речевого от неязыкового/неречевого («музыкального значения») как конвенционального от неконвенционального (если считать элементами значения образы-эталоны, носящие эмотивно – аксиологический и когитивно – когнитивный характер, то различие между языковым/речевым и неязыковым/неречевым значением оказывается несущественным).

И конечно же, нельзя согласиться со следующим утверждением Е.Н. Панова: «Если вернуться к пению птиц, то источником излишеств в их многообразии может служить свойственная многим видам способность к акустическому обучению. Когда попугай, живущий в клетке, обучается «говорить», мы становимся свидетелями появления именно таких излишеств, поскольку заученные птицей слова человеческой речи не дают ей каких-либо существенных преимуществ в общении с хозяином или себе подобным. Это лишь частный случай проявления способности к звуковому обучению, столь характерной для многих птиц (особенно певчих), и отдалённо напоминающий способность человека обучаться навыкам речи» [Он же: 159].

Моё несогласие с Е.Н. Пановым вызвано не только тем, что оспариваемая им потребность «излишеств» в обучении может быть направлена и против тех «избыточностей» в человеческой

деятельности, каковыми, по-видимому, являются все вторичные знаковые системы (системы искусства, и, в частности, музыка), но также и тем, что обучение птиц говорению способствует созданию эмоционального (и шире – эколого-этологического комфорта) у человека (а может быть и у птиц?), также расширяет для них сферу приложения свойств реконструкции (процесса аналогии и переноса) и перемещаемости.

(ПРИМЕЧАНИЕ: Обучение птиц говорению полезно также и для воспитания у человека чувства терпимости по крайней мере) к окружающему его фаунистическому миру. Для понимания ценности любых – не только человеческих – сообществ, существующих на Земле. Именно отсутствие такой толерантности и такого понимания ведёт к построению сверхжестких моделей будущего [см., например: Шульман 1990: 178-92], в котором право на жизнь имеют лишь потомки «человека разумного». И никто более).

Моё несогласие обусловлено также и различной оценкой феномена сознания: для Е.Н. Панова сознание присуще, очевидно, лишь человеку (его язык является «доказательством» реальности существования сознания); для меня сознание – неотъемлемое качество и животного мира (в нашем случае – мира птиц), ибо – вслед за Ю. Линденом – я считаю, что «... любое животное, обладающее памятью, обладает в какой-то степени и сознанием; более того, если животное способно обучаться на собственном опыте, то оно должно обладать некоторой памятью» [Линден 1981: 148].

Иными словами, я считаю, что свойства двойственности, продуктивности, взаимозаменяемости, специализированности, перемещаемости и культурной преемственности являются общими базовыми свойствами человеческого языка и «языка птиц». Так как свойства двойственности, продуктивности и перемещаемости уже были истолкованы, охарактеризую и остальные три свойства – взаимозаменяемости, специализированности и культурной преемственности. Первое из этих двух свойств указывает на то, что любой Икс должен обладать способностью и к приёму, и к передаче некоторых сообщений. Второе – на то, что «...ответное поведение не связано непосредственно с физическими следствиями полученного сообщения» [Линден 1981: 132]. Третье – на то, что индивидуально накопленный опыт может и должен передаваться от поколения к поколению.

Таким образом, «язык птиц» отличается от человеческого языка отсутствием качеств произвольности (отсутствием императивной связи между звуком и смыслом), уклончивости и рефлексивности. Что же касается говорящих птиц, то, очевидно, обучение их человеческому языку происходит за счёт того, что они – в процессе общения с человеком – приучаются распознавать и «добавлять» (как это происходит – неизвестно) качество произвольности к общим базовым свойствам, характерным и для человеческого языка, и для «языка птиц». Свойства же уклончивости и

рефлексивности, по-видимому, вообще не характерны для «языка птиц» и усваиваемого ими языка человека (во всяком случае, результат анализа речи говорящих птиц и их поведения служат доказательством этому утверждению).

И всё-таки можно ли – хотя бы в самом общем виде – представить, как же птицы обучаются человеческому языку? Можно, если принять точку зрения О.А. Донских (и, естественно, и других исследователей, идущих параллельными путями), согласно которой «...формирование языка начиналось не с отдельных простейших звуковых единиц..., а со сложных звуковых комплексов, которые постепенно обособлялись и упрощались» [Донских 1988: 120], причём синтаксис (как слепок плана производства орудий) был привычным, а фонетика (совокупность смодулированных звуковых потоков) – вторичным «строительным элементом» смыслоформирования и смыслоформулирования мысли [Он же: 153-154, 174]. Иными словами, развитие языка шло как развитие непрерывного в прерывное (дискретное). Если учитывать тот факт, что «языки птиц» – это недискретные (сложные) языки [см., например: Панов 1983: 127-128], а человеческий язык –

дискретный (простой) язык, то, очевидно, «перевод» сложного в простое не является столь уж неразрешимой задачей, как это представляется многим. Если также учитывать, что птицы способны к реконструкции первого типа – к манипулированию предметами, позволяющей существовать и реконструкции второго типа (предполагающей установление сходства в высказываниях), становится хотя и не очевидным, но допустимым предположение о том, что человеческие манипуляции предметного и не предметного (словесного) характера могут становиться «прозрачными» для птиц. В пользу этого предположения свидетельствуют и данные о предрасположенности птиц и обучению – к тем видам деятельности, которые составляют суть культурной преемственности и, несомненно, облегчают «перевод» сложного в простое.

Конечно, это предположение, как и всё остальное, высказанные в этой статье, нуждается в дополнительных доказательствах. Но, наверное, иначе и быть не может в столь непростой сфере – сфере общения человека с окружающим его и сопутствующим ему живым миром.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гессе Г. Галка. // Паломничество в страну Востока. Игра в бисер. Рассказы. М., 1984.
2. Донских О.А. К истокам языка. Новосибирск, 1988.
3. Линден Ю. Обезьяны, человек и язык. М., 1981.
4. Панов Е.Н. Знаки. Символы. Языки. М., 1983.
5. Шульман С. Инопланетяне над Россией. М., 1990.

Экспериментальные исследования

Л.П. Прокофьева (Саратов)

Эстетические значимые звуко-цветовые ассоциации в контексте исследования языкового сознания (на материале идиостиля В. Хлебникова)

О синестезии часто говорят как о компоненте восприятия произведений искусства. Например, предполагается, что живописное полотно может сопровождаться какими-то незрительными ощущениями, музыка предназначена пробуждать зрительные реакции, язык в стихотворениях способен вызывать живые чувственные впечатления и т.д. На наш взгляд, явление, наблюдаемое в художественной среде, менее перцептивно по своему качеству и опосредовано в большей степени метафорическим пониманием или же накопленными ассоциациями, поэтому в чистом виде синестезией (Сз) не является, но попадает под определение синестемии (Ст). Индивидуальные модели звуко-цветовой ассоциативности (ЗЦА), не выходящие на уровень феномена Сз, способны активизироваться и частично «всплывать в светлое поле сознания» лишь под влиянием особых факторов-стимулов, во многом индивидуальных, причем, далеко не всегда эстетических. Тем не менее, возникающие в моменты восприятия произведений искусства индивидуальные реакции Ст характера оказывают дополнительное воздействие на личность, вызывая эмоциональное переживание, сопровождающее переживание эстетическое. Они важны для самого субъекта восприятия, но не оказывают такого же влияния на окружающих и в высокой степени автономны. Но существуют индивидуальные реакции, которые в силу принадлежности творчески активным личностям, способным оказывать воздействие на окружающих (непосредственно или опосредованно), могут быть восприняты или творчески переработаны на уровне подсознания (реже – сознания) реципиентом. К таким, по нашему мнению, относятся синестетические модели музыкантов, художников, писателей и поэтов, выразивших свои индивидуальные ЗЦА.

Художники слова начала XX века использовали в качестве концептуального поэтического приема в связи с общим стремлением расширить возможности речи, приблизиться к раскрытию тайны звучания музыки в поэзии. Смешанные звуковые, зрительные, вкусовые, обонятельные и осязательные ассоциации были смелым экспериментом, существенно раздвинувшим горизонты русской поэтики [подробнее – И.Р. Абдуллин 1996]. Символисты искали соответствий между звуком и смыслом, причем в общую систему их взглядов входило пред-

ставление о том, что звуковая материя слова облечена высоким смыслом и, как всякая материальность, представляет от духовной субстанции: «Свет и звук неразделимы в Природе, но, не имея полноты ясновидения, мы только иногда это замечаем» [Бальмонт 1916]. Похожую картину видим и у поэтов-футуристов: явно выявляется общая направленность творчества и ориентация на «фонетическую реализацию» поэтических текстов, когда звукам стихотворной речи придаются те или значения, существование которых обусловлено интуитивной природой работы со словом в целом [Васильев 1999: 58].

Б.М. Галеев высказал гипотезу, согласно которой каждая эпоха обладает своим «метафорическим фондом», который из века в век развивается, усложняется, причем именно «по принципу наращивания несовместимости сопоставляемых вещей, понятий. Несовместимости, преодолеваемой напряжением интеллекта, интуиции и накопленного знания» [Галеев 2004: 33]. Вероятно, именно начало XX века стало своеобразной метафорической точкой бифуркации множества синергетических процессов, вылившихся в яркий всплеск синестетических проявлений в искусстве вообще и литературном творчестве в частности: «в ту пору происходил тектонический ментальный сдвиг, характер которого наиболее адекватно раскрывается <...> в памятниках духовного наследия» [Воскресенская 2005: 8]. Подтверждение этой мысли находим в метатекстовых источниках поэтов и писателей.

Языческое мировосприятие В. Хлебникова, мечтавшего о древнем братстве, способном обеспечить тесный союз всего живого и неживого, обусловило особое отношение к «звукам перворечи», непонятность и запутанность которой воспринимается как недоступный сознанию непосвященных символ чужого, иного. Отсюда убежденность поэта в том, что «непонятым словам приписывается наибольшая власть над человеком, чары ворожбы, прямое влияние на судьбы человека. В них сосредоточена наибольшая чара» [Хлебников 1986: 633]. Цель художника – объединить человечество, изобрести для него общую языковую основу. В основу такого «общего» языка В.Хлебников кладет звуковые комплексы, построенные на символическом значении звуков и имеющие сходство (или

даже прямо совпадающие) с фонетическими особенностями заговоров, заклинаний, молитв и т.п. [Жданова 2003]. Особенно ярко и значимо проявляется «сгущение» смысла на фонетическом (точнее – фоносемантическом) уровне: «Если читать звуковые стихи Хлебникова, пользуясь данным поэтом ключом к их пониманию, то каждый звук приобретает сияющую цветовую бездонность, перед глазами возникают величественные пространственные структуры, изменяющиеся, превращающиеся друг в друга, творящие из себя зримые очертания неочевидного мира» [Кедров 2001: 107]. А ключ этот поэт сам дает своему читателю в теоретических работах! «Цветозвук Велимира Хлебникова – весть из другого, как говорили древние, «горнего» мира. Горний мир высоко, как хрустальная небесная гора, но в душе человека эта высота есть» [Кедров 2001: 112].

Так или иначе, но большинство дошедших до нас работ поэта прямо или косвенно содержат интересующую нас информацию о семантической наполненности звуков речи. Например, в статье-манифесте «Слово как таковое» (1913), написанной совместно с А. Крученых, провозглашается различная значимость гласных и согласных: «Гласные мы понимаем как время и пространство (характер устремления), согласные — краска, звук, запах» [Русский футуризм 1999: 42], причем это не было просто провозглашением отвлеченных понятий – позднее Хлебников подробно и последовательно развивает эти идеи в теории и на практике. «Первая согласная простого слова управляет всем словом – приказывает остальным», при этом «каждый согласный звук скрывает за собой некоторый образ и есть имя», «но гласные звуки менее изучены, чем согласные» [цит. по Григорьев 1976: 193]. Интересно, что фоносемантические исследования конца XX века экспериментально подтвердили многие прозрения поэта.

Идея звуко-цветовой ассоциативности нашла в работах В. Хлебникова неожиданное преломление, т.к. оказалась непосредственной частью его поисков связи между означаемым и означающим. В черновой записи 1919 г. поэт размышляет: «Еще Маллармэ и Бодлер говорили о звуковых соответствиях слов и глазах звуковых видений и звуков, у которых есть словарь. В статье «Учитель и ученик» семь лет я дал кое-какое понимание этих соответствий. Б, < > или ярко красный цвет, а потому губы бобэоби, взэоми – синий < > и потому глаза синие, пиэо – черное» [цит. по Шапиро 2000: 348]. В маленьком словарице, озаглавленном «Звукопись», Хлебников сообщает о том, что «м – синий цвет», «л – белый, слоновая кость», «г – желтый», «б – красный, рдяный», «з – золотой», «к – небесно-голубой», «н – нежно-красный», «п – черный с красным оттенком» [Шапиро 2000: 350]. Развернутое представление о механизме воплощения разных модальностей находим в статье «Пусть на могильной плите прочтут...» 1904 года: «...есть некоторые величины, независимые переменные, с изменением которых ощущения разных рядов — например, слуховое и зрительное или обонятельное — переходят одно в

другое. // Так, есть величины, с изменением которых синий цвет василька (я беру чистое ощущение), непрерывно изменяясь, проходя через неведомые нам, людям, области разрыва, превратится в звук кукования кукушки или в плач ребенка, станет им. // При этом, непрерывно изменяясь, он образует некоторое одно протяженное многообразие, все точки которого, кроме близких к первой и последней, будут относиться к области неведомых ощущений, они будут как бы из другого мира. // Осветило ли хоть раз ум смертного такое многообразие, сверкнув, как молния соединяет две надувшихся тучи, соединив два ряда переживаний в воспаленном сознании большого мозга?» [Хлебников 1986: 577]. Отметим важную мысль, что для поэта процесс перехода чистого цвета в чистый звук находится за пределами понимания, но не за пределами реальности! Человеческое сознание не успевает остановиться и осмыслить процессы, которые в нем совершаются, так и «мы улавливаем спицы колеса лишь тогда, когда скорость его кручения становится менее некоторого предела» [Хлебников 1986]. То, что синестетический процесс находится в человеческом бессознательном, не делает его фантастическим – существуют условия, когда переход через посредство подсознательного на уровень сознания станет возможным. Интересно, что в отличие от случаев семантизации звуковой стороны в поэзии, когда особо значимым является *повышение* частотности тех или иных звуков, цвето-звуковые связи для поэта начинают проявляться лишь во время *снижения* скорости информационного потока. Эта мысль подчеркивает очень важную идею Хлебникова – синестетические связи реальны и для вторичного осознания (например, читателя поэтического произведения). Таким образом, видимая уникальность звуко-цветовых ассоциаций есть по сути отражение универсальных законов, преломленных в индивидуальном сознании.

Еще одно замечание – существенное постоянство цветовых ассоциаций звуков, высказанное в разных работах, что может косвенно свидетельствовать в пользу гипотезы наличия реальной синестезии у поэта. В статье «Художники мира!» 1919 г., размышляя об универсальном значении звуков, поэт снова возвращается к ЗЦА и, частично повторяя сказанное ранее, расширяет список «цветных звуков»: *В* на всех языках значит вращение одной точки кругом другой. *М* – распад некоторой величины на бесконечно малые части; *Н* – отсутствие точек, чистое поле; *П* – рост по прямой пустоты между двумя точками, движение по прямому пути одной точки... *Ш* – слияние некоторых поверхностей в одну поверхность и слияние границ между ними... Можно прибегнуть к способу красок и обозначить *м* – темно-синим, *в* – зеленым, *б* – красным, *с* – серым, *л* – белым и т.д.» [Мысль, вооружённая рифмами 1984: 25]. И в поэме «Зангези» (1922) находим имплицитные цветовые номинации, определяющие звуковые комплексы (полностью совпадающие с приведенными выше ЗЦА):

Взо-взя – зелень дерева.

Нижеоты – темный ствол.

Мам-зами – это небо.

Пучь и чапи – черный грач.

Лели-лили – снег черемух,

Заслоняющих винтовку.

Мивеаа – небеса.

Систематизируем разрозненные данные о звуко-цветовой ассоциативности (ЗЦА) Хлебникова в

Таблице 1, причем сразу оговоримся, что по поводу гласных могут быть разночтения в интерпретации, т.к. некоторые из них входят в состав одновременно нескольких слов с цветовыми ассоциациями. Вероятно, имеет место смешивание оттенков, как, например, в случае с *нижеоты* (нежно-красный + голубой + коричневый + светлый + ? + коричневый + коричневый).

Таблица 1

Данные по ЗЦА В. Хлебникова

Графоны	Цвет	Графоны	Цвет
А	Синий	М	темно-синий
Б	красный, рдяный	Н	нежно-красный
В	зеленый	П	черный с красным оттенком
Г	желтый	С	серый
Е	светлый (белый)	Т	коричневый
Ж	коричневый	У	черный
З	золотой	Ы	коричневый
И	голубой	Ч	черный
К	небесно-голубой	Э	зеленый
Л	Белый, слоновая кость	Я	зеленый

В 1967 г. К. Кедров провел небольшой эксперимент со школьниками, в ходе которого были получены результаты, сходные с данными поэта. В 1981 г. в телепередаче «Русская речь» совместно с А.П. Журавлевым они публично повторили эксперимент и получили те же результаты. Очевидно, все не так просто: разумеется, в любом ассоциативном эксперименте будут встречаться сходные данные, но статистика демонстрирует *средние*, и вот эти средние разительно расходятся с синестетическим видением Хлебникова. Но это никоим образом не противоречит основной гипотезе настоящей статьи: суггестивные тексты необязательно «накладываются» на какие-то общеязыковые факторы или закономерности, но вызывают запрограммированное воздействие на носителя любого языка именно в силу своего особого строения.

Чтобы проверить это положение, была использованная разработанная нами комплексная методика анализа, включающая компьютерный расчет ЗЦА произведений В. Хлебникова, аудиторского эксперимента и психолингвистической интерпретации значений цвета. Всего в автоматическом режиме проанализировано 10 произведений поэта. Полученная цветовая оценка представляет собой, на первый взгляд, формальный набор цветовых признаков, запрограммированных национальной системой ЗЦА русского языка, но при этом оценки строк регулярно соотносятся с отдельными цветовыми номинациями, присутствующими в тексте. Возникает вопрос, реализуется ли заложенная на фоносемантическом уровне цветовая информация, если да, то каким образом это происходит, какие факторы влияют на проявление/непроявление запрограммированного цветового признака. На эти и некоторые другие вопросы был призван ответить эксперимент по цветовому восприятию поэтических произведений 35 информантами женского пола от восемнадцати до

двадцати двух лет, все студенты факультета русской словесности Педагогического института Саратовского госуниверситета.

Испытуемым предлагалось оценить по цветовому признаку 10 произведений Хлебникова, из них 5 стихотворных малого жанра, 1 поэма, 3 прозаических, 1 драма. Тексты были представлены как в напечатанном виде (зрительный аспект), так и в звуковом (прочтение диктором-женщиной). Печатный текст был выбран как нейтральный для восприятия, т.к. воздействие параграфематики еще далеко не изучено и необходимо было исключить возможное дополнительное влияние. Информация, таким образом, проходила по двум каналам: зрительному и акустическому. Перед информантами была поставлена задача обязательной оценки текста в целом, более мелкие структурные части не оценивались. Сводные результаты приведены в Таблице 2.

Обработка результатов эксперимента позволила обнаружить существенные совпадения в общей компьютерной цветовой оценке текстов Хлебникова, цветовыми номинациями, присутствующими в тексте и аудиторскими ассоциациями, что, несомненно, свидетельствует о фиксации национальной системы ЗЦА как в художественных произведениях, так и в сознании реципиентов, носителей русского языка как родного. Тем не менее, некоторые случаи расхождения оценок возможно интерпретировать с точки зрения авторской системы звуко-цветовых соответствий, что не исключает ее идиостилевого кодирования на фоносемантическом уровне. Апробированная ранее методика работы с художественными текстами и в этом случае продемонстрировала возможность выхода на новый смысловой уровень.

Приведем в качестве модели алгоритм работы с хрестоматийным стихотворением В. Хлебникова «Кузнечик» (1908-1909). Сначала текст проводился через программу, которая выдала построчные и

текстовые звуко-цветовые характеристики вместе со вспомогательными данными о частотности всех графонов стихотворения, наличии приема ассонанса и аллитерации, а также информативности составляющих его букв (Таблица 3):

Крылышка золотописьмом БЕЛО-ЖЕЛТЫЙ
Тончайших жил, СИНИЙ
Кузнечик в кузов пуза уложил СИНЕ-ЗЕЛЕНый

Прибрежных много трав и вер. ЗЕЛЕНый
"Пинь, пинь, пинь!" тарарахнул зинзивер.
 СИНИЙ
О, лебедиво! ЗЕЛЕНый
О, озари! СИНИЙ
Цвет текста – СИНИЙ с учетом информативности: СИНИЙ

Таблица 2

Сводные результаты компьютерного анализа и аудиторского эксперимента

Название текста	Цветовые номинации текста	Компьютерная цветовая оценка	Аудиторская цветовая оценка
Ветер - пение	белый ледник	синий (в, н)	белый, синий
Око	Красногорлый, зеленая чаща, темная осень, темные озера, голубые глаза, глаза черного цвета,	синий (б, с)	темный
Утес из будущего	светлые облака, черная земная черта, голубые пятна неба, голубая заря, молочная заря,	синий (с)	синий
Кузнечик	Золотописьмо	Синий (ж, з, и, п, р)	синий, зеленый, желтый
Бобэоби пелись губы		синий, желтый (э, л, з, г, б)	голубой
Коля был красивый мальчик...	черные брови, синевато-зеленые глаза, бледно-синеватый и зеленый оттенок, зеленый сад, черные зрачки, белые белки	синий (в)	зеленый, синий
Перевертень	Черен	синий (з, и, л, м)	черный, синий
Ладомир	сизый дым, синее небо, алые крыла, черный лебедь, синяя дымка, черное имя, зелень края, голубые пространства морей, пламени красней, седые кольца, вороной хребет небес, белила, кровавый ряд, белая дружина, зеленая краюха, синева, красное зарево, багровые крыла	синий (в)	синий, красный
Зангези	разноцветные глыбы слова, синие волны хвои, серебряный мох, серебряное горлышко, зеленый хмель, белоснежное плечо, белый камень, синее зарево, серы обои жизни,	Синий	синий
Ночной бал	серебро, кровь	синий, красный	красный, синий

Таблица 3

Результаты компьютерного анализа стихотворения В. Хлебникова

Графоны	Текст	Стат	Прием	Графоны	Текст	Стат	Прием
А	6,58	9,5		П	4,61	2,6	*
Б	1,32	1,8		Р	5,92	3,8	
В	4,61	3,9		С	0,66	4,9	
Г	0,66	1,5		Т	3,29	7,5	
Д	0,66	3,7		У	5,68	2,9	*
Е	6,58	9,9		Ф	0	0,3	
Ж	2,63	08	*	Х	1,97	0,9	*
З	5,92	1,5	*	Ц	0	0,4	
И	14,47	5,6	*	Ч	1,32	2,0	
Й	0,66	1,3		Ш	1,32	1,2	
К	1,97	3,3		Щ	0	0,3	
Л	5,26	3,7		Ы	1,97	1,6	
М	2,63	3,2		Э	0	0,5	
Н	5,92	6,4		Ю	0	0,6	
О	9,21	104		Я	0,66	2,4	

Анализируемый текст относится к числу программных, потому чрезвычайно часто подвергается всевозможным интерпретациям (см, например, уникальное издание А. Россомахина, посвященное исключительно этому стихотворению [Россомахин 2004]). Сам Хлебников, выступая как мифотворец, создает «узлы будущего, малый выход бога огня и его веселый плеск...» – эта авторская самоинтерпретация не делает стихотворение более легким для

читателя, но дает исследователю ключ к первому шагу на пути понимания. Миф о будущем сопровождается мифом реальности: «Зинзивер – народное название большой синицы, которую также называют кузнечиком. Однако в начале речь идет о кузнечикенасекоме, хищнике, питающемся и «травами» и «верами», т.е. представителями различных видов фауны...», – пишет поэт в примечаниях к тексту [Хлебников: 661], но в словаре В. И. Даля слово

найти не удалось, поэтому остается лишь признать целостность мифологической картины, нарисованной ее творцом. Картина эта во многом звуковая – лишь одна эксплицитная, но окказиональная цветовая подсказка читателю (*золотописьмом*) и две имплицитных, связанных с зеленым цветом (*кузнечик, травы*). Тем не менее текст «играет» цветом, «переливается»: основной *синий* (26,5%), не подержанный лексически, но организуемый ассонансом на *и* и чуть заметными аллитерациями на *в* на легко улавливается читателем, так же как и *желтый* (15,5%) и *зеленый* (12,5%), четвертый по частотности цвет, сопровождающий высокоинформативные аллитерации на *з* и *ж*. При этом второй по частотности *красный* (21,5%), единично отмечен в анкетах аудиторов, потому что организуется высокочастотным, но низкоинформативным *р*. *Черную* (10%) и

белую (12%) составляющую текста представляют аллитерации на *п*, сконцентрированные в звукоподражательном комплексе *пинь-пинь-пинь*, Архетипически «сильные» *черный* и *белый* (исходные ахроматические) и *красный* (исходный хроматический) уступают место *синему* – *зеленому* – *желтому*, частично повторяя универсальный путь развития цвета, но не совпадая с ним. Хлебников, достигая истоков мифа, творит свой собственный, что выявляется даже на фоносемантическом уровне.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что авторские установки обязательно должны учитываться при изучении принципов, которыми руководствовался художник слова в непосредственном творчестве, так как могут прояснить особенности его работы над текстом, своеобразие его миропонимания и мироощущения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бальмонт К. Поэзия как волшебство. М.:Скорпион, 1916. 93 с.
2. Васильев И.Е. Русский поэтический авангард XXв. (Группа «41°»). Екатеринбург: УрГУ, 1999.
3. Галеев Б.М. Синестезия в мире метафор. // Text processing and cognitive technologies. № 10, Moscow-Varna, 2004.
4. Воскресенская М.А. Символизм как мировидение Серебряного века: социокультурные аспекты формирования общественного сознания российской культурной элиты рубежа XIX-XX веков. М.:Логос, 2005.
5. Хлебников В.Творения. М.:Сов.писатель, 1986.
6. Жданова Е.С. Лингвистические средства выражения элементов язычества в поэтической практике В.Хлебникова. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2003.
7. Кедров К. Параллельные миры. М.: АиФ-Принт, 2001.
8. Русский футуризм. Теория. Практика. Критика. Воспоминания. Сост. В. Н. Терехина, А. П. Зименков. М.: Наследие, 1999.
9. Григорьев В.П. Ономастика Велимира Хлебникова. // Ономастика и норма. М., 1976.
10. Шапиро Д. Невротические стили. М.: Ин-т общегуманитар. исслед. СПб.: Унив. кн., 2000.
11. Мысль, вооружённая рифмами. Поэтическая антология по истории русского стиха. Составитель В.Е. Холшевников. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984.
12. Россомахин А. Кузнечики Велимира Хлебникова. СПб.: Красный матрос, 2004.

Е.А. Елина (Саратов)

Семиотические проблемы абстрактного изображения и попытка их решения в условиях эксперимента

Живопись открывала сказочные силы и прелесть. Но глубоко под сознанием был одновременно дискредитирован предмет как необходимый элемент картины.

В. Кандинский

В абстрактных формах, единственно высших, человек отдыхает от сложности мира.

В. Воррингер

Абстрактное (или нефигуративное, беспредметное) искусство – явление в семиотическом отношении сложное, поскольку плохо согласуется с принципом иконичности и не укладывается в рамки традиционной иконической знаковости в отличие от предметного искусства.

Рассмотрим семиотические свойства изобразительного искусства в целом и в его различных

художественных направлениях.

Согласно классификации Ч. Пирса, из знаковой триады «индексы – символы – иконы» именно знаки-*иконы* (или иконические знаки, иногда их называют знаками-копиями, знаками-изображениями) являются основополагающими и доминирующими в искусстве вообще и в изобразительном искусстве в частности.

Краткая характеристика иконических знаков сводится к следующему. В знаках-иконах (eikon – др. греч., icon – англ. – образ, подобие) связь означающего и означаемого мотивирована фактическим сходством, подобием между ними, иначе говоря, форма как бы дублирует содержание, по форме знака можно определить его значение; можно сказать, что форма знака берет на себя функцию значения. Такой знак не нуждается в переводе, потому что он похож на свой объект. «Действие иконического знака основано на фактическом подобии означающего и означаемого, например рисунка какого-то животного и самого животного; первое заменяет второе просто потому, что оно на него похоже» [Якобсон 1983: 104]. Соответствие иконического знака объектам (классу денотатов), как отмечает Ю.К. Лекомцев, носит характер непрерывного или приближающегося к непрерывному, например, рисунок дерева и дерево [Лекомцев 1967: 123]. Рисунок какого-то животного подобен самому животному, человек на фотографии похож на реального человека. Первое заменяет второе «просто потому, – пишет Ч. Пирс, – что оно на него похоже». К иконическим знакам относят картины, рисунки, фотографии, скульптуры и т.д. В качестве подтверждения характеристики данного типа знаков обратимся к психолингвистическому исследованию Э. Бейтс, которая, используя концептуальный аппарат Ч. Пирса, интерпретирует пирсовскую трихотомию знаков весьма наглядным и оригинальным способом. Об иконическом знаке она, в частности, пишет: «Иконический знак представляет собой знак, который связан со своим референтом благодаря некоторому физическому сходству между ними. Например, рисунок языка пламени является иконическим знаком огня, поскольку рисунок сохраняет некоторые двухмерные, зрительно воспринимаемые признаки огня... Смысл такого рода связи между знаком и референтом состоит в том, что *если бы группа, использующая данное отношение между иконическим знаком и референтом, должна была бы исчезнуть без следа, то это отношение потенциально могло бы быть восстановлено и использовано другими мыслящими существами, способными заметить то же физическое сходство*» [Э. Бейтс 1984: 70].

В своем остроумном изложении знаковых отношений Э. Бейтс дает точные и глубокие характеристики типов знаков, троекратно апеллируя к одной и той же гипотетической ситуации (полная смена человеческих сообществ). Качества и функции знаков лучше всего проявляются тогда, когда новое общество, «читающее жизнь с чистого листа», оказывается способным (в случае иконических знаков) или неспособным (в случае символических знаков) воспользоваться оставленным семиотическим наследством.

Ч. Пирс считал именно иконические знаки (а не символы и индексы) знаками par excellence, так как, являя собой «непосредственный образ», эти знаки способны накладываться на свои объекты и даже до определенной степени совпадать с ними, их заме-

щая; это тот единственный тип знаков, который не только обозначает свой объект, но и непосредственно отражает его. Иконический знак является самым простым, понятным, он в максимальной степени мотивирован «благодаря тому, что знак обнаруживает в себе самом свойства, которыми должен обладать его объект как денотат» [Моррис 1983: 57].

Описанная модель иконического знака, однако, вступает в противоречие с сущностью абстрактного искусства, которое определяется В. Миримановым следующим образом: «Абстракционизм (лат. abstractio – удаление, отвлечение) – беспредметное, нефигуративное искусство – форма изобразительной деятельности, не ставящая своей целью имитацию или отображение визуально воспринимаемой реальности. *Абстрактная живопись, графика, скульптура исключают ассоциации с узнаваемыми предметами*» [Мириманов] (здесь и далее курсив наш. – Е.Е.)

В данном определении абстракционизма четко обозначено его фундаментальное свойство – отсутствие предметной соотнесенности, или означаемого (денотата). Однако иконический знак постольку является знаком, т.е. двусторонней сущностью, поскольку несет в себе эту неразрывную связь предмета с его отображением – означаемого с означающим. При этом абстрактное изображение, опять же согласно определению, не должно предполагать ассоциативности, поскольку для ассоциаций нет предмета; есть лишь линии, точки и плоскости, лишённые предметности и, следовательно, ни с чем не соотносимые и ничем не мотивированные – зритель не может произвести «узнавания», т.е. «опознать вещь как некогда виденную» [Гадамер 1991: 236].

Здесь возникает вопрос о «степени иконичности», тесно связанной со стилистикой изображения. Наиболее высока степень иконичности (изобразительности, сходства) в реалистическом искусстве, почти однозначно интерпретируемом, узнаваемом и в деталях, и в целом. Сходство изображения и денотата здесь может доходить до фотографичности. Например, картина И. Шишкина «Утро в сосновом бору» радует глаз многим любителям реалистического пейзажа именно своим безусловным сходством с реальностью: и лес в целом, и каждое дерево, и медведи – все изображено предельно похоже на реальность, «как в жизни». Иконический компонент в реалистическом (по Аристотелю – миметическом, подражательном) искусстве находит отражение в организации «синтаксиса» картины, т.е. в правилах упорядоченного, пропорционального сочетания, комбинации элементов изображения (цветовых пятен, линий и плоскостей) на картине, передающих определенное значение. М. Шапиро подчеркивает системный, регулярный характер элементов синтаксиса реалистического изображения, раскрывающий его значение, то есть дающий возможность интерпретирования, «узнавания»: «В линиях имеется некая мельчайшая единица, которая сама по себе ничего не выражает своей формой, однако, повторенная большее число раз в соответствующем кон-

тексте, она живо передает какие-то характерные свойства объекта» [Шапиро 1972: 159].

В менее реалистических направлениях изобразительного искусства степень иконичности снижается. Например, в *импрессионистической* живописи достаточно большие «синтаксические» элементы приобретают немиметический (неподражательный) и, следовательно, неиконический, «неузнаваемый» характер. Например, на импрессионистической картине частями изображенного дерева являются крупные фактурные мазки, не имеющие по форме и цвету сходства с частями реального дерева, особенно на близком расстоянии от картины. Знак дерева в целом распознается зрителем именно как дерево из целостного контекста изображения, который формируется на некотором удалении от картины, но отдельные части этого дерева очень мало напоминают листья и ветви. «*Перспективное видение различает такие объекты благодаря их общим силуэтам, тону и контексту, не различая деталей*. Хотя эти изображения и не очень похожи на свои денотаты, цветовые пятна на них соответствуют ощущениям, а некоторые из них отражают не локальные цвета объектов, а выражают субъективные явления цветового контраста и различные эффекты освещения» [Шапиро 1972: 159]. Поэтому импрессионистическая живопись, в которой отдельные части изображения не подчинены реалистическому правилу детального соответствия частям изображенного объекта, уже явилась шагом в сторону современной абстрактной живописи.

Еще ниже степень иконичности в стилистике кубизма. «При введении нового способа видения наступает такой момент, когда форма изображения превращается в сложный орнамент, но при этом *оставляется интерпретируемый объект, который нужно “увидеть”*, т.е. своего рода принцип “найди человека в кустах» [Лекомцев 1967: 137]. Этот принцип модернистской живописи описан Г.-Г. Гадамером: «Даже в большинстве модернистских картин еще остается что-то для узнавания и понимания – пусть хотя бы уже только какие-то фрагментарные жесты, а не многозначительные истории», когда «из расплывающихся до неопознаваемости значимых элементов мы *продолжаем угадывать что-то, последний остаток знакомого*, и отчасти переживаем узнавание» [Гадамер 1991: 238].

Как мы уже отмечали, *абстракционизм* по определению лишен предметной отнесенности, когда форма знака утрачивает сходство с какими-либо вещами, и, следовательно, степень иконичности абстрактного изображения должна сходиться на нет. Иначе говоря, абстрактное изображение должно строиться *не из иконических знаков*. Но можно ли считать в таком случае, что, вопреки всем семиотическим принципам, в абстрактном изображении задействованы символические и индексные знаки? С.М. Даниэль считает именно так: «...беспредметная живопись, жертвуя иконическим знаком, тем глубже разрабатывает индексальный и символический компоненты» [Даниэль 2005: 14]. О

том же пишет Н.Б. Мечковская: «Преобладание условности в форме по отношению к содержанию знака делает его знаком-символом. Если в кубистическом портрете, как правило, сохраняется иконичность, то полотно беспредметника или абстракциониста в терминах семиотики – это именно знаки-символы» [Мечковская 2004: 132].

Однако такой метод исключения (если не иконические знаки, значит, те, что остались) в данном случае не применим. Здесь неоткуда взяться символическому (конвенциональному) знаку, так как неких общепринятых, но немотивированных смыслов в изображенных плоскостях, линиях и точках нет. То же можно сказать и об индексальном знаке, который тесно привязан к «здесь и сейчас» создающейся ситуации, чего не может быть в живописном изображении, всегда обращенном в прошлое. Тогда встает вопрос о незнакомости абстрактного изображения или о качественном изменении знака. Г.-Г. Гадамер отмечает в связи с «отторжением смысла» в абстракционизме: «Понятие знака утрачивает свою собственную определенность» [Гадамер 1991: 233]. Таким образом, абстрактное изображение, лишённое двусторонности, за неимением означаемого (денотата) должно становиться одноуровневой структурой. Впервые на эту одноуровневость обратил внимание К. Леви-Строс: «Теперь понятно, почему абстрактная живопись и все иконические школы, объявившие себя нефигуративными, теряют способность “обозначать”: они отказываются от первого уровня обозначения и считают, что могут ограничиться только вторым... Абстрактная живопись отказывается от языка, понимаемого как система значений» [Леви-Строс 1972: 41].

Для уточнения семиотического статуса абстрактного изображения и получения более определенного ответа на вопрос о сущности и форме знаковости в абстракции мы провели эксперимент на вербальную интерпретацию абстрактного изображения группой «наивных», неподготовленных реципиентов. Привлечение к письменному анализу абстрактного произведения именно реципиентов-неспециалистов, не искусствоведов и не художников объясняется нашим интересом к получению спонтанного, «живого» результата восприятия, не отягощенного предварительными специальными знаниями, установками и стереотипами. К интерпретированию было привлечено 38 человек различного пола, возраста, образования (мы сознательно не дифференцируем социальные, возрастные и половые характеристики, поскольку они не релевантны для данного случая).

Всем испытуемым предлагалась для обозрения и составления текста-интерпретации картина В. Кандинского «Белая точка». Одно общее для всех изображение было выбрано в качестве единой основы для сопоставления полученных текстов. Никаких наводящих вопросов и дополнительных объяснений экспериментатором не давалось, работа каждым участником выполнялась самостоятельно, без обсуждения.

Задача эксперимента предполагала либо выявление в вербализованном «наивном» восприятии каких-либо «следов» миметического, ассоциативного уровня изображения, либо их отсутствие, свидетельствующее о действительно одноуровневой организации абстрактного изображения.

Эксперимент показал, что только в 4 текстах из 38 (т.е. в 10%) реципиенты описывают исключительно беспредметный зрительный ряд, не прибегая ни к каким сравнениям и ассоциациям. Приведем характерный пример:

- *На желтом фоне разные геометрические фигуры. Круг серый с черным. Зеленый треугольник, неправильной формы геометрическая фигура оранжевого цвета, фиолетовая фигура, белый небольшой круг, черная фигура, грязно-синий круг, какие-то грязно-красные параллели, серповидная фигура...*

Однако в 90% случаев, в 34 текстах-интерпретациях из 38 испытуемые активно стремятся приблизить беспредметный зрительный ряд картины к общепонятному, предметному, хотя задание не включало в себя указания на «создание предметных ассоциаций». Следствием такой установки на опредмечивание беспредметного изображения является постоянное соотнесение абстрактных линий, фигур, плоскостей с воображаемыми денотатами, иногда разными, но часто – очень схожими (для иллюстрации мы приводим некоторые отрывки из текстов-интерпретаций, выделив элементы предметного ряда жирным шрифтом):

- *...Изображение на картине напоминает **попугая**: разноцветная окраска, раскинутые два крыла, клюв, небольшой белый круг напоминает глаз. Птица находится в полете. Два круга вверху и внизу олицетворяют **Солнце** и **Луну**, т.е. птица летит в открытом небе, воодушевленная свободой*

- *В нижнем левом углу – **Луна**, в верхнем левом – **Солнце**. А белый шар – это **Земля**. Все цветные фигуры – это то, что происходит на Земле. **Бумеранг** – символ того, что все, что делается на Земле по отношению к космосу, обязательно вернется обратно на Землю.*

- *Вполне космогонический сюжет... два светила – **Солнце** в бледно-голубой короне и темное пятно **Луны** как изнанка дневного бытия, а совсем рядом **Земля**.*

- *Картина создает тревожное настроение, наверное, из-за серо-белого круга с черным ободком, похожего на **Солнце** при затмении.*

- *Можно представить смерть в саване. Тогда над черным прямоугольником **могильной плиты** встает холодное потустороннее **светило** в короне, обрамляющей траурную окружность.*

- ***Рыба-меч**, летящая вниз. Хвост – волан из гусиных перьев. Тело – **бумеранг**.*

- *Бешено мчащийся **автомобиль** с **антеннами**. **Хищная рыба** в погоне за добычей. Движение, порыв...*

- ***Антенны торчат из машины**. Падающая **птица-секретарь**. Части **гоночной машины**.*

Кипарисы на склоне горы, о которую разбился самолет.

- *...можно подумать, что это набор **детских кубиков**, из которых можно построить **железную дорогу**, башню, дом, избушку на курьих ножках и т.д. А может быть, наоборот, это все уже **разрушено**, разобрано на отдельные кубики.*

- *...остатки **разбитого тепловоза** будущего на полуразобранном **железнодорожном пути**.*

- *При желании можно представить уходящий **поезд на рельсах**, взлет **ракеты** (тоже с рельсового пути).*

Испытуемые видят свою главную задачу в обязательной расшифровке абстракции, при этом воссоздаваемые ими образы часто варьируются. Об их повторяемости свидетельствуют показатели частотности упоминания в разных текстах одних и тех же денотатов:

Солнце / светило (17);

Луна (16);

поезд / тепловоз / железная дорога / рельсы (9);

птица / попугай / птица-секретарь (8);

бумеранг (6);

Земля (6)

автомобиль / гоночная машина (4);

антенна (4);

рыба / хищная рыба / рыба-меч (3);

разбитый самолет / разбитый тепловоз / всё разрушено (3);

могильная плита (1)

кипарис на склоне горы (1)

детские кубики (1)

ракета (1)

Частотность употребления некоторых реалий достаточно высока. Например, ассоциации с солнцем и луной возникают в 50% случаев, что свидетельствует о неслучайном характере ассоциаций. Однако немногочисленные и даже однократные ассоциации – это тоже явление незаурядное, говорящее о принципиальной возможности существования денотативной основы для абстрактного изображения. (Хотя само определение абстракционизма, данное в начале статьи, принципиально отрицает возможность ассоциаций.)

Кроме того, при общем «предметном» подходе к толкованию реципиентами абстрактного произведения субъективные впечатления от картины также очень сходны с впечатлениями зрителей от конкретно-предметного реалистического изображения, вызывающего определенные эмоции, чувства, переживания, размышления:

- *...веселое, радостное настроение*

- *...солнечное, праздничное настроение*

- *Глядя на эту яркую, веселую по цвету картину...*

- *Сочетание треугольников, фигур и кругов на горчично-размазанном фоне создает какое-то тревожное настроение, ощущение угрозы... Очень неприятная картина*

- *...тревожный горчичный цвет и клякса-взрыв, перечеркнутая хищным зигзагом*

- *Острые углы и круги контрастных цветов создают общее впечатление конфликта, борьбы*

- *Движение, порыв, страсть...*

Благодаря проведенному эксперименту стало возможным усомниться в представлении об одноуровневости абстрактного изображения. При толковании картины зритель ставит себя перед проблемой идентификации художественного образа, не соглашаясь с существованием неких неинтерпретируемых «загадочных» форм. *Стремясь понять и истолковать абстрактный визуальный ряд, зритель сам создает или восстанавливает «утраченный» денотативный уровень изображения.* Этот предметный уровень можно, конечно, назвать и плодом воображения зрителя – художник может не иметь его в виду. Но если ассоциации у зрителей в принципе возникают, значит, в таком изображении объективно заложена идея предметности. И кроме того, если у разных зрителей эти ассоциации схожи,

можно говорить о некоем инварианте предметного восприятия. Это свидетельствует о возможности восстановления ПРЕДМЕТА как основы картины (что отрицал В. Кандинский).

Следовательно, имеет смысл вернуться к представлению о двухуровневости абстрактного изображения (к наличию означающего и означаемого) и не отказывать ему в иконической знаковости.

В этом случае можно объяснить и принцип создания абстрактного изображения, который строится не на полном отказе от предметности (вопреки утверждению теоретиков абстракционизма), а на рекомбинировании художником перцептивных образов, хранящихся в памяти, на использовании им элементов, которые сохраняют многие свойства и формальные отношения миметического искусства. И ПРЕДМЕТ оказывается не «дискредитированным», а вполне нужным, даже необходимым, но в своей скрытой, латентной форме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. – М.: Искусство, 1991.
2. Даниэль С.М. От вдохновения к рефлексии: Кандинский – теоретик искусства. Вступительная статья // Кандинский В.В. Точка и линия на плоскости. – СПб.: Азбука-Классика, 2005
3. Леви-Строс К. Сырое и вареное // Семиотика и искусствознание. – М.: Мир, 1972.
4. Лекомцев Ю.К. О семиотическом аспекте изобразительного искусства Труды по знаковым системам. – Тарту: Изд-во Тартуского университета, 1967
5. Мечковская Н.Б. Семиотика: язык, природа, культура. – М.: Академия, 2004.
6. Мириманов В.Б. Абстракционизм // Энциклопедия Кругосвет www.krugosvet.ru
7. Моррис Ч. Основания теории знаков. // Семиотика. – М.: Радуга, 1983.
8. Шапиро М. Некоторые проблемы семиотики визуального искусства // Семиотика и искусствознание. – М.: Мир, 1972.
9. Э. Бейтс. Интенции. Конвенции и символы. // Психолингвистика. – М.: Прогресс, 1984.
10. Якобсон Р.О. В поисках сущности языка // Семиотика. – М.: Радуга, 1983.

М.Я. Розенфельд (Воронеж)

Методы выявления перцептивного образа в структуре лексического значения (на материале существительного *глаз*)

Современный взгляд на лексическое значение основывается на понимании его как предметной отнесенности словесного знака. «Это – исходный пункт в трактовке значения, остальные аспекты производны от него» [Баженов 1967: с. 255]. Лексическое значение представляет собой отражение предметного мира, следовательно, является разновидностью знания о мире и находится в тесной зависимости от свойств и признаков предметов окружающей действительности. Основной задачей семасиологии является исследование именно того, как в словах отображается внеязыковая действительность. «Те связи и взаимоотношения между явлениями действительности, которые обуславливают лексико-семантическую систему языка, являются, конечно, внешними по отношению к самому языку. Но всякая знаковая система служит для

обозначения как раз того, что находится за пределами системы, и значение знака раскрывается только вне данной системы» [Шмелёв 1973: 18]. На этой идейной почве в лексикологии второй половины двадцатого века начал формироваться интегральный подход к значению слова.

Перед лексикологами встал вопрос: если значение слова – результат отражения действительности и содержит информацию о предметном мире, то каким образом эта информация представлена в структуре лексического значения? В рамках интегрального подхода к лексическому значению было предложено выделять в структуре значения слова помимо традиционных денотативного и коннотативного образный компонент.

Понятие *образ* в лингвистике обычно связывают с образностью переносных значений и употребле-

ний. Интегральный подход к значению слова рассматривает образность в более широком плане. Образный компонент значения слова – это «закреплённый за знаком обобщённый чувственно-наглядный образ обозначаемого предмета» [Стернин 1979: 129].

Так как исследование образного компонента значения слова началось сравнительно недавно, некоторые вопросы в этой области остаются нерешёнными. Нечётко очерчен круг слов, в структуру значения входят чувственные образы. Изначально лексикологами выдвигалось предположение, что это только слова конкретной семантики. Однако по мере развития экспериментальных методик в языкознании было выявлено, что достаточно яркие чувственные образы в сознании носителей языка вызывают и абстрактные существительные и глаголы). Также требует более детальной разработки методика выявления и описания образа в структуре значения слова.

Цель нашего исследования – определить, при помощи каких методов может быть выявлен образный компонент значения слова.

Изучение образного компонента значения слова представляет собой значительную трудность, так как он имеет чувственную природу и как таковой не поддаётся содержательной фиксации и разложению на составляющие элементы. Косвенным путём исследования образного компонента значения является анализ словарных дефиниций в толковых словарях, которые часто содержат словесное описание образного компонента. Следует отметить, что фиксация образа не является прерогативой толковых словарей, ибо словарная статья направлена прежде всего на описание понятийного компонента значения. Она отражает на метаязыке «общепринятое» значение слова, однако присутствие в словарной статье описания конкретного чувственного образа, связанного с тем или иным словом, может быть расценено как аргумент в пользу вхождения образного компонента в структуру значения данного слова.

Словарная дефиниция отражает образный компонент значения различными способами. «Она может перечислять внешние признаки предмета, может отсылать к признакам другого предмета, т.е. указывать на подобие признаков, вербальная дефиниция может указывать вес предмета, на вкус предмета, на звучание референта, на характерный запах референта» [Стернин 1979: 142].

Образ – результат чувственного познания действительности, в принципе это объект исследования психологии. Сугубо лингвистические методы выявления образа в значении слова представляются неполными: «Там, где вступает в свои права идеальное, содержательное, а не материальное, формальное, поиски объективных методов познания становятся особенно трудными. Последние десятилетия в развитии языкознания характеризуются усиленной разработкой и применением психолингвистических методов для описания лексико-семантической системы» [Левицкий, Стернин 1989: 4].

Образ в структуре значения может быть выявлен в ходе свободного ассоциативного эксперимента, где испытуемый в ответ на слово-стимул должен ответить как можно быстрее первым пришедшим на ум словом. Также информацию о чувственных образах даёт перцептивный эксперимент, сопровождающийся инструкцией: «Опишите всё, что вы видите, слышите, чувствуете в связи со словами экспериментального списка».

Обе экспериментальные методики могут быть востребованы при выявлении образного компонента значения слова, однако они преследуют различные цели. Свободный ассоциативный эксперимент обычно даёт большое количество ассоциаций, но не все из них являются образными. Однако именно при помощи данной методики можно выявить слова, кодирующиеся в сознании испытуемых конкретными чувственными образами (УПК Н.И. Жинкина, И.Н. Горелова). Если в перечне реакций на слово-стимул есть ассоциаты, фиксирующие чувственные образы, по всей вероятности, в структуре значения такого слова присутствует образный компонент.

Перцептивный эксперимент позволяет более детально исследовать чувственную составляющую лексического значения.

Таким образом, анализ словарных дефиниций и свободный ассоциативный эксперимент нацелены на выявление лексики с образным компонентом значения. Перцептивный эксперимент позволяет актуализировать образы, связанные в сознании испытуемых с такими словами, определить степень яркости чувственных представлений, их специфику.

При анализе словарных дефиниций и обсуждении результатов перцептивного эксперимента мы обнаружили, что сталкиваемся с общенаучной проблемой взаимодействия метода и предмета исследования. Та форма подачи информации о чувственных образах (текст словарных толкований и реакции испытуемых), с которой мы работаем, не только является источником знаний о перцептивной составляющей значения слов, но (!) и затрудняет изучение чувственного образа. Представления в сознании носителя языка индивидуальны, субъективны, следовательно, многообразны и мимолётны. «Выйти» непосредственно на представления исследователю не удаётся, мы имеем дело лишь с разными способами их объективации – текстовым (словарная статья) и объективацией в психолингвистическом эксперименте (реакции испытуемых). И эти формы объективации чувственных образов по-разному «затемняют» сами образы.

Так, при сопоставлении дефиниций различных толковых словарей русского языка выявлено, что семантическая структура одного и того же слова в словарях различных авторов (Евгеньевой, Кузнецова, Ожегова и Шведовой) может быть представлена по-разному (лексикографы выделяют разное количество значений слова и по-разному толкуют сами значения). В связи с этим, информация о чувственном образе, связанном с данным значением слова, может присутствовать в одном словаре, но отсутствовать в других.

Также на вероятность нахождения информации об образе в словарной дефиниции влияет индивидуальная манера толкования слов того или иного лексикографа. Например, в МАСе в качестве примеров, сопровождающих словарную дефиницию, взяты цитаты из художественных текстов, следовательно, дефиниции этого толкового словаря а priori будут содержать информации о чувственных образах больше, чем толкования других словарей (чаще всего информация о чувственном образе содержится именно в примерах, сопровождающих словарную дефиницию).

Подобные «искривления» картины чувственных образов в структуре значения слова встречаются и при анализе результатов эксперимента. Здесь чистоту эксперимента нарушает влияние конкретных условий его проведения (например, на словостимул «книга» некоторые испытуемые давали реакцию «учебник синего цвета лежит на столе». Эксперимент проводился в университетских аудиториях – такой и подобные образы обусловлены исключительно ситуацией проведения эксперимента, а это величина – переменная).

Кроме того, на характер полученных результатов влияет индивидуальная манера описания чувственных образов испытуемых. Есть испытуемые, склонные детально описывать свои представления, есть – отвечающие на вопросы экзаменатора максимально обобщённо, одним словом. Так, на слово «думать» некоторые испытуемые дают реакцию: «извилины головного мозга человека серого цвета с бороздками», а некоторые – «профессор». Является ли образ второго типа более схематичным, обобщённым или по степени конкретности это одинаковые представления, но во втором случае испытуемый не стал подробно описывать «картинку»?.

Однако описанные выше затруднения в выявлении чувственных образов в структуре значения слов вовсе не отрицают их присутствия в семантике исследуемой лексики.

Рассмотрим, как информация об образном компоненте значения слова может быть получена в ходе анализа словарной дефиниции и результатов психолингвистических экспериментов. В качестве материала исследования нами выбрано конкретное существительное *глаз* – одно из наиболее частотных в русском языке (по данным частотного словаря под редакцией Л.Н.Засориной).

Анализ словарной дефиниции

1. Орган зрения, а также само зрение. *Чёрные, карие, серые, голубые глаза.*
2. Присмотр, надзор. *За ним глаз да глаз.*
3. Дурной взгляд, сглаз. *Бояться сглазу.*
4. С точки зрения кого-нибудь, в чьём-нибудь понимании. *Россия глазами иностранцев.* [Ожегов, Шведова 1999: 131].

В словарной дефиниции конкретного существительного *глаз* присутствует информация о зрительных образах. Она содержится в примерах, сопутствующих толкованию первого значения слова.

Результаты свободного ассоциативного эксперимента

Глаз: алмаз 58, голубой 23, зелёный 17, зоркий, око 16, острый, 15, карий, очки 12, нос 11, синий 10. красивый 9, да глаз, зрени, меткий 8, большой 7, орлиный, ухо, чёрный 6, больной, верный, взгляд, видеть, за глаз, зрачок 5, выколоть, долой, наметанный, орла, стеклянный, человека, яблоко 4. бровь, веко, выбит, глас, красота, очи, слепой, смотреть, смотрит 3, ватерпас, всевидящий, выбить, выколю, вытек, два, дурной, душа, закрыт, злой, как алмаз, кривой, красный, круглый, левый, наметан, один, орган, открыт, положить, пыль, свет, серый, синяк, тигра, умный 2, аккомодация, бархатный, болит, большой и моргает, в небе, в раскос, вездесущий, видит, видит всё, вижу, внутренний мир, вон, врага, врач, выбили, выколотый, вырву, Глазов, говорящий, голубые, Гребенщиков, дайте мне, дать в глаз, домой, дурак, завязанный, заплаыл, засорился, злобный, зеркало, зрелище, зрячий, карие, класс, косметика, косой, которым видят, красивые, лаз, лиловые, линза, лицо, ловелас, любопытный, мерцает, моргает, навкате, на глаз, не алмаз, не видит, небо, недобрый, недремлющее, нет, огни, окно, оно, орган зрения, открылся, открытый, Павлика, паз, палочка, перчатки, пирамида, плакат, подбит, подбитый, подглядывать, покраснел, полуприкрылся, правый, прекрасное, прищуренный, птицы, пузо, раскосые, рассказ. Ресница, ресницы, ресничка, рефлекс, рыба, сглазить, сердце, сетчатка, символ, смотров, сова, совесть, сокол, соколиный, солнце, страх, твой, точный, трагедия, трупа, тьма, Фёдоров и офтальмология, хирурга, хитрый, хорошее зрение, цвет, циклон, человек, человеком, человеческий, чешется, широко, ярко горящий, ясный 1; 505. Отказы – 6 [Русский ассоциативный словарь 1994: 34].

Обсуждение результатов свободного ассоциативного эксперимента

В ходе свободного ассоциативного эксперимента получено 505 реакций. Ассоциации, которые могут быть квалифицированы как образные: 280 – 55,5% (голубой 23, карий 12, очки 12, ухо 6, пыль 2, синяк 2, большой и моргает 1 и т.д.).

Судя по данным свободного ассоциативного эксперимента, в структуре значения слова *глаз* отчетливо выделяется образный компонент.

Сложность интерпретации результатов свободного ассоциативного эксперимента заключается в том, что мы подчас затрудняемся ответить: можно ли расценивать те или иные реакции как образные. Так, например, ассоциат «алмаз» может быть расценен как зрительный образ, может – как актуализация поговорки «глаз – алмаз», в таком случае, вероятно, чувственного образа здесь нет. Подобные примеры целесообразно исключать из интерпретации.

Перцептивный эксперимент, где инструкция точно нацеливает испытуемых на образные реакции,

облегчает интерпретацию результатов эксперимента (если бы реакция «алмаз» встретилась бы в ответах испытуемых в ходе перцептивного эксперимента, мы бы однозначно отнесли её к зрительным чувственным образам).

Для более детального выявления и описания образного компонента значения данного слова нами был проведён перцептивный эксперимент. Участники эксперимента – студенты ВГУ (100 чел.). В ходе эксперимента испытуемым была предложена инструкция: «опишите всё, что вы видите, слышите, чувствуете в связи со словом глаз».

Результаты перцептивного эксперимента

Глаз: длинные ресницы 20, человеческий глаз 10, большой глаз, выразительный взгляд 8, зелёный глаз, голубой глаз, чёрный ресницы 7, чёрный зрачок 5, очки, блестящие глаза. Циклоп, веки 4, слёзы, карие глаза, широко раскрытые глаза, 3, круглый глаз, бровь, чёрный круг внутри цветного, обвальный глаз, кошка смотрит на мышшь, окулист, наша планета – вид из космоса 2, женский глаз, левый глаз, накрашенный глаз, красный глаз, три глаза, процесс восприятия чего-либо, весёлый взгляд, глубокий взгляд, книга, рисунок, глаза синей ручкой, свет вокруг земли, фингал, инвалид без глаза, окно, я крашу глаза, я смотрюсь в зеркало, красивая природа, лицо мужчины, ведьма, озеро – вокруг дерева 1; 100. Отказы – 0.

Обсуждение результатов перцептивного эксперимента

В ходе эксперимента получено 136 различных перцептивных признаков. Полученные признаки можно разбить на классификационные группы. По перцептивному основанию образы подразделяются на зрительные, слуховые, осязательные, обонятельные, вкусовые, болевые, температурные. По доминирующему содержанию – на статические и динамические. По степени ситуативности – на ситуативные и внеситуативные.

Среди перцептивных образов в эксперименте выявлены только зрительные (длинные ресницы, человеческий глаз и проч.).

Статические образы: 108 – 79% (книга, рисунок глаза синей ручкой и др.).

Динамические образы: 28 – 21% (я крашу глаза, я смотрюсь в зеркало и др.).

Ситуативные образы – отсутствуют.

Внеситуативные образы: 136 – 100%.

Чувственные образы испытуемых формируются как на основе их субъективного опыта («я крашу глаза»), так и на базе отражения реалий культуры («циклоп»), фантазии («свет вокруг земли»). В последних случаях мы имеем дело уже с вторичным отражением действительности, однако в любом случае содержательной доминантой чувственных образов является предметный мир, в ходе преобразования которого и формируются представления.

Интересен признак «озеро с прозрачной водой – вокруг дерева». Вероятно, в данном случае мы имеем дело с визуализацией метафоры «глаз, как озеро». Согласно концепции Дж. Миллера, Дж. Лакоффа, М. Джонсона, большинство метафор и сравнений имеют перцептивную основу.

Большая часть образных признаков соотносится с первым, прямым значением слова *глаз* (глаз как орган зрения, а также само зрение). Образ «ведьма», видимо, связан не с первым значением слова. Он соотносится со значением «дурной взгляд, сглаз». С образом в сознании носителей языка может связываться не только прямое значение слова, но и переносное.

В совокупности перцептивных признаков существительного *глаз* преобладают зрительные статические внеситуативные образы.

Как показывает проведенное исследование, данные, полученные в ходе экспериментов, имеют гораздо больше точек пересечения, нежели результаты эксперимента и информативность словарной дефиниции. Можно предположить, что при выявлении содержания образного компонента лексического значения выбор методики исследования играет не просто важную, а решающую роль и наиболее действенными в данном случае являются именно экспериментальные методики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баженов Л.В. Семиотика и некоторые аспекты проблемы языка и мышления / Л.В. Баженов, Б.В. Бирюков // Язык и мышление. – М.: Наука, 1967.
2. Левицкий В.В. Экспериментальные методы в семасиологии / В.В. Левицкий, И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1989.
3. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1999.
4. Солганик Г.Я. Значение слова и представление / Г.Я. Солганик // Семантика слова и синтаксической конструкции. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1987.
5. Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова И.А.Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1979.
6. Русский ассоциативный словарь. Кн. 1 / [под ред. Ю.Н. Караулова, Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова, И.В. Уфимцевой и др.]. – М, 1994.
7. Шмелёв Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д.Н.Шмелёв. – М., 1973.

Цзинь Тао (Москва)

Антропоцентризм и принцип целостного восприятия мира в концептуализации пространства китайским языковым сознанием

Самым существенным моментом в новой парадигме научного исследования в области лингвистики, и в частности изучения категоризации и концептуализации пространства языковыми знаками, на наш взгляд, представляется антропоцентризм. Проникновение антропоцентризма в лингвистику не является неким уникальным явлением: «интерес к человеку, как центру вселенной и человеческим потребностям, как определяющим разные типы человеческой деятельности, знаменует переориентацию, наблюдаемую во многих фундаментальных науках» [Кубрякова 1995: 212]. Если в таких областях науки, как физика, учет позиции наблюдателя-исследователя стал необходимым условием, то языковые материалы тем более нельзя рассматривать без анализа сопрягающих их чувственных, моторных и психофизиологических процессов в человеке.

Антропоцентрический подход к анализу концептуализации пространства в естественных языках позволяет дать логичное объяснение многим явлениям. Трудно не согласиться с тем, что «в той мере, в какой это касается естественного языка, мир без человека не имеет измерений – точнее, мир существует только в человеческом измерении, ибо точкой отсчета и мерой всего, в конечном итоге, является человек» [Кравченко 2004: 35]. Считается, что самой распространенной моделью, по которой строится ориентирование объектов в пространстве, является так называемая модель Human body part model [Борисова 2003: 31].

Однако следует уточнить, что язык – плод познания человеком мира и его взаимодействия с ним, и при этом очень важно понять, как человек самоопределяется по отношению к внешнему миру. Каждый язык, будучи хранилищем собственной культуры, не может не носить отпечаток мировоззрения или наивной философии конкретного языкового коллектива [Апресян 1986; Сорокин 2003; и др.].

Одна из основополагающих черт китайской философии заключается в том, что человек не рассматривает себя как субъект, который противопоставит всему остальному миру. Наоборот, «неодушевленные вещи, растение, животное вместе с человеком и его душой рассматриваются как тесно связанные между собой объекты, которыми управляет энергетическое начало космоса. Они являются формами проявления этого начала и могут переходить из одной формы существования в другую» [周振甫 Чжоу Чжэньфу 1992: 391].

Показательны в этом отношении и китайские мифы о происхождении мира, в которых человеческое тело уподобляется космосу. В китайской мифологии «Паньгу создает мир» говорится о том,

что туловище и конечности Паньгу превращаются в горы, его глаза – в солнце и луну, а волосы – в деревья и растения. Существует также обратное толкование строения человека: голова круглая – по аналогии с небом (в древности люди воспринимали небо как круглую крышу, прикрывающую квадратную землю); ступни квадратные – по аналогии с землей; нос и рот похожи на холмы и долины; плоть – на почву, движение крови – на течение рек по земле, дыхание – на движение ветра и облаков [臧克和 Цзан Кэхэ 1994: 25-26].

Такое мироощущение и самоопределение человека непременно находит воплощение в языке. С одной стороны, в китайском языке «очеловечивание» окружающего мира происходит не только в метафорическом переносе лексических значений «от человека к природе», но и на базисном уровне – при формировании грамматических значений; с другой стороны, наблюдается стремление придания вещевой формы тем явлениям, которые присущи только человеку. Речь, в первую очередь, идет об эмоциональных переживаниях человека. Рассмотрим эти явления чуть подробнее.

1. Перенос ощущения «владения» собственной области пространства и относительная локализация пространства.

Многие ученые, изучающие проблематику пространства в языке, цитируют идеи В.Н. Топорова о противоположности двух пониманий пространства – по Ньютону и по Лейбницу. В первом случае пространство – «нечто первичное, самодостаточное, не зависимое от материи и не определяемое материальными объектами...». Во втором случае пространство – «нечто относительное, зависящее от находящихся в нем объектов, определяемое порядком сосуществования вещей...» [Топоров 1983: 228]. Главная противоположность этих двух пониманий пространства заключается в отвлеченности пространства от человека, если опираться на Ньютона, и непременно присутствии человека в пространстве, если опираться на Лейбница [Яковлева 1994; Кравченко 2004]. Нет ничего спорного в том, что язык отражает не саму суть пространства, а лишь человеческое ощущение и понимание пространства. Но нам представляются слишком категоричными выводы о том, что пространство «всегда заполнено и всегда вечно; вне вещей оно не существует» [Топоров 1983: 340], и о том, что «лейбницевское пространство относится к области человеческих представлений о мире ... пространство не является простымместилищем объектов» [Яковлева 1994: 18]. На наш взгляд, физик и математик предлагают разные толкования взаимосвязи пространства с объектами.

Развитие современной науки демонстрирует и некоторое ее сближение с «наивной философией» мира, которая лежит в основе естественных языков. В любом случае понимание и определение «пространства» в философии и современной науке появилось намного позже, чем в реальных языках отразилось то или иное понимание пространства. «Постулаты наивной философии», лежащие в основе языкового отражения пространства, с одной стороны, настолько естественны, что для носителей языка вряд ли нужно прибегать к какой бы то ни было модели для их понимания, а с другой стороны, они носят гораздо более сложный характер, нежели идеально взятая из определенной области науки идеализированная модель. Ведь язык фиксирует развитие движения человеческого осознания себя и мира, и ему не чужды ни чувственные элементы, ни самая различная абстракция. С этой точки зрения нам представляется убедительнее позиция Е.С. Кубряковой, зафиксированная в её риторическом вопросе: «Не следует ли нам как лингвистам задаться вопросом о том, как шло реальное развитие понятия пространства и какие первичные концепты позволили человеку перейти ко все более сложным гипотезам о строении пространства?» [Кубрякова 2000: 87].

Как пишет А.Я. Гуревич, «пространство в средние века понималось особым образом – об этом свидетельствует и то, что такого понятия, собственно, и не существовало: spatium имело другой смысл – протяженность, «промежуток», locus же означало место, занимаемое определенным телом, а не абстрактное пространство вообще» [Гуревич, 1972: 19]. Анализируя языковое выражение пространства в европейских языках, М. Хайдеггер высказывает мнение, что в слове «пространство» репрезентировано простираение, т.е. нечто простое, свободное от преград [Хайдеггер 1993: 313].

В этом контексте интересно рассмотреть слово «пространство» в его китайском варианте «空间 кун¹цзянь¹». Первый иероглиф означает «пустой, пустота», второй – «промежуток». Сегодня это вполне абстрактное слово, тем не менее, сама его «форма» все же подсказывает первоначальное, естественное восприятие человеком пространства: это промежуток между небом и землей, насколько может охватить наш взгляд, и этот промежуток не ощутим, т.е. не представляет какого-либо препятствия для передвижения человека и всех животных, т.е. он пустой. В этой пустоте свободно помещается все. Что-то может появляться, что-то исчезать, но промежуток остается неизменным. Насколько мы можем судить, ньютоновское пространство как раз очень близко к такому восприятию, но с одним очень важным отличием: ньютоновское пространство абсолютно, бесконечно, а концептуализация пространства в языке указывает на его «относительность» и «ограниченность». «Поле зрения» современного человека в умозрительном плане вышло далеко за пределы небосклона и горизонта, и «бесконечность» сегодня входит в семантическое

содержания самого слова «пространство». Однако в реальной жизни для деятельности человека самым существенным по-прежнему остается определение конкретного участка пространства: «Наше восприятие пространства, осознание пространства и представление о пространстве с необходимостью включают в себя некоторые пределы... Само понятие бесконечности является лишь умозрительным конструктом, и в его основе лежит не положительный признак, а его отрицание, снятие естественно заданного признака, признака конечности... Конец и предел являются необходимой психологической опорой для восприятия любой данности» [Лебедева 2000: 93].

Из рассмотрения представленных точек зрения следует, что основа концептуализации пространства в языке определяется присущими восприятию человека конечностью и предельностью. Пространство репрезентируется в языке в виде его отдельных участков, имеющих свой объем и границы. Локализация пространства происходит в языке разными способами, наиболее важным среди них – локализация пространства с помощью системы ориентации.

Антропоцентрическое восприятие пространства опирается на то, что человеческое тело является первоначальной основой ориентации. Большинство координат системы ориентации порождается при четкой фиксации естественного положения человека: стоящего на земле, с устремленным вперед взором. По мнению М. Мерло-Понти, в основе приобретения человеком пространственного опыта лежит изначальная «закрепленность» его в пространстве – «исходная» пространственность [Мерло-Понти 1999: 326]. Отсюда мы можем предположить, что самым естественным ориентиром в начале формирования пространственного восприятия для человека является его собственное тело, находящееся в обычном для него вертикальном положении. Многие исследователи сегодня придерживаются мнения о том, что понятия «перед–зад», «право–лево», «верх–низ» носят ярко выраженный антропоморфный характер [Ли Тоан Тханг 1993]. Трудно было бы представить себе эти понятия, если бы тело у человека имело другое физиологическое строение.

Как известно, в русском языке, как и во многих других европейских языках, координаты системы ориентации фиксируются предлогами, которые в сущности, отражают не сами координаты, а относительное пространственное отношение между предметами, между предметами (ориентирами) и областями пространства.

Именные координаты в китайском языке, в отличие от европейских языков, не основаны на сравнении положений объектов в пространстве и классификации возможных вариантов положений одного объекта (одних объектов) по отношению к другому (другим). Как правило, они имеют гораздо более конкретное происхождение: сами они означали определенную область пространства. В современном языке не все координаты могут самостоятельно обозначать «место», т.е. относительно ориентира

эти координаты указывают лишь некую направленность, но не на концепт «место». Концепт «место» добавляется с помощью элементов 边(бянь¹ край), 面(мянь⁴ плоскость, сторона), 方(фан¹ сторона). Три элемента различаются расстояниями между ориентиром до границы его окрестности: 边бянь¹ указывает на самую близкую к телу зону, 面мянь⁴ – на приближенную зону, а 方 фан¹ – на далекую зону.

В работе по исследованию китайского языка эти именные координаты часто по аналогии с их «эквивалентами» в европейских языках называются «последелогамии», поскольку в языковых единицах они следуют за словами, обозначающими объекты-ориентиры. На наш взгляд, позиция именных координат в китайском языке не является случайной, она вполне логична и отражает иной подход к организации и упорядочиванию пространства.

При относительной локализации в китайском языке в языковых единицах объект-ориентир занимает начальную позицию, а координатные измерения – последнюю. Такой порядок полностью совпадает с порядком слов при выражении притяжательного отношения. Более того, между словом, обозначающим объект-ориентир, и словом или словосочетанием, обозначающим координатные измерения, допускается вставление «的 дэ⁰» – служебного слова для обозначения притяжательности.

Сугубо грамматическое явление – порядок слов в языковых единицах – при относительной локализации не является случайным. Как отмечалось выше, для формирования пространственного восприятия естественным, и потому, вероятно, и первичным, ориентиром является собственное тело человека. Человек может сознавать некое пространство вокруг себя как нечто свое: «...человек с момента своего самосознания, т.е. выделения из природы, стремится установить границы и обезопасить себя внутри некоторого замкнутого пространства. С этим связано введение рамки как средства сегментирования пространства» [Цивьян 1973: 245]. Вторжение в этот участок пространства может представлять опасность, или, наоборот, необходимо приближение к этому участку других объектов или вхождение их в этот участок для осуществления деятельности. Очень важно, что личная окрестность человека должна быть достигаема и контролируема человеком.

Очевидно, восприятие личной окрестности и порождающее на основе такого восприятия ощущение «владения» далее переносится человеком от «себя» на другие объекты, и это «очеловечивание» становится основой объективизации и локализации пространства в китайском языковом сознании – ориентир организует пространство вокруг себя, и эта окрестность «принадлежит» объекту-ориентир. Таким образом, бесконечное пространство конкретизируется в участках, имеющих своего «хозяина» в виде объекта-ориентира.

2. Перенос ощущения «достигаемости» личного пространства и принцип «сопоставимости» между размером окрестности и масштабностью ориентира.

В принципе любой объект может мыслиться как ориентир, организующий вокруг себя некое пространство. Существуют достаточно очевидные языковые факты, которые указывают на принцип сопоставимости в относительной локализации. Скажем, выражения «на севере от стола» или «слева от Китая» вряд ли правомерны в любом языке. Однако если посмотреть материалы на русском языке, то мы часто не наблюдаем «избирательности» координат в зависимости от размера или масштаба самого размера. Скажем, предлог «рядом» может быть применен при локализации области пространства относительно как к предмету, чей размер сопоставим с человека (*рядом со столом*), так и к гораздо более масштабным объектам (*рядом с Москвой*). В китайском языке принцип сопоставимости между масштабностью окрестности и размером ориентира выполняется более строго.

В начале мы проанализируем один интересный способ формирования понятия «место» в китайском языке с помощью слов 这儿 чжэ⁴эр⁰ «это место, здесь» и 那儿 на⁴эр⁰ «то место, там». За словами 这儿 чжэ⁴эр⁰ «здесь» и 那儿 на⁴эр⁰ «там» закрепляется представление об области среды и пространства, объем и границы которых в определенной степени умозрительны. Вместе с 这儿 чжэ⁴эр⁰ и 那儿 на⁴эр⁰ существуют еще и равноценные выражения – 这里 чжэ⁴ли³ (буквально: этот + внутреннее = это место) и 那里 на⁴ли³ (буквально: тот + внутреннее = то место). Применение понятия 里 ли³ (внутреннее) еще раз подтверждает, что в пространственном восприятии человека у окрестности вокруг ориентира существует некий рубеж. Окрестность, собственно, и является частью пространства внутри этого рубежа.

В китайском языке эти слова могут свободно присоединиться к словам или словосочетаниям, в чью семантику включено понятие «человек»: это могут быть личные местоимения, собственные имена людей и слова, обозначающие профессии или должности, также и некоторые обращения к людям. Поскольку «человек» при этом является ориентиром, то в реальных актах коммуникации обычно указывается конкретный человек или конкретные люди. Слова 这儿 чжэ⁴эр⁰ «здесь» и 那儿 на⁴эр⁰ «там» с концептом «место» снова занимают последнюю позицию в новой единице, что указывает на восприятие «окрестности» вокруг кого-то как «принадлежащей» к нему части пространства. Например:

а) 我这儿 во³ чжэ⁴эр⁰ буквально: я + здесь;

б) 我们那儿 во³ мэнь⁰ на⁴эр⁰ буквально: мы + там;

в) 王老师那儿 ван² лао³ ши¹ на⁴эр⁰ буквально:

Ван (фамилия) учитель + там;

г) 主任那儿 чжу³ жэнь⁴ на⁴эр⁰ буквально:

начальник + там.

Объем и границы личной окрестности, оформленной этим способом, разнообразны: от частей тела человека, места его нахождения, постоянного

проживания или рабочего места до населенных пунктов и даже регионов или страны в целом. Однако существует явная связь и зависимость между «размером» ориентира – один человек или группа – и возможным «объемом» личной окрестности. В первом примере «我这儿^{во³чжэ⁴эр⁰}» минимальная по объему окрестность указывает на место «в руках» или «в кармане» ориентира «я» – 我这儿有两张票^{во³чжэ⁴эр⁰ ю³ лян³чжан¹пяо⁴} (буквально: я + здесь + есть + два билета). Максимальная по объему окрестность указывает на место проживания или место работы ориентира: 我这儿有客人^{во³чжэ⁴эр⁰ ю³ кэ⁴жэнь⁰} (буквально: я + здесь + есть + гость). Во втором примере «我们那儿^{во³мэнь⁰на⁴эр⁰}» указывает на место нахождения, проживания или место работы ориентира «мы», но может указывать и на населенный пункт, и на какой-то регион, а если речь адресована иностранцам, то слово «мы» представляет нацию: личная окрестность – это страна, где проживает нация.

Наш анализ показывает, что «размер» организованной ориентиром окрестности зависит от «масштабности» данного ориентира. Иными словами, диапазон координатного измерения тоже должен быть согласован с собственным «размером» ориентира.

Как отмечилось выше, ощущение у человека личной области пространства лежит в основе локализации пространства с помощью системы ориентации. Основополагающими элементами для осознания личной области пространства являются то, что она достигаема и находится под контролем человека. Увеличение количества людей в качестве ориентира (см. выше от «я» до «мы») приводит к увеличению масштаба контролируемой этим ориентиром окрестности. Очевидно, при переносе ощущения «владения» собственной области пространства на иные ориентиры-объекты автоматически переносятся и ощущение «достижимости» данной области – чем больше размер самого ориентира, тем масштабнее «принадлежащей» ему окрестности.

Такой вывод хорошо согласуется с языковыми материалами. Для применения координат «восток, запад, север, юг» существует минимальное требование к ориентиру-объекту: он должен занимать «достаточную» площадь на земле. Координаты 左^{цзоу³} – 右^{ю⁴} (лево–право), 前^{цянь²} – 后^{хоу⁴} (перед–зад), 上^{шан⁴} – 下^{ся⁴} (верх–низ) чаще применяются к объектам-ориентирам, которые по размеру сопоставимы с телом человека, или, точнее, эти ориентиры поддаются визуальному восприятию человека.

Не всегда мы можем четко установить точные границы окрестности конкретного ориентира-объекта, хотя бесспорно, его существование мы ощущаем и осознаем. Показательно, что в китайском языке ощущения емкости окрестности все же фиксируются языковыми средствами.

Координаты «перед–зад», «право–лево», «верх–низ» не могут прямо использоваться для обозначения

зон личной окрестности человека, т.е. относительно ориентира эти координаты указывают лишь некую направленность, но не на концепт «место». Концепт «место» добавляется с помощью элементов 边^(бянь¹ край), 面^(мянь⁴ плоскость, сторона), 方^(фан¹ сторона). Три элемента различаются расстояниями между ориентиром до границы его окрестности: 边^{бянь¹} указывает на самую близкую к телу зону, 面^{мянь⁴} – на приближенную зону, а 方^{фан¹} – на далекую зону. Различие между близкой и приближенной зонами довольно размыто, только координаты 左^{цзоу³}–右^{ю⁴} более чувствительны к таким различиям и чаще употребляются с 边^{бянь¹}. Для остальных координат 前^{цянь²}–后^{хоу⁴} 上^{шан⁴}–下^{ся⁴} относительно человека различие между самой близкой зоной и приближенной зоной четко не фиксируется. Другое дело с элементом 方^{фан¹}, который указывает не только на удаленность зоны от ориентира, но и на некую открытость горизонта, т.е. выходит за поле зрения человека и входит в область невидимого, но реально существующего пространства. Невозможность его употребления по отношению к координатам 左^{цзоу³}–右^{ю⁴} (лево–право) демонстрирует именно внутреннее противоречие: сами координаты подразумевают, что зона должна быть достигаема и контролируема человеком, а элемент 方^{фан¹} указывает на открытость отдаленной зоны. В принципе координаты 前^{цянь²}–后^{хоу⁴}, 上^{шан⁴}–下^{ся⁴} могут сочетаться с 方^{фан¹}, однако без особого контекста личная окрестность одного человека обычно не может включать удаленную зону, на которую указывает «方^{фан¹}». Более того, словосочетание 后^{хоу⁴}方^{фан¹} обозначает «тыл», что не имеет отношения к личной окрестности человека.

Координаты, имеющие геоцентрическое происхождение, сочетаются со всеми тремя элементами с концептом места. Как мы уже отмечали, для применения координат «восток, запад, север, юг» существует минимальное требование к ориентиру-объекту – он должен занимать «достаточную» площадь на земле. Существует в восприятии этих ориентиров достаточно четкая шкала градуирования по степени «обширности» занимаемой площади. В целом выделяются три уровня.

Объекты-ориентиры малого масштаба. Имеем в виду те объекты, которые могут быть непосредственно «охвачены» визуальным восприятием человека. В основном эти объекты представляются собой отдельные здания: дом, магазин, почта и т.п. Координаты при сочетании с 边^{бянь¹} и 面^{мянь⁴} указывают только на близкую и приближенную зону окрестности ориентира, а элемент «方^{фан¹}» в этом случае не используется.

Объекты-ориентиры среднего масштаба. Площадь, или территория, занимаемая этими объектами (например, населенный пункт, большой строительный объект), шире «зрительного поля» человека.

Наблюдается смешанная функция локализации координатами зон окрестности ориентира. Эти координаты или их сочетания с 边бянь¹ и 面мянь⁴ могут указывать и на близкую (приближенную) зону окрестности ориентира, и на разделенные по геоцентрическому принципу части территории этого ориентира. Двусмысленность устраняется в контексте, но элемент «方фан¹» не используется.

Объекты-ориентиры сверх масштаба. Речь идет об объектах, имеющих обширную территорию. Координаты «восток, запад, север, юг» в сочетании с 边бянь¹ и 面мянь⁴ не используются по отношению к этим объектам. Сочетание с «方фан¹» фактически не относится к окрестности объекта-ориентира, а обозначает его части: 北方бэй³фан¹ (северная сторона – имеется в виду северный регион страны); 南方нань²фан¹ (южная сторона – имеется в виду южный регион страны) или имеет иное специфическое значение: 东方дун¹фан¹ восточная сторона – имеется в виду Восток с его культурой в противопоставлении с 西方си¹фан¹ Западом.

Очевидно, что для такого рода объектов-ориентиров не действует принцип формирования окрестности, в основе которого лежит ощущение личной области пространства у человека с ее «достигаемостью» и «обозримостью». В этих случаях для обозначения части территории используется комбинация координат «восток, запад, север, юг» с «部бу⁴ часть». При локализации прилегающей территории от ориентира используется иероглиф «以и³», который означает «от некой границы» – ориентир при этом абстрагируется как некая граница, от которой с помощью координатных измерений «восток–запад», «север–юг» обрисовывается обширная территория.

Таким образом, реализация антропоцентрического подхода к структурированию физического пространства в китайском языковом сознании отражается не только в том, что осознание человеком собственной исходной «пространственности» порождает систему ориентации, но и в том, что модель восприятия личной области пространства, в центре которой стоит человек, в целостном виде перемещается и на другие объекты. Иными словами, в сознании происходит перемещение иного объекта на место собственного «я».

3. Придание вещевой формы эмоциональным переживаниям.

Способность у человека перемещения модели восприятия просматривается не только в пространственном восприятии конкретных предметов или объектов, которые реально имеют определенную форму существования в материальном мире. Весьма красноречивым доказательством такой способности служит восприятие абстрактных объектов, которые не имеют в материальном мире видимой формы существования. Речь идет о том, что в китайском языке с помощью счетных слов вырисовывается «некая вещь» ощущений и переживаний, кото-

рые испытывает человек при воздействии внешних факторов. Иными словами, абстрактные объекты, не имеющие видимой формы существования в материальном мире, в языковой репрезентации обладают «формой» и «способностью» заполнять определенный участок пространства.

К таким абстрактным объектам в основном относятся природные пейзажи, панорама времен года или времен суток, атмосфера, настроение. «Все эти объекты существуют в момент, когда их воспринимает или переживает человек, и не являются реальными предметами. Употребление двух счетных слов – 片пянь⁴ и 派пай⁴ – к этим объектам не передает информацию об их количестве, перед счетным словом возможна только цифра один. Значение счетных слов теряет конкретность и становится абстрактным» [齐沪扬 Ци Ху'ян 1999: 51].

Рассмотрим переплетение линий абстракции и конкретизации на примерах.

Слово 片пянь⁴ представляет такие пространственные характеристики, как плоские и тонкие:

一片树叶 и²пянь⁴ шу⁴е⁴ буквально: один лист листвы дерева;

一片面包 и²пянь⁴ мянь⁴бао¹ – один ломтик хлеба.

Числительными при сочетании с конкретными предметами, естественно, могут быть любые числа. Хотя и в этих случаях, как мы уже отмечали, счетное слово вырисовывает пространственную характеристику предмета и имеет отношение не к количеству, а скорее к качеству предмета.

Первая ступень абстракции значения слова 片 просматривается в его сочетаниях со словами, которые могут быть восприняты как обширный плоский участок:

一片平原 и²пянь⁴ пин²юань² буквально – один 片 равнина;

一片大海 и²пянь⁴ да⁴хай³ буквально – один 片 море.

Естественно, при использовании этого счетного слова речь идет не о равнине или море как географических образованиях на земле, а о вполне конкретном участке, который простирается перед взором человека. При этом может быть использовано лишь числительное «один». Причина не в том, что обширные плоские участки земли нельзя считать, а в том, что счетное слово 片пянь⁴ передает «охват» взором человека всей обширности этого участка. Дальнейшая абстракция значения этого слова во многом опирается на переход от ощущения «охвата» зрительным восприятием чего-то на «охват» самого человека какими-то ощущениями:

一片秋色 и²пянь⁴ цю¹сэ⁴ буквально: один 片 осень цвет;

一片寂静 и²пянь⁴ цзи⁴цзин⁴ буквально: один 片 тишина;

一片繁荣 и²пянь⁴ фань²жун² буквально: один 片 процветание.

Восприятие природных пейзажей, панорам времен года или времен суток в основном опирается на

зрение человека. «Картина» природы, которая простирается перед нашими глазами, схватывается нашим взором и потому воспринимается как что-то реальное, заполняющее все наше поле зрения. В то же время эти «картины» обладают и психологическим воздействием – вызывают печаль, умиротворение и другие ощущения. Человек физически ощущает, что чувства, вызванные зрительным восприятием, могут «заполнять» его. И благодаря этому в сознании человека эти «картины» обладают некоей вещностью и соответственно могут заполнять и определенный участок в пространстве.

Итак, мы видим, что существует реальное пространственное восприятие абстрактных объектов, не имеющих видимой формы существования в материальном мире. И возникновение такого пространственного восприятия опирается на «переключение»

потока ощущений человека. От ощущения «охвата» взором чего-то возникает ощущение «заполнения» этим «чем-то» нашего поля зрения, от ощущения «заполнения» собственно себя какими-то переживаниями возникает и ощущение «заполнения» пространственного участка тем, чем были вызваны эти переживания.

В заключение хотелось бы отметить, что целостное восприятие мира никак не противоречит антропоцентрическому подходу к познанию мира. На самом деле, перемещение и переключение потоков собственных ощущений на «остальное» свидетельствует о том, что человек при конструировании мира языком склонен опираться именно на те модели, которые непосредственно даны его чувствованию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. М.; 1986. Вып.28.
2. Борисова С. А. Пространство – Человек – Текст. Ульяновск УлГУ, 2003.
3. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.
4. Кравченко А.В. Язык и восприятие. Когнитивные аспекты языковой категоризации. 2-е исправл. изд. Иркутск Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2004.
5. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века // Язык и наука конца 20 века / под ред. Ю.С. Степанова. М. Изд-во. РГГУ, 1995.
6. Кубрякова Е.С. О понятиях места, предмета и пространства // Лог. анализ языка. Языки пространств /отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. М. Языки русской культуры, 2000.
7. Лебедева Л.Б. Семантика «ограничивающих» слов // Логический анализ языка. Языки пространств /отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б., Левонтина. М. Языки русской культуры, 2000.
8. Ли Тоан Тханг. Пространственная модель мира когниция, культура, этнопсихология на материале вьетнамского и русского языков. М., 1993.
9. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: Ювента, Наука, 1999.
10. Сорокин Ю.А. Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. М. Гнозис, 2003.
11. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст семантика и структура. М., 1983.
12. Цивьян Т.В. О некоторых способах отражения в языке оппозиции внутренней/внешней // Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. М., 1973.
13. Хайдеггер М. Время и бытие Статьи и выступления / Пер. с нем.. М. Республика, 1993.
14. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира модели пространства, времени и восприятия. М., 1994.
15. 周振甫 谈艺录读本, 上海教育出版社, 1992, 391-404 页 (Чжоу Чжэньфу. Запись разговоров об искусстве. Шанхай, изд-во Образование, 1992. С. 391-404).
16. 臧克和 说文解字的文化说解, 湖北人民出版社, 1994, 23-26 页 (Цзан Кэхэ. Культурологические толкования Шовэнь. Хубэй, изд-во. Народ, 1994. С. 23-26).
17. 齐沪扬 现代汉语空间问题研究, 学林出版社, 1999, 第51页 (Ци Ху'ян. Исследование проблематики пространства в современном китайском языке. Изд-во. Сюелинь, 1999. С. 51).

Психолингвистика и концептология

И.А. Калюжная (Волгоград)

Этносоциолингвистические характеристики концепта «детство» в русском и немецком языках (на материале анкетных данных)

Одним из достаточно надежных инструментов исследования языковой картины мира является, как известно, ассоциативный эксперимент. Лингвокультурологи и психолингвисты отводят особую роль ассоциативному эксперименту как одному из важнейших исследовательских методов. Так, Ю.Н. Караулов полагает, что в вербально-ассоциативных сетях запечатлены особенности менталитета и национального характера, отражено ментально-эмоциональное состояние среднего носителя языка [Караулов 2002: 775]. В лингвокультурологии использование данного метода позволяет изучать актуальное содержание концепта и его интерпретативное поле.

В данном исследовании реакция респондентов позволяет выявить специфику отношения к детству немцев и русских. Кроме того, анализ ответов респондентов позволяет выделить нормы поведения по отношению к детям, сложившиеся в определенном социуме. Нас интересовали, в частности, следующие вопросы: сколько длится детство, как оценивают респонденты собственное детство, с чем оно ассоциируется; каковы ценностные ориентации общества в вопросах воспитания.

Ассоциативный эксперимент проводился в письменной форме. Нами была составлена анкета (11 вопросов), выявляющая ценностные установки немецкого и русского социумов в отношении к феномену детства в целом, и к детям в частности. Цель анкетирования заключалась в выявлении возможной этнокультурной специфики ценностных ориентаций в понимании детства представителями русской и немецкой лингвокультурных общностей.

Участниками эксперимента были немецкие студенты (г. Кассель, ФРГ), представители интеллигенции (г. Берлин), русские студенты, магистранты и преподаватели Волгоградского государственного педагогического университета.

Возрастные категории опрошенных (50 немцев и 50 русских) представлены следующим образом: русские – от 17 до 25 лет – 31% (группа А), от 25 до 45 лет – 52% (группа В), старше 45 лет – 17% (группа С); немцы: от 17 до 25 лет – 33% (группа А), от 25 до 45 лет – 38% (группа В), старше 45 лет – 29% (группа С). Социальный статус русских респондентов – 12 студентов, 38 представителей интеллигенции и соответственно немецких – 12 студентов, 38 представителей интеллигенции.

В первом пункте нашей анкеты мы просили указать личную информацию о респондентах: пол, возраст, а также наличие или отсутствие собственных детей. Второй вопрос анкеты касался определения временных рамок детства в немецкой и русской лингвокультурах – Когда начинается и заканчивается детство? *Wie lange dauert die Kindheit? (Сколько длится детство?)*. На данный вопрос русские респонденты всех возрастных групп указали, что детство длится до 12 лет – 85% опрошенных, до 13 – 14 лет – 9% опрошенных, до 16 – 18 лет – примерно 6%. Среди немецких респондентов 11% назвали возраст вступления во взрослую жизнь 13 лет, 45% – 14 лет, 40% – 15 лет, (4% – другое). Таким образом, немцы определяют более продолжительные временные рамки для детства как возрастного периода. Детство в сознании немецких респондентов длится дольше.

На вопрос «Как часто Вы вспоминаете свое детство?» были даны следующие ответы: 80% носителей русских вспоминают собственное детство часто; среди немцев этот показатель составляет 70%. Более молодые респонденты (группы А, В) вспоминают детство чаще (85% среди русских, 72% среди немцев); с возрастом детство вспоминается реже. 78% русских респондентов группы С (старше 45 лет) ответили, что вспоминают собственное детство редко, среди немцев (группа С) этот показатель аналогичен – 80%.

В анкете мы просили информантов дать оценку собственного детства (положительную или отрицательную). Среди немецких респондентов более значителен процент тех, кто оценивает собственное детство негативно – 6%, среди русскоязычных – 2%. Это связано, как правило, с социальными причинами, внутрисемейными отношениями, детскими обидами: *schlechte Zensuren in der Schule, Prügelei (плохие оценки в школе, физическая расправа)*. Русские респонденты, оценивающие собственное детство негативно, называют схожие причины: *бесконечные унижения в школе, страх перед плохими оценками, проблемы с одноклассниками*.

Одной из основных целей нашего эксперимента являлось выявление ассоциаций (как положительных, так и отрицательных), связанных с детством у русских и немецких респондентов. Русские информанты всех возрастных групп ассоциативно связывают детство с положительными моментами своей

жизни: *играми, поездками к бабушке, с друзьями*. У 78% из них оно связано с положительными эмоциями – радостью, чувством любви и счастья. У старшей возрастной категории респондентов (35% группы С) в определении детства указаны признаки *тяжелое, трудное, голодное, послевоенное детство*; тем не менее, собственное детство оценивается ими как *самое лучшее, счастливое, время ожидания чуда*. Молодые респонденты (группа А) ассоциируют собственное детство с *игрушками и играми* (22%), *детским садом* (32%), *праздниками* (*Новый Год, день рождения*) (18%), *семья (мама, отец, родители, братья-сестры, бабушка)* (15%), *другое (синяки, вспоминая себя)* (4%). Более старшая возрастная группа (от 25 до 45 лет) ассоциирует детство преимущественно с *поездками к бабушке* (35%), *с семьей (мама, бабушка)* (20%), *Новым годом (запах мандарин, подарки)* (12%). Необходимо отметить, что респонденты приводили несколько ассоциаций, связанных с собственным детством. Русские участники анкетирования всех возрастных групп и независимо от пола ассоциативно связывают детство преимущественно с *беззаботностью* (75%), проводя, таким образом, условную грань между взрослой жизнью, полной забот, и беззаботным детством. Немцы ассоциируют детство, прежде всего, с такой характеристикой, как *защищенность (wohlbehütet – полностью защищен, в безопасности; Geborgenheit – защищенность)* – 58% опрошенных.

Немецкие респонденты старшей возрастной группы (группы В, С) приводят следующие ассоциации, связанные с собственным детством: *семья (Familie, Mutter, Vater, Geschwister, Großeltern – семья, мама, отец, братья и сестры, бабушки и дедушки)* (40%), *школа (die Schule)* (25%), *социальные перспективы (alles war möglich – все было возможно)* (11%). На эмоциональном уровне детство у немцев ассоциируется, прежде всего, с любовью (*Liebe*) и радостью (*Freude*). Молодые немцы (группа А) назвали следующие ассоциативные характеристики детства – *Spiel (игра)* (40%), *Spaß (удовольствие, радость)* (25%), *Freiheit (свобода)* (12%), *другое (Schnee, Wasser – снег, вода)*.

Для выявления этнокультурной специфики отношения к детям как субъектам и объектам социальных отношений в немецком и русском социумах респондентам предлагалось назвать качества и характеристики, присущие современным детям. Как универсальные для немецких и русских детей были названы следующие качества: дети любят играть, игривость (*spielen gern – охотно играют*), наивность и открытость (*Offenheit*), честность и прямота (*не лицемеры, ehrlich, direkt*), любопытство (*Neugierde, spielerische Neugier*). В качестве этноспецифичных для русского сознания можно отметить следующие признаки, характеризующие детей: *доброта* (45%), *искренность* (31%), *совестливость* (11%), *бескорыстность* (4%). Для немецкого сознания более релевантными являются следующие признаки: *Offenheit für Neues (открытость для всего нового)* (28%), *Lebenslust (жажда жизни, жизнелю-*

бие) (18%), *lernbegierig, wissbegierig (любопытные, желающие учиться)* (30%). Кроме того, называются следующие качества, присущие детям в современном немецком обществе: *subjektive Einschätzungen (дающие субъективные оценки), träumerisch (мечтательные), temperamentvoll (темпераментные, активные), spontan (стихийные, спонтанные)*.

Сходными являются ценностные ориентации, связанные с оценкой современных детей. Представители обеих лингвокультур сходятся во мнении, что раньше дети были лучше (так считают 86% русских и 74% немецких информантов). По мнению немцев, раньше дети были: *besser erzogen, zugeneigter, gesunder, einfacher, teamfähiger (лучше воспитаны, более доброжелательные, здоровее, проще, способные работать в команде)*. Русские информанты считают, что раньше дети были: *более застенчивыми и скромными, уважительными к взрослым, дружелюбнее, более похожи на детей*. И немцы, и русские критически оценивают современных детей: *Heutige Kinder sind verwöhnt (избалованные)* (46%), *frecher (более наглые)* (28%), *respektlos (неуважительные)* (12%), *egoistisch (эгоистичные)* (12%). *Heutige Kinder sind durch ihre Umwelt mehr geprägt. Heutige Kinder sind von Moden und Trends beeinflusst (Современные дети в большей степени зависят от окружения. Современные дети находятся под влиянием моды и модных тенденций)*.

Среди русских ответов частотными оказались: *Современные дети капризные и избалованные* (32%), *жестокое и агрессивные* (28%), *другое (развязанные, знают, что хотят; другие)*. Среди положительных оценок немцев и русских отмечаются следующие – *Heutige Kinder sind technisch begabter (Современные дети лучше разбираются в технических вопросах); современные дети разбираются во всем*.

Интересно заметить, что немецкие и русские респонденты старше 45 лет проявляют большую толерантность в оценке современных детей, чем молодые участники опроса (группы А и В): *Современные дети очень хорошие и умные; Heutige Kinder sind informiert, weiter entwickelt (Современные дети информированы, более развиты); Heutige Kinder sind wie früher (Дети сегодня такие же, как и раньше)*. 58% русских и 44% немцев указали, что современные дети *слишком рано взрослеют (schnell erwachsen)*. Современные дети, по мнению русских, должны *иметь семью, любящих родителей, чтобы о них заботились*. Для немецкого сознания более релевантна мысль о том, что современные дети должны *lernen (учиться), zu Toleranz erzogen werden (быть более терпимыми), mit Regeln und Liebe aufwachsen (расти в любви и воспитываться по правилам), eine Zukunft haben (иметь будущее)*.

В ходе анкетирования мы ставили своей задачей изучение психологических характеристик детства. Для этого мы просили информантов описать, что, по их мнению, означает выражение *«вести себя по-детски» (sich kindisch (wie ein Kind) benehmen)*. Анализ анкет показал, что выражение *«вести себя*

по-детски» русскими информантами интерпретируется амбивалентно – как положительно (28%), так отрицательно (62%). Молодые информанты (группы А, В) отмечают прежде всего эмоциональное состояние – «вести себя по-детски» означает смеяться, радоваться, смотреть на мир широко раскрытыми глазами. Для информантов более старшего возраста «вести себя, как ребенок» означает, в первую очередь, безрассудно, необдуманно. Немецкие информанты интерпретировали суждение „*sich kindisch (wie ein Kind) benehmen*“ следующим образом: *Unfug und Streiche machen* (безобразничать, чинить проделку), *hemmungslos lachen und Spaß haben* (безудержно смеяться и радоваться), *verspielt und albern sein* (шалить и дурачиться), *d.h. ich habe mein „inniges Kind“ behalten* (т.е. сохранить «ребенка» внутри себя). Отрицательная оценка выявлена лишь в 4% анкетных ответов: „*sich kindisch (wie ein Kind) benehmen*“, *d.h. handeln ohne an die Folgen zu denken* (действовать, не думая о последствиях).

Один из вопросов анкеты предлагал представить образ идеального ребенка (эталон). Ответы выявили культурно маркированную реакцию на данный вопрос: 46% немецкоязычных респондентов не стали описывать идеального ребенка – *Es gibt kein ideales Kind! Keine körperlichen und geistigen Nachteile* (Идеальный ребенок не существует! Нет никаких духовных и физических предпочтений). При этом в анкетах пояснялось, что каждый ребенок по-своему уникален, он индивидуален. Русские информанты, как правило, подробно описывают образ ребенка – «идеального» в их понимании. При этом большое внимание уделяется внешнему облику ребенка: *белокурая голубоглазая девочка; рыжий и конопатый; розовощекий круглолицый «симпатяга»*. Далее указывается такая характеристика, как *популярный, не проблемный* (примерно 40% информантов). Среди личностных качеств выделяются: *активный, жизнерадостный, любознательный*. Для немцев идеальный ребенок должен иметь силу воли (*einen starken Willen*), способность общаться (*kommunikationsfähig*), *phantasievoll* (фантазер), *kein Werbefernsehtyp* (не рекламный образ). Немецкое языковое сознание больше сосредоточено на мысли о том, что ребенок зависим от своего окружения: *Kinder können nicht idealisiert werden, da jedes Kind in unterschiedlichen Verhältnissen aufwächst und sich entwickelt* (Дети не могут быть идеальными,

потому что каждый из них рос и развивался в разных условиях).

Последний вопрос анкеты (вопрос № 11) ставил целью зафиксировать наличие прецедентных текстов (пословиц, поговорок), связанных с отношением к детству и детям в сознании носителей обеих культур. 78% русских затруднились ответить на этот вопрос. Немцы (66% старше 45 лет, 48% – от 25 до 45 лет, 28% – до 25 лет) смогли назвать пословицы, в которых вербализуются ценностные установки общества по отношению к детству: *Der Apfel fällt nicht weit vom Stamm* (В русском: Яблоко от яблони не далеко падает). *Kindermund tut Wahrheit kund* (Дети всегда скажут правду). *Ich bin klein, mein Herz ist rein* (Я маленький, мое сердце чисто).

Таким образом, при сравнительном анализе концепта «детство» в русской и немецкой языковых картинах мира обнаруживаются как универсальные, так и специфические характеристики, которые проявляются в плане содержания, выражения и функционирования концепта. Что касается культурно специфических реакций, то их спектр оказывается довольно широким. Детство в понимании немцев характеризуется большей продолжительностью (до 14-16 лет), тогда как русские информанты определили границу детства – 12 лет. Воспоминания о детстве связаны у русских с представлением о празднике, с особенными событиями в жизни. Для немцев воспоминания о детстве коррелируют с семьей и школой. Русское сознание ассоциативно связывает детство с *беззаботностью*, немецкое сознание в качестве ассоциативного признака выделяет *защищенность*. Такая характеристика, как «вести себя по-детски», в русском социуме сопровождается отрицательной оценкой, тогда как в немецком оценивается скорее положительно. Немцы не идеализируют детство, образ «идеального» ребенка не релевантен для них. В русском сознании присутствует эталонный образ ребенка, внешность при этом играет важную роль.

Характеристики отношения к детству зависят не только от национальной принадлежности, но и возраста, конкретного индивидуума. Могут быть обнаружены универсальные и специфические характеристики отношения к детству у представителей немецкой и русской языковых общностей, связанные не только с национально-культурной, но и социальной принадлежностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Залевская А.А. Введение в психоллингвистику / А.А. Залевская. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1999.
2. Караулов, Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности / Ю.Н. Караулов // Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов. – М.: ООО «Изд-во Астрель», ООО «Изд-во АСТ», 2002.

Я.В. Зубкова (Волгоград)

Скрипты пунктуального поведения в немецкой и русской лингвокультурах (на материале психолингвистического эксперимента)

В языковом сознании действительность отражена в виде квантов переживаемого знания – концептов [Степанов 2001, Карасик 2007, Красавский 2001, Слышкин 2004]. В дискурсивном сознании выделяется определенный тип ментальных образований с акцентом на их ценностную составляющую – скрипт [Вежицка 2005, Карасик 2007].

Лингвокультурный скрипт в нашем понимании – это динамическая когнитивная структура, представляющая собой предписания особого рода, касающиеся закрепленных в языковом сознании культурных концептов, и репрезентирующихся в сознании дискурсивном.

Описание скрипта возможно при этом в случае погружения концепта в культурное, ситуативное, контекстуальное пространство языка – дискурс. В данной статье речь пойдет о скриптах пунктуальности в бытийном и институциональном дискурсах немецкой и русской лингвокультуры.

Наше исследование показало, что основное содержание культурного концепта «пунктуальность» в немецком и русском языковом сознании сводится к следующим признакам:

1. Предметно-образная сторона концепта – это обобщенный образ строгого соответствия между должным и фактическим соотношением организуемых событий во времени.

2. Понятийная сторона концепта – подразумеваемая норма этого соответствия, противопоставляемая нарушениям этой нормы и уточняемая интенсификаторами.

3. Ценностная сторона концепта – оценочные отношения к соблюдению и нарушению соответствующей нормы.

Концепт «пунктуальность» в нашей работе моделируется в виде фрейма. Языковое обозначение данного фрейма представлено в виде основного и второстепенного обозначений, которые различны в немецкой и русской лингвокультурах. Основное обозначение или ядро фрейма «пунктуальность» в русской лингвокультуре составляют понятия «пунктуальность», «аккуратность», «крайняя точность»; в немецкой лингвокультуре – «Pünktlichkeit», «Genauein», «Rechtzeitigkeit». Второстепенное языковое обозначение исследуемого фрейма составляют понятия, содержащие признак точности во времени в своем прямом или ассоциативном значении.

Существенная часть фрейма «пунктуальность» представлена понятиями, обозначающими нарушение временной точности. В немецкой культуре нарушение точности во времени характеризуется следующими смысловыми полями: а) опоздание; б) ранний приход; в) приход без приглашения. В

русской культуре выделяются следующие поля, выражающие нарушение точности во времени: а) опоздание; б) приход в неудобное время, не к месту; в) сознательное нарушение точности в соответствии с социальным положением в обществе.

Характеристики отношения к пунктуальности в сопоставляемых языковых картинах мира отличаются определенной спецификой, что отражается на количественном составе лексических единиц, относящихся к данному фрейму. В русском языке количество лексем, содержащих прямой связанный признак временной точности, меньше, чем в немецком языке на 44%. Различная семантическая плотность смысловых полей фрейма «пунктуальность» в немецкой и русской лингвокультурах свидетельствует о большей значимости концепта пунктуальности для немцев.

Отношение к пунктуальности диктует определенные нормы поведения в культуре, таким образом, выявляются концепты, связанные с концептом «пунктуальность». Немецкий концепт «Pünktlichkeit» связан с концептами «Ordnung», «Disziplin», «Zeit», «Gewissenhaftigkeit», «Verantwortung», «Arbeit». Русский культурный концепт имеет тесную связь с концептами «порядок», «дисциплина», «время», «добросовестность», «ответственность», а так же с ключевым концептом русской культуры «судьба».

Анализ языкового обозначения и выражения концепта «пунктуальность» выявил специфику исследуемого концепта в русском и немецком языках. Однако для подтверждения этих данных необходимо было провести психолингвистический эксперимент.

Некоторые характеристики концепта, полученные в ходе данного исследования в результате анализа языковых единиц, содержащих признак отношения к временной точности, были воплощены в типичные жизненные ситуации. Вопросы были смоделированы на основе интроспективного анализа.

Реакция респондентов позволила выявить специфику отношения к пунктуальности немецкой и русской языковых личностей. Кроме того, по общности реакций на те или иные виды поведения представляется возможным выделение лингвокультурных скриптов исследуемого концепта.

Респондентами, отвечавшими на вопросы анкеты, выступали взрослые русские – 50 человек и взрослые немцы – 50 человек.

Первый вопрос, предлагаемый в анкете, предполагал выявление отношения к опозданию на частное приглашение домой: «На сколько минут считается приличным опоздать на частное приглашение

домой?». 52% русских респондентов выбрали вариант ответа **б** (на пять-десять минут), 13% – **в** (на 15-20 минут) и только 37% сказали, что опаздывать нельзя, выбрав вариант ответа **а**. Это свидетельствует о том, что в русской культуре допустимы опоздания в гости и 65% русских опоздали бы наверняка. Вариант **г** (на полчаса и более) не выбрал никто.

Большинство немецких информантов так же выбрали вариант ответа **б** – 62%, только 10% опрошенных считают, что опоздание недопустимо в немецкой культуре даже на частное приглашение. По 14% выбрали варианты ответов **в** и **г**. В результате, получается, что немцы иногда считают приличным опоздание более чем на полчаса в отличие от русских.

Второй вопрос, связанный с опозданием на рабочее совещание («На сколько минут считается приличным опоздать на производственное совещание?»), дал следующие показания: 91% русских выбрали ответ **а**, отвергающий нарушение точности во времени на рабочем месте. Остальные 9% допускают небольшое опоздание в данной ситуации на пять-десять минут (вариант ответа **б**).

Результаты ответов немцев подобны в этом случае, не на много меньшее количество опрошенных считает, что недопустимо опаздывать – 90%. Вариант **б** выбрали 10% немцев. Варианты ответов **в** и **г** не выбрал ни один русский и ни один немецкий участник анкетирования.

Третий вопрос звучал так: «На сколько минут считается приличным прийти раньше времени на частное приглашение домой?». Приход раньше времени на частное приглашение домой не считают нормой 56% русских информантов. 35% выбрали ответ **б** (на пять-десять минут), 8% – **в** (на 15-20 минут).

В немецкой культуре не считается приличным приход раньше времени в гости, о чем свидетельствуют 62% голосов, отданных варианту ответа **а**. 33% считают, что можно прийти минут за пять-десять, и только 5% выбрали вариант **в**. Последний вариант ответа (на полчаса и более) не приемлем для представителей обеих культур.

В четвертом вопросе («На сколько минут считается приличным прийти раньше времени на производственное совещание?») зафиксировано допущение раннего прихода как нормы для русской культуры: 76% опрошенных выбрали вариант ответа **б** (на пять-десять минут). Другие варианты так же имели своих сторонников, и голоса распределились следующим образом: ответ **в** (на 15-20 минут) – 9%, ответ **г** (на полчаса и более) – 2%; ранний приход на совещание посчитали не принятым в русской культуре 11% и выбрали ответ **а**.

Немецкие респонденты – 71% считают, что на производственное совещание необходимо прийти немного пораньше (ответ **б**), остальные 29% считают недопустимым ранний приход. Все участники анкетирования считают, что в немецкой культуре нельзя приходить раньше, чем за 10 минут. Эти данные говорят о том, что ранний приход в

немецкой культуре считают большим нарушением точности во времени, чем в культуре русской.

Пятый вопрос: «Сколько времени Вы могли бы ждать человека, с которым договорились о встрече?». Опоздание, как нарушение пунктуальности, вызвало различную реакцию русских респондентов: при ответе на этот вопрос 15% используют санкции по отношению к опаздывающему человеку и не станут его дожидаться; 33% готовы ждать 5-10 минут, 43% – 15-20 минут, 9% – более терпимы к опозданиям, выбирая ответ **г** (полчаса и более).

Немцы не выбрали при ответе на этот вопрос вариант **а**. Остальные голоса распределились таким образом: ответ **б** – 10%, ответ **в** – 42%, ответ **г** – 48%. Полученные данные можно рассматривать следующим образом: в русской культуре опоздания не являются чем-то необычным – всегда мешают обстоятельства, а в немецкой культуре можно опоздать по какой-то уважительной причине (см. подробнее в I главе о нормах поведения), поэтому отношение к опоздавшему более терпимое.

78% русских, отвечавших на шестой вопрос, сказали, что прилично напомнить о том, что произошла задержка во времени (вопрос: «Удобно ли напомнить знакомому, что он взял у Вас на время книгу, но задерживает ее?»), и выбирают вариант ответа **а**. Оставшиеся 22% готовы забыть о временной точности, считая напоминание неудобным.

В немецкой культуре большинство информантов – 76% посчитали такое напоминание уместным. Таким образом, как в русской, так и в немецкой культурах точность во времени не должна нарушаться, если дело касается личных интересов, «приватности».

Следующий, седьмой вопрос состоял из двух частей: «Многие ли из Ваших знакомых имеют ежедневник? Должен ли каждый человек иметь органайзер?». Более половины опрошенных русских респондентов – 57% при ответе на седьмой вопрос выбирают вариант **б**. 80% русских тоже считают, что вести записи и составлять расписание не обязательно.

Немногом больше, оказалось количество немецких респондентов, выбравших вариант ответа **б** – 62%. 65% немцев (на 15% меньше, чем русских) отвечает, что ежедневник не обязателен для каждого. Одна респондентка-немка сделала следующее замечание при ответе на данный вопрос: «Ich finde, das ist von Mensch zu Mensch unterschiedlich. Jeder muss es für sich selbst entscheiden».

Отношение к пунктуальности выявляется и с помощью умения рассчитывать сроки, например, рассчитать семейный бюджет. Ответы на восьмой вопрос («Как обычно относятся к тем, кто не умеет рассчитывать свой бюджет, тратит больше, чем зарабатывает?») показывают, что это не обязательно в русской культуре: лишь 7% выбрали вариант ответа **д** (резко критически). Остальные голоса распределились следующим образом: 11% – ответ **а** (доброжелательно), 39% – **б** (снисходительно), 24% – **в** (равнодушно), 20% – **г** (иронически).

Немецкие респонденты не относятся доброжела-

тельно к таким людям, так как вариант **а** не выбрал никто. Большинство – 48% выбрали вариант **в**, 19% ответили, что немцы относятся к этому иронически и 24% – резко отрицательно. Вариант **б** выбрали 9%. Немцы посчитали этот вопрос странным, некоторые сначала не могли понять, что от них требуется. Комментарий с немецкой стороны был следующим: «Es ist zum Beispiel ein großer Unterschied. Ob es sich um Studenten, Hausfrauen oder Manager handelt, ob es einmal oder ständig vorkommt. In der Regel weiss man darüber gar nicht, da es sich in Deutschland eher nicht geziemt/gehört nach Gehalt, finanz. Situation etc. Zumindest zwischen den Verdienten zu reden».

Десятый вопрос: «Как обычно относятся к тем, кто откладывает на потом выполнение неприятных, но необходимых дел?». 30% русских информантов (вариант ответа – **в**) относятся равнодушно к несоблюдению сроков выполнения неприятных дел, откладыванию дел. Почти столько же – 28% – снисходительно, 9% выбрали ответ **а** (доброжелательно), 20% – **г** (иронически), и лишь 7% – не считают данное поведение нормой для русской культуры, выбрав ответ **д** (резко критически).

Более половины опрошенных немцев (52%) посчитали, что в их культуре *откладывать дела в долгий ящик* не допускается обществом, выбрав ответ **д**. Ответ **б** выбрали 10%, ответ **в** – 24%, **г** – 14%. Для некоторых немецких респондентов этот вопрос показался странным, так как они считают не принятым откладывать дела, но в то же время, это дело личное. Находим необходимым привести следующее замечание по этому поводу: «Ich finde, das ist charakterliche Frage, keine deutsche Frage! Wenn ich Zahnschmerzen habe und vor lauter Angst nicht zum Zahnarzt gehe, wird meine Mutter sagen: «Sei nicht dumm, es kann doch nur schlimmer werden». Aber im Endeffekt ist es meine Sache».

Большинство русских, отвечавших на десятый вопрос, заявило, что в России резко критически относятся к людям, забывающим о назначенных встречах – 76%. Остальные голоса распределились следующим образом: вариант ответа **а** выбрали 2% (доброжелательно), **б** – 2% (снисходительно), **в** – 11% (равнодушно), **г** – 9% (резко критически).

Немцы относятся к данной ситуации подобным образом: 71% выбрали так же вариант **д**. 13% считают, что немецкая нация иронически относится к таким людям (вариант ответа **г**). 19% опрошенных немцев выбрали ответ **б** – «снисходительно». Варианты **а** и **в** не выбрал никто. При ответе на этот вопрос немцы отмечали, что готовы снисходительно относиться к забывчивым людям, если конечно это не повторяется постоянно.

При ответе на одиннадцатый вопрос («Как обычно относятся к тем, кто любит по долгу говорить по телефону?») выяснилось, что отношение русских к трате времени скорее отрицательное: 28% респондентов считает, что такое поведение осуждается в русской культуре; с другой стороны вариант

ответа **а**, подтверждающий допустимость траты времени в нашей культуре, выбрали 20% опрошенных, еще 20% выбрали ответ **в** (равнодушно), 22% – **г** (иронически), 11% – **б** (снисходительно).

При опросе немецких информантов, выяснилось, что доброжелательного отношения к тем, кто долго говорит по телефону, ожидать нельзя: вариант ответа **а** – 0%. Большинство голосов отдано за ответ **в** – 48% (равнодушно). 19% считает, что немцы снисходительны к долгим разговорам по телефону, 24% – относятся иронически, 9% – резко критически.

Итак, по результатам психолингвистического эксперимента могут быть выделены скрипты концепта «пунктуальность» в немецкой и русской лингвокультуре.

Скрипты концепта «пунктуальность» в немецкой (хн) и русской (хр) лингвокультуре:

1н) нельзя опаздывать в гости к друзьям и знакомым, но опоздание допустимо и не осуждается;

1р) нельзя опаздывать в гости к друзьям и знакомым; опоздания осуждаются;

2н) нельзя опаздывать на производственное совещание;

2р) нельзя опаздывать на производственное совещание;

3н) нельзя приходить раньше в гости (*за 5-10 минут* – в немецком коммуникативном сознании ассоциируется с понятием «вовремя»);

3р) нельзя раньше времени приходить в гости;

4н) нельзя приходить раньше на производственное совещание;

4р) ранний приход на производственное совещание допустим;

5н) человека, опаздывающего на встречу следует подождать;

5р) ждать опоздавшего не обязательно;

6н) сказать о непунктуальности другого логично;

6р) сказать о непунктуальности другого уместно;

7н) успевать все и везде, планировать дела – необязательно;

7р) планировать дела – личное дело каждого;

8н) необходимо планировать бюджет;

8р) бюджет можно не планировать;

9н) необходимо выполнять запланированное;

9р) допускается перенести запланированное на более поздний срок;

10н) непунктуальность осуждается;

10р) непунктуальность осуждается.

Итак, в результате проведенного эксперимента было выявлено сходные скрипты концепта «пунктуальность», отраженные в коммуникативном сознании немцев и русских. Различия проявляются лишь, когда речь идет о терпимости к людям, нарушившим правила, нормы поведения. О немецкой нации, в результате, можно говорить как о более терпимой к нарушениям пунктуальности по сравнению с русской.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вежица А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005.
2. Карасик В.И. Языковые ключи. – Волгоград: Парадигма, 2007.
3. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: Монография. Волгоград: Перемена, 2001.
4. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: Монография. Волгоград: Перемена, 2004.
5. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М.: Школа «Языки русской культуры», 2001.

Е.А. Дженкова (Волгоград)**Ассоциативная характеристика концептов вины и стыда в немецком и русском социумах (на материале экспериментальных данных)**

Ключевым для психолингвистических и лингвокультурологических работ, использующих в качестве одного из методов исследования ассоциативный эксперимент, является следующее положение: «Любое слово в нашем сознании, в памяти (точно так же, как и в речевой цепи) не существует в отдельности: оно десятками, сотнями «нитей» тянется к другим словам. Любое слово требует «продолжения», ищет свою пару, хочет превратиться в «модель двух слов» [Караулов 2002: 751]. Возможность обнаружить эти «продолжения», «модели двух слов», а вместе с тем выявить язык в его предречевой готовности, вскрыть способ «держания» языка в памяти его носителя предоставляет ассоциативный эксперимент.

Согласно одному из множества определений, под ассоциацией понимают возникшую в опыте индивида связь между двумя содержаниями сознания (ощущениями, представлениями, мыслями, чувствами и т.п.), которая выражается в том, что появление в сознании одного из содержаний влечет за собой и появление другого [см.: Психологический словарь 1996: 26; Hörmann 1977: 72]. Однако данные содержания сознания являются ментальными единицами, существующими потенциально, «in absentia», скрытыми от внешнего наблюдателя. Чтобы сделать их доступными для восприятия и анализа, эти единицы должны быть манифестированы средствами языка или любой другой семиотической системы, переведены из потенциального состояния в сущностную плоскость, «in praesentiam». Способом осуществить данный переход, по мнению ученых, является ассоциативный эксперимент [Hörmann 1977: 72].

Кроме того, ассоциативный эксперимент выполняет еще одну важную функцию в лингвокультурологических исследованиях, а именно – он помогает зафиксировать отражение *конкретного* исторического момента, фрагмента действительности в массовом сознании. Как известно, современные лингвистические исследования зачастую строятся на анализе творчества или различных высказываний элитарных языковых личностей, «языковых автори-

тетов» – писателей, общественных деятелей, ученых. В то же время лингвокультурологические исследования призваны не только устанавливать специфику индивидуальных концептосфер отдельных (как правило, элитарных) языковых личностей, но и выявлять особенности национальной лингвокультуры в целом. В данном контексте принято говорить о «восприятии и оценке мира в определенный исторический момент неким безликим большинством членов общества, складывающимся <...> из единичных «сознаний» отдельных индивидуальностей, большинство из которых может быть охарактеризовано как ‘средняя языковая личность’, то, что называют ‘языковым миноритетом’» [Караулов 2002: 775, 779]. Как раз на изучение «усредненного облика языкового миноритета», массового сознания, и направлен ассоциативный эксперимент.

Ассоциативная норма, или коллективное ассоциативное поле, выявленное в свободном ассоциативном эксперименте, «отражает как некоторый экстралингвистический, отчасти когнитивный, стандарт – стандарт типичных ситуаций, связанных в сознании носителей языка с исходными ключевыми словами, так и психолингвистический стандарт – ассоциативные нормы, т.е. наиболее актуальные и устойчивые связи лексикона человека» [Горошко 2001: 28]. При этом, на наш взгляд, важен вопрос о причинах формирования ассоциативной нормы, поскольку реакцией на заданный стимул не может служить любое слово, а частотность возникновения той или иной реакции подчиняется некоторым закономерностям. Несомненно, этот вопрос может быть темой отдельного исследования, однако можно отметить, что в данном случае мы сталкиваемся с действием разноуровневых факторов. С одной стороны, среди лингвистических факторов, влияющих на возникновение ассоциаций, называют качественное сходство между стимулом и реакцией. С другой стороны, ассоциативные связи являются частью прошлого опыта человека, сформированного бытовой и профессиональной деятельностью, принадлежностью к определенной социальной и возрастной группе и в целом осознанием себя как части

определенной социальной общности [Hörmann 1977: 72]. Уместно вспомнить в этой связи и утверждение Р.М. Фрумкиной о том, что «как феномен ассоциативная связь определена именно культурой во всем ее многообразии» [Фрумкина 2001: 19].

Не будем, однако, отрицать возможность индивидуальных отклонений от ассоциативной нормы, обусловленных субъективной притягательностью для информанта того или иного явления, необычностью или уникальностью стимула или ассоциата [Дридзе 1984; Леонтьев 1967 и др.]. Как правило, сказанное относится к характеристике ассоциативного поля некоторых индивидов; массовый же характер эксперимента снижает субъективность полученных результатов.

Вслед за Ю.Н. Карауловым мы считаем, что в вербально-ассоциативных сетях запечатлены особенности менталитета и национального характера, отражено ментально-эмоциональное состояние среднего носителя языка [Караулов 2002: 775], а значит, фиксируются все три составляющие культурного концепта – понятийная, образная и ценностная. Таким образом, ассоциативный эксперимент является одним из важнейших исследовательских методов при изучении культурных концептов, позволяя установить «дескриптивную» норму (термин Ю.Н. Караулова), актуальное содержание концепта, его интерпретационное поле.

Материалом для проведенного нами анализа ассоциативных характеристик вербальных репрезентаций концептов «вина»/«Schuld», «стыд»/«Scham» послужили как ассоциативные словари, так и данные собственного ассоциативного эксперимента, который проводился в письменной форме и включал, в частности, ответ на следующий вопрос: Что обозначает для вас «вина»/«Schuld», «стыд»/«Scham»? Информанты должны были ответить несколькими первыми пришедшими им в голову словами и были ограничены во времени, что является неотъемлемой составляющей ассоциативного метода. В качестве испытуемых в эксперименте приняли участие учащиеся, студенты, преподаватели, инженерно-технические работники.

Анализ слов-реакций позволил прийти к следующим результатам. Самыми частотными ответами русских информантов на стимул «вина» являются реакции «обида», «стыд», «наказание», на стимул «стыд» – «позор», «красный», «краснеть», «срам». Среди ответов немецких респондентов по степени частотности им соответствуют реакции «Verstoß» (проступок, нарушение), «Sühne» (искупление, покаяние), «falsch/unrecht handeln» (неправильно, несправедливо поступать), «Gewissen» (совесть) на слово-стимул «Schuld» (вина) и реакции «reinlich» (неприятно, неловко), «Peinlichkeit» (тягостность, мучительность, неприятность), «unangenehm» (неприятно), «rot» (красный) на слово-стимул «Scham» (стыд). Факт высокой частотности данных слов-реакций позволяет говорить об их принадлежности к ядерной зоне исследуемых концептов.

Формальное изучение реакций позволило выде-

лить следующие виды связи между словом-стимулом и полученными словами-реакциями:

а) парадигматическая связь (вина: ошибка, проступок; стыд: позор, срам, совесть; Schuld (вина): Verstoß (проступок, нарушение), Sühne (искупление, покаяние), Verantwortung (ответственность); Scham (стыд): Angst (страх), Peinlichkeit (тягостность, мучительность, неприятность), Zurückhaltung (сдержанность), Schande (срам, позор), Blamage (позор, срам));

б) синтагматическая связь (вина: горькая, за нанесенный человеку вред, чья?; стыд: бесчестье, великий, жжет, от поступка; Scham (стыд): hab ich nicht (нет у меня), haben viele (есть у многих), vor etwas (перед чем-то));

в) гипо-гиперонимическая связь (вина: чувство, преступление, проступок, ошибка; стыд: чувство, эмоция; Schuld (вина): Gefühl (чувство), Vergehen (проступок, преступление), Verbrechen (преступление), Fehler (ошибка); Scham (стыд): Gefühl (чувство)).

Приведенные примеры подтверждают тезис о том, что слова-реакции часто семантически близки слову-стимулу, обнаруживая схожий состав семантических компонентов. Тем не менее, симптоматично появление в ответах русских респондентов реакций на слово «вина», что, однако, не случайно, а вполне закономерно. Данное существительное, принимая форму единственного числа родительного падежа (вина), а также форму множественного числа именительного падежа (вина), становится омонимичным по звучанию лексеме «вина» (отсюда следующие реакции на стимул «вина»: бутылка красного вина, глоток, рюмка, налить, выпить, ароматные, дорогие и т.п.). Объясняя этот языковой факт, Ю.Н. Караулов отмечает, что омонимия стимулов представляет собой «естественное отражение характера русской лексики»; причем преобладающими являются грамматические омонимы, или омоформы [Караулов 2002: 772], что и подтверждается приведенными примерами.

Содержательное рассмотрение слов-реакций, полученных на стимулы «вина»/«Schuld» и «стыд»/«Scham», позволяет говорить как об общих чертах, так и об этнокультурных отличиях концептов вины и стыда. Более детальное рассмотрение начнем с анализа слов-реакций, полученных на стимулы «вина» и «Schuld».

Как показывают данные ассоциативных словарей и наши наблюдения, чувство вины оказывается чрезвычайно неприятным, мучительным переживанием для представителей обеих лингвокультур – горькая, подавленность, грусть, муки совести, совесть мучает, мучение, отчаяние, убиваться; Ohnmacht (слабость, бессилие), Reue (раскаяние, покаяние), schlechtes Gewissen (нечистая совесть). Об этом свидетельствуют и эмоционально-оценочные ответы испытуемых – плохо; schlecht (плохо), unangenehm (неприятно), negativ (отрицательно, негативно). Вина часто уподобляется тяжелой ноше, которая давит на человека, угнетает его, что сказывается на его душевном состоянии – душевная

тяжесть, душевный груз, подавленность, бремя, давящая, лежит, тяжелая, тяжкая; *Last* (ноша, груз, бремя), *Bürde* (ноша, бремя, обуза). Отметим, что данные и схожие с ними реакции воссоздают «мозаичную картину мира совокупного носителя языка» [Караулов 2002: 755], называют и характеризуют предметы и явления текущей жизни, повседневное взаимодействие носителя языка с окружающей действительностью. Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров называют это явление владением «миром слова», обладанием фоновыми знаниями о предмете, «благодаря которым люди удерживают в памяти знания о постигнутой обществом действительности» [Верещагин, Костомаров 2005: 195].

И русские, и немцы связывают в своих реакциях вину как сложный психический феномен с таким моральным качеством, как совесть (*вина: совесть, муки совести, совестно, совесть мучает; Schuld* (*вина*): *Gewissen* (*совесть*), *schlechtes Gewissen* (*нечистая совесть*)). На наш взгляд, этот пример показывает наличие точек пересечения сопряженных зон одноименных концептов.

Обратимся теперь к национально специфичным реакциям, полученным на стимул «вина»/«*Schuld*». Они, как известно, призваны отражать интерпретативные слои в архитектонике концепта [Попова, Стернин 2001: 99]. В ответах русских информантов эксплицитно выражена связь с такими русскими концептами, как «душа» и «тоска», через которые описываются субъективные ощущения при переживании чувства вины (*душевная тяжесть, душевный груз, тоска*). В реакциях русских информантов находим также указание на вкусовое восприятие вины, которая является *горькой*.

В ассоциациях немцев находят оценочное отражение исторические события XX века, а именно, национал-социалистское прошлое Германии, за которое теперешнее поколение испытывает вину (*historische Schuld* (*историческая вина*), *Nationalsozialismus* (*национал-социализм*)). На основании реакций немецких информантов с большой долей уверенности можно предположить, что в современной Германии появился новый термин – *zweite Schuld* (*вторая вина*), связанный с недостаточным вниманием и ослаблением осуждения преступлений национал-социалистского режима („*zweite Schuld*“: *das Ignorieren und die nur marginale Aufarbeitung des Nationalsozialismus in Deutschland* («*вторая вина*: *игнорирование и только лишь маргинальное отношение к национал-социализму в Германии*)).

Если рассматривать вину в другой – эмоциональной – плоскости, то можно заключить следующее. Если русское языковое сознание больше сосредоточено на фиксации субъективных переживаний, сопровождающих чувство вины, констатируя при этом невозможность исправить ошибку, то немецкое сознание предпочитает искать средства преодоления переживания деструктивных эмоций, в том числе и вины (ср.: *тяжесть, мучение, отчаяние, убиваться, угрызания совести, невозможно исправить – Entschuldigung* (*извинение*), *Versöhnung* (*примирение*), *Wiedergutmachung* (*исправление проступков*),

Sühne (*искупление, покаяние*)). Интересен также факт цветового восприятия вины одним из немецких респондентов: за виной закрепляется один из наиболее семиотически нагруженных цветов, имеющих негативную коннотацию – черный (*schwarz*).

Перейдем к содержательному сопоставлению ответов русских и немецких информантов на стимулы «стыд» и «*Scham*». Общим для обеих лингвокультур являются внеязыковые знания, отражающие картину мира совокупного носителя языка, фиксирующие различные явления текущей жизни, реалии окружающей действительности. Так, определяя «стыд»/«*Scham*» как «чувство», «эмоцию», и русские, и немцы приводят многочисленные реакции, указывающие на то, что стыд сопровождается покраснением лица (*краска, краснеть, красный, краснота, покраснеть, вгонять в краску, до покраснения, на лице; rot* (*красный*), *Röte* (*die*) (*краснота*), *rot werden* (*краснеть, становится красным*), *erröten* (*покраснеть*), *Errötung* (*покраснение*), *roter Kopf* (*красная голова*), *rotes Gesicht* (*красное лицо*)).

Переживание стыда для представителей обеих лингвокультур сопряжено с неприятными ощущениями, которые оказываются более дифференцированными для немцев (ср.: *нехорошее ощущение, неуверенность в себе, нежелание показываться на люди, обнаженность – reinlich* (*неприятно, неловко*), *Peinlichkeit* (*тягостность, мучительность, неприятность*), *verlegen* (*смущенный*), *Verlegenheit* (*смущение, затруднительное положение*), *Verzweiflung* (*отчаяние*), *Beklemmtheit* (*sic!*) (*стеснение*), *Elend* (*жалкое состояние*), *Nervosität* (*нервозность*), *Scheu* (*робость, боязнь*), *schrecklich* (*ужасно*), *unwohl fühlen* (*чувствовать себя нехорошо*), *unangenehm* (*неприятно*), *verklemt* (*сковано*), *Gefühl „nackt“ zu sein* (*чувство «обнаженности»*), *Schwitzen* (*потение*), *Stottern* (*заикание*), *Übelkeit* (*тошнота*), *Unsicherheit* (*неуверенность*)). Интенсивность же переживания этой эмоции намного выше в русском социуме; типичными реакциями на стимул «стыд» являются *позор, срам, совесть, бесчестье, великий, всеполагающий, жуть, страшно*.

Довольно интересен и тот факт, что ассоциативное пространство обеих лингвокультур отводит роль стыдящегося женщине, которая выступает носителем признака в модели двух слов. Так, на стимул *стыд* информанты дают следующие ответы – *девичий, девка, у девочки; scheues Mädchen* (*робкая девочка*).

Стыд является неотъемлемой человеческой характеристикой (*menschlich, normal*), играя роль некоего нравственного ориентира, одного из регуляторов человеческого поведения, поэтому часто в ответах присутствуют и другие понятия, выполняющие схожую функцию (*совесть, позор, вина, срам, справедливый, хорошее качество; Gewissen* (*совесть*), *Ehre* (*честь*), „*Gesicht verlieren*“ («*терять лицо*»), *Schuld* (*вина*), *Schuldgefühle* (*чувство вины*), *gut* (*хорошо*), *relevant* (*важно*)). Однако спектр ответов включает и противоположное отношение к стыду как к чему-то излишнему

(бред, ненужный, глупость; *unbedeutend* (незначительно), *nutzlos* (ненужно, бесполезно), *komisch* (комично, странно), *konservativ* (консервативно)), мешающему жить (*no-meha*; *ärgerlich* (досадно, неприятно)), констатируется его отсутствие (*отсутствие, отсутствует; hab ich nicht* (у меня нет), *gibt's nicht* (не существует), *selten* (редко)).

Говоря о различных формах проявления языкового сознания, укажем на наличие эмоционально-оценочных ответов респондентов. Согласимся с Ю.Н. Карауловым в том, что «оценка, как составная часть суммарной взаимной информации стимула и реакции, в той или иной мере присутствует во всех разновидностях ответов, <...> однако среди них имеется и такая группа пар S – R, где оценка оказывается основной составляющей взаимной информации» [Караулов 2002: 761]. Приведем примеры, подтверждающие этот тезис: *великий, всеполагающий, глупость, жуть, ненужный, страшно, ай-я-яй!, грустно, плохо; schrecklich* (ужасно), *peinlich* (неприятно, неловко), *nicht schön* (нехорошо), *nutzlos* (ненужно, бесполезно), которые отражают амбивалентное, противоречивое отношение к эмоции стыда, констатируют ее важность и исключительное влияние на внутренний мир человека, свидетельствуют об интенсивности ее переживания.

Что касается культурно специфических реакций, то их спектр также оказывается довольно широким. Так, для немецких респондентов понятие стыда связано с темой «интимные отношения, секс», которая довольно широко представлена в ответах (*Scham* (стыд): *Haare* (волосы), *Lippen* (губы), *Behaarung* (обрастание волосами), *ficken* (заниматься сексом), *Sex* (секс), *Geschlecht* (пол), *intim* (интимный, близкий), *intimreich* (интимный), *Nacht* (ночь), *Frau* (женщина), *Mädchen* (девушка), *Sexualität* (сексуальность), *Tabu* (табу), *ausziehen* (раздевать), *Erotik* (эротика), *Eva* (Ева), *lieben* (любить), *schön* (красиво), *Schönheit* (красота), *aufregend* (возбуждающий)).

В этой связи нельзя не отметить появление такой довольно частотной реакции, как *нагой/нагота* (*nackt* (нагой), *Nacktheit* (нагота), *Blöße* (нагота, обнаженность), *Gefühl „nackt“ zu sein* (чувство «наготы»)), которая находится в причинно-следственных отношениях с вызвавшим ее стимулом. С этих позиций не случайно появление в ответах

обеих групп реакции *прикрывать надо/bedecken*.

Стыд ассоциируется у немецких испытуемых с физической нечистотой (*Scham* (стыд): *Dreck* (нечистоты, грязь), *Ekel* (мерзость, гадость), *Schmutz* (грязь), *Toilette* (туалет)). Данные или схожие реакции вообще не упоминаются в ответах русских, что, как мы понимаем, объясняется известным культом чистоты в немецком социуме.

Отличительной чертой переживания эмоции стыда в русской лингвокультуре является уже отмеченная нами интенсивность (*стыд: позор, срам, великий, всеполагающий, жуть*). Среди реакций, типичных для русских, присутствуют примеры эмоционально-оценочных ответов назидательного характера (*стыдно должно быть, прикрывать надо*), а также метафорическое осмысление стыда (*жжет*). Русские информанты нередко проецируют стыд на самих себя (*мой, мне*). Данные реакции отсутствуют в ответах немцев, лишь констатирующих факт стыда (*gibt's* (существует), *haben viele* (есть у многих), *schamvoll* (стыдливый, застенчивый), *schämen* (стыдиться)).

По нашему мнению, показателен факт отказа ряда испытуемых отвечать на заданный стимул. С этим явлением мы встречаемся при анализе реакций представителей обеих разноязычных групп с той, однако, разницей, что число отказов среди немецких респондентов в 6-7 раз больше, чем среди русских (ср.: около 34% немцев и 5% русских затруднились с ответом на стимул *стыд/Scham*).

В заключение отметим, что в наивном языковом сознании сформированы образы вины и стыда, принятые в том или ином лингвокультурном сообществе и зафиксированные в словарных дефинициях номинантов этих эмоций. В то же время языковое сознание не ограничивается принятым узусом, а расширяет его за счет дополнительных смыслов, которые могут быть заимствованы из научной картины мира, личного, субъективного опыта информанта, а также могут являться окказиональными, созданными информантами *ad hoc*, или отражающими индивидуальные ассоциативные процессы. Эти образы, значительно расширенные индивидуальными ассоциациями информантов, формирующие «deskриптивную» норму языка, еще раз доказывают важность ассоциативного эксперимента как одного из методов исследования концептов культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы. – М.: «Индрик», 2005.
2. Горошко Е.И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. – Харьков-М.: «РА – Каравелла», 2001.
3. Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. – М.: Наука, 1984.
4. Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов. – М.: ООО «Изд-во Астрель», ООО «Изд-во АСТ», 2002.
5. Леонтьев А.А. Психоллингвистика. – Л.: Наука, 1967.
6. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова., – Воронеж, изд-во Воронежского госуниверситета, 2001.
7. Фрумкина Р.М. Психоллингвистика: Учебник для студентов. – М.: Издательский центр «Академия», 2001.
8. Hörmann H. Psychologie der Sprache. – Berlin [u.a.]: Springer, 1977.

Лексикографические источники

1. Психологический словарь. / Под ред. В.П. Зинченко, Б.Г. Мещеряковой. – М.: Педагогика-пресс, 1996 – 460 с.
2. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – М.: ООО «Изд-во Астрель», ООО «Изд-во АСТ», 2002. – 784с.
3. Уфимцева, Н.В. Ассоциативные нормы русского и немецкого языков / Н.В. Уфимцева, И.А. Стернин, Х. Эккерт, В.И. Милехина, В.М. Топорова. – М.: Воронеж: «Истоки», 2004. – 130 с.

М.М. Иванова (Воронеж)

Экспериментальное исследование концепта «Предприниматель»

Использование экспериментальных методов в лингвоконцептологических исследованиях позволяет проанализировать содержание концепта и выявить образующие его когнитивные признаки.

Со словом «предприниматель» нами было проведено шесть лингвистических экспериментов: эксперимент методом свободных дефиниций, свободный ассоциативный эксперимент, направленный ассоциативный эксперимент и три эксперимента по методике Бендикса. Цель экспериментов – выявить максимальное количество когнитивных признаков концепта «Предприниматель».

Всего в лингвистических экспериментах со словом «предприниматель» приняли участие 687 человек – 458 женщин и 229 мужчин. Из числа опрошенных – 316 человек в возрасте от 17 до 25 лет; 217 человек в возрасте от 26 до 45 лет; 154 человека в возрасте от 46 до 80 лет.

Участниками экспериментов явились студенты Воронежского государственного университета филологического, исторического, математического, экономического факультетов; преподаватели Воронежского государственного университета различных специальностей; инженеры, врачи, торговые работники разнообразных предприятий и учреждений города Воронежа.

Период проведения экспериментов – 2005-2006 г.г. Эксперименты осуществлялись как в групповой, так и в индивидуальной форме.

Участникам эксперимента методом свободных дефиниций было предложено задание: «Просим написать, как вы понимаете значение слова «предприниматель». В эксперименте приняли участие 97 человек. В ходе эксперимента все испытуемые дали свои определения предложенного слова, отказов не было.

В результате эксперимента были получены, например, такие дефиниции лексемы «предприниматель» (в скобках указано число респондентов, давших этот вариант): человек, занимающийся предпринимательской деятельностью (4); человек, занимающийся частным бизнесом (3); деятель, который независим от свода законов или устава определенного предприятия, а который открыл своё со своим уставом; занимающийся торговой деятельностью, имеющий небольшое дело; коммерсант в

«уменьшенном» виде, т.е. приобретает товар часто маленькими партиями для реализации самостоятельно. Кроме того, может что-то производить, выращивать, а затем реализовывать, получая прибыль; лицо в экономической области, осуществляющее деятельность, направленную на получение доходов; лицо, занимающееся торговлей (с учетом спроса и предложения) со спекулятивным уклоном своей деятельности; лицо, которое занимается преимущественно крупным или средним бизнесом, в большинстве случаев возможно наличие предприятия; мелкий бизнесмен; очень предприимчивый человек; предполагает сочетание в одном лице собственника имущества и непосредственного организатора; тот, кто производит и успешно продает то, что производит; управляющий организацией; хозяин; человек, занимающийся бизнесом (легально), более широкая сфера, чем у коммерсанта (в основном: компании); человек, занимающийся выгодными денежными вкладами; человек, занимающийся индивидуальной трудовой деятельностью и являющийся сам себе хозяином, начальником, шефом и т.д., официальные государственные документы подтверждают статус предпринимателя; человек, занимающийся коммерцией и имеющий собственное предприятие; человек, занимающийся коммерческой деятельностью, дающий рабочие места; человек, занимающийся своим делом и зарабатывающий своими идеями; человек, имеющий какое-либо свое дело, т.е. не работающий по найму; человек, имеющий свое дело, обороты в котором приносят прибыль; человек, ищущий везде выгоду; человек, который занимается бизнесом, организатор предпринимательской деятельности, основанной на торговле; человек, который занимается коммерческой деятельностью и производит товар, или создает рабочие места; человек, который имеет свой маленький киоск, павильон; человек, который организовал свое «дело» (обычно не крупное), частное лицо; человек, который предпринимает действия, направленные на собственное обогащение; человек, который пытается (предпринимает попытку) заработать (не на государственной службе); человек, который пытается что-то достать, купить, продать, делать свое дело, приносящее прибыль; человек, который что-либо производит сам; человек, организую-

щий собственное предприятие или учреждение в производственной или финансовой сфере; человек, получающий прибыль в результате коммерческой деятельности, узаконенной каким-либо правом; человек предприимчивый, находчивый; человек предприимчивый, приносящий прибыль для себя и государства; человек, производящий какую-либо продукцию; это человек, занимающийся предпринимательской деятельностью, т.е. создавший собственное предприятие, производящее товары или услуги; это человек, который занимается предпринимательством (иногда крупным, чаще – мелким); это человек, который что-то предпринимает; этот человек должен иметь юридическое образование и государственную регистрацию в налоговых органах; юридическое лицо, занимающееся коммерческой и производственной деятельностью (1) и другие.

Из представленных дефиниций были когнитивные признаки, репрезентирующие в языковом сознании концепт «предприниматель». Сходные реакции были интерпретированы как один когнитивный признак. После наименования признака указано число испытуемых, объективировавших данный признак в эксперименте. Например: *Деятельность направлена на получение дохода 18* (получает прибыль от своей деятельности 3; имеет дело, приносящее доход; организует выгодные предприятия 2; делает дело, приносящее прибыль; деятельность направлена на получение доходов; организует обеспечивающее его предприятие; приносит прибыль для себя и государства; человек, имеющий дело для получения дохода; человек, имеющий дело, обороты в котором приносят прибыль; человек, ищущий везде выгоду; человек, который зарабатывает деньги на товарообороте; человек, который предпринимает действия, направленные на собственное обогащение; человек, который пытается (предпринимает попытку) заработать; человек, у которого есть дело, приносящее прибыль 1) и т.д.

Всего в результате эксперимента методом свободных дефиниций в содержании концепта «Предприниматель» было выявлено 23 когнитивных признака.

Участникам экспериментов по методике Бендикса было предложено сравнить слово «предприниматель» с близкими ему по значению словами: «бизнесмен», «делец», «толстосум». Участникам экспериментов было предложено задание: «Закончите фразу: «Он предприниматель, а не бизнесмен, потому что...», «Он предприниматель, а не делец, потому что...», «Он предприниматель, а не толстосум, потому что...». Цель экспериментов – выявить когнитивные признаки концепта «предприниматель», а также дифференцирующие признаки в значениях лексем «предприниматель» / «бизнесмен», «предприниматель» / «делец», «предприниматель» / «толстосум».

В эксперименте с заданием «Он предприниматель, а не бизнесмен, потому что...» приняли участие 110 человек. 90 человек написали свои варианты ответов, 20 – отказались.

При обработке результатов эксперимента в зави-

симости от того, на что респонденты сделали акцент, все полученные ответы мы разбили на группы.

Ответы, которые характеризуют слово «предприниматель»: – Выглядит обычно, не как западный деловой человек; – Его бизнес гораздо меньше; – Жадный; – Занимается слишком мелкими делами, с небольшим оборотом средств; – Имеет маленький доход; – Имеет небольшой оборот денег и товара; – Лично ездит в Китай за тряпками; – Мелковат; – Меньше капитал и занимается легальными предпринимательскими деятельностями; – Много работает сам и честен в своем бизнесе; – Мыслит меньше; – Не достиг подобного уровня; – Ищет пути к зарабатыванию денег; – Он пока предпринимает; – Русский; – Слишком честный и не такой симпатичный; – Скромный; – У него пока еще мало денег; – Уровень его интеллекта выше; – Часто занимается не только перепродажей товара, но еще что-то производит и другие.

Ответы, которые характеризуют слово «бизнесмен»: – Бизнесмен занимается более крупной коммерческой деятельностью; – Бизнесмен может работать не официально, не быть зарегистрированным в государственных документах и не платить налоги; – Бизнесмен обычно богаче и другие.

Ответы, которые характеризуют и слово «предприниматель», и слово «бизнесмен»: – Бизнесменом можно назвать любого человека, занимающегося делом. Предприниматель организует свое частное дело, предприятие; – Как правило, предприниматель не является собственником широких масштабов, отсюда обозначение «ЧП». Бизнесмен, следовательно, человек, занимающийся крупным бизнесом (фирмы, юридические конторы); – Он живет в России. Жил бы в США, был бы бизнесмен; – Он занимается развитием своего предприятия, его статус ниже, чем у бизнесмена; – Предприниматель организует какое-либо предприятие (как правило – одно), а бизнесмен главным для себя считает прибыль; – Предприниматель относится к сфере торговли, а у бизнесмена чаще всего свои капиталы; – Предприниматель создает новые фирмы и производства, а бизнесмен имеет дело с существующими структурами и другие.

Также был выделен ряд ответов, характеризующих слова «предприниматель» и «бизнесмен» как лексические синонимы, не содержащие никаких дифференцирующих признаков.

Методика обработки результатов этого эксперимента аналогична методике обработки результатов эксперимента методом свободных дефиниций. Всего было выделено 32 когнитивных признака в содержании концепта «Предприниматель».

В эксперименте с заданием «Он предприниматель, а не делец, потому что...» приняли участие 90 человек. 63 человека написали варианты ответа, 27 – отказались.

При обработке результатов эксперимента ответы респондентов также были разбиты на группы. Например:

Ответы, которые характеризуют слово «предприниматель»: – Занимается не сомнительным делом; – Занимается честной деятельностью; – Зарегистрирован; – Имеет свое предприятие; – Немного культурнее; – Не только заключает сделки, но и развивает предприятие; – Он грамотно подходит к своей деятельности; – Он дорожит своим делом и не пускается в авантюры; – Он имеет юридическую регистрацию и несет ответственность; – Он серьезнее; – Работает на себя и другие.

Ответы, которые характеризуют слово «делец»: – Делец – неудавшийся предприниматель; – Делец – пренебрежительное отношение; – Делец – уничижительное понятие; – Делец – устаревшее слово; – Делец – это нечестный предприниматель и другие.

Ответы, которые характеризуют и слово «предприниматель», и слово «делец»: – Предприниматель – более узкая сфера деятельности, а делец может заниматься любым делом; – Предприниматель в идеале должен зарабатывать честным путем, тогда как слово «делец» употребляется чаще по отношению к нечестным людям; – Предприниматель занимает определенную нишу в экономике, платит налоги и ограничен законом, а делец сорвал «куш» – и в тень; – Предприниматель чаще всего является хорошим работником, что не скажешь о дельце; – Слово «предприниматель» для меня не ассоциируется с чем-то не совсем честным, а «делец» – понимаю, как кто-то не порядочный и другие.

В результате эксперимента, в котором было предложено сравнить слова «предприниматель» и «делец» было 22 когнитивных признака.

В эксперименте по сравнению слов «предприниматель» и «толстосум» приняли участие 90 человек. 78 человек написали свои варианты ответов, 12 – отказались.

Ответы, которые характеризуют слово «предприниматель»: – Большую часть прибыли вкладывает в производство; – Вкладывает деньги во что-либо, а не копит их; – Возможно, он пока не заработал много денег; – Действует не всегда в своих личных интересах; – Зарабатывает деньги с помощью торговли; – Имеет чувство такта-поведения при проведении своей деятельности; – Набивает не только свою «суму» (дает рабочие места, платит налоги и т.д.); – Не все предприниматели имеют много денег; – Не всегда жадный и богатый; – Не всегда предпринимательская деятельность делает человека богатым; – Он может быть мелким предпринимателем; – Он может не заниматься накопительством; – Предприниматель бывает и без денег; – Предприниматель вкладывает свои деньги в дело; – Предпринимательство не обязательно приводит к богатству, предприниматель может едва сводить концы с концами; – Работает законно, поэтому меньше денег зарабатывает; – Умнее, шире, солиднее; – Хочет развить свое производство, а не просто накопить деньги и другие.

Ответы, которые характеризуют слово «толстосум»: – Толстосум может и не быть предпринимателем. Он может заниматься политикой; – Толстосум может получить деньги, не занимаясь предпринимательством;

– Толстосум очень богат, работает в сфере финансов, непосредственно делами занимаются его менеджеры; – Толстосум, т.е. человек, владеющий крупной суммой денег, не обязательно занимается индивидуальной трудовой деятельностью. Например, получил деньги в наследство; – Толстосум – это простонародное название человека с деньгами, который иногда даже не может правильно ими распорядиться или куда-нибудь вложить и другие.

Ответы, которые характеризуют и слово «предприниматель», и слово «толстосум»: – Занимается бизнесом, а толстосум – жадный богатый человек; – Занимается делом, пускает свои деньги в оборот, но в то же время он может быть небогат, а толстосум – это просто богатый человек; – Не всякому предпринимателю удастся стать толстосумом (владельцем больших денежных средств); – Он занимается развитием своего предприятия и продвижением производимой продукции, а не сорит деньгами с целью привлечь внимание; – Он работает и зарабатывает деньги, а не занимается показухой; – Предприниматель – деятельный человек, а толстосум – нет; – Толстосум – это всегда плохо, ужасно, гадко. Хотя и предприниматели в последние 15 лет себя «скомпрометировали» и другие.

Всего выделено 20 когнитивных признаков в содержании концепта «предприниматель».

В результате свободного ассоциативного эксперимента было получено 190 ассоциатов. Ассоциативная статья слова-стимула «предприниматель» выглядит так:

Предприниматель 190: то же, что бизнесмен 19, предприимчивый 9, работающий на свою раскрутку 8, бизнес, большой трудяга, деловой человек, частное лицо 6, коммерсант, молодой, хозяин 5, богатый, деньги, новый русский, работать на деньги, частный бизнес, челноки 4, делец, деловой, свое производство, умный человек, хорошо работающий 3, в деревне, дурак, жулик, имеющий хозяйство, крутой, мелкий спекулянт, на ферме, обдирает людей, риск, свой завод, трудяга, хороший, я 2, активный, богатый человек, богач, буржуй, глуп, действовать, дело, держит киоски, заботы, зарабатывающий, игрок, кооператор, кретин, крутой мен, личность, лысый, махинация, машина, менеджер, молодец, молодой человек, мошенник, мужчина, мусор, на тачке, нечестный, один, организует, предприимчивость, предпринимает, преуспевающий, прибыль, прогорит, работага, рынок, своя земля, Скрудж, смекалка, сноб, собственник, спекулянт, страдает, стресс, толстый кошелек, тряпичник, удачливый, умен, учредитель, хитрый, частный 1. Всего реакций – 85, одиночных – 51.

Затем были выявлены когнитивные признаки, репрезентирующие в языковом сознании концепт «предприниматель». Всего в результате свободного ассоциативного эксперимента выявлено 28 когнитивных признаков концепта «предприниматель». После наименования признака указано число испытуемых, актуализировавших данный признак. Например: *Предприимчивый* 24 (предприимчивый 9, деловой человек 6, деловой 3, активный, действо-

вать, дело, предприимчивость, предпринимает, смекалка 1); *Богатый* 16 (богатый, деньги, новый русский 4, богатый человек, богач, буржуй, толстый кошелек 1); *Занимается негосударственной частной деятельностью* 12 (частное лицо 6, частный бизнес 4, кооператор, частный 1); *Использует нечестные методы* 10 (делец 3, жулик, обдирает людей 2, махинация, мошенник, нечестный 1) и т.д.

В результате направленного ассоциативного эксперимента было получено 110 ассоциатов. Ассоциативная статья слова-стимула «предприниматель» выглядит следующим образом:

Предприниматель 110: быстро соображает 12, деловые качества 9, быстро ориентируется 6, неопрятный, шустрый 5, грамотный в своем деле, здоровый, крепкий, коммуникабельный, с жвачкой и цепью, уставший, энергичный 4, деловой, динамичный, замученный, интеллигентный, не умеет разговаривать, очень крутой 3, активный, бегающий, быстрый, молодой, небритый, предприимчивый, худой 2, авантюрный характер, богатый, в джинсах и свитере, деньги работают, индивидуальный, инициативный, находчивый, «пальцы веером», решительный, с деловой хваткой, успешный, успешный в бизнесе, частный 1. Всего реакций – 38, одиночных – 13.

Всего в результате направленного ассоциативного эксперимента выявлено 15 когнитивных признаков концепта «предприниматель». Например: *Умный* 23 (быстро соображает 12, быстро ориентируется 6, грамотный в своем деле 4, находчивый 1); *Не вызывает симпатии* 15 (неопрятный 5, с жвачкой и цепью 4, не умеет разговаривать 3, небритый 2, «пальцы веером» 1); *Деятельность связана с решением проблем* 7 (уставший 4, замученный 3); *Деятельность имеет успех* 3 (деньги работают, успешный, успешный в бизнесе 1) и другие.

После обработки результатов всех экспериментов было выявлено 130 когнитивных признаков концепта «Предприниматель». После проведения процедуры когнитивной интерпретации, т.е. объединения близких по содержанию когнитивных признаков в один (1), мы можем представить 57 когнитивных признаков концепта «предприниматель», выявленных в лингвистических экспериментах. После наименования когнитивного признака указан показатель средней частоты появления этого признака в экспериментальной объективации концепта «Предприниматель». Для определения средней частоты когнитивного признака мы суммировали показатели частоты появления каждого признака в каждом эксперименте и полученную сумму разделили на число проведенных экспериментов.

- 1 Предприимчивый 11,3
- 2 Занимается каким-либо бизнесом 10,0
- 3 Владелец какого-либо собственного дела/предприятия 8,7
- 4 Занимается торговой деятельностью 6,3

- 5 Небогатый 6,3
- 6 Деятельность направлена на получение дохода 6,2
- 7 Занимается деятельностью небольшого масштаба 5,3
- 8 Ведет деятельность в рамках закона 5,2
- 9 Умный 4,8
- 10 Высоко оценивается обществом 4,5
- 11 Занимается развитием своего дела 4,3
- 12 Занимается негосударственной частной деятельностью 3,8
- 13 Не вызывает симпатии 3,3
- 14 Организатор какого-либо дела / предприятия 3,3
- 15 Много работает 3,0
- 16 Богатый 2,8
- 17 Занимается производственной деятельностью 2,0
- 18 Хозяйствующий субъект 2,0
- 19 Использует нечестные методы 1,8
- 20 Деятельность связана с решением проблем 1,7
- 21 Занимается предпринимательской деятельностью 1,7
- 22 Непосредственный исполнитель 1,7
- 23 Деятельность связана с риском 1,5
- 24 Занимается узкой сферой деятельности 1,3
- 25 Имеет хорошее здоровье 1,3
- 26 Молодой 1,3
- 27 Серьезный 1,3
- 28 Имеет авантюрный характер 1,2
- 29 Деятельность имеет успех 1,0
- 30 Занимается деятельностью крупного масштаба 0,8
- 31 Занимается торговыми спекуляциями 0,8
- 32 Не очень умный 0,8
- 33 В своих действиях независим 0,7
- 34 Живет и действует в России 0,7
- 35 Занимается сельским хозяйством 0,7
- 36 Коммуникабельный 0,7
- 37 Создает рабочие места 0,7
- 38 Имеет невысокий общественный статус 0,5
- 39 Интеллигентный 0,5
- 40 Может не быть владельцем собственного дела 0,5
- 41 Должен иметь юридическое образование 0,3
- 42 Жадный 0,3
- 43 Занимается какой-либо финансовой деятельностью 0,3
- 44 Имеет машину 0,3
- 45 Управляет организацией 0,3
- 46 Худой 0,3
- 47 Демократичен в одежде 0,2
- 48 Должен иметь специальное образование 0,2
- 49 Женщина 0,2
- 50 Зарабатывает своими идеями 0,2
- 51 Лысый 0,2
- 52 Может не участвовать в бизнесе 0,2
- 53 Может организовать любой вид деятельности 0,2
- 54 Мужчина 0,2
- 55 Немного культурнее, чем делец 0,2
- 56 Скромный 0,2
- 57 Хитрый 0,2

Таким образом, комплексное использование экспериментальных методик в лингвоконцептологическом исследовании показало свою эффективность и позволило достаточно полно описать концепт «Предприниматель» и выявить как ядерные когнитивные признаки, так и признаки, составляющие периферию содержания концепта.

ЛИТЕРАТУРА

Стернин И.А. Когнитивная интерпретация результатов лингвистических исследований // Новое в когнитивной лингвистике. Под ред. М.В.Пименовой. – Кемерово, 2006.

В.И. Карасик (Волгоград)

Социокультурный типаж «шпана» в русском языковом сознании

Одним из направлений лингвоконцептологии является выделение и описание лингвокультурных типажей – обобщенных узнаваемых образов представителей той или иной культуры [Карасик, Дмитриева 2005; Деревянская 2005; Елина 2005; Коровина 2005; Мищенко 2005; Радван 2005; Скачко 2005; Ярмахова 2005; Макарова 2006; Селиверстова 2006]. Лингвокультурные типажии могут иметь этнокультурную значимость, выражать ценности всего сообщества, подчеркивая национально-культурное своеобразие этноса (этнокультурные типажии, например, английский аристократ, американский ковбой, русский интеллигент) либо социокультурную значимость, характеризуют особую социальную группу, противопоставленную остальному обществу (социокультурные типажии, например, компьютерный хакер или футбольный фанат) [Лутовинова 2006; А.В.Карасик 2005]. В любом человеческом сообществе выделяются криминальные личности – воры, мошенники, бандиты и т.д. К числу таких криминальных или полукриминальных социокультурных типажеев относится шпана. Этот типаж, насколько мне известно, еще не был предметом лингвокультурологического анализа.

Трактую социокультурный типаж как разновидность концептов [Карасик 2004, 2007], обратимся к понятийным, образным и оценочным характеристикам шпаны.

Рассмотрим словарные дефиниции.

Шпана – *обычно собир. Разг.-сниж. (неодобр.)*. Хулиган, жулик. *Он был шпаной и пропойцей. Фабричная шпана. Связаться со шпаной. Здесь собиралась шпана со всего района.* Бранно. *Ах ты, шпана бессовестная!* (БТС).

Шпана – *чаще собир.* Арестанты (или арестант), находящиеся в тюрьме (воров. арг., устар.). || Хулиганье (или хулиган), жулики (простореч. вульг.). *Собралась всякая шпана. Он – настоящая шпана* (Ушаков).

Шпана – *обычно собир. (прост., презр.)* Мелкие жулики и хулиганы (Шведова).

Шпана – 1. *Неодобр., жарг.* Мелкий жулик, хулиган. *В молодости был шпана и пьяницей.* 2. *собир.* Жулье, хулиганы, уличные воришки. *Писатель В.Распутин в его Иркутске получил от местной шпаны по голове только потому, что тем захотелось завладеть его шикарными джинсами* (Химик).

Мы видим, что данное слово является собирательным и его значение раскрывается через слова «арестант», «хулиган», «(мелкий) жулик». В первом, устаревшем значении имеются в виду люди, находящиеся в тюрьме, под арестом. Второе значение толкуется с помощью слов «хулиган» и «жулик».

Хулиган – Тот, кто занимается хулиганством (= Нарушение правил общественного порядка, общепринятых норм поведения, свидетельствующее о неуважении к обществу, к достоинству человека). *Задержать хулигана | О дерзком, злом озорнике. Не мучай кошку, хулиган!* (БТС).

Жулик – Вор, занимающийся мелкими кражами. *Жулики украли у меня кошелек* || Разг. Тот, кто жульничает, плут. *Ловко провели меня жулики* (БТС).

Строго говоря, хулиган не имеет ничего общего с жуликом, кроме тематической отнесенности к нарушителям закона и вытекающей отсюда отрицательной оценки. Эту дефиницию удовлетворительной признать нельзя.

Признаковый состав рассматриваемого концепта в понятийном плане соответствует представлениям рядовых граждан – основных носителей лингвокультуры – и является следующим: 1) группа людей, 2) нарушающая правила общественного порядка и совершающая мелкие правонарушения, 3) вызывающая к себе презрительное отношение, 4) часто находящаяся в состоянии алкогольного опьянения, 5) обычно живущая в бедных рабочих окраинах городов. Эти признаки вытекают из определений и словарных иллюстраций. Обратим внимание на то, что в словарях не фиксируется возраст и пол шпаны. Наиболее размытой частью дефиниции является ее собственно юридическая часть: в словаре не перечислены разновидности нарушений правил общественного порядка и мелкие правонарушения, поскольку для обыденного языкового сознания это не играет важной роли.

Этимология слова «шпана», по мнению Л.В. Куркиной, такова: Возм., из польск. воровского арг. *szpana* ‘постоянный обитатель тюрьмы’, восх. к нем. арг. *spanvelder, schwanvelder* ‘бродяги, род воров’, позднее *spanna* ‘глядеть, следить, высматривать’; связующее семантическое звено – ‘мальчишки, поставленные воров на караул, на стрёме’ (Шведова).

В обиходном сознании шпана неоднородна: сюда относятся беспризорники и босяки первых лет Советской власти, дворовые озорники, хулиганы, а также, с некоторыми оговорками, бритоголовые «гопники» (агрессивно настроенные подростки, как правило, члены антиобщественной группировки – Химик) и «скинхеды» (агрессивные молодые бритоголовые националисты, от англ. *skinhead*, отметим, впрочем, что не все скинхеды являются фашистами и расистами).

В профессиональном сознании юристов те поступки, которые обычно ассоциируются с поведением шпаны, квалифицируются как мелкое хулиганство. Кодекс Российской Федерации об администра-

тивных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. следующим образом определяет состав такого правонарушения и санкции по отношению к нему:

«Глава 20. Административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность

Статья 20.1. Мелкое хулиганство

1. Мелкое хулиганство, то есть нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, сопровождающееся нецензурной бранью в общественных местах, оскорбительным приставанием к гражданам, а равно уничтожением или повреждением чужого имущества, – влечет наложение административного штрафа в от размере от пятисот до одной тысячи рублей или административный арест на срок до пятнадцати суток.

2. Те же действия, сопряженные с неповиновением законному требованию представителя власти либо иного лица, исполняющего обязанности по охране общественного порядка или пресекающего нарушение общественного порядка, – влекут наложение административного штрафа в размере от одной тысячи до двух тысяч пятисот рублей или административный арест на срок до пятнадцати суток».

В «Юридическом словаре» (www) сказано:

«Мелкое хулиганство – административное правонарушение, предусмотренное ст. 158 КоАП, граничащее с уголовно наказуемым хулиганством. К М.х. относится нецензурная брань и появление в пьяном виде в общественных местах, оскорбительное приставание к гражданам и другие подобные действия, нарушающие общественный порядок и спокойствие граждан. Вопрос о наказании за М.х. решает начальник органа внутренних дел (или его заместитель). Он либо накладывает штраф, либо передает дело на рассмотрение суда». Мелкое хулиганство противопоставлено хулиганству:

«Хулиганство – преступление против общественной безопасности, предусмотренное ст. 213 УК РФ; грубое нарушение общественного порядка, которое выражает явное неуважение к обществу, сопровождается применением насилия к гражданам либо угрозой его применения, а равно уничтожением или повреждением чужого имущества». Юристы определяют преступление как «виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом под угрозой наказания», при этом признаками преступного деяния выступают «общественная опасность, противоправность, виновность, наказуемость. ... Преступления отличаются от иных правонарушений характером и степенью (иначе – уровнем) общественной опасности».

Мы видим, что в юридическом сознании нарушение правил общественного порядка конкретизируется по сравнению с обиходным сознанием и включает следующие признаки: 1) демонстрация явного неуважения к обществу, 2) нецензурная брань в общественных местах, 3) оскорбительное приставание к гражданам, 4) появление в пьяном виде в общественных местах, 5) уничтожение или

повреждение чужого имущества, 6) применение насилия к гражданам либо угроза его применения. Подобные нарушения считаются более тяжкими, если они сопряжены с неповиновением требований представителей власти. Разумеется, в кодексе остается некий зазор для принятия решения представителями закона при квалификации таких правонарушений (формулировка «и другие подобные действия, нарушающие общественный порядок и спокойствие граждан»).

Для самоидентификации рассматриваемый социокультурный типаж использует слово «пацаны», вкладывая в это слово более широкое содержание, чем «парни», «мальчишки», это скорее «мои друзья, с которыми мы вместе гуляем и наводим страх на весь мир». В криминальной среде используются слова «братва» и «братки».

Если попытаться структурировать криминальный мир по его основным параметрам, то мы получим следующие позиции: 1) вор, в широком смысле слова, как представитель криминального сообщества, 2) представитель карательных органов государства, назначение которых – борьба с преступностью, на языке воров «мент», 3) потенциальная жертва воров, человек, которого можно обмануть, обворовать, ограбить, на языке воров «лох», 4) человек, не относящийся к миру воров, ментов и лохов, вызывающий презрение со стороны воров, на их языке «фраер» (в ряде случаев фраер может стать лохом).

Соответственно, когнитивная и оценочная характеристика действительности применительно к сфере криминалитета осуществляется с трех углов зрения – с позиций нарушителей закона, с позиций хранителей закона и с позиций рядовых граждан. Выделение и самоидентификация представителей каждой из этих точек зрения имеет четкую специфику: именно поэтому слово «вор» по-разному осмысливается самими ворами, органами власти, ведущими с ними борьбу и обычными людьми. В этом плане шпана – это выделенная группа полукриминального и криминального мира с позиций рядовых граждан, сами участники этой группы называют себя иначе (например, «пацаны», «братва», «братки»), иначе определяют эту группу и органы правопорядка («несовершеннолетние правонарушители», «мелкие хулиганы»).

Воры не образуют монолитной группы, внутри этого сообщества выделяются следующие группы: 1) воровские авторитеты (на вершине стоят «воры в законе»), 2) «шестерки», занимающие самую нижнюю ступеньку в воровской иерархии, 3) воров-одиночки, 4) предавшие воров «активисты», т.е. преступники, вставшие в местах заключения на путь исправления и вызывающие ненависть у воров, 5) начинающие преступники. Существуют различные специализации нарушителей закона – разновидности мошенников, карманников, содержателей притонов, бандитов, распространителей наркотиков и т.д. Все воровское сообщество представляет собой структуру полевого типа, центр которого составляют воры, имеющие судимость и живущие по

законам воровского мира, а периферию – различные группы, поведение которых признается асоциальным (бродяги, «неформалы», шпана). Воровской мир вырастает из шпаны, молодежь из бедных малообразованных семей выражает своим асоциальным поведением протест против несправедливого, по их мнению, миропорядка, построенного на внешней благопристойности и внутренней беспринципности и бессердечности. Часть шпаны уходит в криминальный мир, большинство, однако, перерастает эту стадию подросткового бунта и начинают жить по нормам рабочего класса или люмпенизированной части населения.

Типологически шпана соотносится с разрядом «псов» или «волков» в древнем общественном устройстве [Агранович, Стефанский 2003: 96]. Это были молодые люди, вышедшие за рамки отрочества и еще не ставшие взрослыми мужчинами. Таких членов племени на определенное время выселяли за рамки поселения, где они должны были вести дикий образ жизни. Для них не существовало социальных норм. Всякий, кто выходил за границы поселения, мог стать их добычей. Их поведение отличалось жестокостью как по отношению к жителям поселения, так и друг к другу, они вели постоянные стычки друг с другом, и этот период являлся их инициацией. Выжившие в этих условиях имели право в определенное время вернуться в поселение и становились взрослыми мужчинами, воинами, полноправными членами сообщества. Ритуалы такого типа свойственны различным социумам, находящимся на стадии первобытного развития.

Образные характеристики рассматриваемого типажа можно определить путем анализа сочетаемости имени концепта «шпана», расширенного иллюстративного контекста, раскрывающего этот концепт, и с помощью эксперимента.

В произведениях современной художественной литературы и публицистики мы сталкиваемся с различными сочетаемостными характеристиками имени исследуемого типажа (использованы данные «Национального корпуса русского языка» www.ruscorpora.ru, 351 употребление слова «шпана» в разных падежных формах). Среди приведенных текстовых фрагментов можно противопоставить семантически диагностирующие и не диагностирующие употребления рассматриваемого слова, к первым относятся те примеры, в которых раскрывается семантика данного слова, ко вторым – те случаи, когда смысл этого слова остается скрытым: *И когда его била шпана в Малаховке, молчал (В. Аксенов) – Я не знаю, что такое шпана (Ю. Трифонов).*

В корпусе диагностирующих примеров выделяются следующие атрибутивные уточнения рассматриваемого слова.

Локальная характеристика:

Шпана московская тоже не спит, свое дело делает (К. Симонов).

...писатели в городе Вологде приличные, но одеты – что тебе портовая шпана (В. Астафьев).

Искал сомнительных приключений с краснопресненской шпаной (М. Захаров).

Смелый, предприимчивый, он сумел прибрать к рукам всю одесскую блатную шпану (Л. Утесов).

...он хулиган, пригородная шпана (А. Найман).

Он видел такое выражение лица у Сашки, когда во время драки в сельском клубе заезжая шпана вытащила ножи (К. Тахтамышев).

Скорее всего, это дело рук местной шпаны (Новости).

Мама моя считала, что для того, чтобы ребенок не стал уличной шпаной, у него должны быть увлечения, какое-то занятие помимо школы (Ю. Башмет).

Ровным строем, четко печатая шаг, шла по улице милиция нашего города, а за ней, старательно держа ногу, вышагивали ее постоянные оппоненты и подопечные – наша городская шпана (Ф. Кривин).

Мы видим, что шпана локализуется по географическому принципу (московская, одесская, краснопресненская), по месту обитания (городская, пригородная, уличная, портовая), по признаку «свой / чужие» (местная, заезжая). Не каждая социальная группа имеет столь четкую локальную фиксацию, вероятно, шпана воспринимается как непременная принадлежность сообщества.

Возрастная характеристика:

В Холмогорах, кстати, как Ломоносов среди питерских несмышленишей, сидел в зоне с малолетней шпаной замечательный художник Слава Сысоев (Е. Попов).

Интерес к технике привел меня в Дом пионера и школьника – ДПШ, что мы расшифровывали по своему: Дом подрастающей шпаны (Ю. Сенкевич).

О, это упоительное зрелище: начинает перекидываться снегом всякая шпана, вроде нас, а там пошло-поехало, и в конце концов убеленные сединами и осиянные лысынами начинают мальчишничать (Ю. Даниэль).

...молодежь, несовершеннолетняя шпана озорничает и творит Бог знает что... (С. Довлатов).

Типичный возраст шпаны – подростки.

Характерное поведение:

Но шпана, которую боялась вся Синопская набережная, немела и потела перед этой маленькой женщиной с седыми буколками (Ю. Кантор).

Отстающий в росте, подверженный обморокам и слегка припадающий на левую ногу (родовая травма), подросток дать отпор распоясавшейся шпане, ясное дело, не мог (С. Гандлевский).

Мы обернулись, и сразу смех перешел в угрожающее урчание - там сидела шпана, "фиксатая", пьяная, всё как полагается (А. Найман).

Мелкая шпана, за пять долларов готовая отца родного продать... (А. Азольский).

Ибо шпана заказная только того и ждет – третий, притаившийся, готов тукнуть по темечку из сумрака якобы спасительной лестничной площадки (А. Измайлов).

Все они были в одинаковых кожаных куртках со множеством карманов и пряжек, бритые наголо, с помятыми бледными лицами, похожие на пригородную шпану (С. Болмат).

А новоявленного Христа (он же Петя Салабонов) распинает на стенке вагона пьяная шпана (Л. Аннинский).

Шпане свойственно быть пьяной, наводить страх, испытывать страх, быть продажной, выполнять на заказ грязные дела, вплоть до убийства, иметь сходную внешность (обратим внимание на кожаные куртки с множеством пряжек в одном случае и наличие «фикс» – золотых зубных протезов – в другом случае, внешность изменчива, но группы узнаваемы).

Условия жизни:

Ходить туда поодиночке или даже небольшими группами было опасно – там постоянно обитала настоящая бездомная шпана, с которой лучше не сталкиваться (А. Козлов).

После войны это было царство безотцовной шпаны, где споры разрешались финками (Е. Евтушенко).

Характерно, что такая музыка нравилась всем, она объединяла и интеллектуалов-студентов, и подмосковную малообразованную шпану, которая имела название "урла" (А. Козлов).

Шпана часто бывает бездомной, малообразованной и лишенной родительской заботы.

Атрибутивное уточнение может быть общеотрицательным и экспрессивным:

Разве от хорошей жизни офицеры из гарнизонов по барахолкам таскаются, со шпаной всякой яшиаются, оброк бандитам платят? (А. Михайлов).

Вы можете меня спросить, почему же отъявленная шпана принимала моего друга как своего? (Э. Володарский).

Определения типа «всякая», «отъявленная», «настоящая» являются десемантизированными экспрессивно-оценочными усилителями при слове «шпана».

Встречаются и переносно-расширительные атрибутивные характеристики шпаны:

...раньше меня отсюда нещадно вытуривал администратор Шапиро, гроза околоточной шпаны, нынче же я восседал за столиком со своим редактором в полном своем праве (Н. Климонтович).

Я вышел на трибуну и сказал: главная беда состоит в том, что Горбачев окружил себя политической шпаной (А. Яковлев).

Сидеть в престижном кафе Дома литераторов имели право только лица, у которых были соответствующие удостоверения, и те, кто такими документами не обладал, подлежали выдворению подобно мелким правонарушителям. Аналогичным образом сравниваются с полукриминальными элементами те политики, которых отрицательно оценивает один из отцов-основателей перестройки.

Предикатная характеристика исследуемого слова объясняет типичные занятия шпаны.

Приставания, угрозы и побои:

Зонт у капитана Никоненко сломался еще весной, когда к нему на станции в Сафонове пристала какая-то шпана (Т. Устинова).

Грозит вам какая-то шпана... (Ю. Домбровский).

В холодные зимние дни, когда окна в квартирах покрыты картами узоров, а на улице кого-то весело метелит пьяная шпана, особенно уютно с близким человеком у домашнего очага (С. Данилюк).

Наемная шпана вряд ли будет неотступно кружить вокруг указанного субъекта: выскочили-измордовали-отскочили, всего делов! (А. Измайлов).

Пьяная шпана внезапно нападает стаей и получает удовольствие от избивания человека.

Причинение материального вреда:

Местная шпана из классовой ненависти пыталась исподтишка цапнуть гвоздем крыло или проколеть шину (Ю. Грозмани).

Думал, я шпана несознательная, за бананами полез? (О. Некрасова).

Зимой шпана всякая на дачах живет – стекла бьют, печки рушат, а мне и лучше (Саша Соколов).

Шпана совершает мелкие кражи, портит жилища и автомобили.

Образ жизни:

...направо – три пивных ларька и закусовая-стекляшка, где днюет и ночует великовозрастная шпана, так что лучше обходить павильон стороной во избежание неприятностей (С. Гандлевский).

Какая-то мелкая шпана за сигарету пыталась перетащить Служкина через какой-то бетонный забор, но так и не смогла (А. Иванов).

Сын Марины Анатольевны больше не шляется со всякой шпаной – готовится к поступлению в Красноярский университет (Е. Прошкин).

Шпана сбегает с уроков – считает себя уже достаточно умной, чтобы стать якудза («Известия»).

Шпана ботала по фене и верховодила, это были подростки, для которых в самом звуке слова "тюрьма" таилась некий романтический призыв; вокруг их лидера и его близкого окружения вились слабенькие паренки из послевоенных бедных и униженных слабеньких рабочих семей, готовые выполнить любой приказ (Н. Климонтович).

Шпана любит проводить досуг у пивных ларьков, бесцельно бродить по улицам, на спор идет на странные и опасные для других людей поступки, пытается подражать взрослым вора (ботать по фене – говорить на воровском жаргоне), а в школьные годы нарушает правила поведения учащихся, считая себя суперменами (показательно слово «якудза» – члены соперничающих между собой групп традиционной организованной преступности в Японии, а также общее название таких групп, раньше использовалось наименование «мафиози», но за японской мафией тянется флер мистической таинственности, к которой примешивается модное в наши дни владение приемами восточного рукопашного боя).

Трусость:

Во всяком случае, шпана всколыхнулась, когда неподалеку замаячили три пары явно переодетых ментов, которые делали вид, что грызут семечки да курят (В. Скворцов).

Он знал, что уличная шпана, так же как и собаки, чувствуют запах страха и наглейт,

поэтому нападают только на тех, кто боится (М. Баконина).

Елизавета неприятно удивилась – муж никогда не держал в доме ружья, охотников за глаза звал шпаной: по его убеждению, только шпана утверждает свое мужское достоинство, напиваясь под ракитой, горланя, гороя вранье, похваляясь оружием и почем зря пая по безоружным (А. Дмитриев).

Шпана боится милицию и всех тех, кто достаточно силен, чтобы дать отпор, этот страх переходит в наглость перед беззащитными и жестокость по отношению к ним.

Объектные характеристики рассматриваемого слова показывают, что делают со шпаной органы правопорядка либо сильные люди:

Трясли по всему району шпану (А. Геласимов).

В зале продолжался шум: эту в самом прямом смысле шпану пытались выдворить, а она продолжала свои бесчинства (И. Архипова).

...грозные курсанты наводят ужас на всю шпану в танцевальном "Мраморном зале" на Васильевском острове (А. Городницкий).

Шпану ловят, держат в страхе, выгоняют, показывая социальным низам их место.

Признаковый состав образно-ситуативных характеристик типажа «шпана» весьма разнороден. В художественной литературе и публицистике отмечается локальная конкретизация шпаны, ее возраст (в основном, подростки), типичное поведение – бесцельно ходить группой, приставать к беззащитным, быть пьяными, выполнять задания взрослых преступников, получать удовольствие от причинения боли и вреда, испытывать страх перед силой. Как правило, говорящий оценивает ситуацию, ассоциируя себя не со шпаной, в случае же самоотождествления с правонарушителями подчеркивает их романтизм, который противопоставлен лживой и несправедливой государственной идеологии.

Приведу пример развернутого иллюстративного контекста, распредмечивающего концепт «шпана».

В городе орудуют продуктовые грабители

Преступники вырывают из рук жертв не кошельки, а сумки с продуктами.

В городе зафиксирован новый вид преступлений. Грабители вырывают из рук жертв не кошельки, а обыкновенные продукты, пишет «Московский комсомолец».

Так, в 5-е отделение милиции, которое находится напротив Московского вокзала, за последние месяцы поступило несколько заявлений от потерявших.

Люди не просят вернуть им еду, а требуют наказать хулиганов, лишивших семью ужина.

Как правило, нападают грабители преимущественно на женщин.

Алгоритм такой: увидев даму с сумкой потяжелее, один подросток кидается ей навстречу, практически сбивая с ног. Другой вырывает хозяйственную сумку и бежит с добычей из вокзала на

улицу. Жертва, которая обычно падает, не пытается его догнать. Кражей сумок новые беспризорники не ограничиваются. Иногда они просто вырывают из рук мирных граждан мороженое, шаурму, блинчики, купленные в привозкальных кафе.

Лидия Селиверстова, пострадавшая от налетчиков, описывает ситуацию так: «Я стояла за столиком и ела блинчик. Ко мне подошел чумазый парнишка лет 12-ти. Попросил денег на хлеб, я отказала. «Ну тогда хоть едой поделись», – крикнул он. Выхватил блин из рук, ударил меня и был таков».

Милиция считает, что бандой подростков без определенного места жительства заправляют опытные бездомные. Существует у продуктовых воришек и общак, в который каждый вкладывает свою долю. Из него кормятся старшие собратья – кто-то из них не работает, так как имеет в иерархии бомжей высокий статус, а кто-то немощен и нездоров. Как пояснили стражи правопорядка изданию, у продуктовых воришек есть и вторая точка работы – Балтийский вокзал, откуда уходят пригородные электрички.

Самое любопытное, что младшие из «продуктовых воришек» специализируются именно на мороженом. Это своеобразный «бандитский форс»: мальчишки соревнуются между собой, кто вырвет мороженое у большего количества граждан. Они даже не съедают всю добычу – а просто выбрасывают «трофей» в урну.

Стражи правопорядка сообщили изданию, что классифицировать действия «продуктовых воришек» могут лишь по статье «Мелкое хулиганство». А за него больше 14-ти суток не дают.

В этом тексте сообщается о новом виде мелкого хулиганства, которое стало распространенным в сегдняшнем Санкт-Петербурге. Мы видим, что субъектами данного правонарушения являются подростки, они живут как беспризорники, у них есть иерархия, они соревнуются между собой в том, кто совершит более дерзкое нападение. Взятые вместе эти характеристики составляют разновидность нового проявления типажа «шпана» в современной России.

Эксперимент состоял в анализе коротких сочинений на тему: «Когда я думаю о шпане, я представляю себе...». Кроме того респондентам было предложено завершить высказывания «Шпана всегда...» и «Шпана никогда...». Всего было опрошено 200 респондентов – жителей г. Волгограда. Опрос производился в марте 2008 г.

Приведу типичные выдержки из сочинений:

группа подростков, преимущественно из неблагополучных семей, неряшливо одетые, обделенные вниманием и заботой родителей; трусливая стая; группа парней от 15 до 25 лет, держит под контролем двор (район), живет по своим законам; бесцельно слоняющиеся по городу полупьяные или обкуренные молодые люди, выскивающие легкую добычу;

вечер, парк, стайка шпаны, в возрасте 13-17 лет окружает парочку влюбленных, начинают зади-

раться, просят сигарету, постоянно сплевывают, отпускают пошлые шутки, улюлюкают вслед;

группа подростков, которая бьет стекла в школе, издевается над уборщицей, говорит гадости прохожим;

подъезд дома на окраине города, в нем собираются подростки из неблагополучных семей, они курят, выпивают, нецензурно выражаются и вызывают негодование жильцов;

неуверенные в себе подростки, они не знают, чем заняться и поэтому несут разрушения;

маленький двор, темная подворотня, группа молодых людей с гитарой, распивают алкогольные напитки, поют дворовые песни, нецензурно выражаются;

группа неопрятно одетых подростков, живут мелкими грабежами, употребляют наркотики, ведут себя неадекватно;

к одинокому мужчине или одинокой женщине на улице подходит группа молодых людей в обтрепанной одежде, нетрезвые, пытаются ограбить, избить, унижить человека, наглые лица; обычно есть главарь;

группа подростков или детей, в возрасте 10-15 лет, часто в рваной, старой, поношенной одежде, ведут себя по-хулигански, но не переступают закон;

школа, перемена между уроками, второгодники стоят группой и ухмыляются;

подростки до 17 лет, речь их растянута и полна вульгаризмов, руки держат в карманах брюк или курток;

группа подростков разбивает витрину магазина, убегает за угол и со стороны с удовольствием наблюдают за суетящимися людьми, это сделано ради забавы;

крепкие, «накачанные» молодые люди, ведущие себя по-хамски, из неблагополучных семей, готовые легко развязать драку;

группа мальчишек в возрасте 12-15 лет, бесцельно бродит по улицам, проделывают мелкие пакости, могут обидеть маленьких, забрать деньги. Одежда нараспашку, кепка набок. В деревне воруют из чужих садов фрукты, ягоды;

первые годы Советской власти, беспризорники, небрежно одетые, желающие эпатировать публику, уверенные в своей безнаказанности;

подростки мужского пола, 15-18 лет, неаккуратные, рэперский стиль, особые штаны, сленг, ругань, агрессивность?

бритоголовые подростки, участвующие в драках с такими же подростками с другой улицы или другого района.

Короткие сочинения информантов показывают, что при образно-ситуативном осмыслении шпаны актуальными оказываются признаки внешности, среды обитания, типичных форм поведения, речи. По внешним данным мы видим, что в индивидуальном сознании обычных людей шпана – это группа неопрятно одетых подростков (мнение респондентов колеблется в отношении возраста шпаны – это мальчишки, подростки или молодые люди от 10 до 25 лет), в последние годы шпана

ассоциируется с видом металлистов и рэперов (поклонники определенного эпатажного стиля в музыке и поведении, они носят особые украшения, перстни, припущенные штаны и т.д.), некоторые к шпане относят бритоголовых юнцов (скинхедов). Их типичная среда обитания – темная подворотня, грязный двор, подъезд многоэтажного дома в рабочей окраине, пустынные улицы (противопоставляются места отдыха и охоты). Типичные формы поведения – бесцельно бродить по городу, приставать к прохожим, драться с другими группами подростков (чужими), бить стекла (в школах – ненавидимых местах принудительного пребывания), разбивать витрины магазинов, отнимать деньги у младших школьников, распивать алкогольные напитки, курить сигареты и употреблять наркотики, петь дворовые песни под гитару, совершать налеты на деревенские сады, вести себя бесцеремонно и нагло, держать руки в карманах, часто сплевывать. Их речь характеризуется наличием нецензурных ругательств и молодежного жаргона, особой назальной протяженностью. Обратим внимание на групповую структуру: в стае шпаны должен быть главарь.

Респонденты часто включают в свои ответы рассуждения объяснительно-оценочного плана: дети из неблагополучных семей, обделенные вниманием и заботой родителей, трусливые, получающие подлое удовольствие от унижения других людей или причинения им вреда.

Характеризуя наиболее яркие признаки шпаны в высказываниях «Шпана всегда ...», респонденты отмечают следующее:

Шпана всегда хулиганит, бездельничает, болтается без дела, чувствует себя уверенно в группе, действует сообща, ведет себя нагло, вызывающе, жестоко, обижает тех, кто слабее, вызывает негодование соседей и окружающих, выглядит неопрятно, ругается нецензурными словами, труслива.

Контрастные признаки поведения рассматриваемого типажа устанавливаются через отрицательное высказывание «Шпана никогда...»:

Шпана никогда не хочет учиться и работать, не бывает вежливой и хорошо одетой, не окажет помощи другим, не имеет друзей, не позаботится о слабых, не проявит самостоятельности, не думает о будущем, не сидит дома, не признает своих ошибок, не исчезнет.

Эти признаки в значительной мере соответствуют названным ранее образным характеристикам рассматриваемого типажа.

В Русском ассоциативном словаре приводятся лишь несколько обратных реакций на слово «шпана»: пацан 4, мальчуган 3, банда 2, блатной, городской, кореш, моложе, наглый, повеса, разгильдяй, уличный, хулиган 1 (РАС). Тем не менее в этих реакциях четко прослеживается самоидентификация некоторых респондентов (пацан, кореш), возраст шпаны (мальчуган, моложе) и оценка этого типажа с позиций рядовых граждан (остальные реакции).

Оценочные характеристики типажа «шпана» обнаруживают специфику у рядовых граждан, пред-

ставителей государства и преступного мира.

В обиходном сознании шпана получает резко отрицательную оценку:

Ефрейтор Гаенко вырос среди пермской шпаны, где и приобрел сомнительный жизненный опыт, истерическую смелость и витиеватый блатной оттенок в разговоре (С. Довлатов).

Для семантической диагностики содержания слова весьма значимы те контексты, в которых данное слово употребляется в уточняющем либо контрастном сопоставлении с другими однородными членами предложения:

Были вещи, которых можно и нужно бояться: шпана, маньяки, террористы, катастрофы, пожары, войны, смертельные болезни (С. Лукьяненко).

Это же трепачи, шпана, пьянь, простые пако-стники (Ю. Домбровский).

Англичанину и американцу никогда не понять, что такое набитая до отказа воскресная платформа, ведь больше всего она похожа на военную эвакуацию; а что такое будни со шпаной, пьяницами, нищими? (З. Павлинская).

В приведенных примерах слово «шпана» семантически соотносится идеей мирового зла либо с недостойным поведением для порядочного человека.

Взгляд с другой точки зрения, оправдание шпаны:

Это была моя жизнь: двор, голуби, друзья-пацаны, шпана, театр, а рядом театральное училище (Н. Склярова).

На этих бревнах, или, на местном наречии, "на дровах", ежедневно сходилась дворовая аристократия – парни 15-16 лет, шпана, будущее население тюрем и лагерей (Е. Рубин).

В первом случае автор элегически вспоминает юность, дворовых друзей, которых взрослые называли шпаной, во втором случае речь идет о тех молодых людях, которые не захотели подчиниться социальной системе, проявили аристократическое самоуважение и в итоге оказались в тюрьмах и лагерях.

Интересен семантический контраст в контекстуальном уточнении смысла рассматриваемого слова:

Стиляги почти все были из зажиточных семей высоких служащих и научных деятелей, шпана представляла семьи рабочих (Э. Володарский).

Видя постоянную ложь и трусость взрослых – прежде всего учителей, – такой "со взором горящим" юноша, каким был тогда Шурка, и не мог не попасться на эту удочку: именно среди бесстрашной, независимой, плюющей на лживые условности взрослого мира шпаны только и мог он надеяться найти сохранными моральные устои, каковыми бессознательно очень дорожил (Н. Климонтович).

Непристойные жесты и подлинный смысл слов не задевали ее внимания, но все большее и большее отвращение охватывало Аглаю Петровну, когда она думала о том, что это говорят не просто грязные люди, хулиганы, пьяная шпана, а говорит система, государственный строй, будущее с их

точки зрения, говорит их "нравственность" (Ю. Герман).

Стиляги и шпана противопоставляются по классовому признаку, лживый мир взрослых контрастирует с независимым миром шпаны, и, наконец, мелкие преступники образуют антитезу государственному строю, который, как выясняется, имеет такую же криминальную основу.

С точки зрения государства любое правонарушение наносит обществу несомненный вред:

Распространилось "свэ" – социально вредный элемент – для воров и шпаны; "крд" и "кра" – контрреволюционная деятельность и агитация, "пи" – подозрение в шпионаже (О. Волков).

Представляет интерес морально-оценочная характеристика шпаны в публицистике: общими свойствами шпаны признаются неуважение жизни другого человека, неуважение чужой собственности, неспособность любить близких людей, даже собственных детей и родителей, органическая лживость и лицемерие (Кац, http). При таком подходе к определению рассматриваемого типажа шпана превращается в воплощение всех пороков человечества и тем самым теряет свои отличительные характеристики. Нельзя не согласиться с автором в том, что шпана – это питательная среда преступного мира, и если в основе склонности к преступлениям лежит отсутствие морали, то названные выше общие свойства шпаны объясняют такую склонность. Вместе с тем отметим, что у каждой социальной группы может быть свое представление о должном, оно есть и у преступников (например, можно и нужно обворовывать всех, кроме своих).

Оценочная суть шпаны ярко показана в рассказе Юнны Мориц «Шпана»: *«Ты тоже был маленьким, и шпана подучала тебя вцепляться в большое, делать ему всякие гадости, радуясь, что он беззащитен под ногами шпаны. Такой большой, и такой растоптанный, и доказать ничего не может»*. Стая мелких хищников терзает беззащитную жертву, упиваясь своей безнаказанностью. Известно, что одной из самых страшных угроз в преступном мире является обещание натравить на кого-либо малолеток, поскольку они не знают жалости и будут бить свою жертву насмерть с веселым игровым настроением.

Подведем основные итоги.

В русском языковом сознании выделяется социокультурный типаж «шпана», основными характеристиками которого являются следующие: 1) тройственное осмысление этого типажа (со стороны обычных людей, государственной власти и членов своей группы), 2) его высокая оценочная маркированность (негативная в первых двух случаях и позитивная в последнем), 3) конкретизация по возрасту, полу, уровню образования, материальному достатку и типичному месту проживания (преимущественно подростки мужского рода, малообразованные, из бедных семей, живущие в рабочих районах).

Наиболее яркими образными признаками шпаны для обиходного сознания являются ее внешний вид,

агрессивность, локальная принадлежность, бесцельное хождение группой по улицам, алкогольное или наркотическое опьянение, для юридического сознания - возможность совершения этими людьми правонарушений, попадающих под определение мелкого хулиганства, для самих членов этих групп – взаимная поддержка и противостояние враждебной среде.

Оценочные характеристики шпаны в обиходном сознании сводятся к осуждению ее жестокости,

подлости и ничтожества, в сознании власти – к определению типичных видов мелкого хулиганства как распространенного, не самого тяжкого правонарушения и контролю за тем, чтобы несовершеннолетние правонарушители не становились преступниками, в сознании самих представителей этой размытой социальной группы – к романтическому оправданию своего поведения, направленного на борьбу с несправедливым миропорядком

ЛИТЕРАТУРА

1. Агранович С.З., Стефанский Е.Е. Миф в слове: продолжение жизни (Очерки по мифолингвистике): монография. Самара: Самар. гуманитар. акад, 2003.
2. Деревянская В.В. Коммуникативный типаж «английский колониальный служащий» // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы. Волгоград: Парадигма, 2005.
3. Елина Е.А. Старая русская армия и ее типажы // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы. Волгоград: Парадигма, 2005.
4. Карасик А.В. Фанат как типаж современной массовой культуры // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы. Волгоград: Парадигма, 2005.
5. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.
6. Карасик В.И. Языковые ключи. Волгоград: Парадигма, 2007.
7. Карасик В.И., Дмитриева О.А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: Лингвокультурные типажы: сб. науч. тр. Волгоград: Парадигма, 2005.
8. Кац А.С. Шпана – мусор человечества / http://zhurnal.lib.ru/k/kac_a_s/spana.shtml
9. Коровина А.Ю. Лингвокультурный типаж “сноб” в английской художественной литературе // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы. Волгоград: Парадигма, 2005.
10. Лутовинова О.В. Лингвокультурный типаж «хакер» // Политическая лингвистика. Вып.20. / Гл. ред. А.П. Чудинов. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2006.
11. Макарова Л.И. Англоязычный лингвокультурный типаж «денди»// Антропологическая лингвистика: сб. науч. тр./ под ред. Н.А. Красавского, В.П. Москвина. Вып. 5. Волгоград: Колледж, 2006.
12. Мищенко М.В. Лингвокультурный типаж «американский ковбой» // Аксиологическая лингвистика: Лингвокультурные типажы: сб. науч. тр. Волгоград: Парадигма, 2005.
13. Радван В.М. Лингвокультурный типаж «американский супермен» // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы. Волгоград: Парадигма, 2005.
14. Селиверстова Л.П. Лингвокультурный типаж «Звезда Голливуда»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007.
15. Скачко Е.Ю. Лингвокультурный типаж «английский рыцарь»// Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы. Волгоград: Парадигма, 2005.
16. Ярмахова Е.А. Лингвокультурный типаж «английский чудаки»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005.

Лексикографические источники

1. БТС – Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А.Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998.
2. РАС – Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. М.: Астрель, АСТ, 2002.
3. Ушаков – Толковый словарь русского языка: В 3 т. / Под ред. проф. Д.Н.Ушакова. М.: Вече, Мир книги, 2001.
4. Шведова – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2007.
5. Химик – Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004.

В.И. Жельвис (Ярославль)**«Грубость»: проблемы классификации лексики**

В данном исследовании речь пойдет о попытке классификации самой разнообразной лексики, для которой, похоже, еще не придумано общепринятое название. Имеется в виду группа слов, в принципе осуждаемых обществом по самым разным причинам, но прежде всего в силу их резкости, грубости, сознательной направленности на нарушение приличий. В первую очередь, конечно, это обценные слова, которые еще недавно можно было назвать непечатными и которые сегодня, кажется, перестали смущать даже самых благонравных читателей.

Однако войти в эту группу буквально просится, например, инвективная лексика. В узком смысле инвектива – это всевозможные выпады, обзывания и оскорбления.

И, наконец, нельзя отказать в родстве с этими группами лексике, традиционно считающейся бранной. Прежде всего в нее входит безадресная брань «на воздух», она же «монологическая».

Именно так предлагает делить эти слова Д. Кристал в английском языке [Crystal 2005]. В его терминологии первая группа – это слова-табу, вторая (инвективная) – *abuse*, безадресную он именует *swearing*.

К сожалению, эта классификация вызывает множество вопросов, которые понимает Д. Кристал, но на которые и он сам не находит убедительных ответов.

В самом деле, очевидно, что элементы классификации Кристала сплошь и рядом пересекаются: Английское *Shit!* может использоваться в составе несильного восклицания, приблизительно соответствующего русскому «Черт возьми!», и тогда это «монологическая брань», *swearing*. В то же время, по крайней мере, в ряде социальных групп оно все же табуируется, и тогда его место в первой группе («табу»). Употребленное в составе сложного слова вроде *shithead* оно может употребляться как обзывание, то есть входит в «инвективную группу» (т.е. *abuse*).

Единственно возможный вывод из сказанного: классификация Д. Кристалла проведена по разным основаниям.

Другое дело, что, как правильно отмечает Д. Кристал, такие совпадения необязательны. *Piss* – безусловно табуируемое слово, которое ни в коем случае нельзя переводить на русский как невинное детское «писать». Ср. очень грубую рекомендацию *Don't piss against the wind* или поговорку *He who pisseth against the wind, wets his shirt*. Соответствующее русское адекватное выражение табуируется и одновременно часто употребляется в составе самой непристойной брани. Английское же *piss* в этом отношении сравнимо с немецким

глаголом *ficken* (вульгарное обозначение акта коитуса): оба слова очень грубы, но в состав ругательств, как правило, не входят, они просто делают речь вызывающе циничной, в чем, собственно, и состоит их главное назначение.

Еще сложнее обстоит дело со словами нетабуируемыми, но которые могут быть справедливо восприняты как обзывания, в том числе очень оскорбительные. Во всех культурах будет негативно воспринято «Щенок!», в современном русском употреблении «Козёл!», «Реакционер!», «Вор!», «Мракобес!» и т.п. Разумеется, здесь возможны тонкие переходы, потому что грань между обзыванием и, скажем, ласковым обращением достаточно неопределенна: «Собака!» будет звучать по-разному в зависимости от ситуации, интонации и, возможно, присутствия или отсутствия улыбки. В конце концов, оскорбительным может быть признано едва ли не любое обращение вроде «Мещанин!», не говоря уже о «Фашист!», а в западных культурах особенно – «Коммунист!».

В «Литературной газете» во времена перестройки был помещен юмористический рассказ о том, как один сотрудник вызвал другого на товарищеский суд за то, что тот обзвал его «хитрожопым коммунистом». После долгих споров суд постановил, что употребленное обвиняемым определение не является оскорблением, так как просто констатирует известный факт; а вот «коммунист» звучит как оскорбительное обзывание, потому что истец никогда в компартии не состоял...

Очевидно, что человека можно оскорбить, даже никак его не обзывая. Однако вряд ли можно обзывать, не оскорбляя – конечно, если проводить разницу между обзыванием и доброжелательным вокативом.

Есть смысл разобраться в значении слов, которыми именуются интересующие нас группы в разных языках.

В английском употреблении *obscenity* подразумевает неприличную сексуальную коннотацию – это «грязные» слова, *foul words*. *Blasphemy* – это слова непочтительные или выражающие презрение в религиозном плане, то есть богохульство. Но есть еще *profanity* – это слово с более широким значением, но тоже выражающее непочтительное отношение к священным предметам, таким как христианская религия, крест или святые.

Очевидно, что оба эти слова не могут служить элементами классификации Кристала, ибо основаны на смысле, а не на социальном значении.

Однако в английском языке присутствует и

слово с максимально широким значением - swearing, которое обычно (но не всегда – см. выше у Кристала) обозначает «брань вообще». Однако и здесь следует быть очень осторожным. В беседе с автором американский квакер заявил, что члены его секты do not swear, что можно понять как «мы не используем ругательства». Но на вопрос, что он сказал бы, ударив себя молотком по пальцу, он ответил: «Вероятно, Shit!» Что дает основание предположить, что swearing он понимал узко, только как синоним blasphemy или profanity, которые для квакеров безусловное табу.

Сказанное подтверждает тот факт, что термин swearing может быть применен к эмоциональным выкрикам, не имеющим конкретного адресата. Это, таким образом, не обзывание, но вполне может выглядеть как табуированное и вдобавок профанное высказывание, если оно усилено с помощью «грязных слов» вроде Fucking hell! В то же самое время в английском словоупотреблении не исключается и широкое его использование как названия для всей исследуемой группы – ср. книгу Дж. Хьюза Swearing с ее подзаголовком A Social History of Foul Language, Oaths and Profanity in English [Hughes 1991].

Основу данного противоречия следует искать в этимологии слова swearing, как, впрочем, и его соответствий в других языках. Дело в том, что первоначальное его значение – «клятва». Согласно Приложению к словарю Heritage [1970: 1544], корень swer восходит к глаголам говорения, в германских языках – to swear, proclaim. В современном употреблении to swear – 1) торжественно клясться, привлекая при этом божество или другую священную особу, но также священный предмет или (sic!) дьявола (I swear to God that I spoke the truth); 2) торжественно обещать, клясться (to vow); 3) использовать профанные клятвы, богохульствовать, браниться (= to curse: How dare you swear in my presence?); 4) в юриспруденции – приносить клятву, присягать, обещать говорить правду. To swear by – «клясться чем-либо или кем либо». To swear in – «приводить к присяге должностное лицо» (to swear in a mayor), то есть опять же заставлять его клясться. To swear at – «обругать к-л.» (He swore savagely at his worker). To swear off – «покаяться никогда больше не делать ч-л.» (To swear off smoking).

Swear-word интерпретируется словарями как слово, использованное для выражения непристойности, богохульства или оскорбления.

В английском языке имеется и еще целый ряд слов для обозначения исследуемого явления. Execration – «ругательство, сквернословие» с коннотацией «отвращение, омерзение»; vilification – «поношение, обзывание»; malediction связано с понятиями клеветы и, подобно execration, отвращения; curse – проклятие в самом широком смысле.

Obscenity, obscene words – от лат. obscenus – «гадкий, отвратительный», в переносном смысле – «грязный, мерзкий, непристойный, безнравствен-

ный». В еще одном значении – «зловещий, неблагоприятный». Иногда obscene интерпретируется как off scene, то есть то, что не следует выставлять на всеобщее обозрение, что, в общем, не противоречит сказанному об этом слове выше.

Рассмотрим классификацию соответствующей французской лексики так, как ее видит П. Жиро [Pierre Guiraud 1975]. Главное слово для него – jurer, которое имеет четыре значения: 1) клясться, поручиться, присягать; 2) ругаться, браниться, осуждать; 3) божиться; 4) выкрикивать, кричать благим матом [с. 101]. Как видим, просматривается аналогия с английским swearing. Однако далее наблюдаются явные расхождения.

На стр. 101 П. Жиро выделяет группу serment – «торжественная клятва в присутствии важных персон». Эта группа, отмечает автор, подразумевает «гаранта»: иногда это физическое лицо, но возможен и Бог: Par Dieu! Au Nom de Dieu!

За serment следует jurement – «божба, проклятие». Это менее торжественная клятва, проходящая в бытовых условиях, при меньшем количестве людей. Соответствующие слова не обценны, ими пользуются даже весьма почтенные особы, хотя церковь такую практику все же не одобряет. П. Жиро приводит цитаты из высказываний французских королей: Par la Paque-Dieu! Jour de Dieu! Le diable m'emporte! Foi de gentilhomme! Ventre saint-gris!

Так что jurement, как видим, это клятва Божественным именем. Бог призывается в свидетели, что сказанное является правдой. Сюда же относятся мольбы к Богу об успехе в каком-либо предприятии. Русское лексическое соответствие, по-видимому, «Богом клянусь!» (Ср. распространенное мусульманское «Клянусь Аллахом!»), «Ей-богу!», «Господи, помоги!». Однако прагматически здесь все же не вполне такая же задача, русские варианты кажутся слабее и в большинстве почти утратившими религиозный смысл.

Далее следует juron – слова, которые соединяют священное с профанным и криминальным. У них тоже религиозное происхождение. Это, например, peste, foutre, merde. Сегодня все они употребляются в бытовом контексте и связь с религией утратили полностью.

К перечисленным П. Жиро примерам можно присоединить еще несколько, имеющих существенные коннотативные отличия. Так, insult означает особенно грубую брань, подразумевающую надругательство. У него есть и устаревшее значение «кощунство», «богохульство». В ряду «оскорбления» понятие offense соотносится с понятиями «ранить» и «грешить», blessure ассоциируется с ранами и обидами, affront – с публичным позором. Outrage – это тяжкое, грубое оскорбление, нанесение морального ущерба и ассоциируемое с физическим воздействием.

Ряд французских слов, однокоренных с английскими, по понятным соображениям, более или менее совпадает по значению. Obsénités –

«сквернословие», *execration* – «ругательство», соотносимое с понятиями омерзения и отвращения. Однако есть и отличия: *malediction* употребляется, главным образом, как восклицательное междометие типа «Проклятие!»

По-иному классифицируют эту лексику немцы. В отличие от английского *to swear* и французского *jurer*, которые, как было показано, объединяют понятия «клясться» и «клясть», немецкое *schwören* не употребляется для обозначения «проклинать», «клясть» и «бранить». Существительное *Schwur* означает только «клятва». (Хотя, разумеется, происхождение *Schwur* – то же, что и англ. *swear*, так что исторически связь с клятвой присутствует и здесь). Основные слова, обозначающие брань – это *Schimpf* – «брань, ругань» и *Fluch* – «проклятие» и тоже «ругань». В первом из этих слов ощущаются коннотации типа «поношение», «обзывание», это слово может означать и «позор», «гнусность», а в южно-немецких диалектах оно довольно мягко и связано с понятиями «озорной», «шуточный», «шутливый». Употребляется также и *schelten* – «ругать, порицать, бранить». Существительное *Schelte* подразумевает ссору, выговор, нагоняй.

Второе слово – *Fluch* – восходит к религиозному «проклятию», хотя может пониматься и просто как «ругань». Нем. *Flucher* – «сквернослов». *Malediktion* – тоже «проклятие». Еще одно слово, связанное с религией – *Lasterung* – «богохульство», но также и «злословие», «клевета», «поношение» и просто «брань». Соответственно *lästerlich fluchen* – «непристойно ругаться». Это слово ассоциируется с понятиями порочности, развращенности, безнравственности, греховности, а также сплетнями.

Среди других названий можно упомянуть *Beleidigung*, связанное с понятиями обиды и оскорбления (оскорбление власти, оскорбление действием, оскорбление с помощью прессы и т.п.), *Verletzung*, основное значение которого – «ранение», «травма» и только потом – «оскорбление», и близкое ему *Kränkung*, имеющее отношение к понятию *krank* – «больной».

Слово *injurie*, восходящее к французскому *jurer*, употребляется, однако, немцами только в узко юридическом смысле, как специальный термин.

В русском словоупотреблении серьезных классификаций, по-видимому, еще не предпринималось. Можно попробовать делить соответствующую лексику на табуированную, обзывания и гневные восклицания, снова имея в виду возможные пересечения. «Блядь!» – это 1) табуированное слово, 2) обзывание, необязательно обращенное только к проститутке, и 3) гневный («монологичный») возглас человека, ударившегося головой о прилобку.

Среди русских слов, как-то обозначающих эту лексику, можно назвать, в первую очередь, «брань». Обычно она определяется как оскорбительные слова и синоним ругани. Рядом с ним существует и «брань» в смысле «война, битва». Это

неудивительно: согласно словарю М. Фасмера [1986: 1, 197], лексема «брань» восходит к «боронь» – «борьба, препятствие», в старо-славянском – «битва, бой». В других славянских языках слово связано с понятиями «бить», «бороться», «рубить», «колоть», «оружие». Литовское же соответствие – «бранить», «ругаться». Как видим, подобных ассоциаций нет ни в одном из рассмотренных выше европейских языков.

«Ругань» – оскорбительные слова и грубые упреки. Фактически это синоним брани, но происхождение слова – совсем другое. В других славянских языках оно ассоциируется с насмешкой, но также с рычанием собаки, богохульством, злобствованием [Фасмер 1986: 3, 512].

Примерно так же определяется и «сквернословие». Однако здесь первая часть – «скверна» – восходит к понятиям грязи, нечистоты, навоза, отбросов, порчи и порока [Фасмер 1986: 2, 637].

«Непристойные слова» – это, естественно, слова, которые «не пристало» употреблять в «приличном обществе». В последнее время большое распространение получил синоним непристойности – «обценные слова» – от англ. *obscene*.

«Обзывание», как явствует из внутренней формы слова – назвать обидным, бранным словом.

«Поношение» – устаревшее слово, означающее оскорбительные, порочащие адресата слова.

«Табуированная лексика» – это запрещенные в литературной речи слова. Строго говоря, табуироваться могут слова самого разного содержания, но, как правило, имеются в виду слова непристойные.

«Ненормативная лексика» – слова, отклоняющиеся от принятой нормы. Чаще всего это сочетание употребляется в том же смысле, что «табуированная лексика», хотя формально гораздо шире.

Наконец, стоит упомянуть «мат» – наиболее грубую ругань, которую иногда напрямую связывают с наименованием матери в самых непристойных «матерных» идиомах. На самом деле слово «мат» в данном случае восходит к значению «крик» (Ср. «кричать благим матом». У Фасмера [1986: 2, 580] – предполож. от нов.-в.-н. *matt* – «вялый», «слабый»). «Матерный» у В. Даля – «похабный, непристойно мерзкий» [1958: 2, 308]. В большинстве словарей – просто «неприличная брань».

Что вовсе не исключает еще и связи «мат» – «мать». В исчерпывающем исследовании, посвященном истории русской матерной ругани, проф. Б.А. Успенский убедительно показывает, что «мать» в русском мате восходит к древнему образу языческой богини Мокоши, которая воспринималась как родоначальница всего сущего. Постепенно образ Мокоши вытесняется величественным образом «Матери-сырой-земли», а с приходом христианства этот образ дополняется образами Богородицы и Параскевы Пятницы. На самом последнем этапе преобладает уже образ матери конкретного человека.

В полном соответствии с этой цепочкой православная церковь утверждает, что матерщинник оскорбляет сразу трех матерей: Мать-сыру-землю, Мать Божию и свою собственную мать. В брошюре «О грехе сквернословия», изданной Владимирской епархией в 1997 году, говорится:

«...Молясь за православную Россию, Пречистая Дева Мария отказывается поминать в своих молитвах тех, кто сквернословит. Богородица не молится за тех, кто ругается матом. И в русском народе издавна матерщинников именовали богохульниками» [О грехе... 1997: 4-5].

Обратим внимание прежде всего на последнюю фразу брошюры, прямо связывающую мат и богохульство.

После всего сказанного становится ясным и ответ на другой вопрос: почему в большинстве европейских языков богохульные ругательства занимают столь заметное место, а в русской культуре их практически нет. Если не знать истории происхождения русского мата, можно было бы найти это обстоятельство весьма странным, особенно если учесть, что место богохульства в составе брани прямо пропорционально религиозности народа. Русская религиозность, во всяком случае, до семидесятилетнего господства атеизма сомнению никем не подвергается. Однако грубых ругательств, прямо поносящих Бога, Божию Мать, апостолов и т.п. типа итальянского *Porca Madonna!* в русском языке нет или почти нет. Если русский мат носит богохульный характер, все становится понятным, как понятно и то негодование, которое еще и сегодня вызывает мат.

Вполне объяснимо и то, почему наиболее грубые богохульные ругательства в западноевропейских культурах по своей силе обычно прямо ассоциируются с русским матом, как в исследовании В. Фон Тимрота [Timroth 1983], который прямо соотносит с традиционными русскими матерными выражениями немецкие богохульные (и скатологические) идиомы типа *Gottverdammter Mist!* (букв. «Богом проклятое говно!»), *Teufel auch!* (досл. «И дьявол тоже!»), *Himmel, Arsch und Zwirn!* («досл. «Небо, жопа и пряжа!»). Последнее немецкое восклицание особенно интересно абсурдностью сочетания: очевидно, что, подобно русскому современному мату, инвективы такого рода утратили прямой богохульный смысл и как «настоящее» богохульство вряд ли воспринимается слишком остро.

Тем не менее, очевидно, что в обоих языках речь идет об одном и том же слое обцененной лексики.

Что касается связи всей данной русской лексики с клятвой, то она просматривается через устаревший глагол «клясть» в смысле «бранить, ругать», «поносить» и, естественно, «проклинать» («Пусть неудачник плачет, кляня свою судьбу!»). Одновременно в русском языке есть «клясться» в значении «приносить/произносить клятву» (ср. Лермонтов: «Клянусь четой и нечетой, клянусь мечом и правой битвой, клянуся утренней звездой,

клянусь вечернею молитвой»), «божиться», то есть «клясться именем Бога» (ср. у Пушкина: «Змея, ты лжешь!» «Ей-богу!» «Не божись!») и, наконец, различные слова, обозначающие «бранить(ся)», «сквернословить», «материться» и т.п.

Чем объясняется совмещение в одном «теле знака» двух столь разных значений, как «торжественная клятва» и «сквернословие»? Объяснение очевидно: самым резким и недопустимым ругательством древнее общество признавало богохульство, то есть прежде всего «упоминание имени Бога Господа нашего всуе». Аксиология таких слов, как «Бог», «дьявол», «Пресвятая Дева», «ад» и т.п. совершенно различна, идет ли речь о молитве, проповеди, богословском трактате с одной стороны и бытовом эмоциональном разговоре или перебранке – с другой. Евангелие резко осуждает использование священных имен в целях «божбы»:

«33. Еще слышали вы, что сказано древним: не преступай клятвы, но исполняй пред Господом клятвы твои (Левит. 19, 12. Второзак. 23, 21). 34. А я говорю вам: не клянись вовсе: ни небом, потому что оно Престол Божий; 35. Ни землею, потому что она подножие ног Его; ни Иерусалимом, потому что он город великого Царя; 36. Ни головою твоею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сделать белым, или черным (Матф. 5, 33-36).

Современная православная «Настольная книга священнослужителя» осуждает даже такие восклицания, как «Ей-богу», «Бог с ним», «Ради бога» и т.п. и считает уж совершенно недопустимым «тяжким грехом» употребление священных имен в составе грубых ругательств.

В брошюре «О грехе кощунства» православный автор объясняет причину такого отношения:

«Легкомысленное призвание имени Божия в обыкновенных разговорах и поговорках производит в нас мало-помалу охлаждение ко всему священному, и тогда кощунство делается обыкновенным делом» [«О грехе кощунства» 1999: 13].

Таким образом, можно утверждать, что традиция избегать напрасного упоминания священных имен и предметов характерна как для русской, так и для западных культур как культур христианских, стремящихся исполнять евангельские указания. Логично было бы ожидать, что и история слов, называющих соответствующие понятия, должна в основном быть схожей. Однако, как было показано, это не совсем так.

Другими словами, в христианских культурах совершенно очевидна общность понятий «клясться», «божиться» и «сквернословить»: единое «тело знака» спаивает их в некое целое подобно тому, как русское «берег» объединяет такие разные понятия, как английские *bank* и *shore*, а английское *girl* – «девочка» и «девушка».

Из сказанного также очевидно, что в каждом из проанализированных языков соответствующий набор слов мало помогает составить непротиворечивую общую классификацию. Ясно, что все народы

мира более или менее одинаково ссорятся и бранятся, у всех существуют «монологические» ругательства, не имеющие прямого адресата; с другой стороны, столь же ясно, что с помощью приведенных выше обозначений создать единую классификацию, где элементы бы не пересекались, невозможно даже в одном языке.

Поэтому есть смысл объединить все разновидности выражения человеческой неприязни и агрессии под названием «инвектива», понимая это слово широко, не только как «выпад против к-л», но и как употребление любого слова, которое может восприниматься в бранном смысле и может быть направлено

как на другого человека, так и на самого говорящего.

Заслуживает внимания и идея употребить в том же значении термин, предложенный В.Д. Девкиным – «гробанизм» (от нем. *grob* – «грубый»). Предпочтительность «гробанизма» перед «инвективой» в том, что последняя первоначально все-таки предполагает агрессию, в то время как термин В.Д. Девкина шире и, в соответствии с внутренней формой, подразумевает все просто грубые слова, в какой бы функции они ни употреблялись. В таком случае необходимость дальнейшей классификации представляется излишней.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мамонов Д. О грехе сквернословия. Владимир: Изд. отдел Владимирской епархии, 1991.
2. Настольная книга священнослужителя. Т.4. М.: Изд-во Московской патриархии, 1983.
3. О грехе кощунства. М.: Изд-во Московской патриархии, «Центр Благо», «Казак», 1999.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Под ред. Б.А. Ларина. 2-ое изд. Прогресс: М., 1986.
5. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. 2nd Ed. Cambridge Univ. Press: Cambridge, 2005.
6. The American Heritage Dictionary of the English Language. WQ. Morris, Ed. American Heritage Publishing Co., Inc. & Houghton Mifflin Company. Boston et al., 1970.
7. Guiraud P. Let gros mots. Press universitaires de France: Paris, 1975.
8. Hughes G. Swearing. A Social History of Foul Language, Oaths and Profanity in English. Blackwell: Oxford UK & Cambridge USA, 1991.
9. Timroth W. von. Russisch und Sowjetische Soziolinguistik und tabuierte Varietäten des russischen (Argot, Jargons, Slang und Mat). München: Verlag O. Sagner, 1983.

Обзоры

А.А. Залевская (Тверь)

Проблематика двуязычия в зарубежных публикациях последних лет: обзор

В начале третьего тысячелетия значительно обострился интерес к различным проблемам двуязычия, что вполне естественно, если учитывать современное состояние межэтнических контактов и общую политико-экономическую ситуацию в многоязычном мире. Психолингвистические исследования в этой области ведутся по ряду направлений, основные из которых будут затронуты в предлагаемом обзоре.

Представляется важным прежде всего отметить, что помимо продолжающихся серий изданий по линиям *Second Language Acquisition (SLA)* и *Multilingual Matters*, а также журналов, регулярно включающих информацию об исследованиях в области двуязычия (см.: «*Applied Psycholinguistics*», «*Bilingualism: Language and Cognition*», «*Brain and Language*», «*Child Development*», «*Journal of Psycholinguistic Research*» и др.), в последние годы опубликован ряд весьма интересных книг по различным проблемам двуязычия. Так, только издательство Springer в 2007 выпустило две монографии [Cantone 2007; Javier 2007] и сборник статей [Kecskes & Albertazzi 2007]. Несколько ранее издательство Кембриджского университета начало выпуск трехтомника «*Handbook of East Asian Psycholinguistics*», первый том которого [Li 2006] посвящен китайской психолингвистике, второй [Nakayama et al. 2006] – японской, а третий, ожидавшийся в 2007 г. – корейской. Значительная часть включенных в эти три тома статей посвящена проблемам взаимодействия языков при двуязычии и педагогическим аспектам двуязычия.

Предлагаемый обзор ставит своей целью ознакомить читателей с некоторыми возможностями рассмотрения проблематики двуязычия на уровне начала третьего тысячелетия. Речь идет исключительно о публикациях не ранее 2000 года. Поскольку обсуждение почти каждой из называемых ниже проблем потребовало бы написания отдельной статьи, задача фактически ограничивается краткой информацией о книгах и статьях, которые могут быть далее использованы заинтересованными читателями для углубленной работы с соответствующими первоисточниками.

Теории овладения вторым языком обсуждаются, например, в работах: [Gregg 2001; Kormos 2006] и др. При этом Кевин Грегг справедливо указывает на различия между принципами научения и механиз-

мами, обеспечивающими научение как таковое. Педагогические аспекты двуязычия рассматриваются также в работах: [Cummins 2003; Martin 2003; Sanz 2005]. Следует отметить, что во многих публикациях по умолчанию принимается концепция врожденной Универсальной Грамматики Н. Хомского и его же трактовка языка через призму принципов и параметров, в то же время мнения о правомерности применения идеи врожденной Универсальной Грамматики по отношению к ситуации двуязычия различаются от поиска доказательств в ее пользу [Kanno 2006] через обсуждение того, в какой мере эта концепция может оказаться приемлемой и до скептического отношения к ней [Steiberg & Sciarini 2006].

К числу весьма популярных ныне проблем относится обсуждение *мозговых механизмов* двуязычия; в качестве примеров можно назвать материалы специальной конференции, включающие тексты докладов и их комментирование [Gullberg & Indefrey 2006]; При обобщении обсуждавшейся на этой конференции проблематики Дж. Шуманн отмечает, что фактически речь шла о трех основных вопросах: (а) можно ли объяснить все языковые феномены с позиций работы мозга; (б) каковы связанные с мозгом источники индивидуальных различий в овладении вторым языком; (в) какие участки мозга обслуживают язык [Schumann 2006: 313].

Следует также добавить, что практически в каждом издании, посвященном овладению вторым языком, имеются либо отдельные статьи, либо так или иначе связанные с этой проблемой разделы/параграфы в составе статей по различным вопросам. Так, М. Парадиз [Paradis 2007] рассматривает особенности репрезентации в мозге концептов в отличие от репрезентации значений слов; высказывает мнение о том, что в мозге человека имеется единая концептуальная система, увязанная с двумя отдельными языковыми подсистемами; настаивает на том, что концептуальная база билингва объемнее концептуальной базы монолингва, однако различия между ними не касаются принципов концептуальной организации и протекающих в мозге процессов: содержание того, что имеется в нейрофункциональной системе билингва, отличается от содержания такой системы у носителя одного языка, однако одинаковым является то, как это содержание развивается, репрезентируется и перерабатывается. В статье:

[Ullman 2005] обсуждаются особенности мозгового обеспечения декларативной и процедурной (процедуральной) памяти при овладении языком и предлагается интегративная нейрокогнитивная теория двуязычия.

Исследование мозговых механизмов двуязычия тесно связано с обсуждением *когнитивных аспектов* двуязычия. Так, книга [Kecskes & Albertazzi 2007] подразделена на две части, первая из которых посвящена структуре и компонентам когнитивной системы билингва, а вторая – особенностям переработки языковых явлений двуязычным индивидом. Каждая из затрагиваемых в этой связи проблем получает разностороннее освещение, при этом очевидно большая заинтересованность авторов разных глав в выявлении мозговых механизмов, так или иначе связанных с когнитивными процессами при двуязычии. Чаще всего ставится вопрос: How many minds does a bilingual have? [Albertazzi 2007] (см. также: [Javier 2007], где формулировка несколько варьируется: Is there a bilingual mind?). Выше уже упомянута нейрофункциональная модель когнитивной системы двуязычного индивида [Paradis 2007]. В статье [Kecskes 2007] с опорой на теорию концептуальной интеграции [см.: Fauconnier & Turner 2002] делается попытка обосновать синергичную природу некоторых концептов в ситуации двуязычия. Разные авторы останавливаются также на особенностях взаимодействия грамматических явлений двух языков – родного и изучаемого, на роли межязыкового и межкультурного опыта, на влиянии особенностей задания и контекста на переработку лексики и т.д. [см., например: [Andonova, Gosheva, Janyan & Schaffai 2007; Rusconi, Galfano & Job 2007; Salamoura 2007].

Проблемы теории и взаимоотношения между *познанием и обучением* в связи с овладением вторым языком рассматриваются в книге [Robinson 2001]; сюда относятся: особенности внимания, памяти; взаимодействие факторов входной информации, когнитивных возможностей обучаемого и ситуации окружения [см. подробно: MacWhinney 2001]; автоматичность и автоматизация [DeKeyser 2001] [см. также: Hulstijn 2001; Kormos 2006]; сложность задачи, когнитивные ресурсы и построение процесса обучения второму языку; индивидуальные особенности овладения вторым языком и др. [см. также: Genesee 2003].

Обзор работ по проблеме взаимоотношения между возрастом и успешностью овладения вторым языком содержится в работе: [Birdsong 2006] (см. комментарий: [Coopmans 2006], а также: [Bowden, Sanz & Stafford 2005]).

Разнообразные вопросы функционирования языка при двуязычии обсуждаются как на основе исследований специфики двуязычия в детском возрасте (раннее двуязычие), так и в связи с овладением взрослыми вторым языком (позднее двуязычие).

Особенностям переработки языка *двуязычными детьми* посвящена книга под редакцией Э. Бялисток [Bialystok 2000], и несмотря на то, что первое изда-

ние этой книги состоялось в 1991 году, она сохраняет свою актуальность хотя бы за счет особого внимания, уделяемого авторами разных глав мета-языковым процессам [см.: Bialystok 2000a; Malakoff & Nakuta 2000], объяснению взаимоотношений между билингвизмом и когнитивным развитием [Diaz & Klingler 2000], а также между языком, познанием и обучением двуязычных детей [Bialystok & Cummings 2000]. Овладение вторым (английским) языком китайскими детьми рассматривается в работе [Yip 2006]; в частности, автор останавливается на вопросах доминантности одного из усвоенных ребенком языков, на разграничении двух языков и их взаимодействии.

Широкий круг вопросов, связанных с овладением *взрослых* вторым языком, обсуждается в книге [Sanz 2005]: это вопросы теории и методологии; внутренние и внешние факторы, так или иначе влияющие на овладение вторым языком; педагогические импликации. Общие вопросы взаимодействия названных факторов рассматриваются в главе [Sanz 2005a]. Из числа внутренних факторов детально обсуждаются индивидуальные различия обучаемых: влияние пола, возраста, особенностей рабочей памяти и уже имеющихся знаний на успешность овладения вторым языком [Bowden, Sanz & Stafford 2005], роль внимания и осознаваемости языковых явлений при овладении вторым языком [Leow & Bowles 2005]. См. также обсуждение внутренних и внешних факторов, влияющих на успешность овладения китайцами вторым (английским) языком в работе [Jia 2006], где рассматриваются возраст обучаемых, языковое окружение, мотивация. Обратим внимание на то, что вопросы позднего двуязычия в большинстве публикаций обсуждаются на материале работы с иммигрантами, осваивающими второй язык хотя и в учебной ситуации, но при наличии языковой среды.

Упомянутые выше метаязыковые процессы в частности связаны с проблемой *осознавания* (awareness) изучаемых явлений второго языка. Так, в статье [Rosa & Leow 2004] описываются результаты исследования зависимости между более или менее развернутым характером экспозиции грамматического явления испанского языка изучающим этот язык носителям английского языка и уровнем осознания этого явления обучаемыми. Ставилась также задача установить, влияет ли уровень осознания на эффективность немедленного и отсроченного понимания такой структуры и продуцирования аналогичных примеров. При подробном описании хода исследования и обсуждении его результатов авторы, в частности, останавливаются на использовавшихся ими средствах измерения уровня осознаваемости (думании вслух и ответах на предлагавшийся испытуемым вопросник в письменной форме). [По этой проблеме см. также: Leow & Bowles 2005; Malakoff & Nakuta 2000].

Продолжается обсуждение проблемы *переключения кодов* при двуязычии, которая в свое время была весьма популярной. Этой проблеме специально посвящена книга [Cantone 2007]; попутно с другими

вопросами она рассматривается в ряде публикаций, например, [Javier 2007; Kormos 2006; Lüdi 2003; Myers-Scotton 2003].

Можно также выделить публикации, связанные с овладением устной речью и чтением, теми или иными аспектами второго языка.

Широкий круг вопросов, связанных с *произношением речи* на втором языке, обсуждает Джудит Кормос [Kormos 2006]. Она рассматривает две наиболее важных теории продуцирования речи (модульную и модель распространяющейся активации); обсуждает основные теории научения и автоматизации в свете увязывания моделей овладения навыками с теориями продуцирования речи; дает обзор исследований в области продуцирования речи на втором языке; детально рассматривает каждую фазу этого процесса; уделяет внимание лексическому кодированию и лексикону билингва, а также грамматическому и фонологическому кодированию; обсуждает проблемы переключения кодов, переноса навыков, коммуникативных стратегий, беглости и автоматичности речи на втором языке. В заключение своей книги Дж. Кормос предлагает модель продуцирования речи, которая, по ее мнению, суммирует всё известное о продуцировании речи на втором языке и инкорпорирует современные достижения в области психолингвистики [Op. cit.: xxvii].

Различные аспекты процесса *чтения* детально исследуются в книге [Andrews 2006] с акцентированием внимания на лексической переработке на базе первого языка; попутно затрагивается и ситуация двуязычия [см.: Forster 2006; Rayner, Reichle & Pollatsek 2006]. В статье [Singhal 2001] дается обзор исследований, связанных с обучением второму языку и со *стратегиями чтения*. Рассматриваются также работы, фокусирующиеся на метакогнитивном сознании процесса понимания текста. Ставятся следующие вопросы: 1) как можно характеризовать соотношение между стратегиями чтения, метакогнитивным сознанием и успешностью овладения навыками чтения; 2) что исследования в этой области говорят о самом процессе чтения; 3) какие исследовательские процедуры могут применяться для исследования метакогнитивного сознания и стратегий чтения; 4) какие все еще остаются открытыми вопросы, связанные с исследованиями в этой области, и что должно быть сделано в целях продвижения вперед в отношении методологии, чтобы лучше понять процесс чтения на втором языке. Поскольку многое в исследованиях на базе второго языка опирается на исследования в области первого языка, обсуждаются работы, выполненные на материале как первого, так и последующих языков.

В связи с овладением *произношением* второго языка в работе [Watson 2000] ставится задача ответить на такие вопросы: (1) в какой мере у билингва превалирует тенденция к раздельности фонологических систем, а не к использованию частично смешанной системы; (2) каково взаимоотношение между продуцированием и восприятием; (3) в какой мере стадии овладения фонологией билингвами близки к тому, что происходит у монолингва. К ответам на эти вопросы привлекаются данные из исследований в области взаимодействия различных пар языков, в том числе английского и испанского, русского и грузинского, английского и немецкого и т.д. Постановка проблемы произношения в связи с трудностями овладения тонами китайского языка предпринята в исследовании [Wang, Sereno & Jongman 2006], где ставится вопрос: перерабатываются ли тоны носителями других языков, не имеющих тонов, через слух (т.е. с опорой на врожденные психоакустические механизмы) или как-то иначе (в результате переработки опыта во втором языке). Проведен ряд межъязыковых исследований для выявления того, в чем состоят различия между носителями разных первых языков, усваивающих китайский язык; как они улучшают усвоение тонов в результате научения и как такие результаты представлены в мозге билингва.

Особенности лексикона билингва освещаются, в частности, в журнале «The Mental Lexicon», который начал издаваться в Канаде в 2006 г. В число рассматриваемых проблем включаются, например, особенности переработки слов при двуязычии и строе лексикона билингва. Репрезентации лексики и особенностям ее переработки посвящены также работы: [De Groot 2002; Dijkstra 2007; Francis 2005; Kormos 2006].

Из других публикаций начала нового века можно назвать, например, [Dewaele, Housen & Wei 2003].

Следует особо отметить значительное увеличение ссылок на работы Л.С. Выготского в зарубежных публикациях последних лет. Обратим также внимание на то, что издательство Springer объявило в числе ближайших публикаций собрание сочинений Л.С. Выготского в 6-и томах и две монографии – о психологии-философии Л.С. Выготского [Robbins 2008] и о современном применении его идей [Ratner 2008].

Более подробное обсуждение затронутых выше вопросов дается в серии публикаций 2008 года в «Вестнике Тверского государственного университета» (серия «Филология», вып. «Лингвистика и межкультурная коммуникация») и в сборнике статей «Слово и текст: психолингвистический подход» (вып. 8, 9).

ЛИТЕРАТУРА

1. Albertazzi, L. Matrix: Schematic universals: How many minds does a bilingual have? // Kecskes, I. & Albertazzi, L. (Eds.). Cognitive Aspects of Bilingualism. – Springer, 2007.
2. Andonova, E., Gosheva, A., Janyan, A. & Schaffai, J.S. Second language gender system affects first language gender classification // Kecskes, I. & Albertazzi, L. (Eds.). Cognitive Aspects of Bilingualism. – Springer, 2007.
3. Andrews, S. (Ed). From inkmarks to ideas: Current issues in lexical processing. – Hove; New York: Psychology Press, 2006.

4. Bialystok, E. (Ed.). *Language processing in bilingual children*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
5. Bialystok, E. *Metalinguistic dimensions of bilingual language proficiency* // Bialystok, E. (Ed.). *Language processing in bilingual children*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000a.
6. Bialystok, E. & Cummings, J. *Language, cognition, and education of bilingual children* // Bialystok, E. (Ed.). *Language processing in bilingual children*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
7. Birdsong, D. *Age and second language acquisition and processing: A selective overview* // Gullberg, M. & Indefrey, P. (Eds.). *The cognitive neuroscience of second language acquisition*. – Malden, MA; Oxford, UK: Blackwell Publishing, 2006.
8. Bowden, H.W., Sanz, C. & Stafford C.A. *Individual differences: Age, sex, working memory, and prior knowledge* // Sanz, C. (Ed.). *Mind and content in adult second language acquisition: methods, theory, and practice*. – Georgetown, DC: Georgetown University Press. – 2005.
9. Cantone, K.F. *Code-switching in Bilingual Children (Studies in Theoretical Psycholinguistics)*. – Springer, 2007.
10. Coopmans, P. *L2 acquisition, age, and generativist reasoning. Commentary on Birdsong* // Gullberg, M. & Indefrey, P. (Eds.). *The cognitive neuroscience of second language acquisition*. – Malden, MA; Oxford, UK: Blackwell Publishing, 2006.
11. Cummins, J. *Bilingual education: Basic principles* // Dewaele, J.-M., Housen, A. & Wei, L. (Eds.). *Bilingualism: Beyond basic principles*. – Clevedon, Buffalo, Toronto, Sydney: Multilingual Matters, 2003.
12. De Groot, A.M. *Lexical representation and lexical processing in L2 user* // Cook, V. (Ed.). *Portraits of the L2 user*. – Clevedon: Multilingual Matters, 2002.
13. DeKeyser, R.M. *Automaticity and automatization* // Robinson, P. (Ed.). *Cognition and second language instruction*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
14. Dewaele, J.-M., Housen, A. & Wei, L. (Eds.). *Bilingualism: Beyond basic principles*. – Clevedon, Buffalo, Toronto, Sydney: Multilingual Matters, 2003.
15. Diaz, R.M. & Klingler, C. *Towards an explanatory model of the interaction between bilingualism and cognitive development* // Bialystok, E. (Ed.). *Language processing in bilingual children*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
16. Dijkstra, T. *Task and context effects in bilingual lexical processing* // Kecskes, I. & Albertazzi, L. (Eds.). *Cognitive Aspects of Bilingualism*. – Springer, 2007.
17. Fauconnier, G. & Turner, M. *The way we think: Conceptual blending and the mind hidden complexities*. – New York: Basic Books, 2002.
18. Forster, K.I. *Five challenges for activation models* // Andrews, S. (Ed.). *From inkmarks to ideas: Current issues in lexical processing*. – Hove; New York: Psychology Press, 2006.
19. Francis, W.S. *Bilingual semantic and conceptual representation* // Kroll, J.F. & de Goot, A.M. (Eds.). *Handbook of bilingualism: psycholinguistic perspectives*. – Oxford: Oxford University Press, 2005.
20. Genesee, F. *Rethinking bilingual acquisition* // Dewaele, J.-M., Housen, A. & Wei, L. (Eds.). *Bilingualism: Beyond basic principles*. – Clevedon, Buffalo, Toronto, Sydney: Multilingual Matters, 2003.
21. Gregg, K.R. *Learnability and second language acquisition theory* // Robinson, P. (Ed.). *Cognition and second language instruction*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
22. Gullberg, M. & Indefrey, P. (Eds.). *The cognitive neuroscience of second language acquisition*. – Malden, MA; Oxford, UK: Blackwell Publishing, 2006.
23. Hulstijn, J.H. *Intentional and incidental second language vocabulary learning: A reappraisal of elaboration, rehearsal and automaticity theory* // Robinson, P. (Ed.). *Cognition and second language instruction*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
24. Javier, R.A. *The bilingual mind: Thinking, feeling and speaking in two languages*. – Springer, 2007.
25. Jia, G. *Second language acquisition by native Chinese speakers* // Li, P. (Ed.). *The handbook of East Asian Psycholinguistics*. – Vol. 1. Chinese. – Cambridge; New York; Melbourne etc.: Cambridge University Press. 2006.
26. Kanno, K. *The role of an innate acquisition device in second-language acquisition* // Nakayama, M., Mazuka, R. & Shirai, Y. (Eds.). *Handbook of East Asian Psycholinguistics*. – Volume 2. Japanese. – Cambridge; New York; Melbourne etc.: Cambridge University Press, 2006.
27. Kecskes, I. *Synergic concepts in the bilingual mind* // Kecskes, I. & Albertazzi, L. (Eds.). *Cognitive Aspects of Bilingualism*. – Springer, 2007.
28. Kecskes, I. & Albertazzi, L. (Eds.). *Cognitive Aspects of Bilingualism*. – Springer, 2007.
29. Kormos, J. *Speech production and second language acquisition*. – Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2006.
30. Leow R.P. & Bowles, M.A. *Attention and awareness in SLA* // Sanz, C. (Ed.). *Mind and content in adult second language acquisition: methods, theory, and practice*. – Georgetown, DC: Georgetown University Press. – 2005.
31. Li, P. (Ed.). *The handbook of East Asian Psycholinguistics*. – Vol. 1. Chinese. – Cambridge; New York; Melbourne etc.: Cambridge University Press. 2006.
32. Lüdi, G. *Code-switching and unbalanced bilingualism* // Dewaele, J.-M., Housen, A. & Wei, L. (Eds.). *Bilingualism: Beyond basic principles*. – Clevedon, Buffalo, Toronto, Sydney: Multilingual Matters, 2003.
33. MacWhinney, B. *The competition model: The input, the context, and the brain* // Robinson, P. (Ed.). *Cognition and second language instruction*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
34. Malakoff, M. & Hakuta, K. *Translation skill and metalinguistic awareness in bilinguals* // Bialystok, E. (Ed.). *Language processing in bilingual children*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
35. Martin, P. *Bilingual encounters in the classroom* // Dewaele, J.-M., Housen, A. & Wei, L. (Eds.). *Bilingualism: Beyond basic principles*. – Clevedon, Buffalo, Toronto, Sydney: Multilingual Matters, 2003.
36. Myers-Scotton, C. *Code-switching: Evidence of both flexibility and rigidity in language* // Dewaele, J.-M., Housen, A. & Wei, L. (Eds.). *Bilingualism: Beyond basic principles*. – Clevedon, Buffalo, Toronto, Sydney: Multilingual Matters, 2003.
37. Nakayama, M., Mazuka, R. & Shirai, Y. (Eds.). *Handbook of East Asian Psycholinguistics*. – Volume 2. Japanese. – Cambridge; New York; Melbourne etc.: Cambridge University Press, 2006.
38. Paradis, M. *The neurofunctional components of the bilingual cognitive system* // Kecskes, I. & Albertazzi, L. (Eds.). *Cognitive Aspects of Bilingualism*. – Springer, 2007.
39. Ratner, C. *Vygotsky's sociohistorical psychology and its contemporary application*. – Springer, 2008.

40. Rayner K., Reichle, E.D. & Pollatsek, A. Cognitive processes in reading: The E-Z Reader model of eye-movement control // Andrews, S. (Ed). From inkmarks to ideas: Current issues in lexical processing. – Hove; New York: Psychology Press, 2006.
41. Robbins, D. Vygotsky's psychology-philosophy: A metaphor for language theory and learning. – Springer, 2008.
42. Robinson, P. (Ed.). Cognition and second language instruction. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
43. Rosa, E.M. & Leow, R.P. Awareness, different learning conditions, and second language development // Applied Psycholinguistics. – 2004. – Vol. 25
44. Rusconi, E., Galfano, G. & Job, R. Bilingualism and cognitive arithmetic // Kecskes, I. & Albertazzi, L. (Eds.). Cognitive Aspects of Bilingualism. – Springer, 2007.
45. Salamoura, A. Grammatical gender in the bilingual lexicon // Kecskes, I. & Albertazzi, L. (Eds.). Cognitive Aspects of Bilingualism. – Springer, 2007
46. Sanz, C. (Ed.). Mind and content in adult second language acquisition: methods, theory, and practice. – Georgetown, DC: Georgetown University Press. – 2005.
47. Sanz, C. Adult SLA: The interaction between external and internal factors // Sanz, C. (Ed.). Mind and content in adult second language acquisition: methods, theory, and practice. – Georgetown, DC: Georgetown University Press. – 2005a.
48. Schumann, J.H. Summing up: Some themes in the cognitive neuroscience of second language acquisition // Gullberg, M. & Indefrey, P. (Eds.). The cognitive neuroscience of second language acquisition. – Malden, MA; Oxford, UK: Blackwell Publishing, 2006.
49. Singhal, M. Reading proficiency, reading strategies, metacognitive awareness and L2 readers // The Reading Matrix, 2001. – Vol.1. – № 1 www.readingmatrix.com/articles/singhal/index.html
50. Steiberg, D.D. & Sciarini N.V. An introduction to psycholinguistics. – London; New York; Boston etc.: Pearson Education Limited, 2006.
51. Ullman M.R. A cognitive neuroscience perspective on second language acquisition: The declarative-procedural model // Sanz, C. (Ed.). Mind and content in adult second language acquisition: methods, theory, and practice. – Georgetown, DC: Georgetown University Press. – 2005.
52. Wang, Y., Sereno, J.A. & Jongman, A. L2 acquisition of Mandarin tones // Li, P. (Ed.). The handbook of East Asian Psycholinguistics. – Vol. 1. Chinese. – Cambridge; New York; Melbourne etc.: Cambridge University Press. 2006.
53. Watson, I. Phonological processing in two languages // Bialystok, E. (Ed.). Language processing in bilingual children. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
54. Yip, V. Early bilingual acquisition in the Chinese context // Li, P. (Ed.). The handbook of East Asian Psycholinguistics. – Vol. 1. Chinese. – Cambridge; New York; Melbourne etc.: Cambridge University Press. 2006.

В.Е. Гольдин, А.П. Сдобнова (Саратов)

К типологии ассоциативных словарей русского языка

Хотя русская ассоциативная лексикография активно развивается лишь в последние 30 лет, за это относительно небольшое время опубликовано значительное количество словарей, включающих русский ассоциативный материал, получили словарную форму результаты экспериментов с испытуемыми различных социокультурных групп, открылась возможность рассматривать содержание отдельных русских ассоциативных словарей как взаимодополняющие данные и извлекать из их сопоставления новую информацию. Произошло становление русской ассоциативной лексикографии, и как следствие возникла необходимость выделения и обсуждения основных типов русских ассоциативных словарей.

В предлагаемых заметках мы не стремились охарактеризовать все ассоциативные словари: задачей публикации является обзор именно типов, типов русских ассоциативных словарей. При этом речь идет лишь о словарях, представленных в печатной форме, поскольку существующие профессиональные электронные ассоциативные словари русского языка используются пока в основном их создателями и недоступны другим пользователям.

1. По степени полноты отражения ассоциативно-

вербальной сети выделяются словари тезаурусные (полные) и частичные.

Словари тезаурусного типа претендуют на наибольшую полноту фиксации ассоциативно-вербальной сети. Их полнота обуславливается прежде всего большим количеством системно организованных стимулов и соответствующих им ассоциативных полей, включенных в словарь, а также достаточным количеством реакций, полученных на каждый из стимулов. В «Русском ассоциативном словаре» (РАС), который, несомненно, является ассоциативным тезаурусом, представлены реакции на 6624 стимула, а список разных реакций включает более 100 тыс. единиц [Черкасова 2006].

Количество стимулов частичного словаря существенно меньше и обычно не превышает нескольких сотен единиц. Так, в частичном «Словаре ассоциативных норм русского языка» (САНРЯ) содержатся реакции на 196 стимулов, в «Славянском ассоциативном словаре» (САС) – на 112 стимулов, в «Ассоциативном словаре подростка» (АСП) – на 265 стимулов.

2. Большая часть одноязычных русских ассоциативных словарей представляет ассоциаты как реакции представителей определенной социокультурной

общности без учета внутренней дифференциации последней. Это словари отдельных социокультурных общностей. Ассоциативно-вербальные сети, устанавливаемые на материале, полученном в экспериментах с представителями некоторых из этих общностей, рассматриваются как хорошее приближение к строению «общерусской» ассоциативно-вербальной сети. Такой репрезентативной для носителей русского языка общностью принято, например, считать общность студентов вузов в силу физиологической и интеллектуальной зрелости представителей этой общности, их общественной активности, достаточной степени их социализации и в связи с богатыми социальными потенциалами студенческой молодежи. К словарям одной социокультурной общности относятся, в частности, «Русский ассоциативный словарь» (РАС), материал которого составляют ответы русскоязычных студентов 1-3 курсов вузов различных регионов России. Словарем одной социокультурной общности является и «Ассоциативный словарь подростка» (АСП); его материал – ответы подростков 15-17 лет, обучающихся в школах и колледжах Омска. Группировка реакций в соответствии с полом и другими социальными признаками испытуемых в этих печатных словарях не осуществляется.

В других словарях ассоциативные реакции испытуемых, принадлежащих в целом одной общности, но различающихся по некоторым дополнительным признакам, подаются раздельно. Такие словари фактически являются комплексными. К ним относится, например, прямой ассоциативный словарь пермских младших школьников (ПАС 1997), так как позволяет из общего корпуса реакций представителей общности «младший школьник» выделять и отдельно рассматривать ассоциаты мальчиков и ассоциаты девочек, реакции первоклассников и реакции второклассников или третьеклассников. К этому типу относится и «Ассоциативный словарь ребенка» (АСР).

Электронные ассоциативные словари и базы данных позволяют отфильтровывать реакции по всем зафиксированным в базе признакам испытуемых и поэтому также должны квалифицироваться как комплексные.

3. К комплексным ассоциативным словарям структурно близки двуязычные и многоязычные ассоциативные словари. В отличие от одноязычных ассоциативных словарей в киргизско-русском, алтайско-русском, русско-немецком и подобных ассоциативных словарях представлены как фрагменты ассоциативно-вербальной сети русского языка, так и соответствующие им по содержанию фрагменты ассоциативно-вербальных сетей других языков. Поскольку основная цель таких словарей – обеспечить возможность сопоставления ассоциативного материала различных языков, то данные словари можно определить как сопоставительные. Сопоставительными являются, например, словарь «Ассоциативные нормы испанского и русского языков» (АСИР),

«Славянский ассоциативный словарь» (САС), англо-русский ассоциативный словарь подростков, выполненный в виде приложения к монографии [Федченко 2006], словарь «Ассоциативные нормы русского и немецкого языков» (АСРН) и многие другие.

«Славянский ассоциативный словарь» (САС) выделяется среди других сопоставительных словарей, во-первых, как четырехязычный (в нем представлены данные русского, украинского, белорусского и болгарского языков); во-вторых, тем, что языковой материал словаря отражает ассоциативно-вербальные сети близкородственных языков; в-третьих, – наличием в нем как прямых, так и обратных статей, в-четвертых, – богатым приложением, включающим важные количественные характеристики материала.

4. Особую группу русских ассоциативных словарей образуют словари аспектные, посвященные отдельным сторонам ассоциативно-вербальной сети. Одни из аспектных словарей системно ограничивают список стимулов, включая в него лишь слова и словосочетания определенных тематических или терминологических групп. Таков, например, «Русский ассоциативный словарь информационных технологий» (РАСИТ), стимульный ряд которого образуют термины *база данных, байт, банк данных, бейсик, бит, блокировать, блокировка, брандмауэр, буферизация, векторизатор, векторизация, верификация, взлом, видеоадаптер* и под. В других аспектных словарях содержательные или структурные ограничения накладываются не на стимулы, а на представляемые в словаре реакции, как это сделано, например, в «Ассоциативном фразеологическом словаре русского языка» (АФС), задача которого – выделить на материале большого ассоциативного словаря «корпус живых русских фразеологизмов».

В сравнении с обычными терминологическими, фразеологическими и другими частными словарями аспектные ассоциативные словари обладают собственной эвристической ценностью: они способствуют обнаружению таких свойств лингвистических единиц, которые незаметны или мало заметны в источниках иного типа. Так, в процессе создания ассоциативного фразеологического словаря русского языка было установлено, что «фразеологизм почти всегда отождествляется как фразеологизм, а не как коррелирующее словосочетание, если оно воспринимается как контекстно независимое. Например, *остаться в кустах, сесть на мель, остаться за бортом* – при контекстно независимом употреблении идиомы и только идиомы» [Добровольский, Караулов 1994: 98]. Это наблюдение позволило авторам словаря сформулировать новое представление о связях между фразеологическими единицами и контекстом.

5. По типу входов в словарь русские печатные ассоциативные словари делятся на словари со входом «от стимула к реакциям», то есть прямыми (САНРЯ, АСП и др.), и словари с двумя входами, прямым и обратным: «от стимула к реакциям» и «от реакции к стимулам» (РАС, САС). Большая часть русских печатных словарей, состав-

ленных без компьютерной поддержки, обеспечивает вход лишь «от стимула к реакциям», зато электронные ассоциативные словари позволяют использовать не только прямой и обратный входы, но и многие другие пути обращения к материалу.

6. Свободные ассоциативные эксперименты в качестве базы ассоциативного словаря проводятся чаще всего с большим количеством испытуемых, то есть носят массовый характер. Так, в анкетировании при сборе данных для РАС приняли участие 11 тыс. студентов из всех регионов России. Словари, создаваемые в ходе таких исследований, обобщают данные по отдельным социокультурным общностям и являются отражением «ментально-эмоционального состояния среднего носителя языка, состояния, свойственного определенному историческому периоду его жизни (а значит, жизни общества) и отраженному в его языке (= речи, предречевой готовности), т.е. в его ассоциативно-вербальной сети» [Караулов 2002: 775].

Построенные на базе массовых экспериментов ассоциативные словари отдельных социокультурных общностей можно, используя формулу Ю.Н. Караулова, рассматривать как словари «усредненных языковых личностей».

В исследовательской практике используются, как известно, и свободные ассоциативные эксперименты с одним испытуемым. Такие индивидуальные эксперименты проводят либо постепенно в течение длительного времени, либо отдельными сериями, отстоящими одна от другой на определенные временные промежутки. Если в массовых экспериментах принимает участие большое количество испытуемых, но каждый из них отвечает лишь на некоторую часть стимулов будущего словаря, то в индивидуальных экспериментах испытуемый всего один, но отвечает на все отобранные стимулы. Типичный массовый эксперимент дает сведения о состоянии языкового сознания общества в один из периодов его жизни, а продолженные индивидуальные экспе-

рименты фиксируют изменения языкового сознания личности во времени.

При этом в индивидуальном ассоциативном словаре как правило больше стимулов, чем в обычном. Например, в индивидуальном ассоциативном словаре, описанном в [Караулов, Коробова 1993], 8300 стимулов. Зато реакций в таких словарях значительно меньше, чем в массовых, их количество почти равно количеству стимулов.

Обобщение данных длительных индивидуальных экспериментов возможно в форме ассоциативного словаря отдельной личности. Такие словари сейчас создают, публикуются результаты исследований, проведенных на их основе (см., например [Караулов, Коробова 1993; Сдобнова 2004, Сдобнова 2005]), однако специальными изданиями ассоциативных словарей личности русская ассоциативная лексикография пока не располагает.

Таким образом, типология печатных русских ассоциативных словарей может быть построена на основе следующих противопоставлений:

- словари тезаурусные – словари частичные;
- словари отдельных социокультурных общностей – словари комплексные;
- словари одноязычные – словари сопоставительные;
- словари общие – словари аспектные;
- словари с прямыми статьями – словари со статьями прямыми и обратными;
- словари массовые – словари отдельных личностей.

Обсуждения заслуживает и место ассоциативных словарей в общей системе словарей русского языка. Но это предмет отдельного рассмотрения.

Важнейшие параметры основных одноязычных русских ассоциативных словарей представлены в Табл. 1. (см. с. 121)

ЛИТЕРАТУРА

1. АСИР – Санчес Пуиг М., Караулов Ю.Н., Черкасова Г.А. Ассоциативные нормы испанского и русского языков. – Москва; Мадрид, 2001.
2. АСП – Гуц Е.Н. Ассоциативный словарь подростка. – Омск: «Вариант-Сибирь», 2004.
3. АСР – Соколова Т.В. Ассоциативный словарь ребенка. В 2-х ч. – Архангельск, 1996.
4. АСРН – Ассоциативные нормы русского и немецкого языков / Н.В. Уфимцева, И.А. Стернин, Х. Эккерт, В.И. Милехина, В.М. Топорова. – М.; Воронеж, 2004.
5. АФС – Добровольский Д.О., Караулов Ю.Н. Ассоциативный фразеологический словарь русского языка. – М., 1994.
6. Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Русский ассоциативный словарь. – М., 2002. Т. 1.
7. Караулов Ю.Н., Коробова М.М. Индивидуальный ассоциативный словарь // Вопросы языкознания. – 1993. – № 5.
8. ПАС 1997 – Словарь детских ассоциаций // Берсенева Н.И., Дубровская Л.А., Овчинникова И.Г. Ассоциации детей от шести до десяти лет (ассоциативное значение слова в онтогенезе). – Пермь, 1995.
9. ПАС 2000 – Обратный ассоциативный словарь: от реакции к стимулу // Овчинникова И.Г., Берсенева Н.И., Дубровская Л.А., Пенягина Е.Б. Лексикон младшего школьника (характеристика лексического компонента языковой компетенции). – Пермь, 2000.
10. РАС – Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – М., 2002.
11. РАСИТ – Русский ассоциативный словарь информационных технологий // Филиппович Ю.Н., Черкасова Г.А., Дельфт Д. Ассоциации информационных технологий: эксперимент на русском и французском языке. – М., 2001.

12. САНРЯ – Словарь ассоциативных норм русского языка / Под ред. А.А. Леонтьева. – М., 1977.
 13. САС – Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова, Ю.Н. Караулов, Е.Ф. Тарасов. – М., 2004.
 14. Сдобнова А.П. Индивидуальный ассоциативный словарь школьника // Русский язык сегодня. Вып. 3. – М., 2004.
 15. Сдобнова А.П. Индивидуальный тезаурус в развитии // Язык. Сознание. Культура. – М.; Калуга, 2005.
 16. Федченко А.В. Языковое сознание русских и американских подростков (этнокультурный аспект). – М., 2006.
 17. Черкасова Г.А. Исследования статистических характеристик ассоциативных словарей // Языковая личность: тест, словарь, образ мира. К 70-летию члена-корреспондента РАН Юрия Николаевича Караулова. – М., 2006.

Таблица 1

Основные печатные ассоциативные словари русского языка*

Публикация	Возраст испытуемых	Кол-во стимулов	Объем статьи (кол-во ответов)	Время сбора материала	Место проведения эксперимента	Тип эксперимента	Вход в словарь	Тип словаря
Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – М.: ООО «Изд-во Астрель»; ООО «Изд-во АСТ», 2002. [РАС]	17-25 лет (студенты)	6624	По 100 и по 550	1988-1997	Города России	ПП	П, О	Тезаурус, отдельной социокультурной общности, одноязычный, общий
Словарь ассоциативных норм русского языка / Под ред. А.А. Леонтьева. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. [САНРЯ]	16-50 лет (в основном студенты)	196	По 200 и по 600	1969-1972	Города СССР	УП	П	Частичный, отдельной социокультурной общности, одноязычный, общий
Гуц Е.Н. Ассоциативный словарь подростка. – Омск: «Вариант-Сибирь», 2004. [АСП]	15 -17 лет	265	По 500 и по 700	2002-2003	Омск (Россия)	ПП, УП	П	Частичный, отдельной социокультурной общности, одноязычный, общий
Словарь детских ассоциаций// Береснева Н.И., Дубровская Л.А., Овчинникова И.Г. Ассоциации детей от шести до десяти лет (ассоциативное значение слова в онтогенезе). Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1995.– С.106-254. [ПАС 1995]	6-10 лет (младшие школьники)	70	В среднем 470	До 1995	гг. Пермь, Березники, Чусовой (Россия)	ПП	П	Частичный, комплексный, одноязычный, общий
Обратный ассоциативный словарь: от реакции к стимулу // Овчинникова И.Г., Береснева Н.И., Дубровская Л.А., Пенягина Е.Б. Лексикон младшего школьника. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2000. – С. 107-303. [ПАС 2000]	6-10 лет (младшие школьники)	70	В среднем 470	До 1995	гг. Пермь, Березники, Чусовой (Россия)	ПП	О	Частичный, отдельной социокультурной общности, одноязычный, общий
Соколова Т.В. Ассоциативный словарь ребенка. В 2 ч. – Архангельск: Изд-во ПМПУ, 1996. [АСР]	3-6 лет (дошкольники)	18		1990-1995	Архангельск (Россия)	УУ	П, О	Частичный, комплексный, одноязычный, общий

* Условные обозначения: ПП – Письменно-письменный, УП – Устно-письменный, УУ – Устно-устный, П – Прямой, О – Обратный

С.А. Чугунова (Тверь)

Образ времени в различных культурах: обзор

Ознакомление с современными исследованиями, нацеленными на изучение природы концептуализации времени в рамках когнитивной науки, показывает, что на сегодняшний день в этой области сложились две основные точки зрения, демонстрирующие как сходства, так и различия во взглядах на эту проблему. Первая – феноменологическая – точка зрения опирается непосредственно на философии Ф. Brentano, Э. Гуссерля, А. Бергсона. Основоположниками второго подхода – теории концептуальной метафоры – выступили, как известно, лингвисты-когнитивисты Дж. Лакофф и М. Джонсон, опубликовавшие в 1980 г. свой знаменитый труд «Метафоры, которыми мы живем» (*Metaphors We Live By*).

Приверженцы феноменологической концепции рассматривают время в качестве фундаментального свойства человеческого мышления, базового внутреннего опыта, который так же, как и внешний сенсомоторный опыт, реально ощущается и предшествует концептуализации, а не следует из нее [Evans 2004]. Как вездесущая основа восприятия, как физиологический механизм, интегрирующий данные о стимуле из разных модальностей в целостный перцепт, а также связывающий последовательные перцепты в единый континуум процесса восприятия [Röppel 1994], темпоральный опыт практически не осознается человеком, поскольку субъективная информация о внутренних (телесно-психических) состояниях проникает в концептуальную систему через визуальный, или пространственный, формат мышления, непосредственная же ее связь с концептуальной системой является сравнительно слабой [Jackendoff 1992; 1996]. Представление об опосредованной связи продуктов внутреннего опыта и концептуальной системы, подготавливающей репрезентации к языковому овнешнению, отвечает на вопрос, почему практически в любом языке мира темпоральность выражается метафорически в терминах трехмерного пространства и движения: *за короткое время, в два часа, she finished the exam in two hours, the relationship lasted a long time, in einem Moment, eine Woche lang, à deux heures, время летит, the time for a decision has arrived, Christmas is approaching*. Вместе с тем темпоральность располагает собственными, не нуждающимися в сенсомоторном опыте концептами, о чем свидетельствуют такие неметафорические лексемы, как *время, сейчас, длительность, одновременность, будущее* и т.д.

Наоборот, сторонники теории концептуальной метафоры, рассматривающие метафору как прежде всего когнитивный механизм, или способ думать об одной области через призму другой [Лебедева, Зубкова 2006], считают время абстрактным концептом, артефактом, выводимым сознанием через срав-

нение наблюдаемых событий внешнего мира, таких, как восход и закат солнца, смена времен года, колебание маятника, перемещение стрелок часов, вращение колеса и т.д. Как результат восприятия действительности время навязано нам извне. Такой подход согласуется с положениями экологической психологии Дж. Гибсона [Gibson 1979], в соответствии с которыми время – иллюзия, если не поддается непосредственному наблюдению.

На уровне концептуальной системы абстрактная идея, понятие, например, время, – это результат вторичной концептуализации, это концептуальная область-цель (*target domain*), которая «заимствует» посредством механизма концептуальной метафоры структуру области-источника (*source domain*), в том числе необходимые для языкового овнешнения слова и выражения. Область-источник представляет собой набор семантически связанных конкретных сущностей, признаков, процессов и отношений, сохраняемых в долговременной памяти человека и выражаемых в языке с помощью различных языковых единиц, которые в лингвистике принято группировать в «лексические наборы» или «лексические поля». Конкретность предполагает только то, что концептуальная область-источник является продуктом отображения внешнего сенсомоторного опыта индивида, например, восприятия движущихся объектов. Последователи теории концептуальной метафоры уверяют, что едва ли найдется абстрактное понятие, идея, которую можно выразить, не прибегая к метафоре. Поскольку за абстрактными понятиями не скрывается непосредственный чувственный опыт, мы постигаем их через призму конкретных примеров [Deignan <http://creet.open.ac.uk...>].

Безусловно, языковая метафора сыграла свою роль в порождении объективного времени вне человека, а также в тенденции подчинить время пространству и еще дальше – «устранить» время как несущественную особенность первоосновы (о взглядах Архимеда и его последователей см.: [Уитроу 2003]). Но также очевидно и то, что если человек субъективно ощущает время как дрящущее слишком медленно или слишком быстро, он невольно приходит к ньютоновскому пониманию «правильного» времени с равномерной, неизменной скоростью движения [Evans 2004; Radden 2003]. Фундаментальная наука настаивает, что исследование времени «без изучения физики – безнадежное предприятие», «поскольку существование восприятия времени не имеет отношения к изучению времени как объективного процесса» [Рейхенбах 2003: 32, 21]. Между тем в физике время существует только на уровне математических исчислений Vt , t^2 , $-t$, не исключающих даже возможности величины времени, равной нулю или отрицательного времени [Шпенглер 1998].

Несмотря на кардинальное различие во взглядах на вопрос о происхождении времени, сторонники феноменологического подхода и теории концептуальной метафоры единодушны в признании фундаментальной роли тела как основного источника большинства перцептуальных и концептуальных структур. Оба подхода во многом опираются на теорию мышления М. Мерло-Понти, который одним из первых в наше время обратил внимание на первичность корпорального опыта и участие последнего во всех проявлениях умственной активности субъекта, включая пользование языком, хотя, как указывает А.А. Залевская, «реальная роль тела не утрачивалась никогда и ни в каких культурах, она лишь игнорировалась в теоретических описаниях языка» [Залевская 2005: 246].

По мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, концептуальные метафоры функционируют на базе иконичности, означающей в данном случае, что их создание и использование вовлекают телесно ощущаемое и воспринимаемое сходство между окружающими вещами и событиями (со ссылкой на [Manjali 2002]). Придерживающийся феноменологического подхода В. Эванс [Evans 2004] также говорит о значении механизма эмпирической корреляции для развития новых концептов и более сложных когнитивных моделей. Так, мы часто наблюдаем соответствие между количеством и высотой: чем чего-то больше, тем оно вертикально выше (вода в стакане, апельсины в корзине). Эмпирическая корреляция вызывает концептуальную корреляцию и, в конечном счете, проявляется в языке: *The stock prices went up. His test score wasn't as high as he had hoped for.* Примером корреляции времени и пространства на языковом уровне может служить вопрос *"How long is the journey?"*, на который можно ответить и в терминах времени, и в терминах пространства. Выражение длительности как длины является здесь результатом корреляции не поддающегося сознательной рефлексии внутреннего темпорального опыта индивида и сенсорного опыта пересечения пространства. В трактовке сторонников теории концептуальной метафоры темпоральные концепты образуются в результате задействованности примитивных образных схем («перцептивных категорий» в терминах Дж. Мандлер [Mandler 1996]), которые создают мышление как отклик на взаимодействие организма с окружающей средой [Manjali 1996, 2002].

Все же, несмотря на различия в вопросах концептуализации, и те, и другие соглашаются с тем, что время – генетически более позднее понятие, чем пространство. По утверждению О. Шпенглера [Шпенглер 1998], для первобытного человека слово *время* не имело значения, поскольку он не чувствовал в нем необходимости – время было, но он ничего о нем не знал. Временная ось в языке никак не проявляется, «сливаясь» с координатами пространства, при этом разные языки обнаруживают различия в том, как типология пространства преломляется в темпоральной картине мира их носителей.

Время, представляемое в христианском мире как линия, в сознании представителей различных культур отождествляется с разными пространственными координатами. То, что зачастую это горизонтальная ось, обусловлено биологически – человек изначально передвигается вдоль горизонтальной оси вперед к своей цели, и, следовательно, будущее оказывается перед ним: *She has a bright future ahead of her. Don't look back, the past was bleak.* Тем не менее, в китайском и японском время ассоциируется с вертикальным измерением: Ср. кит. яз. *shànyuè* (= up month) означает «прошлый месяц»; *xiàyuè* (=down month) означает «следующий месяц»; кит. яз. мандарин *shang-ban-tian* (=upper-half-day) означает «утро»; *xià-ban-tian* (=lower-half-day) означает «день»; *shang-ban-yuè* (=upper half of the month) означает «первая половина месяца»; *xià-ban-yuè* (=lower half of the month) означает «вторая половина месяца»; яп. яз. *ima kara sanbyaku-nu sakanoboru, Edo-jidai dearu now Abl. 300-years ascend-back Conj. Edo-era be (=Ascending 300 years from now is the Edo era). Kamakura-jidai kara yonhyaku-nen kudaru to, Kamakuru-era Abl. 400 years descend Conj. Edo-era dearu be (=Descending 400 years from the Kamakura era is the Edo era)* [Evans 2004; Moore 2000; Radden 2003; Shinohara & Matsunaka 2004; Yu 1998]. Примеры показывают, что в сознании носителей этих языков более раннее («старшее») событие оказывается в ы ш е более позднего («молодого»). Считается, что в основе такой концептуализации лежит визуальный опыт склонов (slopes). Когда мы находимся на возвышении, сила гравитации заставляет нас двигаться (катиться) вниз. Движение занимает определенный промежуток времени, в котором крайние временные точки находятся в соотношении «выше/раньше – ниже/позже» [Evans 2004; Moore 2000; Shinohara & Matsunaka 2004]. Для японской культуры соположение образов времени и символа горы (холма) является знаковым, так как горы являют собой наглядную презентацию одной из самых полисемантических ее мифологем. На ее формирование оказали влияние различные факторы, в том числе и религия: достаточно вспомнить изображения Будды, сходящего с гор, как образ внезапно открывающегося будущего [Костинская 2006]. Г. Радден [Radden 2003] связывает вертикальную модель времени в сознании китайцев с культурной значимостью реки Янцзы. Н. Ю [Yu 1998] полагает, что в основе вертикальной концептуализации времени лежит механизм эмпирической корреляции: когда мы ложимся на живот и движемся вперед, наша голова оказывается впереди, как и у большинства других животных, в то же время голова ассоциируется у нас с верхом.

В английском языке также есть примеры, воплощающие модель вертикального времени по типу «выше/раньше – ниже/позже»: ср. англ. им. сущ. *descendant* («потомок»), *ascendant* («предок» на генеалогическом древе); или *These stories have been passed down from generation to generation. This tradition has lasted down to the present day.* Однако

по-английски нельзя сказать: *This tradition will last down into the future* (в кит. яз. *xìàyuè* (= down month) означает 'следующий (будущий) месяц'), а только *This tradition will last into the future*. В двух последних примерах реализуется иная пространственная модель, когда наблюдатель (говорящий) оказывается и над прошлым, и над будущим: *The new year is coming up. This year went down in family history*. Такая концептуализация строится на антропоцентрической картине мира. Вместе с тем, известны выражения, когда будущее помещается над потенциальным наблюдателем: *That's up in the future* [Radden 2003]. Со своей стороны предположим, что такое разнообразие перцептивно-когнитивных схем в темпоральной картине мира носителей английского языка может быть связано с ярко выраженной подвижностью дейктического центра, о чем также свидетельствует семантика многочисленных видо-временных форм в системе английского глагола.

Из приведенных примеров следует, что потенциальный наблюдатель, может располагаться не только на одном уровне с темпоральным событием (имеется в виду горизонтальная ось), но и выше, и ниже времен, причем как будущего, так и прошлого. Что касается формы временной оси в образах различных лингвокультурных сознаний, то здесь можно выявить только два геометрических рисунка – прямую и окружность [Radden 2003]. В греческой классической традиции, а также в культуре ацтеков время ассоциировалось с кругом и имело циклический характер, так как связывалось с движением небесных светил. Время как прямая линия – это влияние христианской доктрины, унаследованной от иудейских верований. Это путь, у которого есть конечная цель – спасение души. Но и в современном мире есть культуры, для которых время движется по кругу: индуистская, проповедующая реинкарнацию, малагаси (Malagasy) на о. Мадагаскар [Evans 2004]. На основании изучения языкового ассоциативного поведения носителей английского, русского и казахского языков, а именно на основании анализа их реакций на словестимулы, входящие в семантическое поле «Время» С.В. Дмитриук [2001] делает вывод о циклическом восприятии времени в сознании казахов, линейном – в сознании англичан и циклично-линейном – в сознании русских. Однако представление о времени, претерпевающим движение по кругу, имеет место и в английском языке: *Christmas has come around again. Guided tours are offered year-round. Our shop is open round the clock. He slept round the day* [Radden 2003].

Таким образом, понимание времени не может быть обусловленным культурой, что также сближает последователей феноменологического подхода и теории концептуальной метафоры, ибо представления человека о времени формировались на основе его практической и познавательной деятельности, которая всегда несла в себе национально-специфические черты, обусловленные историческими, религиозными, природно-географическими,

социально-бытовыми особенностями [Дмитриук 2001]. Вместе с тем вариативность темпоральной картины, проявляющаяся в одном и том же языке, как в случае с английским, свидетельствует о том, что, с одной стороны, культурный опыт вынужденно «откликается» на опыт общечеловеческий, биологический, опыт восприятия действительности, продуктом отображения которого в равной мере можно считать и время-линию и время-цикл. С другой стороны, редкий народ живет в вакууме, подвергаясь время от времени «культурным нашествиям со стороны».

Метафорическое представление временных событий как внешних объектов приводит к тому, что человек в качестве дейктического центра ассоциирует настоящее с собой и с тем, что рядом, поскольку тело человека – это не просто объект, это центр мира [Manjali 1996, 2002]: ср. выражения в кит. яз. для «present time»: *on hand, existing, just at front, eye front, eye below, eye underneath, eye face front, foot under* [Yu 1998]. Прошлое оказывается у него за спиной (*That was way back in 1900*), а будущее, предвкушаемая цель, локализуется перед его взором (*I look forward to seeing you*). Однако в ряде языков выявлено обратное положение дейктических времен относительно предполагаемого наблюдателя – с будущим позади и прошлым впереди. Такая необычная для европейца концептуализация времени зафиксирована в языках индейцев аймара (Аумара), проживающих высоко в Андах на севере Чили, западе Боливии и юго-востоке Перу [Miracle & Yapita Moya 1981], тоба (Тоба) в Боливии [Klein 1987], а также малагаси (Malagasy) на о. Мадагаскар [Dahl 1995]; есть также данные о концептуализации будущего позади в культуре Древнего Египта [Núñez R. & Sweetser 2006]. Такая концептуализация, как правило, объясняется тем, что прошлое человек видел и знает, а будущее – нет [Evans 2004; Lakoff & Johnson 1999; Radden 2003].

Так, в языке аймара слово *nayra* означает 'прошлое', а также 'перед' и 'глаз' (*nayra timpu* для «the past time» = *eye time*, i.e., *the time before my eyes*), а слово *q'ipa* – 'будущее', а также 'зад', 'спина', 'сзади' (*q'ipi uru* для «tomorrow» = *back day*, i.e., *the day at my back*). Выражение *nayra mara*, которое означает 'прошлый год', дословно переводится как 'год впереди'. Жестикуляция носителей этого языка подтверждает языковые факты. Имея в виду настоящее, представители этого народа указывают на свою грудь. Имея в виду прошлое, они машут рукой вперед, а будущее – назад, через плечо. Если имеется в виду недавнее прошлое, то аймара указывают прямо перед собой, если далекое прошлое, то они машут далеко вперед. Положение цели перед дейктическим центром не играет здесь никакой роли, хотя для большинства этносознаний оно имеет фундаментальное значение [Evans 2004; Kidera 2006; Radden 2003; Spinney 2005].

Темпоральная картина мира народа малагаси на о. Мадагаскар характеризуется аналогичным расположением времен. Здесь время движется из

будущего, которое говорящий не видел и не знает, т.е. из-за спины, минует говорящего, т.е. настоящее, и уходит в прошлое, т.е. далеко вперед. Прошлое известно и поэтому оказывается перед глазами. Таким образом, наблюдается высокая корреляция между видением и знанием [Dahl 1995; Evans 2004; Radden 2003].

Темпоральная картина народа тоба в Боливии оказывается еще более сложной для европейского сознания, сочетая «прошлое впереди» с идеей циклического времени, движущегося против часовой стрелки. Здесь настоящее также совпадает с наблюдателем, затем время совершает полукруговое движение и оказывается в недалеком прошлом, чтобы, описав еще один полукруг, скрыться из виду в отдаленном прошлом. И отдаленное прошлое, и отдаленное будущее оказываются как бы над затылком говорящего, так как будущее приходит сзади, также совершая круговое движение. Любопытно, что и тоба, и аймара, говоря о будущем, оглядываются через левое плечо. Феномен «левого плеча» был также зафиксирован в неродственном индейском языке тао, на котором разговаривают в Taos Pueblo на севере штата Нью Мексико (США) [Klein 1987; Radden 2003].

Небезынтересно, что и в некоторых других языках отдельные выражения указывают на концептуализацию будущего сзади и прошлого впереди наблюдателя: ср. кит. яз.: *ri.qian* = *day.front* для «a few days ago; the other day»; *ri.hou* = *day.back* для «in the future; in the days to come». Однако эти примеры противоречат семантике ряда глаголов в китайском языке, буквально означающих 'look forward, look ahead' для будущего и 'turn around, turn back' для прошлого. Для понимания редких случаев «будущего позади» и «прошлого впереди» необходимо учитывать положение темпоральных событий относительно друг друга и наблюдателя [Radden 2003].

Сознание выстраивает темпоральные события в наших представлениях в таком же порядке, в каком отображает для себя реальные предметы в пространстве. Так, предметы, если у них выражена ось «перед–зад», могут быть обращены друг к другу «лицом» или выстраиваться друг за другом. Точно так же наблюдатель и темпоральные события оказываются или в положении «друг за другом» (in-tandem alignment), или в положении «навстречу друг другу» (mirror-image alignment) [Evans 2004; Radden 2003]. Очевидно, что человек навязывает свою архитектуру внешнему миру. Иными словами, пространственные характеристики стимула определяются в терминах корпорального пространства [Manjali 1996; 2002].

Если еще раз посмотреть на обсуждавшиеся выше концептуальные модели времени в разных языках, но уже в плане обращенности потенциального наблюдателя и времени (темпоральных событий) с точки зрения оси «перед–зад», то нетрудно заметить, что для большинства языков, включая индоевропейские, характерен вариант «навстречу друг другу». События приходят из

будущего в настоящее, в котором ощущает себя индивидум, и уходят в прошлое, исчезая за его спиной. Однако факты из западно-африканского языка Hausa обнаруживают обратную концептуализацию, т.е. более раннее, предшествующее событие выражается в терминах *after/behind*, а более позднее, последующее событие выражается в терминах *before/in front of*: *Ranar Talata gaba da ranar Littinin (gaba – in front of / before) = Tuesday is in front of / before Monday*; *Ranar Littinin baya da ranar Talata = Monday is in back of / after Tuesday (baya – in back of/ after)*. К. Хилл [Hill 1982] объясняет такую странность с точки зрения европейца тем, что для носителя Hausa объекты, лишённые выраженной оси «перед–зад», например, дерево, камень и т.д., включая временные события, как бы следуют друг за другом. При этом более отдаленный от наблюдателя предмет находится (движется), с точки зрения самого же наблюдателя, перед (*in front of*) более близким предметом, тогда как более близкий предмет находится (движется) позади (*in back of*) более отдаленного. Отсюда, носитель языка Hausa, имея в виду *the day before yesterday*, скажет *the day behind yesterday*. Любопытно, что по-русски мы так и говорим: *поза(ду)вчера*. Точно так же, *the day after tomorrow*, совпадающее, кстати, с русским *послезавтра*, в Hausa должно звучать как *the day before tomorrow*. В то же время и в языке Hausa встречаются выражения, описывающие «зеркальный» (mirror-image alignment) перцептивный паттерн: *Dauda zai zo bayan Saratu ta fita = David will come after Sarah leaves (bayan – later than)*. Ситуацию, подобную этой, К. Хилл назвал «закрытой» (closed) ([Evans 2004; Radden 2003] – со ссылкой на [Hill 1982]).

Примеры *позавчера* и *послезавтра* в русском языке заставляют нас предположить, что для данных примеров в сознании носителей русской культуры реализуется еще одна перспектива – «эгоцентрическая». Эта модель предполагает поворот наблюдателя то в сторону будущего, то в сторону прошлого: ср. фр. яз. *arrière-petit-fils* (great-grandson) = *behind-small-son*; *arrière-petite-fille* (great-granddaughter) = *behind-small-daughter*; *arrière petits-enfants* (great-grandchildren) = *behind-small-children*; *arrière-grand-père* (great-grandfather) = *behind-grandfather*; *arrière-grand-mère* (great-grandmother) = *behind-grand-mother*; *arrière-grands-parents* (great-grandparents) = *behind-grand-parents*. Русскоязычные примеры *позавчера* и *послезавтра* соотносятся с итальянскими *l'altroieri* (=the other.yesterday) и *domani l'altro* (=tomorrow the other), так как *altro* означает также 'позади'. Любопытно и то, что *l'altro anno* может означать и 'следующий год' (next year) и 'прошлый год' (last year). Вместе с этим в итальянском языке овнешняется и традиционный тип отношений («навстречу друг другу»): *dopodomani* (=after.tomorrow), *avantiieri* (=before.yesterday) [Radden 2003].

Специалисты в области когнитивной метафоры в один голос заявляют, что человек пришел к осознанию времени через движение, последо-

вательность сменяющих друг друга событий. Хорошо известно, что от способности воспринимать движущийся объект зависит его выживание. С самого рождения младенец воспринимает мир вокруг себя как бы в потоке еще до того, как научается самостоятельно передвигаться в пространстве. Таково устройство нашего зрительного аппарата (*the optic array*), которое не зависит от культурных и географических различий [Gibson 1979]. Экспериментальные исследования показывают, что языковое поведение индивида направляется тем или иным когнитивным сценарием в зависимости от того, воспринимает/ испытывает (только что воспринимал/испытывал) он движение или нет [Núñez et al. 2006]. Поэтому чтобы судить наиболее полно о специфике темпоральной картины мира субъекта как носителя определенной лингвокультуры, полезно сопоставлять языковые факты с имеющимися на сегодняшний день моделями темпоральности с точки зрения движения; кроме того, одних языковых фактов бывает для этого недостаточно.

На примере английского и других языков В. Эванс [Evans 2004] выделяет три когнитивные модели темпоральности, построенные на метафоре движения: «модель движущегося времени» (*the Complex Moving Time model*), «модель движущегося эго» (*the Complex Moving Ego model*) и «модель временной последовательности» (*the Complex Temporal Sequence model*). Различение метафор «движущегося времени» и «движущегося эго» началось с работы [Clark 1973]. Дж. Лакофф [Lakoff 1993] обозначил их как TIME PASSING IS MOTION OF AN OBJECT (moving time) и TIME PASSING IS MOTION OVER A LANDSCAPE (moving Ego) соответственно, считая их случаями общей метафоры – TIME PASSING IS MOTION. Метафора «движущегося времени» построена на ассоциации времени с движущимся объектом. Она, как правило, предполагает неподвижного наблюдателя (дейктический центр), относительно которого совершается движение: *Time flows by*. В метафоре «движущегося эго» дейктическим центром является само время (временное событие); при этом время ассоциируется с неподвижными верстами, вехами, относительно которых субъект осуществляет движение: *We are getting close to the start of the school year* [Núñez & Sweetser 2006]. Однако, если модели «движущегося времени» и «движущегося эго», построенные на базе выделенных метафор, предполагают обозревателя или в качестве дейктического центра, или в качестве движущегося начала, то «модель временной последовательности» исключает эго, и точкой отсчета для события/времени становится другое событие/время, т.е. разные события оцениваются относительно друг друга: *Tuesday follows Monday* [Evans 2004].

Обратим внимание, что В. Эванс иллюстрирует «модель временной последовательности» с помощью стрелки, направляя ее слева направо, хотя в «модели движущегося времени» (эгоцентрической модели), построенной на базе английского языка и отвечающей, как считает автор, большинству

языков мира, «стрела времени», направленная из будущего на субъекта, указывает наоборот – справа налево. Таким образом, мы сталкиваемся с двумя противоположными направлениями времени, хотя известно, что метафора предполагает либо движение времени, либо движение субъекта, и время не может двигаться сразу в двух направлениях. При этом известно, что «лево» ассоциируется у нас с прошлым, а «право» – с будущим, что обусловлено анатомией человека. Более 70% всех людей – генетические «правши», и именно за правой рукой закреплена функция целенаправленного поиска неизвестного, т.е. цели. Даже на художественных полотнах известное помещается слева, а новое – справа. Однако есть культуры (например, арабская) с обратной локализацией времен. Исследователи связывают это с традицией написания/чтения текста – не слева направо, как это принято у европейцев, а наоборот – справа налево. Мы не располагаем языковыми свидетельствами, указывающими на темпоральную семантику пространственных отношений «право–лево», но многочисленные языковые факты из разных языков наглядно демонстрируют, что самыми востребованными у темпоральной концептуальной области оказываются корпоральные отношения «перед–зад» [Gentner et al. 2002]. Это обусловлено анатомией человеческого тела, навязывающего миру свою асимметричность, которой он не обладает, в отличие от оси «верх–низ» – здесь асимметричность тела совпадает с асимметричностью самого мира как результата гравитации. Кроме того, естественная траектория движения человека – вдоль горизонтальной оси, поэтому случаи усвоения темпоральной концептуальной областью пространственных отношений «верх–низ» (см. вышеприведенные примеры из китайского, японского, английского языков) не являются типичными. Что же касается пространственных корпоральных отношений «лево–право», то в них не усматривается очевидной асимметричности ни с точки зрения строения тела, ни с точки зрения внешнего мира [Tversky 2005]. Возможно, поэтому эта ось оказывается самой незначимой при концептуализации темпоральных отношений, о чем и свидетельствует отсутствие соответствующих языковых выражений.

Возвращаясь к когнитивным моделям темпоральности, и, в частности, к примеру из западноафриканского языка Hausa (*Ranar Talata gaba da ranar Littinin* = Tuesday is in front of / before Monday; *Ranar Littinin baya da ranar Talata* = Monday is in back of / after Tuesday (со ссылкой на – [Hill 1982]), заметим, что по мнению авторов работы [Núñez & Sweetser 2006], В. Эванс [Evans 2004], указывая на несоответствие темпоральной картины мира носителей этого языка индоевропейской картине мира, скорее всего, совершает ошибку, так как смешивает две разные модели – эгоцентрическую и лишненную наблюдателя.

Являясь сторонниками теории концептуальной метафоры, эти исследователи считают, что по большому счету мы имеем дело не с тремя когнитив-

ными моделями темпоральности (*Moving Time/ Moving Ego / Temporal Sequence*), а с двумя – *Ego-Reference-Point* (Ego-RP) и *Time-Reference-Point* (Time-RP) (см. также [Núñez et al. 2006]). Первая модель объединяет две метафоры времени: метафору движущегося времени относительно неподвижного наблюдателя (*Christmas is coming*) и метафору неподвижного времени в качестве точки отсчета для совершающего движение эго (*We are getting close to the start of the school year*). И хотя эти варианты не всегда взаимнообратимы, т.е. не являются зеркальными, наблюдатель здесь всегда обращен к будущему, а прошлое остается позади (заметим, даже в темпоральной картине Hausa). Одним из объяснений необратимости вариантов может выступать принцип активной детерминации, по которому одни сущности признаются нами более активными по сравнению с другими [Talmy 1996]. Концептуализация в этой модели наблюдателя (эго) приводит к неизбежному формированию в ней концепта «сейчас», ибо субъект всегда ощущает себя *здесь и сейчас*, и, следовательно, концептов «будущее» и/или «прошлое» относительно себя-сейчас [Núñez & Sweetser 2006].

Вторая модель-метафора *Time-Reference-Point* исключает концептуализацию эго и, следовательно, формирование дейктических концептов «сейчас», «будущее» и «прошлое». Более того, движение здесь не играет ключевой роли, но, как и в «модели временной последовательности» В. Эванса, точкой отсчета для одного темпорального события выступает другое событие. При этом пространственный опыт «впереди» перерабатывается в темпоральный концепт «раньше», а «позади» – в «позже»: *Christmas follows Thanksgiving. Greenwich Mean Time is lagging behind the scientific standard time. It is now 20 minutes ahead of 1 p.m.* Другими словами, здесь важны только отношения «раньше/позже чем». Авторы работы [Núñez & Sweetser 2006] подчеркивают, что в отличие от их модели, модель В. Эванса не мотивирована первичностью роли системы отсчета, отчего возникают неточности, как в случае с языком Hausa. Важно и то, что их позиция защищает теорию концептуальной метафоры, отсюда с их точки зрения, все формирующие темпоральную модель концепты – это вторичные, производные сущности, копирующие базовую, первичную пространственную модель. В. Эванс позиционирует себя как выразитель феноменологического подхода, у него темпоральный опыт сам по себе концептуально базовый, отсюда его темпоральная когнитивная модель – это отображение не последовательности объектов в пространстве, а последовательности темпоральных событий в их хронологию.

В работе [Núñez et al. 2006] обосновывается значимость точки отсчета (Reference Point) для метафоры времени – не столько важно понять, что именно движется, важнее понять, относительно чего. Когда носителям английского языка предлагали уточнить день встречи после предъявления им фразы *Wednesday's meeting was moved forward two days* (назначенную на среду встречу перенесли на

два дня), половина опрошенных отвечала *Monday* (понедельник), другая половина отвечала *Friday* (пятница). Обычно считают, что ответ зависит от того, на какую из моделей темпоральности опирается реципиент. Если производилась опора на «модель движущегося эго», то ответом была «пятница», если опирались на «модель движущегося времени», то отвечали «понедельник», так как время и наблюдатель в этих эгоцентрических моделях движутся в разных направлениях – эго из прошлого в будущее (слева направо), а время – наоборот, из будущего в прошлое (справа налево) [Kiderra 2006].

Р. Нуñez и соавторы [Núñez et al. 2006] предположили, что за тем или иным ответом реципиента скрывается другая психологическая реальность – или индивид оценивает темпоральное событие относительно собственного положения, или он представляет цепочку событий безотносительно к себе, где *forward* (вперед) предполагает только «раньше» и больше ничего, т.е. «понедельник раньше среды». Дело в том, что, задавая подобный вопрос, исследователи, как правило, имели в виду будущее, однако если привлечь прошлое, то складывается совершенно иная ситуация (*Last Wednesday's meeting got moved forward two days*). Другими словами, если испытуемый опирался бы на эгоцентрическую метафору (*Ego-Reference-Point*), он в этом случае выбрал бы «пятницу», потому что «пятница ближе к нему»; если же его опорой послужила бы метафора, исключая эго (*Time-Reference-Point*), ответом всегда был бы «понедельник» – «понедельник раньше среды». При этом одних испытуемых мотивировали движущимися по экрану разноцветными кубиками, другая группа наблюдала неподвижные объекты. Результаты серии экспериментов позволили авторам считать *Time-Reference-Point* метафору психологической реальностью, управляющей языковым поведением индивида. При этом исследователи уверяют, что этот тип концептуальной метафоры не следует рассматривать как свидетельство «вне(без)телесного» человеческого механизма мышления. Наблюдая объекты действительности, например, цепочку муравьев, в которой следующие впереди насекомые прибывают к месту назначения раньше, чем те, что следуют в конце цепочки, человек не встраивает в эту сцену себя и делает выводы, игнорируя собственное положение. И точно так же, наблюдая перед собой последовательности неодушевленных объектов (включая временные события), лишенных асимметричной оси «перед-зад», он, тем не менее, приписывает им ту же ориентацию. Следовательно, и данный тип мышления является глубоко человеческим и глубоко телесным [Op. cit.].

Особый интерес специалистов всегда привлекали межкультурные несоответствия, в том числе в темпоральной картине мира представителей различных сообществ. Языковой материал высвечивает самые разные, иногда неожиданные примеры концептуализации времени. При всем при этом авторы статьи [Núñez & Sweetser 2006] настаивают, что для выводов языковых примеров зачастую бывает недоста-

точно, или они неверно истолковываются. Вместе с тем анализ жестикюляции может служить здесь серьезным подспорьем. Специалистами в области психологии языка накоплены убедительные свидетельства тесной связи жестикюляции и речи [Goldin-Meadow 2003; Kendon 2004; McNeill 2005]. Жестикюляция меньше контролируется сознанием, чем даже речь. Так, даже общаясь на испанском, представители аймара (Аумара), имея в виду прошлое, все равно указывают перед собой, и машут назад через плечо, имея в виду будущее. Для авторов [Núñez & Sweetser 2006] более чем очевидно, что жесты, сопровождающие то или иное высказывание, часто опредмечивают ту или иную когнитивную модель.

Выше уже говорилось, что на языке аймара *naura* означает 'eye / sight / front', *naura mara* (year) – 'last year', дословно 'a year before'. *Ancha* (a lot) *naura pachana* (pacha = time, -na = in/on/at) означает 'a long time ago', дословно 'a long time before'. *Naura pacha/timpu* (заимствовано из испанского *tiempo*) означает 'past time', дословно 'time before'. Высказывая все эти сочетания, носители аймара машут перед собой, имея в виду прошлое относительно себя. Но слово *naura* также часто используется в повествовании в значении 'первый', т.е. 'более ранний'. Рассказчик может начать повествование с этого слова, имея в виду «здесь / вначале» без отношения к себе. При этом аймара, как и большинство носителей других языков, часто жестикюлируют, указывая слева направо, имея в виду цепочку событий. Отсюда получается, что когда аймара машет перед собой, высказывание *naura mara* надо понимать не просто как «a year before», а как «year before now», *ancha naura pachana* – не просто как «a long time before», а как «a long time before now» и т.д. Этим самым он овнешняет модель, где точкой отсчета служит эго. Когда же говорящий на этом языке проводит рукой слева направо, произнося слово *naura*, то он овнешняет модель мышления, в которой точкой отсчета становится время.

Точно так же, *qhira* на аймара означает 'back / behind', *qhira uru* (uru = day) означает 'a future day', дословно 'a day behind'. *Qhira marana* (mara = year, -na = in, on, at) означает 'in the next year', дословно 'a year behind'. *Qhira pacha/timpu* означает «future time», дословно «time behind». Говоря это, аймара машет назад через плечо, имея в виду будущее. Этим самым овнешняется модель, где точкой отсчета служит эго. Поэтому *qhira uru* следует понимать не просто как «a day behind», а как «a day behind now», *qhira marana* – не просто как «a year behind», а как «a year behind now», *qhira pacha/timpu* – не просто как «time behind», а как «time behind now». Но говоря *qhira uruna* (uru = day, -na =

in/on/at), что означает 'on the next day / on a future day', или *uka* (this) *marata* (mara = year, -ta= from) *qhira* (qhira = behind, -ru = to, towards), что означает 'from this year on', аймара проводит рукой слева направо, тем самым показывая, что эти выражения безотносительны к нему, т.е. к «сейчас», и, следовательно, они овнешняют *Time-RP* метафору, где точкой отсчета для одного темпорального события является другое событие.

Авторы [Núñez & Sweetser 2006] уверяют, что в книге В. Эванса [Evans 2004] имеется еще одна неточность. Последний указывает, что, с точки зрения аймара, время движется из будущего, о котором они ничего не знают, в прошлое, которое они видели и знают. Поэтому время движется из-за спины и скрывается далеко впереди. Другими словами, аймара обращены лицом к прошлому и спиной к будущему, о чем здесь уже говорилось. Ошибка состоит в том, что темпоральное мышление аймара в этом случае не предусматривает движение, образ оказывается статичным. Дело в том, что когда субъект пребывает в покое, не претерпевая движения, он видит лишь половину пространства вокруг себя – то, что находится впереди. Когда же субъект идет вперед, он не знает, что ждет его впереди. А то, что осталось позади, он уже видел, и поэтому он знает, что, собственно, осталось за его спиной. В этом исследователи видят причину исключительности темпорального мышления аймара. Если бы их образ предусматривал движение, то их тип мышления ничем не отличался бы от индоевропейского. Все это говорит о том, какое огромное значение для аймара имеет зрение как источник информации, отчего они грамматически разграничивают личностное знание от знания вообще, используя для этого глагольные окончания и синтаксические структуры. Так, если аймара говорит *Вчера моя мама сварила картофель*, то он обязательно в речи использует языковые средства для уточнения – он сам это видел или источник информации другой. Если он видел сам, то используется маркер *-vna*, если не сам, то *-tauna*. Любопытно, что аймара, особенно немолодые, не любят говорить о будущем, так как не видят в этом смысла.

Дискуссия между сторонниками феноменологического подхода и теории концептуальной метафоры по вопросу концептуализации времени продолжается, но одно для нас не подлежит сомнению, и приведенные выше факты это подтверждают – «любой образ, даже связанный с самой абстрактной идеей, всегда воплощен в чувственном материале, его всегда «исполняет» целый ансамбль осознаваемых и неосознаваемых телесных движений и чувствований» [Василуок 1993: 16].

ЛИТЕРАТУРА

1. Василуок Ф.Е. Структура образа // Вопросы психологии. – 1993. – № 5.
2. Дмитриук С.В. Этнокультурная специфика образа времени в языковом сознании русских, казахов и англичан: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2001.
3. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. – М.: Гнозис, 2005.

4. Костинская О.С. Концепт времени в японской картине мира // Вопросы психолингвистики. – 2006. – Вып. 3.
5. Лебедева С.В., Зубкова О.С. Медицинская метафора в современном языке. – Курск: Курский госуниверситет, 2006.
6. Рейхенбах Г. Направление времени: Пер. с англ. – М.: Едиториал УРСС, 2003.
7. Уитроу Дж. Естественная философия времени: Пер. с англ. – М.: Едиториал УРСС, 2003.
8. Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Том 1. Образ и действительность / Пер. с нем. – Мн.: ООО «Попурри», 1998.
9. Clark H. Space, time, semantics and the child // Т. Moore (Ed.), Cognitive development and the acquisition of language. – New York: Academic Press, 1973.
10. Dahl Ø. When the future comes from behind: Malagasy and other time concepts and some consequences for communication // International Journal of Intercultural Relations. – 1995. – Vol. 19. –
11. Deignan A. Conceptual Metaphor Theory // <http://creet.open.ac.uk/projects/metaphor-analysis/theories.cfm?paper=cmt>
12. Evans V. The structure of time: Language, meaning, and temporal cognition. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Pub. Co., 2004.
13. Gentner D., Imai M. & Boroditsky L. As time goes by: Evidence for two systems in processing space→time metaphors // Language and Cognitive Processes. – 2002. – Vol. 17. – № 5.
14. Gibson J. The ecological approach to visual perception. – Boston: Houghton Mifflin, 1979.
15. Goldin-Meadow S. Hearing gesture: How our hands help us think. – Cambridge, MA: Belknap, 2003.
16. Hill C.A. Up/down, front/back, left/right: A contrastive study of Hausa and English // J. Weissenborn & W. Klein. (Eds.), Here and there: Cross-linguistic Studies on Deixis and Demonstration. – Amsterdam: John Benjamins Pub. Co., 1982.
17. Jackendoff R. Languages of the mind. – Cambridge, MA: MIT Press, 1992.
18. Jackendoff R. The architecture of the linguistic-spatial interface // P. Bloom, M. Peterson, L. Nadel & M. Garrett (Eds.), Language and space. – Cambridge, MA: MIT Press, 1996.
19. Kendon A. Gesture: Visible action as utterance. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2004.
20. Kiderra I. Backs to the future: Aymara language and gesture point to mirror-image view of time // http://ucsdnews.ucsd.edu/thisweek/2006/june/06_12_backs.asp
21. Klein H.E.M. The future precedes the past: time in Toba // Word. – 1987. – Vol. 38.
22. Lakoff G. The contemporary theory of metaphor // A. Ortony (Ed.), Metaphor and thought (2nd ed.). – Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
23. Lakoff G. & Johnson M. Philosophy in the flesh: The embodied mind and its challenge to western thought. – New York, NY: Basic Books, 1999.
24. Mandler J. Preverbal representation and language // P. Bloom, M. Peterson, L. Nadel & M. Garrett (Eds.), Language and space. – Cambridge, MA: MIT Press, 1996.
25. Manjali F.D. On the spatial basis of conceptual metaphors // Texto ! December 1996 [online] <http://www.revuetexto.net/Inedits/Manjali_Metaphor.html>
26. Manjali F.D. Metaphor and space // H.S. Gill (Ed.), Signification in Language and Culture. – Shimla: Indian Institute of Advanced Study, 2002.
27. McNeill D. Gesture and thought. – Chicago: University of Chicago Press, 2005.
28. Miracle A. & Yapita Moya J. Time and space in Aymara // M. Hardman (Ed.), The Aymara language and its social and cultural context. – Gainesville, FL: University of Florida Press, 1981.
29. Moore K.E. Spatial experience and temporal metaphors in Wolof: Point of view, conceptual mapping and linguistic practice: Doctoral dissertation. – U.C. Berkeley, 2000.
30. Núñez R. & Sweetser E. With the future behind them: Convergent evidence from Aymara language and gesture in the crosslinguistic comparison of spatial construals of time // Cognitive Science. – 2006. – Vol. 30. – № 3.
31. Núñez R., Motz B. & Teuscher U. Time after time: The psychological reality of the Ego- and Time-Reference-Point distinction in metaphorical construals of time // Metaphor and Symbol. – 2006. – Vol. 21. – № 3.
32. Pöppel E. Temporal mechanisms in perception // O. Sporns & G. Tononi (Eds.), Selectionism and the brain: International review of neurology. – San Diego, CA: Academic Press. – 1994. – Vol.37.
33. Radden G. The metaphor «Time as Space» across languages // N. Baumgarten, C. Böttger, M. Motz & J. Probst, (eds.), Übersetzen, Interkulturelle Kommunikation, Spracherwerb und Sprach-vermittlung – das Leben mit mehreren Sprachen. Festschrift für Juliane House zum 60. Geburtstag, Zeitschrift für Interkulturellen Fremdsprachenunterricht [Online]. – Mei, 2003. – Jahrgang 8. – № 2/3. – S.226–239. Verfügbar: <http://www.ualberta.ca/~german/ejournal/Radden.pdf>.
34. Shinohara K. & Matsunaka Y. Spatial cognition and linguistic expression: Empirical research on frames of reference in Japanese // F.J. Ruiz de Mendoza Ibáñez (Ed.), Annual Review of Cognitive Linguistics. – 2004. – Vol. 2. – Pp.261–283.
35. Spinney L. How time flies // The Guardian. – 2005. – Thursday, February, 24. // <http://www.guardian.co.uk/life/feature/story/0,13026,1423455,00.html>
36. Talmy L. Fictive motion in language and “ception” // P. Bloom, M. Peterson, L. Nadel & M. Garrett (Eds.), Language and space. – Cambridge, MA: MIT Press, 1996.
37. Tversky B. Functional significance of visuospatial representations // P. Shah & A. Miyake (Eds.), Handbook of higher-level visuospatial thinking. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
38. Yu N. The contemporary theory of metaphor: A perspective from Chinese. – Amsterdam: John Benjamins, 1998.

А.А. Петрова (Волгоград)

Исследования по детской коммуникации в Германии

Настоящая статья посвящена анализу состояния дел в сфере изучения онтогенеза коммуникации в немецкой психолингвистике. Собственно говоря, термин «немецкая психолингвистика» скорее мало пригоден в настоящий момент, поскольку объект исследования, да и сами исследователи, представляют собой в условиях европейской глобализации поликультурную общность, владеющую несколькими языками и пользующуюся плодами многих культур. Все это выливается в массу интереснейших проектов, в которых разрабатываются и оттачиваются новейшие методы сбора и интерпретации языкового и внеязыкового материала. Вышедшая в 2007 году в Мюнстере коллективная монография под редакцией К. Менг / K. Meng и И. Ребайна / J. Rehbein как раз и аккумулирует последние достижения западных языковедов в области изучения детской речи, и не только, о чем ниже. Именно на изложении и интерпретации идей и положений, представленных в данном труде мы и остановимся далее, пытаясь соотнести их с фактическим положением дел в отечественной онтолингвистике.

Монографический скрипт «Kindliche Kommunikation» состоит из трех разделов, первый из которых полностью посвящен нашему знаменитому соотечественнику Л.С. Выготскому, его жизненному пути и его впервые опубликованной на немецком языке, а появившейся в 1928 – 1929 гг. в нашей стране, статье о многоязычии в детском возрасте, которая начинается следующим текстом: «Наличие огромных масс населения в самых различных странах, которые поставлены в такие условия, когда пользование двумя или несколькими языками становится жизненной необходимостью не отдельных лиц, но всей массы, наличие условий, при которых школа вынуждена прибегать к обучению детей нескольким языкам, говорит само за себя... Обучение двум языкам представляет своеобразную форму детского развития» [Kindliche Kommunikation 2007: 40]. По сути, это то, что сейчас на Западе является уже давно нормой, – обязательное усвоение родного и двух иностранных языков, собственно это и есть вопрос о многоязычии, закрепленный законодательно, – у нас по-прежнему тема многочисленных дискуссий и бесед. По-прежнему, из отрицательной и положительной стороны данного явления, – обучения нескольким языкам одновременно, – мы выбираем отрицательную, а, тем не менее, Л.С. Выготский писал далее следующее: «А факты эти говорят о том, что двуязычие при известных условиях может стать фактором, затрудняющим как развитие родного языка ребенка, так и общее его интеллектуальное развитие. Но не менее убедительные фактические данные говорят в то же время и о том, что двуязычие может и не иметь таких вредных последствий и может, как это показали и глубокие наблюде-

ния над отдельными детьми и более сложные массовые исследования, быть фактором, благоприятствующим как развитию родного языка ребенка, так и его общему интеллектуальному росту» [там же: 62]. Игнорирование и отсутствие четкой федеральной языковой политики ведет к разброду и шатанию в сфере изучения и преподавания как родного, так и иностранных языков, поэтому и труды таких классиков востребованы, к сожалению, не у нас.

Заслуживают всяческого одобрения комментарии к переводу и публикации данной статьи, осуществленные К. Менг, Е. Протасовой и Е. Гольдфус-Зидль/ E. Goldfuß-Siedl. В комментариях отражены принципы перевода, основной из которых гласит: «Die Übersetzung soll einen akzeptablen deutschen Text liefern, die die sprachlichen Strukturen des russischen Originaltextes möglichst genau nachbildet» [Kindliche Kommunikation 2007: 80]. Иными словами, немецкий текст должен максимально точно передавать русский оригинальный текст, поэтому в монографии даны постранично русский и немецкий аналог статьи Л.С. Выготского.

Проблема многоязычия в обществе проходит красной нитью через все содержание книги и подробно обсуждается в третьем разделе «Kindliche Kommunikation, mehrsprachig», о чем ниже.

Остановимся более подробно на втором разделе монографического изыскания – действиях с языком в действительности и в мире фантазии / Handeln mit Sprache in Phantasie und Wirklichkeit [Kindliche Kommunikation 2007: 93-295]. Раздел включает 8 статей известных немецких языковедов, таких как К. Менг, Б. Крафт / B. Kraft, К. Хоммель/ K. Hommel, Д. Вольф/ D. Wolf, Н. Гуттенберг / N.Gutenberg, И. Шу / J.Schu, Б. Ходске / B.Hodske, Ж. Разолосон / J.N. Rasoloson. Все исследования посвящены изучению языковой активности немецкоязычных партнеров по коммуникации в следующих диадах: «ребенок – взрослый», «ребенок – ребенок», «взрослый – ребенок»; при этом были охвачены различные возрастные этапы речевого развития ребенка: от 10 месяцев до 10 лет. Прежде чем рассмотреть основные моменты и положения указанных работ, проанализируем своего рода историческую справку или обзорную статью К. Менг и И. Ребайна о традициях в исследовании детской коммуникации. И здесь сразу же можно провести параллель со статьей К.Ф. Седова «Принципы построения современной отечественной психолингвистики», опубликованной в одном из последних номеров настоящего журнала [Седов 2007: 105].

Авторы указывают на проблемы и задачи в области онтолингвистики (термин, который в западной психолингвистике пока отсутствует; в немецком языке это Sprachentwicklung, Spracherwerb, Kindliche Kommunikation), которые еще ждут своего решения.

Так, западное языкознание славится своими фундаментальными исследованиями детских речевых реакций, проведенных на основе многолетних подробных лонгитюдных дневниковых записей, подкрепленных аудио и видеоматериалами [Stern, С., Stern, W. 1928, 1987; Ramge 1976; Reimann 1993 и др.]. Отрадно, что такие проекты продолжают и сейчас, однако данное не столь характерно для отечественной онтолингвистики; традиционно это книги К.И. Чуковского [1958] и А.Н.Гвоздева [1961], хотя прогресс очевиден, достаточно назвать Санкт-Петербургскую школу детской речи С.Н. Цейтлин.

К числу неисследованных пространств следует отнести проблемы развития речевого мышления дошкольников и школьников, становление языковой личности ребенка, проживающего в сельской местности, взаимосвязь речевого развития и социальных условий формирования личности, гендерный аспект эволюции коммуникативной компетенции, становление речи в условиях дизонтогенеза (речь слепых, глухих, умственно отсталых и т.д.) [Седов 2007: 108]. Свой ряд малоизученных областей в Германии дает и К. Менг, в основном это касается детской коммуникации в институциональном дискурсе (ясли, детские сады, школа / Institutionen der Ausbildung: Krippe, Kindergarten, Vorschule, Schule): а) коммуникация в семье (Kommunikation in der Familie); б) коммуникация в детском саду (Kommunikation in der Kindergarten); в) коммуникация в школе (здесь в настоящее время в Германии существует великолепная площадка для изучения многоязычия и с ним связанных вопросов, таких как неравное соотношение родного языка, употребляемого в семье и языка обучения в школе и, как следствие этой диспропорции, постепенное вытеснение одного языка другим и т.п.; о языковой коррозии по исследованиям Е. Протасовой ниже).

Дифференцируя детскую коммуникацию по типу дискурса и текста, К. Менг и И. Ребайн систематизируют операции с языком в зависимости от целей: а) кооперация «говорящий – слушающий» в дискурсе как речевой ситуации и соответственно в терминах, принятых в немецкой лингвистике, Sprecher – Hörer – Steuerung, Turn – Wechsel, Reparaturen, Abbrüche, Satzfragmente, Nicht-Verbalisierung; б) воспроизводимость в тексте и, связанное с ним, растяжение речевой ситуации, проявляющееся в нарративных дискурсивных формах, опыте чтения или воспроизведения вслух и рассказывании; все это способствует становлению интерпретативного процесса понимания у подростка.

Совокупность общественных структур, речевых ситуаций, языковых операций, ментальных и нейролингвистических процессов, данных в онтогенетическом развитии, представлена в следующей таблице, при этом оговаривается, что нейролингвистические процессы находятся в настоящее время лишь в стадии разработки (рис. 2)

По сути приведенная систематизация включает в себя и обозначает проблемы, разрабатываемые в работах второго раздела монографического скрипта.

Так, статья К. Хоммель и К. Менг, посвященная

тематизации (Thematisieren) или топикализации в комплексном дискурсе, развертывающимся отчасти на основе наглядного материала (детская книга «Lili und der Schnürsenkel» немецкого детского писателя и художника Т. Шлейзинга), отчасти без такового, исследует речь взрослого, обращенную к трехлетнему ребенку.

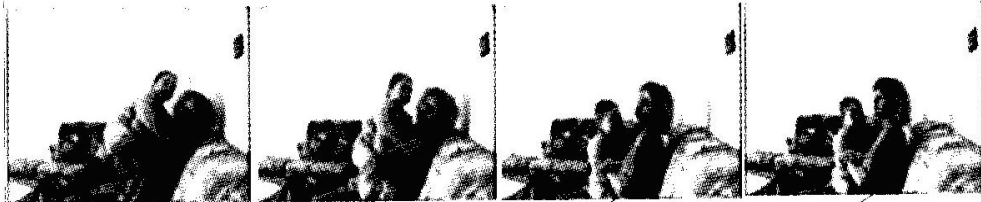
Отдельного внимания при этом заслуживает методика обработки и описания материала. Во – первых, это обязательно видеосъемка, впоследствии переведенная в цифровой формат. Во – вторых, транскрипция вербальной и невербальной информации с фиксацией длительности пауз по системе, разработанной в институте немецкого языка г. Мангейма (Германия). Вообще, немецкие исследователи очень серьезно подходят именно к транскрибированию материала, и их транскрипты почти точно передают записанные диалогические и монологические высказывания информантов. Подобная мультимодальная методика интерпретации материала, активно разрабатываемая в западных прагматических концепциях, постулирует, что анализ спонтанного диалога должен проводиться комплексно, с применением видеосъемки, фиксирующей все области коммуникации – фонационную, интонационную, паузационную, собственно лингвистическую, жестово-мимическую и т.д. Фрагмент такого транскрипта приведен ниже (рис. 3). При этом отчетливо видно, какая реплика как соотносится с этапами диалога, какими невербальными реакциями (фонациями, мимико-жестовыми маркерами и т.п.) партнеров по коммуникации она сопровождается.

Отметим, что проблема сегментации устного дискурса и ее соотношения с когнитивной системой говорящего стала предметом обсуждения и в отечественной психолингвистике и когнитологии. Группы ученых во главе с А.А. Кибриком полагают, что дискурс / устная речь порождается говорящим не в виде плавного потока, а в виде последовательности квантов, пульсаций, толчков, которые обозначаются как элементарные дискурсивные единицы (ЭДЕ), которые и организуются в более крупные иерархические объединения в соответствии с коммуникативными намерениями говорящих. Минимальный квант дискурса типично совпадает с предикацией, но выделяются случаи, когда ЭДЕ по объему менее одной предикации: вынесенный топик, парцелляция, разрыв, сильный фальстарт и т.д. В принципе, это и есть признаки разговорной речи, изучающиеся на протяжении нескольких десятков лет Саратовской лингвистической школой под руководством О.Б. Сиротининой, которая является прекрасной методологической базой для исследования и детской речи, поскольку последняя представляет собой именно разговорную речь, первичную форму существования любого языка. Так вот, в рамках проекта А.А. Кибрика также разрабатывается система транскрипции устного дискурса, которая позволяет регистрировать и восстанавливать главные динамические события, происходящие в когнитивной системе партнеров по коммуникации в процессе порождения интеракции [Кибрик и др. 2004: 107].

Alter (in Jahren)	Gesellschaftliche Struktur				Sprechsituation Konstellation		Sprachliches Handeln und Grammatik		Mentale Prozesse, Operationen (höhere mentale Verfahren)	Neuronale Prozesse
	Sprachkonstellationen				Diskurs- und Textformen	Handlungen, Muster, Apparate, Akte usw.	Sprachliche Prozeduren			
1					Basissprech (mit illokutionären Basisakten)	handlungen (mit illokutionären Basisakten)	NVK (Mimik, Gestik usw.) Malfeld, Lenkfeld, Zeigfeld, Symbolfeld, Operationsfeld (Syntax) Phorik, Konnektivität z.B. Matrixkonstruktionen	Wahrnehmen Verstehen Probieren Sich-Orientieren Sprachverarbeitung Vorstellen Phantasie Verallgemeinern Wissen (über Handlungsabläufe) Bewerten Negieren Routinisieren Wissensstrukturen Erinnern Präsuppositionen Denken Begriffe Normen Praktisches Bewusstsein Antizipieren Monitoren Planen Reflektieren usw	werden derzeit erst genauer erforscht	
2			Krippe							
3										
4										
5			Vorschule							
6	Familie	Fernsehen und andere Medien		Altersgenossen / andere Institutionen						
7		Kindergarten		Empirisches Handeln (Rollenspiel)						
8				Geschichten erzählt bekommen, vorgelesen bekommen						
9			Grundschule	Texthabitualisierung						
10				Lernen von Schriftlichkeit						
11				Sukzessiver Aufbau sprachlichen Handelns, von Mustern, Apparaten usw.; funktionaler Bezug auf die Äußerungsakte sprachlichen Handelns (Realisierungsformen)						
12				Höflichkeit, weiteres sozial. Handeln						

Рис.2 – Схематическое отображение онтогенеза языковых операций при одноязычии и многоязычии в детской коммуникации [Kindliche Kommunikation 2007: 21].

(B16) BSM03Hot

BS: %komm her↓ *1,5*% %die geschichte vom honigtopf↓%

BSK1 %NIMMT WS AUF DEN SCHOSS%

BSK2 %BLICKT IN DIE FERNE-----%

WSK %BLICKT ERWARTUNGSVOLL LÄCHELND ZU BS-----%

Рис.3 – Фрагмент транскрипта из материала видеозаписи диалога матери и ребенка [Kindliche Kommunikation 2007: 108].

Возвращаясь к статье «Thematisieren – bildabhängig oder bildunabhängig?» К. Хоммель и К. Менг, выделим ее основные моменты: 1) тематизация / топикализация представляет собой комплексное явление; 2) тематизации на основе контекста и без него имеют общие стратегические приемы и тактики и выражаются в том, что мать обязательно маркирует предмет дискурса для последующего его разверты-

вания таким образом, что вводит главные темы посредством инициальных тематизаций, вторичные / побочные темы путем неинициальных тематизаций, которые базируются на основе контекста; 3) оба вида топикализаций осуществляются с применением невербальных маркеров: указательных жестов в сочетании с определенными классами / видами выражений (explizite Thematisierungsausdrücke, indefinite

Kennzeichnungen, definite Kennzeichnungen, Deixis, Interrogativa, nonverbale Aktivitäten), способствующих активизации знаний о предметах окружающего мира в ментальном лексиконе партнеров по коммуникации. Таким образом родители дают возможность ребенку приобрести опыт построения комплексного дискурса.

Следующие статьи Б. Браун / В. Браун, Д. Вольф и Ф. Шюлейна / F. Schülein отчасти связаны, поскольку основанием для развертывания диалогов взрослых с ребенком послужили детские книжки с картинками, по терминологии статьи D. Wolf, D. Boueke & F. Schülein «Erzählen nach Bildergerichten und „freies Erzählen“» / «Рассказывание по историям в картинках и „спонтанное рассказывание“» это так называемые «квази-лабораторные условия», способствующие языковой активности ребенка при проведении эксперимента. К таковому также относится испытанный прием создания коллажей из известных дошкольнику предметов, картинок и фотографий и помещение их в абсурдные нетипичные ситуации, которые и являются стимулом появления массы детских вопросов.

Интересна, на наш взгляд, работа Б. Браун о совместном чтении (взрослого и ребенка) детских книг с картинками. Автор справедливо указывает о необходимости изучения такого вида комплексной деятельности, при которой происходит simultanees развитие у дошкольника способности воспринимать, читать, говорить и, наконец, на поздних этапах онтогенеза писать. В исследовании принимали участие дети в возрасте от 11 месяцев до двух лет. В результате анализа материала, полученного эмпирическим путем наблюдения шести пар взрослых и детей, были сформулированы некие стратегии (в терминологии Б. Браун «Vermittlungsstrategien») в которых взрослый коммуникант выполняет роль посредника / Vermittler и содействует протеканию диалога. В классификации выделены две глобальные стратегии: а) чувственное опосредование / sinnliche Vermittlung (хватательно – тактильное обращение с опорным материалом); б) символическое опосредование / symbolische Vermittlung (различные виды языкового отображения объекта: обозначение и называние, дескриптивная экспансия, когда объект включается в ситуацию, экспрессивные распространения и т.д.).

Продолжая тему обучения детей тактикам ведения диалогов с использованием визуальных наглядных опор, коллектив авторов во главе с Вольф репрезентирует схему рассказа истории дошкольниками и школьниками возрастных интервалов от 5 лет и 7 месяцев до 9 лет и 11 месяцев, разработанную проектной группой из Билефельда. Схема представляет собой уровни передачи событий в процессе порождения рассказа, нижним из которых является презентация изолированных событий и далее, по нарастающей последовательности, линейная презентация событий, эпизодически структурированная и нарративно структурированная активности. Становление способности к глобально структурированной организации рассказываемых историй отража-

ется в таблице, где отчетливо видно доминирование двух типов текстов в тестируемых группах в некой повторяющейся тенденции: старшая группа детского сада – изолированная и линейная презентация; второй год школы – линейная и эпизодически структурированная; четвертый год школы – эпизодически структурированная и нарративно структурированная презентация. Следует подчеркнуть, что отечественные психолингвисты также исследуют становление дискурсивного мышления языковой личности и собственно пришли в принципе к аналогичному выводу. Так, К.Ф. Седов при изучении целостной структуры устных речевых произведений школьников разных возрастов констатирует факт отсутствия единого образного гештальта целостного речевого произведения и несформированности механизма антиципации у младших школьников, и, напротив, совершенствование способности ко все более тонким и сложным внутривербальным операциям в старшем подростковом периоде [Седов 1999: 97].

Логике тематического развития интеракции с термином «дискурсивная / дискурсивная тема» (но не с традиционным понятием темы-ремы, которое по мысли автора претендовать на роль единицы исследования в данном материале не может, поскольку лежит в пределах предложения или высказывания, в то время как дискурсивная тема перекрывает границы / выходит за пределы указанных единиц) посвящена работа И. Шу «Diskursthemawechsel – Eine Fallstudie zu Kind-Erwachsenen-Dialogen». Анализируя спонтанные диалоги подростков 8 – 10 лет, автор выдвигает несколько гипотез, среди которых интересной представляется выявление большого количества метакоммуникативных выражений, которые играют роль тематических инициатив в речи подростков. С другой стороны, были выявлены сигналы, которые разрушают целостность и последовательность дискурса и входят в обозначение неких автосемантических имплицитных формальных ключевых символов, к таковым, например, относятся междометия.

Следующая работа относится к блоку наименее исследованных тем в детской коммуникации как в Германии и в целом в западном языковедении, так и в отечественном речеведении, и посвящена просодическому анализу звучащей детской речи. И. Боze и Н. Гутенберг представили систему фиксации просодических параметров речи как взрослых коммуникантов при их обращении к ребенку в речевом стиле рассказа, так и самих детей. В качестве основного метода обработки материала была выбрана аудитивная методика, при этом удалось зафиксировать звучание, тембр, интенсивность, высоту тона голоса говорящего. Данное позволяет ощутить богатую палитру голосовых реакций в диалогах взрослого и ребенка, их роль в мене репликовых шагов, в выделении главного в ткани текста, их поведение в тактиках фокусирования и рефокусирования в дискурсе. Вполне возможно, что данной методике достаточно при определении цели исследования, ведь мы на слух воспринимаем любые виды текстов, но, к сожалению, человеческий слуховой аппарат мно-

гое и не слышит, а многие слышат просто по-разному, поэтому, на наш взгляд, необходим и компьютерный анализ, например, если целью поставить выявление просодических коммуникативных моделей или интонационных единиц / интоном независимо от того или иного языка озвучивания фраз.

Следует также заметить, что интерес к становлению просодики детской речи в последнее время значительно возрос; так, Фонетический центр ВГУ в Воронеже под руководством профессора Л.В. Величковой на протяжении ряда лет успешно проводит экспериментальные исследования параметров детской речи в сопоставительном аспекте на материале нескольких языков (испанском, русском, немецком); при этом были выявлены интересные тенденции в области ритмико-интонационного сопровождения детской звучащей речи. Направление, безусловно, перспективное, поскольку дает возможность проследить, каким образом ребенок овладевает умением использовать звук и манипулировать им как источником энергии воздействия на человека, проявляющейся в оформлении и выражении определенных эмоций, фонаций, слов. Представляется, что звуковая волна как носитель определенной энергии транспортирует и актуализирует значения слов в устной речи. Возможно, что такая энергетическая составляющая звука соединяется еще и с некой психической энергией, индивидуальной у каждого человека и проявляющейся в эмоциях, набор которых универсален с одной стороны, и различен по своим характеристикам в каждом конкретном случае. Данных по указанному направлению пока нет, либо они закрыты.

В исследованиях детского мышления неоднократно подчеркивалось (см. работы И.Н. Горелова) наличие некой «вилки» в когнитивно-речевом развитии ребенка, когда последний буквально понимает значения отдельных слов, т.е. усвоил лишь их первичные значения, либо употребляет отдельные лексемы, но не в соответствующем контекстном окружении. Иными словами, речь идет об усвоении, понимании и владении имплицитными значениями, которые (умения) требуют более высокого абстрактно-логического уровня мышления. Эксперимент, проведенный группой ученых во главе с Б. Ходске (Ульрике Паль/Ulrike Pahl, Х. Штронер/ H. Strohnner) о понимании иронии немецкими детьми в возрасте от 6 до 10 лет собственно подтвердил данный факт, который, безусловно, имеет универсальный характер. Итоговые результаты свидетельствуют о том, что шестилетние и семилетние дети испытывают существенные трудности в понимании скрытых смыслов при прослушивании текстов, что практически не наблюдается у двенадцатилетних подростков.

Еще одна область институционального дискурса находится в поле зрения немецких психолингвистов – это школьная транзакция. Методы ее изучения начали разрабатывать в Германии еще в 70-х годах прошлого века (К. Ehlich, J. Rehbein). Обращение к употреблению междометий (ЕН, АСН, ОН) немецкими школьниками седьмого класса на уроках биологии, немецкого языка и математики привели

Ж. Разолосон к мысли о том, что приведенные междометия выполняют функцию управления в интеракции (expeditive Funktion), т.е. используются в данном виде дискурса для эксплицитного руководства актантами языковым общением. При этом оспариваются некоторые позиции ранее полученных выводов, например, по междометию ОН, которое трактовалось лишь как маркер состояния аффекта, хотя и подчеркивается, что дополнительные коннотации могут быть свойственны только данному виду общения.

Наконец, следующий проект из раздела действий и операций с языком цитируемой монографии, который заслуживает внимания, – исследования коммуникации в детском саду. Вопросно-ответное единство как наименьшая структура диалога и начальная форма устной интеракции достаточно давно стало объектом пристального внимания ученых-языковедов. В процессе обучения, воспитания и передачи знаний именно акту вопросу или акту запросу информации отводится главенствующая роль. Вопросы многолики по форме и разнообразны по функциям и в русском и в немецком языках. Пристально исследуя схему связи вопроса и ответа, Б. Крафт пришла к выводу о том, что в беседе взрослого и ребенка (именно в рамках обучающего дискурса / Lehr-Lerndiskurs) один вид вопроса, – вопрос-реакция «Rückfrage», – может видоизменять и модифицировать свою основную функцию, связанную со сложностями в понимании воспринятой информации. В процессе функционально-прагматического анализа образцов из речи воспитателя детского сада, обращенной к детям, были идентифицированы два типа вопросов как языковых и речевых операций, в которых сема вопросительности нейтрализуется, и сам вопрос вводится для создания некой напряженности в диалоге, способствующей решению проблемы и побуждающей к определенному виду действий со стороны ребенка. Такие вопросы ученый номинирует как «вопросы наставления и увещания / Ermahnende Rückfragen» и «поддерживающие вопросы / Unterstützende Fragen». Если спроецировать подобного рода исследования на отечественную онтолингвистику, то здесь следует назвать достаточно удачную и информативную работу В.В. Казаковской о вопросно-ответных единствах в диалоге «взрослый – ребенок», которая, кстати, ссылается и на исследования Б. Крафт [Казаковская 2006].

Итак, мы подошли к третьему разделу монографического изыскания, посвященному проблемам многоязычия, столь актуальному в современном поликультурном мире. Здесь представлены четыре опуса, описывающие как процессы, происходящие в родном языке русскоязычных переселенцев в Германии при доминировании государственного немецкого языка, так и ментальные операции с языком в диалогах взрослых и детей в иранско-немецких и турецко-немецких семьях.

Термин «языковая коррозия», пожалуй, впервые встречается именно в работах Е. Протасовой и, вероятно, носит универсальный характер (см. также ее работы о феннороссах), потому что связан с извест-

ными в языкознании процессами, – доминированием того или иного языка в условиях диглоссии, – а в настоящее время уже и с многоязычием. Причем в последнем варианте интересно проследить взаимовлияние нескольких языков; так известно, что при искусственном трилингвизме, когда изучаются два иностранных языка, именно первый иностранный оказывает интерферирующее влияние на второй, скажем немецкий на английский, но не родной язык (см. работы Л.Г. Фомиченко). Так вот, возвращаясь к языковой коррозии / Sprachkorrosion в речевых единицах русских немцев, отметим наиболее значимые результаты, выявленные Е. Протасовой: в период пребывания русскоязычных мигрантов в Германии до трех лет языковая коррозия как у взрослых, так и у детей, имеет не явно выраженную форму, а находится в начальной стадии; при этом она чаще и интенсивнее проявляется в речи русскоязычных детей, посещающих немецкую школу, чем у взрослых. Автор также отмечает возможное отличие данного явления в речи русских и русско-немецких детей, связанного с различными языковыми установками в семьях; помимо прочего сам процесс социализации у русских немцев протекает своеобразным образом, известно, что старшее поколение теснее связано родственными узами и предпочитает общение в узких семейных кругах.

Отчасти работа К. Афшара/К. Afshar о мене языков в иранско-немецкой семье пересекается с предыдущим исследованием и собственно наблюдаются аналогичные процессы, однако автор подчеркивает все же, что теоретически тезис «смена языков / Sprachwechsel» релевантен лишь в рамках так называемого семейного языка / Familiensprache. В рассмотренных семьях персидский никогда не поднялся до уровня языка коммуникации.

Следующие две статьи посвящены изучению протекания речевых реакций в коммуникации турецких детей, обучающихся в немецких школах: о

локальных предложениях идет речь у В. Гризхабера / W. Griebhaber, о рассказывании на двух языках у И. Ребайна. Примечательно, что последний рассматривает язык в качестве мультилингвальной языковой структуры, участвующей в ментальных операциях индивидуума. Последовательно рассматривая грамматические формально-функциональные уровни двух языков и сопоставляя их, авторы оценивают языковые способности детей в зависимости от их умений оперировать средствами того или иного языка в области определенных категорий. Так, И. Ребайн предлагает пятиступенчатую градацию категорий с собственным внутренним разветвлением. Все они связаны с операциями с языком и затрагивают как глубинные структуры коммуникации при билингвизме, так и ментальные процессы в момент их вербализации. Исследование И. Ребайна носит одновременно и практический и глубокий теоретический характер и, поэтому, завершает монографический скрипт. Результаты изучения двуязычия позволяют ему разделять языки на наиболее сильные и наиболее слабые в коммуникативном аспекте, при этом отмечается безусловное комплексное переплетение языковых образцов в ментальных операциях детей, говорящих на нескольких языках. Добавим, что в этом случае, если языки усваивались одновременно в раннем возрасте, речь об интерференции как отрицательном явлении при сосуществовании двух и более языков, может и не идти.

Подводя общий итог изложению и обсуждению проблем, связанных с изучением становления языка и мышления ребенка, необходимо подчеркнуть, что коллективная монография «Kindliche Kommunikation – einsprachig und mehrsprachig» безусловно является значимым событием не только в немецкой психолингвистике, поскольку представляет и объединяет разные школы и направления в исследовании речи ребенка, демонстрируя при этом самые новейшие методы и подходы в сборе и интерпретации материала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гвоздев, А.Н. Вопросы изучения детской речи. М., 1961.
2. Горелов, И.Н. Проблема функционального базиса речи в онтогенезе. Челябинск, 1974.
3. Горелов, И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. М., 2005.
4. Казаковская, В.В. Вопросно-ответные единства в диалоге «взрослый - ребенок» / Отв. ред. А.В. Бондарко, М.Д. Воейкова. – СПб.: «Наука», 2006.
5. Кибрик, А.А. и др. Проблема сегментации устного дискурса и когнитивная система говорящего // Первая российская конференция по когнитивной науке. Тезисы докладов. – Казань: КГУ, 2004.
6. Протасова, Е.Ю. Феннороссы: жизнь и употребление языка. – СПб.: Златоуст, 2004.
7. Седов, К.Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности. Саратов, 1999.
8. Седов, К.Ф. Принципы построения современной отечественной психолингвистики // Вопросы психолингвистики, №5, 2007.
9. Фомиченко, Л.Г. Когнитивные основы просодической интерференции [Текст]: [монография] / Л.Г. Фомиченко ; ВолГУ. – Волгоград, 2005.
10. Чуковский, К.И. От двух до пяти. М., 1958.
11. Kindliche Kommunikation – einsprachig und mehrsprachig / K.Meng, J.Rehbein (Hrsg.) // Mit einer erstmals auf Deutsch publizierten Arbeit von Lev S. Vygotskij „Zur Frage nach der Mehrsprachigkeit im kindlichen Alter“. – Waxmann Verlag GmbH, Münster, 2007.
12. Ramge, H. (1976) Spracherwerb und sprachliches Handeln. Düsseldorf.
13. Reimann, B.(1993) Im Dialog von Anfang an. Die Entwicklung der Kommunikations- und Sprachfähigkeit in den ersten drei Lebensjahren. Neuwied etc.: Luchterhand.
14. Stern, C.& Stern, W. (1927, 1987) Die Kindersprache. Eine psychologische und sprachtheoretische Untersuchung. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.

Abstracts of main articles

Elena Goroshko (Kharkov) Psycholinguistics of the Internet communication

The paper specifies the conditions and types of associative test usage (in the area of IT vocabulary). The research results indicate there are a lot of differences and similarities between the data obtained through different types of test. The most accurate and valuable data are possible to collect by using of the change associative test. The research indicates clearly that it is less resource-consuming to conduct associative tests through the Net.

Konstantin Sedov (Saratov) Theoretical model of psycholinguistic personology

The article is devoted to the categories of psycholinguistic personology – communication competence, communicative behaviour in discourse, latent mechanisms of consciousness and processes of verbal thinking. The communicative behaviour is analysed as a multilevel entity including innate prerequisites of communication competence, communicative qualities, verbal thinking, genre and cultural competence.

Iosif Sternin (Voronezh) Research methods and techniques in psycholinguistics

Various approaches to define research methods and techniques in psycholinguistics are discussed. The author argues that the objective of the research procedure is crucial in the definition of a method.

Margarita Sosnova (Moscow) Creativity techniques of consciousness construction

The article deals with creativity understood as the ability to see things in a new way and find new approaches to problem solutions. Creativity techniques include texts which consist of verbal and iconic components and various objects used to stimulate non standard thinking. The author describes new techniques of cognitive structuring and restructuring the world.

Ludmila Pavlyuk (Moscow) Linguistic knowledge in everyday consciousness

The paper is devoted to the notions of linguistics as represented in every day consciousness and attitudes of students to acquisition of foreign languages. The attitudes are represented as a four level structure including central and distant features (close, remote and far). Certain gender distinctions in the motivation to study foreign languages are found out and discussed.

Victor Shakhovsky (Volgograd) Power of emotions and norms of discourse

The author argues that emotive meanings radically differ from rational ones, manifest themselves in emotional categorial situations and require a special investigation approach to understand and describe them and proves this idea with various examples taken from everyday and political discourse and fiction.

Alexander Puzyrev (Ulyanovsk) Five aspects of elements and units in psycholinguistic analysis

Five aspects of psycholinguistic analysis are singled out in the paper: 1) onto- and phylogenesis (development of thought and language), 2) logic (terminology of linguistic analysis), 3) dynamic (immanent character of language structure), 4) function (norms of speech), 5) idiostyle (individual peculiarities of a person who uses the language).

Svetlana Ionova (Volgograd) Text projection in secondary text development

The author analyses four types of secondary texts – reproductions, adaptations, interpretations and imitations – from the point of view of their categorial dynamics (generalization vs concretization), their conceptual structure (extension vs reduction), their comparative significance in terms of notion, image and evaluation.

Victoria Krasnykh (Moscow) Language units vs discourse and language culture (on precedent phenomena and stereotypes)

Precedent phenomena and stereotypes belong to the sphere of mentefacts (mental representations of facts) and have similar and distinctive features. Precedent phenomena differ from stereotypes in their cognitive forms, in their original essence, in their connection to the other mental entities, in their scope of coverage (universal, ethnic, social group).

Elena Ilyinova (Volgograd) On cognitive and heuristic fiction

Creativity of thinking as a process and its representation in the language-in-use environment is under discussion in the article. The attention is focused on heuristics as an inductive method to perceive the world, which is used by man to learn by discovering for himself and to nominate phenomena that are referred to figments of imagination.

Yury Sorokin (Moscow) Two micro-articles different at first sight but similar in the essence

The first article is devoted to somatic perception peculiarities enrooted in Russian, Kazakh and Japanese mentality. The observation data show that perception differences are culturally patterned. In the second article the human language and the language of birds are compared. The author argues that there is a fundamental similarity between these sign systems, the differences are in arbitrary correlation between sound and meaning, evasiveness and reflexivity present in human language and absent in the language of birds.

Larisa Prokofyeva (Saratov) Aesthetically relevant sound-and-colour associations in the idiosyle of Velimir Khlebnikov

Sound-and-colour associations serve as a key to individual world perception reflected in fiction exemplified by poems by Velimir Khlebnikov. Complex methods of text analysis based on these associations combine linguistic, psychological and art criticism approaches.

Eugenia Yelina (Saratov) Semiotic problems of abstract art and their experimental tentative solution

Abstract art interpretations prove that abstract pictures have a double level structure including formal and denotative components, the latter being vague but essential for understanding the work of art. The denotative component of an abstract picture is a recombination of imagery forms and thus has a mimetic nature.

Maryana Rosenfeld (Voronezh) Methods of revealing perceptive images in lexical meaning structure (based on the research of the Russian noun "glaz" – "eye")

Associative experiment and perception description are vital in revealing perceptive images in the lexical meaning structure. The Russian noun "glaz" ("eye") is represented in the mind as aggregate of visual and static non-situational images.

Jin Tao (Moscow) Anthropocentrism and the principle of holistic world perception in the space conceptualization by Chinese linguistic consciousness

Space is categorized in the Chinese language on the basis of personal visual perception of the world around and has a human setting of subjects and objects oriented to each other. Space is perceived as emptiness filled with objects and human emotions connected to them.

Irina Kalyuzhnaya (Volgograd) Ethnic sociolinguistic features of the concept "childhood" in Russian and German (based on questionnaire data)

The article deals with content analysis of the concept "childhood". Associations of the concept fixed by Russian and German interviewees belonging to various age groups are discussed. Russians associate childhood with carefree behaviour whereas Germans think of this period as the time when they were protected by their parents.

Yana Zubkova (Volgograd) Scripts of punctual behaviour in German and Russian linguistic cultures (based on psycholinguistic experiment)

Norms and attitudes concerning punctuality in Russian and German mentality have similar and distinctive features, the latter are bound with tolerance towards people breaking norms of punctuality. Paradoxically, Russians are less tolerant to non-punctual behaviour than Germans.

Ekaterina Dzhenkova (Volgograd) Associative features of the concepts "guilt" and "shame" in German and Russian societies (based on experimental data)

The author describes the associative experiment aimed at the revealing cultural differences in perception of guilt and shame by Russians and Germans. Russians connect guilt with soul and the taste of bitterness whereas Germans with their history and a black colour. Shame is associated with morality in Russian and intimacy and dirt in German mentality.

Marina Ivanova (Voronezh) Experimental study of the concept "entrepreneur"

The concept "entrepreneur" in modern Russian mentality is experimentally analyzed. The material obtained shows that this concept comprises contradictory evaluative features in the minds of people and has a wide range of perceptive descriptions concerning close, remote and far images.

Vladimir Karasik (Volgograd) Sociocultural concept "street urchin" in Russian linguistic consciousness

Street urchins are conceptualized in Russian mentality as a group of aggressive boys. This type of concepts has three evaluative dimensions: 1) from the point of view of the authorities as petty delinquents, 2) from the point of view of general public as aggressive scum, 3) from their own point of view as romantic fighters against the unjust world of those who are well off.

Vladimir Zhelvis (Yaroslavl) Vulgar: the problem of lexis classification

The author argues that various types of vulgar words have different nature, here belong obscenities, swear expressions and invectives. It is hardly possible to make a classification of vulgar words based on a single criterion. English, French, German and Russian linguistic traditions in description and analysis of these words are analysed.

Alexandra Zalevskaya (Tver) Problems of bilingualism in recent foreign publications: a review

Various problems of bilingualism discussed abroad are described including second language acquisition, cognitive aspects of the problem, correlation between cognition and learning, acquisition of a second language by children and adult learners, code switching, strategies of reading, pronunciation patterning and lexicon organization.

Valentin Goldin, Alla Sdobnova (Saratov) On typology of Russian associative dictionaries

Various types of Russian associative dictionaries are reviewed in the article: thesaurus vs partial, universal vs group-specific, monolingual vs comparative, topical vs non-topical, direct vs reverse, mass vs individual.

Svetlana Chugunova (Tver) Image of time in different cultures: a review

The author describes different conceptions of time in various languages: circular, linear and linear-circular. Back and forward, right and left semiotic dimensions of time and metaphors of time image are analysed.

Anna Petrova (Volgograd) Children communication studies in Germany

The review article focuses upon ontogenetic aspects of communication analyzed in the monograph *Kindliche Kommunikation – einsprachig und mehrsprachig / K.Meng, J.Rehbein (Hrsg.) – Waxmann Verlag GmbH, Münster, 2007.*

Сведения об авторах

Гольдин Валентин Евсеевич, д.ф.н., проф. Саратовского государственного университета им. Н.Г.Чернышевского

Горошко Елена Игоревна, д.ф.н., проф., зав. каф. межкультурной и деловой коммуникации Национального технического университета «Харьковский политехнический институт»

Дженкова Екатерина Александровна, к.ф.н., доц. кафедры немецкой филологии Волгоградского государственного педагогического университета

Елина Евгения Аркадьевна, д.ф.н., проф. кафедры рекламного менеджмента и связей с общественностью Саратовского государственного социально-экономического университета

Жельвис Владимир Ильич, д.ф.н., проф. каф. иностранных литератур и языков Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д.Ушинского

Залевская Александра Александровна, д.ф.н., проф., зав. каф. английского языка Тверского государственного университета

Зубкова Яна Владимировна, к.ф.н., доц. каф. немецкой филологии Волгоградского государственного педагогического университета

Иванова Марина Михайловна, соискатель кафедры общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета

Ильинова Елена Юрьевна, к.ф.н., доц. кафедры английской филологии Волгоградского государственного университета

Ионова Светлана Валентиновна, д.ф.н., проф. кафедры русского языка Волгоградского государственного университета

Калюжная Ирина Анатольевна, к.ф.н. доц. кафедры немецкой филологии Волжского гуманитарного института Волгоградского государственного университета

Карасик Владимир Ильич, д.ф.н., проф., зав. каф. английской филологии Волгоградского государственного педагогического университета

Красных Виктория Владимировна, д.ф.н., проф. кафедры Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова

Павлюк Людмила Викторовна, докторант кафедры общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета

Петрова Анна Александровна, к.ф.н., доц., зав. каф. немецкой филологии Волгоградского государственного университета

Прокофьева Лариса Петровна, к.ф.н., доцент Саратовского государственного университета им. Н.Г.Чернышевского

Пузырев Александр Владимирович, д.ф.н., проф. Ульяновского государственного университета

Розенфельд Марьяна Яковлевна, аспирант кафедры общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета

Сдобнова Алевтина Петровна, к.ф.н., доц. педагогического института Саратовского государственного университета им. Н.Г.Чернышевского

Седов Константин Федорович, д.ф.н., проф. каф. логопедии и психолингвистики педагогического института Саратовского государственного университета им. Н.Г.Чернышевского

Сорокин Юрий Александрович, д.ф.н., проф., главный научный сотрудник сектора психолингвистики института языкознания РАН

Соснова Маргарита Львовна, к.ф.н., доц. кафедры русского языка Московского государственного социального открытого университета.

Стернин Иосиф Абрамович, д.ф.н., проф., зав. кафедрой общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета

Цзинь Тао, к.ф.н., доц. кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук Российского государственного университета дружбы народов.

Чугунова Светлана Александровна, к.ф.н., доц., докторант кафедры английского языка Тверского государственного университета.

Шаховский Виктор Иванович, д.ф.н., проф., зав. кафедрой языкознания Волгоградского государственного педагогического университета.

Вопросы психолингвистики

---

7 • 2008

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Компьютерный дизайн
и подготовка оригинал-макета:
О.В. Попова